

ISBN 978-5-91298-318-4

9 785912 983184 >

КОЛОНИАЛИЗМ, НЕОКОЛОНИАЛИЗМ, ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ:
ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС

**КОЛОНИАЛИЗМ,
НЕОКОЛОНИАЛИЗМ,
ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ:**
ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АФРИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**КОЛОНИАЛИЗМ,
НЕКОЛОНИАЛИЗМ,
ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ:
ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС**

Москва
ИАФР РАН
2025

УДК 94
ББК 63.3(0)5; 63.3(0)6
К61

Ответственный редактор

В.В. Грибанова, к.и.н., в.н.с., зав. Центром истории
и культурной антропологии Института Африки РАН

Рецензенты:

Т.М. Гавристова, д.и.н., проф. Ярославского государственного университета
им. П.Г. Демидова

Т.С. Денисова, к.и.н., в.н.с., зав. Центром изучения стран Африки южнее
Сахары Института Африки РАН

К61 **Колониализм, неоколониализм, деколонизация: опыт исследования
и современный дискурс.** – Коллективная монография. – М.: Институт
Африки РАН. 2025. – 424 с.

ISBN 978-5-91298-318-4

В коллективной монографии рассмотрен широкий круг проблем, связанных с изучением процессов становления и развития системы колониализма и последующей деколонизации в исторической ретроспективе, проведен анализ методов неоколониального влияния, а также исследован современный дискурс борьбы с идеологиями и практиками неоколониализма. Участие в подготовке издания широкого круга авторов позволило получить новые, актуальные результаты в изучении этих важнейших как для африканских стран, так и для всего мира явлений. Книга адресована самому широкому кругу читателей: историкам, специалистам в области международных отношений, преподавателям и студентам ВУЗов, а также всем интересующимся истоками и причинами событий, происходящих сегодня и связанных с кардинальными изменениями сложившегося мироустройства.

УДК 94
ББК 63.3(0)5; 63.3(0)6

На первой странице обложки: Фрагмент демонтированного памятника известному германскому колониальному деятелю Карлу Петерсу, в настоящее время экспонируемый во дворе Музея истории о. Гельголанд (Германия) и олицетворяющий борьбу с колониализмом. *Foto Bärbel Miemietz.*

ISBN 978-5-91298-318-4

© Институт Африки РАН, 2025

© Коллектив авторов, 2025

© Абишева Г.М., оформление, 2025

INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**COLONIALISM,
NEOCOLONIALISM,
DECOLONISATION:**
RESEARCH EXPERIENCE
AND CONTEMPORARY DISCOURSE

Moscow
IAS RAS
2025

Executive editor

V.V. Gribanova, PhD (History), Leading Researcher, Head of the Centre for History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

Reviewers:

T.M. Gavristova, D.Sc. (History), Professor,
P.G. Demidov Yaroslavl State University

T.S. Denisova, PhD (History), Leading Researcher, Head of the Centre for the Study of Sub-Saharan Africa, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

Colonialism, Neocolonialism, Decolonization: Research Experience and Contemporary Discourse. – Multi-author book. – Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, 2025. – 424 p.

ISBN 978-5-91298-318-4

The book is dedicated to a wide range of problems related to the study of the processes of colonialism and decolonization in historical retrospect, analyzes the methods of neocolonial influence, and examines the modern discourse of the fighting against the ideologies and practices of neocolonialism. Participation of a large number of authors in the preparation of the publication allowed getting relevant results in the study of these phenomena, which are important both for African countries and for the world. The book is addressed to a wide range of readers: historians, specialists in the field of international relations, university teachers and students, as well as anyone interested in the origins and causes of modern events related to the fundamental changes in the current world order.

The first page of the cover: A fragment of the dismantled monument to a famous German colonial figure Carl Peters, currently being on display in the courtyard of the Museum Heligoland (Germany) and representing the struggle against colonialism. *Photo by Bärbel Miemietz.*

ISBN 978-5-91298-318-4

© Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences, 2025

© Joint authorship, 2025

© Abisheva G.M., design, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Раздел I. ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ КОЛОНИАЛИЗМА, НЕОКОЛОНИАЛИЗМА, ДЕКОЛОНИЗАЦИИ: МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ И НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ	
Глава 1. Африканские интеллектуалы о постколониальной и деколониальной методологии: ориентир или триггер?	27
Глава 2. Являются ли постколониальные исследования антиколониальными?	34
Глава 3. Социальная и политическая история стран Африки в исследованиях сотрудников Института Африки АН СССР / РАН (вторая половина XX в.)	43
Глава 4. Проблемы колониализма в исторической африканистике ГДР	67
Глава 5. Колониализм в Тропической Африке в середине XX в.: взгляд русских эмигрантов	77
Глава 6. Деколонизация Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау (по материалам исследований Н. Тепловой)	84
Глава 7. Визуальные источники Германской Восточной Африки: жанровое разнообразие и особенности репрезентации колонии	89
Глава 8. Из колониального Туниса в бывшую метрополию (история О. Городниченко-Каминад в письмах)	106
Раздел II. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В АФРИКЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОПРОСА	
Глава 9. Первооткрыватели Конго: удачи и невезения европейцев в исследовании Африки	124
Глава 10. К вопросу об освоении природных ресурсов Африки в эпоху колониализма	135
Глава 11. Особенности итальянской колониальной системы в Сомали	146
Глава 12. Миссионеры – агенты языковой политики колониальных держав в Африке	154
Глава 13. Роль Моравской церкви в жизни коренного населения юга Африки	193
Глава 14. Европейская медицина в африканских колониях (некоторые аспекты)	217
Глава 15. «Сбить спесь с англичан». Бегство российских подростков на англо-бурскую войну 1899–1902 гг.	230

Глава 16. «Последняя проба пера»: неопубликованная история Второй англо-бурской войны 1899–1902 гг. полковника Джорджа Хендерсона	246
Раздел III. НЕОКОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В АФРИКЕ: ПОСЛЕДСТВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ И ВЛИЯНИЕ НА ПРОДОЛЖЕНИЕ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ	
Глава 17. Панафриканизм и борьба с неокOLONИализмом в истории Гвинейской Республики	258
Глава 18. ЮАР и неокOLONИализм: от колониализма особого типа к зависимому капитализму	275
Глава 19. Эфиопия: политический неокOLONИализм США	287
Глава 20. Последствия событий в Нигере как отражение процессов деколонизации в Африке	299
Глава 21. Международно-правовые аспекты зарождения и формирования интеграционных процессов на Африканском континенте	313
Глава 22. «Утечка умов» из Африки как проявление неокOLONИализма	330
Раздел IV. МЕНТАЛЬНАЯ ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ СТРАН АФРИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	
Глава 23. Проблемы и перспективы духовной деколонизации в постколониальной Африке южнее Сахары	346
Глава 24. Образ «белого человека» в свете межкультурного взаимодействия (на материале переводной поэзии ЮАР второй половины XX в.)	363
Глава 25. Движение «саперов» (<i>sapeurs</i>) в ДРК и Республике Конго: проявление культурной неокOLONИзации или культурной эмансипации?	376
Глава 26. Данте Габриэль Россетти «Возлюбленная»: современные прочтения колониализма	382
Глава 27. Деколонизация запахов в современной культуре на примере проекта из парфюмерной индустрии <i>Scent Festival</i>	388
Заключение	397
Summary	399
Сведения об авторах	421

CONTENTS

Introduction	9
Part I. STUDY OF COLONIALISM, NEOCOLONIALISM, AND DECOLONIZATION: METHODS, HISTORIOGRAPHY, AND NEW SOURCES	
Chapter 1. African Intellectuals on Postcolonial and Decolonization Methodology: A Guideline or a Trigger	27
Chapter 2. Are Postcolonial Studies Anti-colonial?	34
Chapter 3. Socio-Political History of African Countries: Research of the Institute for African Studies of the Academy of Sciences of the USSR / Russian Academy of Sciences in the Second Half of the Twentieth Century	43
Chapter 4. The Issues of Colonialism in the African Historical Studies of the GDR	67
Chapter 5. Views of Russian Emigrants on Colonialism in Tropical Africa in the Mid-Twentieth Century	77
Chapter 6. Decolonization of Angola, Mozambique and Guinea-Bissau (Based on the Research of Natalia Telepneva)	84
Chapter 7. Visual Sources of German East Africa: Varieties of Genres and Representation of the Colony	89
Chapter 8. From Colonial Tunisia to the Former Metropolis (Story in Letters of O. Gorodnichenko-Kaminade)	106
Part II. THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE COLONIAL SYSTEM IN AFRICA: HISTORICAL ASPECTS OF THE PROBLEM	
Chapter 9. The Pioneer Explorers of the Congo: The Mixed Fortunes in the European Exploration of Africa	124
Chapter 10. To the Issue of Development of Africa's Natural Resources in the Colonial Era	135
Chapter 11. Features of the Italian Colonial System in Somalia	146
Chapter 12. Missionaries as Agents of Colonial Language Policies in Africa	154
Chapter 13. The Role of the Moravian Church in the Life of the Indigenous Population of Southern Africa	193
Chapter 14. European Medicine in the African Colonies (Some Aspects)	217
Chapter 15. "To Bring down the Arrogance of the British". The Flight of Russian Teenagers to the Anglo-Boer War of 1899–1902	230
Chapter 16. "The Last Test of the Pen". The Unpublished History of the Second Boer War of 1899–1902 by Colonel George Henderson	246

**Part III. NEOCOLONIAL PROJECTS IN AFRICA.
THE CONSEQUENCES OF IMPLEMENTATION AND
THE IMPACT ON THE CONTINUATION OF DECOLONIZATION**

Chapter 17. Pan-Africanism and the Struggle against Neocolonialism in the History of the Republic of Guinea	258
Chapter 18. South Africa and Neocolonialism: From Colonialism of a Special Type to Dependent Capitalism	275
Chapter 19. Ethiopia: the USA’s Political Neocolonialism	287
Chapter 20. Events in Niger and its Consequences as a Reflection of Decolonization in Africa	299
Chapter 21. The Genesis and Formation of Integration Efforts in Africa: International Legal Aspects	313
Chapter 22. Brain Drain from Africa as a Manifestation of Neocolonialism	330
Part IV. MENTAL DECOLONIZATION OF AFRICAN COUNTRIES: HISTORY AND MODERNITY	
Chapter 23. Problems and Prospects of Spiritual Decolonization in Postcolonial Sub-Saharan Africa	346
Chapter 24. The Image of a “White Man” in the Light of Intercultural Interaction (Based on the Translated Poetry of Twentieth-Century South Africa)	363
Chapter 25. The Sapeurs Movement in the DRC and the Republic of the Congo: A Manifestation of Cultural Neo-colonization or Cultural Emancipation?	376
Chapter 26. “The Beloved” by Dante Gabriel Rossetti: Modern Interpretations of Colonialism	382
Chapter 27. Decolonization of Odors in Modern Culture Using the Example of the “Scent Festival”	388
Conclusion	397
Summary	399
Information about authors	421

ВВЕДЕНИЕ

С конца XV века до последней четверти XX большинство населения Африки, Южной Америки и Азии было вассализировано глобальной системой, в которой доминировала Европа. Французский экономист А. Жиро в работе 1921 г. подсчитал, что примерно половина площади суши приходилась на колонии европейских держав¹. Более 600 млн человек из Африки, Азии и Южной Америки, то есть примерно 2/5 населения мира, находились под колониальным господством. Большинство существующих государств в Африке и на Ближнем Востоке были созданы как колонии или возникли в результате распада бывших колоний. Границы между государствами и внутри них, внутреннее этническое соперничество, неравномерное распределение ресурсов, административные структуры и институциональные методы управления – вся государственная культура постколониальных государств – могут быть поняты только на фоне исследования основ колониализма.

За 40 с лишним лет, прошедших с тех пор как впервые были опубликованы ключевые концепции постколониальных исследований, эта область науки становилась все более актуальной по мере разрушения системы глобального доминирования Запада. Современная деколониальная теория исследует и развивает положения о культурном и политическом воздействии европейского завоевания на народы Африки, Южной Америки, Азии и характере реакции этих обществ. Развенчание «темной стороны» Запада в трудах таких ученых как Анибал Кихано и Валтер Д. Миньоло сделало деколониальные исследования настолько значимыми, что ко второму десятилетию XXI в. концепции и ценности деколониальной мысли утвердились в качестве тех доминирующих смыслов, с помощью которых западные и незападные общества видят и представляют себя².

Пятисотлетняя эпоха вестернизации мира, политической и экономической односторонности, которую сами представители Запада определяли как универсальную, оставляет после себя экономические, политические, культурные и психологические механизмы, гарантирующие сохранение неокOLONиальной власти Запада. Использование процессов глобализации в интересах евроатлантического меньшинства и навязывание идеологии неолиберализма напоминает о том, что большая часть реальности современного мира имеет предысторию колониального вмешательства и контроля.

Немецкий историк Юрген Остерхаммель определяет колониализм как отношения между метрополией и колонией, при которых целое общество ограблено, контролируется извне и метрополия препятствует собственному развитию колонии³. Колониализм основан на стремлении поставить «периферийные» общества на службу метрополиям. Можно выделить три уровня колонизации. Во-первых, официальная колония, которая характеризуется сломом доколониального политического порядка, когда основные функции государства, такие как сбор налогов, правосудие, полиция, армия и внешние связи находятся в руках представителей колониальной державы или делегируются подконтрольным представителям местных элит. Во-вторых, опосредованный колониальный контроль, когда слабое государство является суверенным только частично, передавая некоторые свои права «старшему партнеру». Таких партнеров может быть несколько, если они договариваются о разделе зон влияния. Данный режим характеризуется наличием неравноправных договоров, размещением иностранных баз и войск на территории колонии, присутствием в правительстве страны влиятельных иностранных «советников-резидентов». Самый важный элемент этого варианта колониализма – это лояльная местная элита, настроенная на тесное сотрудничество с метрополией и связывающая собственное будущее и будущее страны с метрополией. И, наконец, третий вариант колонизации – это неокOLONиальное «определяющее» влияние. Экономическое превосходство более сильного в государственном отношении партнера, его частных институтов, например транснациональных корпораций, или военная мощь предоставляют ему возможности для вмешательства в политику более слабых партнеров. Это типичный шаблон асимметричных международных отношений в современном мире.

С самого своего зарождения в конце XV в. колониализм Европы характеризовался агрессивно-экспансионистским убеждением в собственном культурном превосходстве и расизмом. В основе колониальной мысли лежит идея, что жители неевропейских регионов прин-

ципиально отличаются от европейцев, что не позволяет им достичь того уровня развития, которое может продемонстрировать только Европа. Экспансия западного мира всегда представляется как выполнение универсальной миссии: на первых этапах как вклад в божественный план, который должен быть реализован среди язычников. Затем как светский мандат колониализму на привитие цивилизации «варварам», как привилегированное «время белого человека»⁴. Наконец, в современную эпоху – как насаждение демократии и «прав человека» в «отсталых» регионах мира. Легитимация колониализма основывалась не на претензиях завоевателей на право владения, а на стремлении выполнить всемирно-историческую миссию по освобождению мира от «тирании» и «духовной тьмы».

Для колониализма характерно редкое с исторической точки зрения нежелание новых хозяев относиться с уважением к культурам покоренных обществ. Начало колониального периода совпало с тем временем, когда европейцы утвердились в представлении о себе как исключительной культуре. Поэтому и речи быть не могло о стремлении к межкультурной близости с коренными народами, которая могла бы в конечном итоге преодолеть разрыв. Европейцы с полным сознанием ощущали себя чужеземными хозяевами, отделенными пропастью от местных культур, которые они считали низшими. От колонизированных ожидалась активная аккультурация и приобщение к ценностям и культуре Европы. Но колониализм так и не привел к культурному синтезу. Евроцентричное убеждение колонизаторов в общем цивилизационном превосходстве Европы обернулось тем, что коренное население также отвергло возможность тесных и равноправных отношений с европейцами, зачастую прибегая к этническому и социальному дистанцированию⁵. Даже после отмены работорговли и рабства расистская мысль тем не менее сохранилась на Западе в менее грубых, но более «научных» формах.

Долговечны и труднопреодолимы последствия колониализма в институциональной сфере. Колониализм способствовал универсализации концепции европейского государства. Уничтожив в колониях традиционные механизмы управления, зачастую имевшие опору в местных религиях и культурах, западные метрополии заменили их секуляризованной государственной администрацией, дистанцированной от местного населения и хорошо защищенной с военной точки зрения от его недовольства⁶. Именно такая бюрократическая форма правления стала основой для правительств новых независимых государств в середине XX в., поспособствовав появлению непрочных, неукорененных авторитарных режимов в Азии и Африке. Колониаль-

ное государство повсеместно навязывало территориальный принцип. В таких регионах мира, как Африка и Юго-Восточная Азия, установление государственных границ было одним из самых важных видов деятельности европейцев. Вся постколониальная история этих регионов полна примеров войн и конфликтов, вызванных территориальными спорами. Более того, современный Запад использует этот инструмент для политического манипулирования в своих интересах. Если сами европейские страны, будь то империи или национальные государства, имели длительный опыт и традиции межнационального общения, то для бывших колоний строительство национального государства в форме «одна нация – одно государство» зачастую означало претензию на исключительность и межнациональную вражду. Поэтому можно говорить о возникновении в начале периода независимости национальных государств, которые не соответствовали «взрослым» нациям. В долговременной перспективе это породило клубок проблем в социально-политическом развитии целых континентов и регионов мира.

Важнейшим последствием колониальной эпохи является глобальный процесс вестернизации мира. Он затронул даже те общества, которые никогда не попадали под иностранное правление, этот процесс продолжался в XX в. после обретения независимости колониальными странами и даже в начале XXI в. Глобальное доминирование западных средств массовой информации и потребительского рынка за последние десятилетия изменило неевропейские цивилизации больше, чем столетия колониального притеснения. Также можно говорить о продолжающихся практиках ментального империализма – навязывания политически или экономически доминирующим сообществом различных аспектов своей собственной культуры другому, недоминирующему сообществу.

Одной из самых уязвимых к западному влиянию областей является образование. Стандартизация образовательных систем по западному образцу зачастую оборачивается пренебрежением к культурам коренных народов. Так, колониализм поставил под сомнение господство исламского дискурса в мусульманских странах и навязал этим странам светские законы и образование западного типа. Наиболее пагубным последствием европейского колониализма было сознательное разрушение культурных норм коренных народов чуждым им секуляризмом. Западная колонизация стала периодом, когда основы мусульманской духовной и интеллектуальной жизни были поставлены под сомнение. При европейских колонизаторах произошла маргинализация исламского образования. До сих пор преобладание евро-

центричных институтов, например школ и вузов, которые работают с использованием светского научного дискурса, препятствует развитию исламских научных исследований и культуры обучения. Более того, учитывая сохраняющуюся социально-политическую гегемонию западных стран в сфере образования, присущий ей исламофобский дискурс продолжает воспитывать в мусульманах чувство культурной неполноценности. Период колониального правления нанес ущерб автохтонному традиционному образованию, что привело в дальнейшем к «дуализму в образовании» – существованию исламской образовательной системы, практически не содержащей общего образовательного контента, наряду со светской образовательной системой, практически не содержащей исламского контента. Этот дуализм чреват социальным расколом: наиболее образованная и успешная часть молодых людей не в полной мере разделяет ценности и культуру предков, а безработные молодые исламисты являются потенциально взрывоопасным контингентом⁷.

Таким образом, изучение исторического колониализма и современные деколонизационные исследования не только не теряют своей научной актуальности, напротив, в настоящее время они призваны бросить вызов универсалистскому «единому миру» западных рамок развития. Для преодоления европоцентризма как основного направления международного развития они стремятся обосновать контргегемонистские подходы, основанные на «плюриверсе», и разрушить превосходство и привилегии западной/колониальной мысли и методов.

Одной из задач состоявшейся осенью 2023 г. в Институте Африки РАН Всероссийской научной конференции с международным участием «Колониализм, неоколониализм, деколонизация: опыт исследования и современный дискурс» было восполнение ряда пробелов в изучении указанных выше вопросов, не находивших должного внимания в последние десятилетия. В научном мероприятии приняли участие около 50 исследователей из России, Ганы, Танзании и Камеруна. В ходе конференции были рассмотрены проблемы колониализма, неоколониализма, деколонизации в исторической ретроспективе, проведен анализ современных методов неоколониального влияния, исследован современный дискурс борьбы с идеологиями и практиками неоколониализма. Участники форума обсудили вопросы политического и правового неоколониализма, цифрового империализма, антиколониальных движений, исторической памяти, историографии, культурного, духовного и ментального освобождения от колониальной зависимости. Во многом результатом этой научной дискуссии стала данная книга.

Первая часть коллективной монографии посвящена вопросам методологии, историографии и поиску новых источников в изучении представленных проблем. Главы 1 «Африканские интеллектуалы о постколониальной и деколониальной методологии: ориентир или триггер?» и 2 «Являются ли постколониальные исследования антиколониальными?» ставят острые вопросы, чрезвычайно важные в настоящее время для понимания тех процессов в мире, свидетелями которых мы являемся. Африканские исследования, как любая междисциплинарная область, существуют в условиях перманентного поиска и совершенствования теоретико-методологических принципов и подходов. В последние годы в среде ученых – представителей различных стран и научных школ актуализировалась дискуссия о применении пост- и деколониальной методологии в границах африканистики. Глава 1 посвящена краткому анализу воззрений африканских философов, историков и культурологов на проблему. Постколониальный и деколониальный подходы, в зависимости от области, обстоятельств и механизмов применения, способны демонстрировать как эффективность, так и ограниченность. В главе 2 показано, как в 1990-е годы на первый план вышли так называемые постколониальные исследования (*Postcolonial studies*). Их авторы – это десятки исследователей – эмигрантов из стран Глобального Юга, встроены в академические круги коллективного Запада и глобально распространяющих новый дискурс. Автор главы показывает, что данное течение призвано интеллектуально обеспечить комфортную культурную интеграцию тысяч мигрантов из развивающихся стран в общества стран «золотого миллиарда», что, как правило, не имеет ничего общего с укреплением потенциала собственно африканских стран, а скорее способствует утечке мозгов из них.

Глава 3 «Социальная и политическая история стран Африки в исследованиях сотрудников Института Африки АН СССР / РАН (вторая половина XX в.)» представляет обширный обзор историографии проблем колониализма, неоколониализма и антиколониальной борьбы в трудах сотрудников ведущего центра африканистики в России – Института Африки РАН. Автор подводит некоторые итоги коллективного 65-летнего пути научных поисков и достижений его сотрудников. Отмечается, что в 60–90-е годы XX в. было подготовлено несколько десятков трудов, посвященных истории проникновения колонизаторов в различные регионы Африки, специфике колониального управления, создания колониального общества и, как следствие этого явления, зарождения антиколониального сопротивления и расширения национально-освободительного движения. Немало исследо-

ваний посвящено последним годам существования колониальной системы, когда европейский империализм изыскивал новые формы и методы, которые позволили бы ему не только сохранять, но и упрочить свой контроль над африканцами. Важнейшим направлением в исследовании особенностей колониализма и его последствий стало изучение трудов африканских историков на данную тему и их оценки данного явления.

В главе 4 «Проблемы колониализма в исторической африканистике ГДР» рассматриваются особенности изучения тематики колониализма в ГДР, которая была ключевой для большинства историков-африканистов этой страны. Сопоставляется подход к колониальной истории в двух трудах, представляющих берлинскую и лейпцигскую школы африканистики. Обе монографии ставят перед собой цель пересмотреть колониально-апологетическую точку зрения на историю колониализма в Африке, предполагающую позитивное влияние на развитие африканского общества. В ходе восточногерманских исследований колониализма в научный оборот были введены немецкие архивные источники периода колониального управления; при изучении истории колониализма использовалась методология критической оптики марксистского подхода.

В главе 5 «Колониализм в Тропической Африке в середине XX в.: взгляд русских эмигрантов» анализируется восприятие политических процессов в странах Африки в 1950–1960-е годы эмигрантами из России и Советского Союза, проживавшими в различных странах мира. Источниковой базой исследования послужили материалы русской эмигрантской прессы. Показано, что эмигрантские публицисты внимательно следили за ситуацией в странах Африки. Некоторые из них критически оценивали деятельность западных компаний на континенте, доказывая, что она была нацелена на извлечение прибыли и не учитывала интересы населения Африки. Эмигрантские публицисты отмечали, что за влияние в Африке шла борьба не только между двумя противоборствующими в холодной войне лагерями, но и внутри них, в частности между США и бывшими метрополиями. Особое внимание уделялось ситуации в бывшем Бельгийском Конго в начале 1960-х годов.

В главе 6 «Деколонизация Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау (по материалам исследований Н. Телепневой)» сделан акцент на вклад в изучение проблем антиколониальной борьбы Наталией Телепневой, нашей соотечественницей, проживающей в Великобритании, где она работает преподавателем Университета Стратклайд в Глазго. Основной темой ее исследований является поддержка борьбы

против колониальных и расистских режимов Африки со стороны СССР и его союзников. Ее отличительной чертой как ученого является максимально возможное использование архивных материалов, особенно тех, которые лишь недавно стали доступными для историков. Наряду с документами практически всех наших государственных архивов по тематике национально-освободительной борьбы, она изучала рассекреченные материалы, хранящиеся в Праге.

Глава 7 «Визуальные источники Германской Восточной Африки: жанровое разнообразие и особенности репрезентации колонии» расширяет наши представления о корпусе источников, являющихся базами для изучения темы колониализма, и демонстрирует потенциал визуальных источников для историка и антрополога как в плане действительного изображения колониальной жизни, так и в плане концептуальной репрезентации колонии как подчиненного пространства со своими специфическими социальными иерархиями. В главе рассматриваются различные виды визуальных источников, в которых отразилось недолгое по историческим меркам существование колонии Германская Восточная Африка. Это профессиональная авторская фотография; частная фотография; памятные фотоальбомы; зарисовки и иллюстрации, сделанные специально для оформления будущих изданий мемуаров; открытки, выпущенные для переписки администрации колонии и поселенцев с друзьями и близкими на родине; профессиональная живопись; так называемые торговые карточки, использующие виды колоний и зарисовки оттуда для рекламы некоторых товаров и повышения спроса на них; близкий к открыткам, но все же отличающийся от них небольшой круг источников – карточки, выпускавшиеся к колониальным выставкам.

В главе 8 «Из колониального Туниса в бывшую метрополию (история О. Городниченко-Каминад в письмах)» проведен анализ эпистолярного наследия одной из представительниц русской диаспоры, жившей в Тунисе в 40-е годы прошлого века. Оно представляет собой еще одно ценное и интересное эго-документальное свидетельство для понимания особенностей социокультурного «вживания» русских изгнанников в среду нового обитания в целом, а также для определения специфики культурной интеграции в новую этнокультурную среду «через детство». В основе ее писем лежат, прежде всего, истории жизни, рассказанные ей родными и близкими, которые пришли в Тунис с Русской эскадрой. Они посвящены картинам жизни и быта русской общины первых десятилетий XX столетия в колониальном Тунисе, а также накануне завоевания Тунисом независимости. Постепенно автор переходит к «французскому периоду» своей жизни, что-

бы логически продолжить размышления о феномене толерантности по-русски, по-французски, по-арабски, а также к проблемам воспитания духовно-нравственных ценностей среди молодежи в современных условиях постоянных общественных изменений.

Во **второй части** коллективной монографии представлены исторические аспекты проблем становления и развития колониальной системы.

В главе 9 «Первооткрыватели Конго: удачи и невезения европейцев в исследовании Африки» показано, что в XIX в. было собрано достаточно много информации о Центральной Африке. Географы, журналисты и военные в ходе своих экспедиций собрали уникальные сведения о жителях и природе континента. Не последнюю роль сыграли советники короля Бельгии Леопольда II, который был единственным владельцем огромной африканской территории, хотя так ни разу и не посетил Конго. Его посланцы присылали в Европу ценные сведения о природных богатствах континента, информацию о флоре и фауне, местных жителях. С помощью их записок и зарисовок заполнялись белые пятна на карте, которые ранее значились как *Terra incognita*. Отмечаются и проблемные моменты в освоении далекой Африки.

В главе 10 «К вопросу об освоении природных ресурсов Африки в эпоху колониализма» отмечается, что раздел африканских земель между ведущими мировыми державами стал отправной точкой в планомерном освоении природных богатств. Наряду с землей колонизаторы объявляли своей собственностью основные источники воды, а соорудившиеся ими системы ирригации обслуживали районы выращивания экспортных культур. Важное место отводилось водоснабжению городов. Освоение европейцами природных ресурсов Африканского континента часто сопровождалось конфликтами и вооруженными столкновениями с местным населением. Благоприятные климатические условия и плодородие земель на освоенных колонизаторами территориях способствовали развитию растениеводства: плантации хлопка, табака, сахарного тростника, арахиса, кукурузы, кофе и других тропических культур давали высокие урожаи. Большая часть продукции сельского хозяйства и добывающей промышленности колониальных владений экспортировалась в страны-метрополии, что в значительной степени способствовало их экономическому росту. С освоением природных богатств Африки в колониальный период неразрывно связано формирование инфраструктуры, доставшейся в наследство африканским странам после обретения ими независимости. Многие десятилетия колониализма серьезно отразились на ха-

рактуре использования природных ресурсов; на базе широкомасштабных разработок месторождений полезных ископаемых, лесных богатств и развития аграрного производства возник вторичный сектор экономики многих государств континента.

Глава 11 «Особенности итальянской колониальной системы в Сомали» описывает уникальность системы управления европейцев на этой африканской территории, где сочетались сразу несколько видов колониализма: британский, французский и итальянский. Колониальный раздел Сомали, когда были образованы Французское Сомали, Британский Сомалиленд и Итальянское Сомали, в значительной степени предопределил современные проблемы в этой стране. Введение итальянской колониальной системы нарушило баланс традиционного кланового устройства и ограничило экономические связи Сомали, подчинив их интересам метрополии. Однако необходимо учитывать и тот факт, что итальянское управление все же способствовало появлению в стране более эффективных форм хозяйствования, развитию системы образования, открытию институтов и университетов, развитию градостроительства и средств коммуникации, в частности строительства дорог и инфраструктуры.

В главе 12 «Миссионеры – агенты языковой политики колониальных держав в Африке» отмечается, что во время европейского колониального правления в Африке проводилась языковая политика, которая оказала большое влияние на развитие местных языков, а также на образование африканцев. Каждая метрополия имела свою языковую стратегию на континенте. Все колониальные державы, несмотря на разные подходы, были единодушны в одном – они навязывали европейские языки на контролируемых ими территориях. Однако языковая политика колониальных властей отличалась от языковой политики, осуществлявшейся христианскими миссионерами в Африке. Противоречивые подходы были обусловлены тем, что миссионеры и колониальные чиновники имели свое мнение о том, как управлять африканцами и какие цели должны быть достигнуты в результате их деятельности.

В главе 13 «Роль Моравской церкви в жизни коренного населения юга Африки» представлена роль старейшей в Южной Африке Моравской церкви. Первая христианская церковь среди коренного южноафриканского населения (кой-кой) была основана непосредственно миссионерами-моравами. С прибытия в 1738 г. на Мыс Доброй Надежды уроженца Моравии Георга Шмидта, принадлежавшего к Церкви Моравских братьев, для ведения миссионерской работы среди местных жителей-готтентотов берет свое начало история гернгутеров в

регионе. Описываются результаты деятельности Моравских братьев и их влияние на паству. В настоящее время Моравская церковь является одним из крупнейших землевладельцев среди всех ныне существующих христианских общин ЮАР, а Голландская реформаторская церковь Южной Африки активно соперничает с Моравскими братьями, все более усердно привлекающими в лоно своей Церкви новых прихожан.

В главе 14 «Европейская медицина в африканских колониях (некоторые аспекты)» отмечается, что в большинстве колониальных владений была заложена и весьма успешно работала система первичного здравоохранения – сельские медицинские пункты. Специалисты в области тропической медицины считали необходимым выйти за рамки борьбы с болезнями в отдельных странах, призывая к формированию международного здравоохранения. Система здравоохранения, прививавшаяся в колониях, нанесла серьезный удар по традиционной медицине, вместе с тем в колониях появились врачи-африканцы, получившие образование в Европе; возникли фармацевтические производства, росла аптечная сеть. Были заложены основы официальной статистики – главного источника информации о состоянии здоровья населения. Автор справедливо замечает, что трудно дать однозначную оценку колониальной медицине. Она формировалась и существовала много десятилетий в результате взаимодействия африканских традиционных культурно-бытовых практик и экономико-политических интересов колониальных администраций. Это взаимодействие, нередко имевшее конфликтный характер, после обретения африканскими странами независимости стало основой формирования национальных структур здравоохранения.

Главы 15 «“Сбить спесь с англичан”. Бегство российских подростков на англо-бурскую войну 1899–1902 гг.» и 16 «“Последняя проба пера”: неопубликованная история Второй англо-бурской войны 1899–1902 гг. полковника Джорджа Хендерсона» возвращают нас к изучению истории, связанной с англо-бурской войной 1899–1902 гг. – одной из первых империалистических войн. На протяжении англо-бурской войны 1899–1902 гг. российские подростки пытались убежать в Трансвааль, чтобы сражаться против британской армии. Понять, почему мальчики из Российской империи стремились присоединиться к защитникам южноафриканских республик, помогает анализ установок и стереотипов по отношению к бурам. Буры боролись за независимость, что находило отклик у подростков, склонных к побегу из дома и искавших освобождения от неприемлемых для них условий существования. Подростки отождествляли себя с бура-

ми в играх и фантазиях. В русском обществе преобладало мнение о культурной близости между бурами и русскими, а значит, мальчики могли надеяться, что их примет новый коллектив. Тем более школьникам было известно, что в рядах буров уже сражались подростки, которые пользовались защитой и уважением старших. Юные беглецы из России не были готовы к долгому, опасному и затратному путешествию, поэтому никто из них не достиг Трансвааля. Но их отчаянные попытки были обусловлены представлениями о Южной Африке и бурах, которые разделяли большинство жителей Российской империи. В другой главе рассказывается об одном из первых официальных историков этой войны – британском офицере, военном теоретике полковнике Джордже Френсисе Роберте Хендерсоне. Труд, озаглавленный «Война в Южной Африке», стал буквально «последней пробой пера» автора, умершего 5 марта 1903 г. и успевшего дописать только один том из семи предполагавшихся. Несмотря на то, что 1-й том представлял собой вполне самостоятельное произведение, в конечном итоге исследование полковника Дж. Хендерсона подверглось забвению по целому ряду причин, в первую очередь политического свойства. Британские министры, находившиеся у власти, считали работу слишком провокационной и обличающей юнионистское правительство лорда Солсбери 1895–1902 гг., причастное к развязыванию Второй англо-бурской войны. До наших дней сохранился черновой вариант 1-го тома «Войны в Южной Африке», находящийся в личном фонде Джозефа Чемберлена, возглавлявшего Колониальное министерство в 1895–1903 гг., в библиотеке Бирмингемского университета.

Третья часть коллективной монографии посвящена неокOLONIALным проектам в Африке, последствиям их реализации и влиянию на продолжение процесса деколонизации.

В главе 17 «Панафриканизм и борьба с неокOLONIALизмом в истории Гвинейской Республики» анализируется значение панафриканизма и борьбы с неокOLONIALизмом в становлении и развитии Гвинейской Республики, а также ее участия в создании Организации африканского единства (ОАЕ). Особое внимание уделено деятельности Ахмеда Секу Туре в контексте пересмотра в самой Гвинее исторической роли основателя национальной государственности, показаны поэтапные дипломатические усилия С. Туре по достижению главной цели – созданию будущей ОАЕ. Напряженная политическая борьба сменялась вынужденными компромиссами. Однако, учитывая уязвимость молодых африканских государств перед бывшими метрополиями и США, даже формальное единство было значительным дос-

тижением. Сегодня идеи панафриканизма вновь востребованы, в том числе нынешним гвинейским руководством. Сделан вывод о том, что исторический опыт Гвинеи и ее первого президента приобретает особое значение в контексте необходимости выработки республикой новых внешнеполитических концепций и реализации интеграционных программ на уровне Африканского союза как правопреемника Организации африканского единства.

В главе 18 «ЮАР и неокOLONиализм: от колониализма особого типа к зависимому капитализму» дается сравнение развития ЮАР во времена апартеида и в десятилетия после ликвидации этой системы. В советской африканистике южноафриканская модель развития определялась как колониализм особого типа, уникальное сочетание «продвинутой» метрополии с ее общественно-политическими институтами и слаборазвитой бесправной колонии в одних границах. Переход от апартеида к нерасовой демократии в 1994 г. открыл возможности превращения ЮАР в локомотив развития континента. Но, увы, отмена международных санкций и ликвидация расовой сегрегации не привели к подъему и социально-экономическому прогрессу, а сопровождались переходом к реализации навязанной коллективным Западом неокOLONиальной модели развития и фактическим переходом под внешнее управление глобального «Центра» (Вашингтонский консенсус) в экономике, что повлекло деиндустриализацию и сползание в периферийность. НеокOLONиальное манипулирование распространилось не только на сферы экономики и управления: дополняют картину инспирируемая извне агрессивная ЛГБТ-пропаганда (ЮАР – единственная страна континента, легализовавшая однополые браки) и война с памятниками в стиле одиозного американского движения *BLM*.

Глава 19 «Эфиопия: политический неокOLONиализм США» посвящена влиянию неокOLONиальной политики США в Эфиопии. Наиболее полно он проявился во время двухлетней войны, развязанной политической элитой тиграй под руководством Народного фронта освобождения тиграй (*Tigray People's Liberation Front – TPLF*) – ТПЛФ в 2020–2022 гг. Политическая элита тиграй не смирилась с потерей в 2018 г. господствующего положения и всячески пыталась вернуть его. Все это время ее активно поддерживало правительство США. И после завершения двухлетней войны США продолжают финансировать ТПЛФ и активно поддерживают его председателя Дебрециона Гебремикаэля. А в лице посла Эрвина Массинга беззастенчиво вмешиваются в нынешнюю ситуацию в Эфиопии, где основной сферой интересов США являются экономика, медицина, образование.

Глава 20 «Последствия событий в Нигере как отражение процессов деколонизации в Африке» описывает события в зоне Сахеля, в частности, в Нигере, которые называют новым витком антиколониальной борьбы в Африке и второй деколонизацией Черного континента. Происходящие процессы можно охарактеризовать как протестные, связанные с колониальным прошлым Африканского континента. Представлены панорама событий, начавшихся в Нигере 26 июля 2023 г., и спектр мнений о них как представителей Европы, так и различных стран и региональных объединений Африканского континента. Антиколониальная борьба в зоне Сахеля рассматривается с позиций мультиуровневого подхода на трех иерархически организованных уровнях (уровень мировоззрения и системы ценностей; уровень финансово-экономических отношений; военно-политический уровень).

В главе 21 «Международно-правовые аспекты зарождения и формирования интеграционных процессов на Африканском континенте» анализируется ведущая роль Африканского союза (АС) – континентальной организации, созданной в 2002 г. в качестве правопреемника Организации африканского единства (ОАЕ), начавшей свою деятельность еще в 1963 г., в прогрессе африканских стран. В связи с этим к концу первой четверти XXI в. АС имеет уже достаточно большой опыт в деле интеграции африканских государств, что способствует повышению их международного веса на мировой арене и заставляет других членов международного сообщества прислушиваться к их мнению.

В главе 22 «“Утечка умов” из Африки как проявление неоколониализма» анализируется массовая эмиграция квалифицированных кадров из африканских стран, которая стала долгосрочной проблемой для континента в 80-е и 90-е годы XX в. В структуре кадров, которые готовят западные страны для Африки, катастрофически мало специалистов по естественно-научным дисциплинам. Зато краткосрочное обучение проходят, в частности, «молодые лидеры», «гражданские активисты» и предприниматели, которым уготована роль будущей элиты. Ряд стран Запада, в частности Австралия, Великобритания, Канада и США, экономят на подготовке медиков за счет их привлечения из стран Африки. Выкачивая квалифицированные кадры из стран Африки, коллективный Запад поддерживает собственную экономику и социальную сферу для обеспечения высокого уровня жизни, обрекая африканские страны на консервацию отсталости. Это позволяет оценивать «утечку умов» как проявление неоколониализма. Иную политику проводят Россия и страны Глобального Юга.

Четвертый раздел книги посвящен историческим и современным явлениям ментальной деколонизации стран Африки.

Глава 23 «Проблемы и перспективы духовной деколонизации в постколониальной Африке южнее Сахары» представляет широкий охват проблем, связанных с деколонизацией в духовной сфере. В ней на основании анализа многочисленных работ африканских исследователей, философов, культурологов сделан вывод о том, что процессы деколонизации сопровождаются глубокими кризисными явлениями, а столкновение ценностных систем приводит к тому, что многие африканцы оказываются в положении «личности на рубеже культур». Сами африканские интеллектуалы считают, что Африка должна покончить с зависимостью от воспоминаний о страданиях и «травме» и вновь научиться говорить на языке человечности. Проблематика деколонизации является комплексной, она включает в себя освобождение африканского общества от различных форм колониальной и постколониальной зависимости, и главным объектом и главной целью деколонизации являются люди, их духовное состояние, самосознание и идентичность. Постколониальная эпоха в Субсахарской Африке представляет собой сложнейший переходный период из-за разноплановых влияний, пересечения различных систем ценностей, столкновения идей модернизации и традиционализма, неудач в системе модернизации стран Африканского континента.

В главе 24 «Образ “белого человека” в свете межкультурного взаимодействия (на материале переводной поэзии ЮАР второй половины XX в.)» предпринята попытка рассмотреть переводную поэзию ЮАР как уникальное явление XX в., обладающее целостной системой представлений, в которой переплетены элементы как традиционной картины мира, так и представлений о мире, характерных для периода создания произведений. Материалом для анализа послужили 24 переведенных на русский язык произведения 15 поэтов ЮАР, представителей двух рас, опубликованные в издании «Поэзия Африки». Сделаны выводы о том, что переводная литература, выполняя функцию медиатора между культурами, не только обогащает принимающую литературу новыми именами и произведениями, но, что не менее важно, знакомит с иным восприятием человека. Особенностью переводной поэзии ЮАР XX в. является почти полное отсутствие личных имен белых. Это лишает их индивидуальности, как лишает индивидуальности и отсутствие конкретной национальности или гражданства. Образы белых довольно схематичны. Все это указывает на то, что они будто вынесены за рамки представлений о живом, чувствующем, наделенном душой человеке.

Глава 25 «Движение “саперов” (*sapeurs*) в ДРК и Республике Конго: проявление культурной неокolonизации или культурной эмансипации?» посвящена анализу движения *SAPE (Société des Ambianceurs et des Personnes Élégantes)* в Демократической Республике Конго (ДРК) и Республике Конго. Участники движения, известные как «саперы» (*sapeurs*), отличаются элегантным европейским стилем одежды, предпочитая дорогие бренды, такие как *Versace* и *Prada*. В главе поднимается ключевой вопрос: является ли *SAPE* проявлением культурного неокolonизма или формой эмансипации? С одной стороны, движение критикуют за слепое подражание бывшим колонизаторам, с другой – сами «саперы» видят в этом способ утвердить свою идентичность и преодолеть стереотипы. На основе интервью с участником движения (2023) автор показывает, что современные «саперы» – это разнородная группа, включающая людей разного возраста, достатка и профессий, объединенных стремлением к эстетике и позитивному восприятию жизни. Подчеркивается двойственность *SAPE*: с одной стороны, оно отражает влияние колониального прошлого, с другой – служит инструментом культурного сопротивления и самоидентификации в постколониальном обществе.

В главе 26 «Данте Габриэль Россетти «Возлюбленная»: современные прочтения колониализма» предпринята попытка рассмотреть черные образы на полотнах прерафаэлитов сквозь преломление восприятия типичного стереотипа африканцев в британской историографии последней четверти XX столетия. Примером послужила одна из наиболее неоднозначных работ Данте Габриэле Россетти «Возлюбленная». На основании подробного анализа художественной и композиционной составляющей картины, а также верификации изображенных на ней персонажей сделан закономерный вывод о том, что в стремлении показать и раскрыть грацию и женскую красоту художник, отдав дань колониальной традиции, использовал принятую в XVII – середине XVIII в. манеру изображения африканцев.

В главе 27 «Деколонизация запахов в современной культуре на примере проекта из парфюмерной индустрии *Scent Festival*» исследуются процессы деколонизации запахов в современной культуре на примере цифрового проекта *Scent Festival*. Западная эстетика долгое время рассматривала обоняние как второстепенное чувство из-за его субъективности, непостоянства и материальности. Но именно эти качества делают обоняние особенно важным инструментом для выявления и оценки уровня неравенства. Особое внимание уделяется колониальному наследию парфюмерной классификации, в которой категории *Oriental* и *Floriental* воспроизводят ориен-

талистский дискурс и стигматизируют культуры Ближнего Востока, Северной Африки и Южной Азии. *Scents Festival* позиционируется как платформа, объединяющая художников, ученых и представителей маргинализированных сообществ для разработки инклюзивной терминологии, основанной на химико-органолептических свойствах ароматов, а не на экзотизирующих и стереотипных образах Востока. В результате деколонизирующие практики не только устраняют дискриминационную лексику, но и формируют новые сенсорные, культурные и политические рамки, в которых признается ценность разнообразия и восстанавливается связь парфюмерии с ее историческими источниками.

В подготовке монографии приняли участие: к.и.н. А.В. Андреев (глава 17); д.и.н. А.В. Антошин (глава 5); к.и.н. А.Б. Арбеков (глава 16); к.и.н. А.А. Банщикова (глава 7); к.и.н. Е.В. Блинова (глава 26); к.и.н. Н.А. Воронина (глава 25); к.и.н. Б.М. Горелик (глава 15); к.и.н. В.В. Грибанова (введение, заключение, отв. редактирование); к.и.н. Н.В. Гришина (главы 10, 14); к.э.н., д.п.н. Д.А. Дегтерев (глава 2); к.и.н. А.М. Егоров (глава 21); И.А. Егоров (глава 21); к.и.н. А.М. Жамбиков (глава 22); д.и.н. Н.А. Жерлицына (введение); к.и.н. Л.В. Иванова (глава 11); д.и.н. Р.Н. Исмаилова (глава 19); д.филол.н. Т.В. Краюшкина (глава 24); д.и.н. Н.Л. Крылова (глава 8); к.и.н. Н.А. Ксенофонтова (глава 3); к.филол.н. А.Н. Мосейко (глава 23); М.М. Несова (глава 27); Е.С. Нестерова (глава 13); К.И. Попова (глава 4); к.и.н., д.п.н. Г.М. Сидорова (глава 9); к.филол.н., д.филол.н. И.Г. Татаровская (глава 12); к.псих.н. Е.В. Харитоновна (глава 20); к.и.н. Н.Е. Хохолькова (глава 1); д.и.н. В.Г. Шубин (глава 6).

Глава 18 «ЮАР и неокOLONIALИЗМ: от колониализма особого типа к зависимому капитализму» написана ушедшим от нас в 2024 году к.э.н., к.искусств. Ю.С. Скубко. Светлая память о Юрии Сергеевиче останется в наших сердцах.

---

¹ Girault A. Principes de colonisation et de législation colonial. Vol. 1. Paris, 1921. P. 17.

² Mignolo W. The politics of decolonial investigations. Durham: Duke University Press, 2021; Quijano A. Foundational Essays on the Coloniality of Power (On Decoloniality). Duke University Press Books, 2024.

³ Osterhammel J. Colonialism: A Theoretical Overview. Princeton: Markus Wiener Publishers, 2005. P. 18–19.

⁴ Banton M. Racial Theories. Cambridge, 1987.

⁵ Pelizaesus L. Der Kolonialismus. Geschichte der europäischen Expansion. Marix Verlag, 2011. P. 61–63.

---

⁶ *Bulhan H.A.* Stages of Colonialism in Africa: From Occupation of Land to Occupation of Being // *Journal of Social and Political Psychology*, 2015, Vol. 3 (1), P. 239–256, DOI: 10.5964/jspp.v3i1.143

⁷ *Nye M.* Decolonizing the Study of Religion. *Open Library of Humanities*, 2019. 5 (1), P. 1–45. DOI: 10.16995/olh.421

Раздел I

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ КОЛОНИАЛИЗМА, НЕОКОЛОНИАЛИЗМА, ДЕКОЛОНИЗАЦИИ: МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ И НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

Глава 1

АФРИКАНСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ О ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ И ДЕКОЛОНИАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ: ОРИЕНТИР ИЛИ ТРИГГЕР?

Теоретико-методологические основы африканских исследований в целом и изучения проблем колониализма в частности остаются предметом продолжительных и оживленных дискуссий. Их непосредственными участниками являются африканские интеллектуалы – исследователи, писатели, художники, журналисты, диапазон воззрений которых простирается от евро- и афроцентризма до плюриверсализма*. На формирование концепций, существующих в границах этого диапазона, оказали и продолжают оказывать влияние пост- и деколониальный подходы.

В настоящее время целый ряд африканских исследователей входит в пул постколониальных и деколониальных теоретиков, тем не менее оба направления создавались преимущественно выходцами из стран Ближнего Востока, Азии и Латинской Америки. Идеи, соответствующие духу постколониализма, можно обнаружить в трудах Махатмы Ганди (1869–1948), Шейха Анта Диопа (1923–1986), Кваме Нкрумы (1909–1972), Леопольда Седара Сенгора (1906–2001), Фран-

---

* Плюриверсализм – концепция, в соответствии с которой ставится под сомнение идея существования универсалий (единых истин) и предполагается (co)существование множества взаимосвязанных категорий и способов интерпретации.

ца Фанона (1925–1961), Клода Аке (1939–1996) и многих других. Однако постколониализм как методология критического анализа оформился за пределами территорий Азии и Африки усилиями интеллектуалов-эмигрантов (преимущественно в первом поколении), самореализовавшихся в университетах США и Европы. В их числе преобладают выходцы из Индии – психолог Ашис Нанди (р. 1937), литературовед Гаятри Спивак Чакраворти (р. 1942), историк Дипеш Чакрабарти (р. 1948), философ и культуролог Хоми Баба (р. 1949), литературовед и культуролог Лила Ганди (р. 1966).

Особое место в пантеоне родоначальников академического постколониализма занимает интеллектуал палестинского происхождения, автор книги «Ориентализм» Эдвард Вади Саид, положивший начало процессу переосмысления колониального наследия. В 1994 г. вышло очередное переиздание его труда¹, в котором автор проанализировал уже утвердившуюся к тому времени категорию «постколониализм». Сославшись на статью профессора университета Нью-Йорка Эллы Шохат, Э. Саид подчеркнул, что используемая в ней приставка «пост-» предполагает не столько переход, преодоление, сколько одновременно «преемственность и разрыв»². В постколониальном нарративном пространстве колониализм по-прежнему сохраняет центральное положение. Он лишь подвергается инверсии – бывшая периферия объявляется центром, прежние нарративы заменяются «самобытными формами высказывания маргинализированных культур и литератур»³.

ДекOLONиальный подход (также известный как концепция деколониальности или «деколониальный поворот»), предложенный интеллектуалами латиноамериканского происхождения, такими как Энрике Дюссель (1934–2023), Вальтер Миньоло (р. 1941), Артуро Эскобар (р. 1951) и Рамон Гросфогель (р. 1956), выступает как некая альтернатива постколониальной методологии. В его основе лежит идея о непреходящем влиянии колониализма, о том, что состояние «пост-» еще не достигнуто или даже в принципе недостижимо. В поле зрения сторонников деколониального подхода – сохранившиеся после формальной (политической) деколонизации глобальные колониальные структуры и колониальная ментальность, а также их действие в самых разных областях, в первую очередь в системах производства и распространения знаний. Постколониальная методология объявляется ими устаревшей и ограниченной. Так, по мнению пуэрториканского социолога Р. Гросфогеля, постколониальные исследования тоже нуждаются в деколонизации⁴.

Исследователи африканского происхождения относились и продолжают относиться к постколониальному и деколониальному под-

ходам по-разному⁵. В то время как одни разделяют принципы и отстаивают актуальность названных методологий, другие высказывают сомнения в их применимости и эффективности в контексте африканских реалий, третьи выбирают срединный путь, предпочитая избирательно использовать достижения предшественников и коллег в ходе разработки нового инструментария. Грань между первой и третьей группой выглядит весьма эфемерной как по причине размытости и гетерогенности понятийно-категориального аппарата, так и в силу свойственной интеллектуалам динамики взглядов.

Философ камерунского происхождения, автор книги «О постколонии»⁶ Ачилл Мбембе (р. 1957), вместе с Вумби Йокой Мудимбе (1941–2025) и Кваме Энтони Аппиа (р. 1954) составивший ««троицу» постколониальных африканских исследований»⁷, подчеркнув неоднородность «того, что в англоязычном мире именуется “постколониальной теорией”», определяет ее как «фрагментированный образ мышления, являющийся одновременно и силой, и слабостью <...> внесший значительный вклад в (*создание*. – Н.Х.) альтернативных способов прочтения нашей современности»⁸. А. Мбембе привел три аргумента в защиту постколониальной методологии. В качестве первого он указал ее ориентацию на «критику не Запада как такового, но последствий жестокости и слепоты, порожденных колониальной концепцией». Вторым аргументом выступает то, что постколониальная теория «указывает на две важные вещи» – она «обнажает насилие и пропасть, отделяющую европейскую моральную философию от ее практических, политических и символических результатов» («Как можно примирить провозглашаемую веру в человека с тем, как жизнь, труд и мир знаков колонизированных народов были принесены в жертву так бездумно?»)⁹. И, наконец, третьим доводом служит гуманистическая направленность методологии, вселяющая «надежду на появление универсального братского общества». Не отрицая «запутанности» и дисперсности «постколониального мышления»¹⁰, А. Мбембе видит его основные плоды в том, что «колонизация больше не выглядит как механическое и одностороннее господство, принуждающее покоренных к молчанию и бездействию. Совсем наоборот, колонизированный человек – это живой, говорящий, сознательный, активный индивид, чья идентичность возникает в результате трехстороннего движения насилия, уничтожения и самопереписывания»¹¹.

На ценности усилий нескольких поколений постколониальных теоретиков акцентировала внимание коллега А. Мбембе по Витватерсрандскому университету, специалист в области изучения африкан-

ских литератур профессор Грейс Мусила. Парируя нигерийско-американской писательнице Чимаманде Нгози Адичи, иронично охарактеризовавшей постколониальную теорию как то, «что придумали профессора для того, чтобы обеспечить себя работой»¹², исследователь отметила, что без подобной «выдумки» не было бы таких произведений, как «Лиловый цветок гибискуса»¹³ и «Половина желтого солнца»¹⁴. По мнению Г. Мусилы, художественные произведения Ч.Н. Адичи «облачаются в те же самые одежды», что и «теория колониального опыта Франца Фанона» и теория него-феминизма* Обиомы Ннаэмеки, являются своего рода «формами постколониального теоретизирования»¹⁵, которое, в свою очередь, необходимо для «борьбы с эпистемологической несправедливостью» и неравенством.

Проблемы эпистемологической несправедливости и ее преодоления на протяжении последних двадцати лет волнуют профессора Байройтского университета (Германия) и университета Йоханнесбурга (ЮАР) Сабело Ндлову-Гатшени, не отрицавшего постколониальную методологию, но избравшего для себя деколониальный подход. Именно с ним исследователь связывает «будущее Африки»¹⁶. Под деколониальностью ученый понимает прежде всего «эпистемологическое движение», бросающее вызов «гегемонии евро-североамериканоцентричной мысли»¹⁷ и направленное на «освобождение мира от глобальной колониальности». Соглашаясь с тезисом португальского социолога Боавентуры де Соуза Сантуша (р. 1940) о кризисе эпистемологий Глобального Севера, выразившемся в неспособности генерировать новые концепты, С. Ндлову-Гатшени предлагает африканцам «переосмыслить мышление как таковое»¹⁸ и обратиться к производству собственных эпистем и эпистемологий. С целью «перенастройки» африканских исследований исследователь предлагает пересмотреть само их определение с учетом «роли идентичности» в (по)знании, а также язык, хронологические и пространственные рамки и дисциплинарные границы¹⁹. В данном контексте особенно остро стоит вопрос периодизации – устойчивое деление истории на «доколониальную», «колониальную» и «постколониальную» будто бы навсегда зафиксировало траектории осмысления прошлого стран и народов Африки.

А. Мбембе, Г. Мусила, С. Ндлову-Гатшени – не единственные, но одни из самых ярких современных апологетов постколониального и

---

* Него-феминизм (*nego-feminism, feminism of negotiation* – феминизм переговоров) – теория и практика, основанные на аутентичной культуре переговоров и достижения компромисса, одна из разновидностей «африканского феминизма».

деколонизационных подходов. Их мнения широко обсуждаются и имеют значительный вес в академических кругах, особенно среди молодежи, однако они уравновешены критикой. В большей мере критика адресована постколониальной методологии.

Большинство высказывающихся против ученых мотивировали свой отказ от методологии постколониализма тем, что африканцы не полностью преодолели (прежде всего, духовно и экономически) колониальную зависимость, следовательно, еще не достигли состояния «пост-». Нигерийский исследователь Адебайо Уильямс полагал, что, в отличие от Индии, постколониальный статус которой существенно изменил ее политическую культуру и вывел проблему колониальности на центральное место, в странах Африки трансформировалось немного, а основным вызовом стал неоколониализм²⁰.

Достаточно емко и лаконично суть критических замечаний африканцев в адрес постколониального подхода выразил американец Молефи Кете Асанте, автор теории афроцентричности, профессор Темплского университета (Филадельфия, США): «В отношении Африки я не говорю о постколониализме, поскольку считаю, что континент и населяющие его народы не избавились от колониализма. Африка все еще на стадии борьбы с западноевропейской гегемонией, которая проявляется в экономической, материальной и духовной сферах. Приставка “пост-” означает “находиться за пределами чего-то” или “перейти на другую стадию”. Говоря о постколониализме, люди обычно имеют в виду влияние колониализма на культуру и общество. По моему мнению, африканцы еще не избавились от следов колониализма»²¹. Декolonизационный подход и его сторонники-африканцы вызвали у М.К. Асанте больше симпатии: «Полагаю, нет ни одного постколониального мыслителя, кого бы я посчитал убедительным. Однако меня вполне впечатлил зимбабвиец Сабело Ндлову-Гатшени, который преподает в Германии. Его книга “Эпистемологическая свобода в Африке: депроvincialизация и деколонизация”, похоже, появилась под влиянием афроцентричности в том смысле, что он хочет, чтобы африканцы думали, говорили и теоретизировали вне зависимости от европоцентризма. Итак, я бы поставил Сабело Ндлову-Гатшени во главе так называемых постколониальных ученых. Он учился у своих предшественников, Нельсона Мальдонадо и Рамона Гроссфогеля, и стал ведущим африканским голосом в вопросах деколонизационности, хотя я вижу, что он сформировался в первую очередь под влиянием своих учеников-афроцентристов»²².

Подобные взгляды разделяли и те, кто весьма далек от идей афроцентризма. Так, кенийский интеллектуал, филолог, профессор Прин-

стонского университета Саймон Гиканди (р. 1960) в статье «Теория, литература и соображения морали» отмечал, что «постструктуралистская теория и ее постколониальная версия, которые изначально обещали деконструкцию евроцентризма, на самом деле перезаписали и укрепили его»²³. Нигерийский лингвист Теджумола Оланиян (1959–2019), малавийский историк Пол Тьямбе Зелеза (р. 1955), камерунский филолог Чарльз Нгиеви Теке (р. 1972) также выступали с критикой постколониализма.

Одним из самых ярких критиков и постколониального, и деколониального подходов стал философ нигерийского происхождения, автор книги «Против деколонизации»²⁴ Олуфемиде Тайво (р. 1956)²⁵. Признавая кризис системы производства знаний²⁶, он отрицал и продолжает отрицать потенциальную возможность справиться с ним посредством названных методологий. Согласно утверждениям исследователя, вокруг чрезмерно расширенного дискурса деколонизации²⁷ возникло много непоследовательных концепций, отвлекающих от сути африканской повестки и упрощающих исторический и культурный контекст.

* * *

Постколониальный и деколониальный подходы во многом схожи. В зависимости от области, обстоятельств и механизмов применения они способны демонстрировать как эффективность, так и ограниченность. Однако вряд ли их можно рассматривать в качестве универсальной методологии изучения колониализма и решения проблем африканистики. Представленные точки зрения африканских интеллектуалов, вне зависимости от заложенных в них оценочных характеристик, свидетельствуют о том, что пост- и деколониальная методологии служат скорее не ориентиром, а триггером преобразования академического и культурного ландшафта, вызовом для дальнейшей разработки принципов построения системы знаний и представлений о континенте.

---

¹ *Said E.W.* Orientalism. N.Y.: Vintage Books, 1994. 394 p.

² *Shohat E.* Notes on the “Post-Colonial” // *Social Text*. 1992. No. 31/32, Third World and Post-Colonial Issues. P. 106.

³ *Бахман-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / пер. с нем. С. Ташкенова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 228.

⁴ *Grosfoguel R.* Decolonizing Post-Colonial Studies and Paradigms of Political-Economy: Transmodernity, Decolonial Thinking, and Global Coloniality // *Transmodernity: Journal of Peripheral Cultural Production of the Luso-Hispanic World*. 2011. Vol. 1. No. 1. P. 1–38.

⁵ *Хохолькова Н.Е.* Постколониальный подход в африканских исследованиях: апология и критика // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022.

Т. 13. Вып. 3 (113). <https://history.jes.su/s207987840020689-6-1/> (дата обращения 25.04.2025)

⁶ Mbembe A. On the Postcolony. Berkeley: University of California Press, 2001. 288 p.

⁷ Гавристова Т.М., Хохолькова Н.Е. Постколониальная эпистемология: африканские «регистры» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 4. С. 688–699.

⁸ What is postcolonial thinking? An interview with Achille Mbembe. https://unisa.ac.za/static/corporate_web/Content/Colleges/CHS/Documents/Achille%20Mbembe.%20%20What%20is%20postcolonial%20thinking.pdf (дата обращения 25.04.2025)

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Цит. по: Musila G. Chimamanda Adichie: The Daughter of Postcolonial Theory. Al Jazeera. February 4, 2018. <https://aljazeera.com/opinions/2018/2/4/chimamanda-adichie-the-daughter-of-postcolonial-theory> (дата обращения 20.02.2022)

¹³ Адичи Ч.Н. Лиловый цветок гибискуса. СПб: Аркадия, 2018. 334 с.

¹⁴ Адичи Ч.Н. Половина желтого солнца. М.: Фантом-Пресс, 2011. 480 с.

¹⁵ Musila G. Chimamanda Adichie... Op. cit.

¹⁶ Ndlovu-Gatsheni S.J. Decoloniality as the Future of Africa // History Compass. 2015. No. 13. P. 485–496.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ndlovu-Gatsheni S., Omanga D. Decolonization, Decoloniality, and the Future of African Studies: A Conversation with Dr. Sabelo Ndlovu-Gatsheni. <https://items.ssrc.org/from-our-programs/decolonization-decoloniality-and-the-future-of-african-studies-a-conversation-with-dr-sabelo-ndlovu-gatsheni/> (дата обращения 22.03.2025)

¹⁹ Ndlovu-Gatsheni, S.J. Ten challenges in reconfiguring African Studies. Review of African Political Economy. 2023. September. P. 1–18.

²⁰ Williams A. The Postcolonial Flaneur and Other Fellow-Travellers: Conceits for a Narrative of Redemption // Third World Quarterly. 1997. Vol. 18. No. 5. P. 833–834.

²¹ Асанте М.К., Хохолькова Н.Е. Интервью с профессором Молефи Кете Асанте // Африка: постколониальный дискурс. М.: Институт Африки РАН, 2020. С. 230.

²² Там же. С. 232.

²³ Gikandi S. Theory, Literature, and Moral Considerations // Research in African Literatures. 2001. Vol. 32. No. 4. P. 6.

²⁴ Taiwo O. Colonialism and its Aftermath: The Crisis of Knowledge Production // Callaloo. 1993. Vol. 16. No. 4. P. 891–908. 368 p.

²⁵ Гавристова Т.М. Африканские исследования: хронотоп «перекрестка» // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 3. С. 97–106.

²⁶ Taiwo O. Against Decolonisation. Taking African Agency Seriously. L.: Hurst, 2022.

²⁷ Гавристова Т.М. Указ. соч. С. 103–104.

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТИКОЛОНИАЛЬНЫМИ?

С 1980-х годов широкое распространение, в первую очередь в англо-саксонском академическом мире, получили постколониальные и деколониальные исследования. Вслед за «троицей» основателей интеллектуального течения (Э. Саид, Г. Спивак и Х. Баба) десятки исследователей-эмигрантов, выходцев из Индии, с Ближнего Востока и из Африки, стали развивать постколониальный дискурс, а преимущественно представители Латинской Америки – деколониальные исследования. Многие из них сделали успешную профессиональную карьеру в ведущих университетах США и Великобритании, их книги издаются многомиллионными тиражами, а их взгляды постепенно сформировали современный академический мейнстрим в данной области. Фактически на сегодня по поисковым запросам, связанным с антиколониализмом, в ответ безальтернативно предлагаются постколониальные исследования.

На наш взгляд, данные исследования, несмотря на их квазимонопольное положение, не являются подлинно антиколониальными, а представляют собой скорее отражение «однополярного момента» в социально-гуманитарных науках. По мере формирования многополярного мира, значение данного дискурса будет неуклонно сокращаться.

Подмена дискурса: почему она стала возможной?

Через несколько десятилетий после окончания процесса формальной деколонизации антиколониальный дискурс стал носить более гибкий и адаптивный характер¹. По факту, произошла очень тонкая подмена дискурса, основанная даже не на игре слов, а на разных написаниях (и соответствующих смысловых оттенках) одного слова – пост-колониальный и постколониальный². Под первым написанием (с дефисом) понимается временная категория, т.е. все события, происходящие после завершения процесса деколонизации (для многих стран Африки – после 1960 г.). Данная категория, по факту, сугубо темпоральная и лишена какой-либо коннотации (позитивной или негативной)*.

---

* Надо отметить, что по правилам русского языка единственно правильным является написание «постколониальный».

Под вторым написанием (без дефиса) изначально понимался особый дискурс, формируемый исключительно в бывших англо-саксонских колониях (в первую очередь Индия, также Карибы, позднее – Африка) среди исследователей-культурологов, многие из которых преподавали английский язык, представлявший собой «входную точку» для интеграции (индоктринации) в «глобальное цивилизованное сообщество». Постепенно второе, более узкое понимание, полностью заменило собой первое, куда более широкое. Т.е. любая постколониальная ситуация стала восприниматься строго через призму очень своеобразного культурологического подхода.

При этом известные проблемы развития бывших колоний перекладывались на новомодный новояз постмодернизма, а самая обстоятельная критика неокOLONIALИЗМА отбрасывалась в сторону как «европоцентричный метанарратив». Более того, постепенно добавился «переселенческий колониализм» (Австралия, Канада и др.), а также (наиболее негативный для РФ) дискурс внутренней деколонизации, приравнивающий заморскую колонизацию со стороны Великобритании, Франции, Испании к освоению Сибири в рамках Российской империи. Всю нелепость данных нарративов успешно вскрывает А.Л. Бовдунов³. Причем как таковой задачи национального социально-экономического или общественно-политического развития бывших колоний представителями постколониального течения не ставилось. Следовательно, постколониальные исследования с большой натяжкой можно отнести к антиколониальным исследованиям, речь идет об очень искусной подмене дискурса.

Кстати, сам факт подмены очевиден лишь искушенным исследователям. Например, большинство историков старшего поколения в странах, находящихся за пределами англо-саксонского мира (в т.ч. в РФ) искренне полагают, что постколониальные исследования – это исключительно темпоральная категория. Молодые исследователи, уже изначально воспитанные в духе культурологического новояза, напротив, просто не застали времена, когда под постколониальным подразумевалось нечто иное, да и подлинный антиколониальный дискурс они также практически не встречали. В этом плане на успешную подмену дискурса во многом сыграл именно поколенческий разрыв.

Но были и другие весомые причины, сделавшие возможной подмену дискурса на глобальном уровне. Во-первых, был сформирован очень серьезный социальный заказ на построение «глобального мира». Основная цель данного направления академического дискурса и формируемых им нарративов заключается в формировании единого

«сверхобщества» (в трактовке А.А. Зиновьева, это «общества второго уровня» по отношению к национальным государствам, являющимся «совокупностью обществ первого уровня»⁴) и максимально комфортной интеграции в него мигрантов из стран Глобального Юга.

Фактически представители постколониального дискурса сами выступали в качестве «компрадорской интеллигенции» (в терминологии представителя данного подхода К.А. Аппиа), участвуя «в торговом обмене культурными ценностями мирового капитализма на его периферии»⁵. Именно они обеспечивали нормативную (идеологическую) связку (*bridgehead* по Й. Галтунгу) между «центром центра» (т.е. интеллектуальными элитами бывших метрополий) и центром периферии (интеллектуальными элитами бывших колоний) (см. рис.).

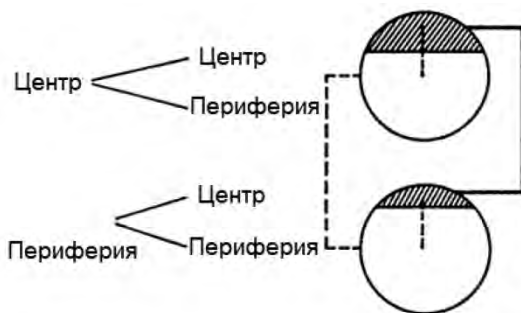

Рис. Структура мировой системы по Й. Галтунгу.

Источник: *Galtung J. A Structural Theory of Imperialism // Journal of Peace Research. 1971. 8 (02). P. 84.*

Во-вторых, это стало возможно именно в 1990-е годы, при усилении однополярных тенденций, когда в целом ряде стран произошел переход от суверенной к так называемой «провинциальной науке»⁶, а «столичные» теории стало не принято воспринимать критически. К этому стоит добавить развал социалистической системы и полный демонтаж механизмов идеологического контроля в странах бывшего социалистического лагеря.

В-третьих, именно в 1990-е годы произошла монополизация коллективным Западом (прежде всего, США и Великобританией) критического дискурса на базе таких издательств и изданий как *Monthly Review*, *Verso Books*, *Zed* и т.д.⁷ при одновременном его упадке в странах второго мира (бывших членах Совета экономической взаимопомощи, СЭВ). И хотя Франция в 1960–1980-е годы какое-то время была в авангарде критических исследований (особенно среди ин-

теллектуалов с Ближнего Востока и из Африки), впоследствии она утратила этот статус. Неслучайно ведущие французские африканисты столь резко критикуют англо-саксонский постколониальный дискурс⁸.

В-четвертых, еще ранее в сфере теорий развития произошла «контрреволюция», в ходе которой был осуществлен переход от коллективного к индивидуальному праву на развитие. Т.е. на первый план вышла самореализация отдельно взятого мигранта, а не будущее страны его происхождения⁹.

В-пятых, косвенно этому способствовал переход от адаптированных под страны Глобального Юга Целей развития тысячелетия (2000–2015) к универсальным Целям устойчивого развития ООН (2016–2030)¹⁰. Все вышеуказанные факторы обусловили феноменальный успех изначально узкоспециального дискурса.

Ложная эмансипация и монополия на модернность

Уже несколько десятилетий рука об руку с постколониализмом идут исследования в рамках концепции феминизма и позиционирование пола как социальной конструкции. Совместно данные направления претендовали на глобальный характер и тотальное доминирование в международном гражданском обществе. Принадлежность к ним как бы являлась свидетельством прогресса (модерности), а оппозиция воспринималась исключительно как «реакционное движение» и «авторитарный антилиберализм»¹¹.

В ряде работ¹² уже был наглядно показан переход от предметной политэкономической критики неокolonизма¹³ к культурологическим абстракциям постколониализма, уход от конкретных проблем развития бывших колоний в мир «множественных репрезентаций». Фактически в 1990-е годы антиколониальная эмансипация стала трактоваться очень своеобразно. На волне демократизации в Африке стало плохим тоном интересоваться, например, кому и на каких условиях поставляются природные ресурсы страны, но появилось множество невиданных ранее возможностей эмансипироваться через десятки социально сконструированных полов, уважение прав сексуальных меньшинств и пр. Неслучайно сторонников постколониальной теории регулярно обвиняли в сговоре с крупным капиталом и продвижении его интересов¹⁴. Таким образом происходит отвлечение внимания на второстепенные проблемы общества. В какой-то степени схожая ситуация сложилась в последние годы в международном миротворчестве, где ключевое внимание обращалось не на базис

(собственно политические условия и реальные задачи проведения операций), а на надстройку, т.е. учет десятков факторов, которые постепенно стали приобретать общий (*generic*) характер, среди них – учет гендерной и климатической повесток¹⁵. Именно через эти второстепенные факторы и выпускался пар равнодушных активистов и критических исследователей.

Антиколониалисты, стоящие на традиционных позициях, отмечают, что ЛГБТ-повестка – это не органичная часть подлинной эмансипации, а, напротив, это еще одно проявление западного неоколониализма и культурного гегемонизма, проводником которого являются в т.ч. современные западные транснациональные корпорации (*Amazon, Google, Microsoft*), ряд международных организаций (ООН, в т.ч. Объединенная программа ООН по ВИЧ/СПИД, ЮНИСЕФ, ВОЗ, Всемирный банк, Глобальный фонд для борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией, ЕС), ряд НКО и частных фондов (Фонд Билла и Мелинды Гейтс, Международная ассоциация ЛГБТ и др.)¹⁶.

Однако сегодня ситуация постепенно меняется. Речь идет уже о псевдоглобальном или западноцентричном гражданском обществе, альтернативу которому составляет здоровое гражданское общество незападных стран, защищающее семью и семейные ценности, в русле традиционных религий – православия и ислама. Более того, противодействие «универсализирующему» постколониализму наблюдается в т.ч. и на периферии Евросоюза, особенно в таких постсоциалистических странах, как Польша и Венгрия.

Именно постсоветские страны ЦВЕ, а также страны Глобального Юга оказались наиболее резистентными к навязанным нетрадиционным ценностям. Их «нелиберальное гражданское общество» как раз и способно «спасти Запад от духовного и демографического суицида», вернув его к традиционным западным, в первую очередь христианским, ценностям¹⁷. Соответственно, многие незападные страны противостоят данной культурной гегемонии: в России, в Китае (движение анти-байцзо), в Индии (в рамках хундутвы), в Турции, на Филиппинах и в других странах мира¹⁸.

Европейские исследовательницы, укорененные в католической традиции, – Габриэль Куби, Маргарита Питерс, Маржена Никель выступают резко против социального конструирования полов и современных неомальтузианских практик, элементов «новой этики»¹⁹. На этих же позициях стоит и американский Всемирный конгресс семей, а также нигерийская правозащитница Обиануя Экеоча²⁰. Примечательно, что традиционную повестку во всем мире²¹, и в т.ч. в Африке, поддерживают американские правые, что вызывает резкое не-

приятие глобалистов, обвиняющих их в «расколе мировой политики»²² и даже «колонизации африканских ценностей»²³.

Сегодня Запад утратил эксклюзив на модерность. Даже западные авторы (С. Эйзенштадт, Ульрих Бек) все больше говорят о множественной модерности²⁴. Это и российская модерность, и китайская, и турецкая²⁵. У представителей постколониальных исследований больше нет монополии на единственно правильную трактовку современного антиколониального дискурса и в целом – на интерпретацию нашей современности!

Более того, в последние годы наблюдается дискредитация западной модерности – многие ведущие интеллектуалы признают, что она развивается не в том направлении. По их мнению, западная модерность выродилась под влиянием З. Фрейда, Франкфуртской школы, таких направлений, как феминизм и постмодернизм, таких исследователей и политических активистов, как М. Сэнгер (основатель «Американской лиги контроля над рождаемостью», М. Мид (антрополог, представитель этнопсихологической школы), А. Кинси (американский сексолог)²⁶ и др. Особенно критически настроена в этом отношении немецкая исследовательница Г. Куби, автор книги «Глобальная сексуальная революция: разрушение свободы ради свободы»²⁷, считающая, что эмансипация в данной сфере ведет к разрушению западной культуры.

Конец «глобального общества» / «постколониальной паузы»?

По мере формирования многополярного мира актуальность безальтернативной интеграции высокоинтеллектуальных мигрантов Глобального Юга в общества стран «золотого миллиарда» снижается, что существенно понижает эвристический потенциал постколониальных исследований. Предметные исследования о причинах отставания социально-экономического развития стран Глобального Юга снова выходят на первый план²⁸. На повестке дня – достижение реального экономического и финансового суверенитета стран Африки²⁹.

В контексте второго этапа африканского пробуждения растет субъектность (агентность³⁰) Африканского континента и отдельных его стран. Волна политических изменений, в первую очередь в странах зоны Сахель, снова возвращает на повестку дня магистральные направления антиколониального дискурса, подлинную эмансипацию, а не ее постколониальную подмену, предполагающую успешную интеграцию мигрантов в англоязычные страны коллективного Запада.

Между коллективным Западом и мировым большинством развиваются процессы так называемого декаплинга (т.е. разрыва). После деглобализирующих стимулов Брекзита, пандемии *COVID-19*³¹, начала СВО и нарастающей конкуренции США – КНР³² сейчас наблюдается долгосрочный тренд на деглобализацию³³, разделение мира на отдельные техно-экономические зоны. Наиболее активно данные явления получили развитие в технологической сфере, достаточно активно они развиваются в экономической сфере, в политической, где формируются конкурирующие международные институты с похожим функционалом³⁴. Но происходит и фрагментация глобального информационного и, шире, ценностного и академического пространства. В таких условиях, несмотря на всю структурную силу западного мира в сфере образования и науки, наличие глобальных СМИ³⁵ и мощных иерархических систем распространения научных знаний³⁶, поддерживать ложные нарративы антиколониальной эмансипации становится все труднее.

Добро пожаловать в многополярный мир XXI века!

* * *

Отвечая на вопрос, вынесенный в название данной главы, стоит сказать следующее: «скорее нет, чем да». Т.е. постколониальные исследования являются скорее подменой подлинного антиколониального дискурса, уводом его в сторону, отвлечением на другие объекты. В контексте современных международных трансформаций значение данных подходов будет снижаться.

---

¹ *Korolczuk E., Graff A.* Gender as “Ebola from Brussels”: The Anticolonial Frame and the Rise of Illiberal Populism // *Signs. Journal on Women in Culture and Society*. 2018. 43 (04). P. 809.

² *Shohat E.* Notes on the ‘Post-Colonial’ // *Social Text*. 1992. 10 (2–3). P. 99–113.

³ *Бовдунов А.Л.* Вызов «деколонизации» и необходимость комплексного переопределения неокOLONиализма // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2022. 22 (04). С. 645–658.

⁴ *Зиновьев А.А.* Глобальный человек. М., 1997. 271 с.

⁵ *Appiah K.A.* In My Father’s House. Africa in the Philosophy of Culture. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 149.

⁶ *Соколов М., Тутаев К.* Провинциальная и туземная наука // *Антропологический форум*. 2013. № 19. С. 239–275.

⁷ *Дегтерев Д.А.* Незападные теории развития в эпоху глобального капитализма // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. 65 (04). С. 113–122.

⁸ См.: *Bayart J.-F.* Postcolonial Studies: A Political Invention of Tradition? // *Ab Imperio*. 2012. 2. P. 65–96; *Bayart J.-F.* Les Etudes Postcoloniales. Un Carnaval Académique. Paris: Karthala, 2010.

---

⁹ Дегтерев Д.А. К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы: контуры исследовательской программы // Постколониализм и современность. 2023. № 1. С. 27.

¹⁰ Авалян Г.А., Бутова А.И., Дегтерев Д.А. и др. Консультативный процесс по выработке Целей устойчивого развития: в поисках глобальных подходов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. 15 (04). С. 132–146.

¹¹ Payne J.G., Tornhill S. The enemy's enemy: feminism at the crossroads of neoliberal co-optation and anti-gender conservatism // Journal of Political Ideologies. 2023. 28 (01). P. 62–82.

¹² См.: Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 26–40; Дегтерев Д.А. К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы... С. 13–46.

¹³ См.: Абрамова И.О. (ред.). Африка: неоплаченный долг колонизаторов. М.: Институт Африки РАН, 2023. 122 с.; Бокерия С.А., Давидчук А.С., Дегтерев Д.А. и др. Советские исследования неокOLONИализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. 22 (04). С. 671–687; Taylor I. Sixty Years Later: Africa's Stalled Decolonization // Vestnik RUDN. International Relations. 2020. 20 (01). P. 39–53.

¹⁴ Chibbek V. Postcolonial Theory and the Specter of Capital. N.Y.: Verso, 2013.

¹⁵ Бокерия С.А., Дегтерев Д.А. (ред.). Миротворчество в многополярном мире. М.: Аспект Пресс, 2024. С. 17.

¹⁶ Zhang Ch. Postcolonial nationalism and the global right // Geoforum. 2023. 144. 103824. P. 1–5.

¹⁷ Korolczuk E., Graff A. Op. cit. P. 807–808.

¹⁸ Zhang Ch. Op. cit. P. 1–5.

¹⁹ Лукин А.В. Право на безумие // Россия в глобальной политике. 2021. 19 (05). С. 172–192.

²⁰ Ekeocha O. Target Africa. Ideological Neocolonialism of the Twenty-First Century. San Francisco: Ignatius Press, 2018.

²¹ Buss D., Didi H. Globalising Family Values: The Christian Right in the International Politics. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003.

²² Clifford B. The Global Right Wing and the Clash of World Politics. N.Y.: Cambridge University Press, 2012.

²³ Kaoma K.J. Colonizing African Values: How the US Christian Right is Transforming Sexual Politics in Africa. Report. Somerville: Political Research Associates, 2012.

²⁴ Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. 129 (01). P. 1–29.

²⁵ Vasiliev A.M., Degtrev D.A., Shaw T.M. Decolonization, Postcolonialism, Multiple Modernities, and Persistent East–West Divide in African Studies. In: Vasiliev A.M., Degtrev D.A., Shaw T.M. (Eds.). Africa and the Formation of the New System of International Relations. Advances in African Economic, Social and Political Development. Cham: Springer, 2021. P. 1–17.

²⁶ Korolczuk E., Graff A. Op. cit. P. 807–809.

²⁷ Kubi G. The Global Sexual Revolution: Destruction of Freedom in the Name of Freedom. Kettering: Angelico Press, 2015.

²⁸ Langan M. Neo-colonialism and the poverty of 'Development in Africa'. Cham: Palgrave Macmillan, 2018.

---

²⁹ *Gadha M.B., Kaboub F., Koddenbrock K., Mahmoud I., Samba Sylla N.* (Eds.) *Economy and Monetary Sovereignty in 21st Century Africa*. Pluto Press, 2022.

³⁰ *Brown W., Harman S.* (Eds.) *African Agency in International Politics*. L.: Routledge, 2013.

³¹ См. *Elliot L.* Globalisation is not working – in an age of insecurity, we need more local solutions // *The Guardian*, April 21, 2022. <https://theguardian.com/commentisfree/2022/apr/21/globalisation-supply-chain-crisis-covid-vaccines-self-sufficiency>; *Wang Z, Sun Z.* From globalization to regionalization: The United States, China, and the post-COVID-19 world economic order // *Journal of Chinese Political Science*. 2020. 26. P. 69–87.

³² *Cohen P.* Why It Seems Everything We Knew About the Global Economy Is No Longer True // *The New York Times*, June 18, 2023. <https://nytimes.com/2023/06/18/business/economy/global-economy-us-china.html>

³³ *Bremmer I.* Globalization Isn't Dead. The World Is More Fragmented, but Interdependence Still Rules // *Foreign Affairs*, October 25, 2022. <https://foreignaffairs.com/world/globalization-isnt-dead>

³⁴ *Clark R.* Pool or Duel? Cooperation and Competition Among International Organizations // *International Organization*. 2021. 75 (04). P. 1133–1153.

³⁵ *Дегтерев Д.А.* Ценностный суверенитет в эпоху глобальных конвергентных медиа // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2022. 22 (02). С. 352–371.

³⁶ *Лункин Р.Н., Гу Хо Ом, Дегтерев Д.А., Клемешев А.П., Кузнецова Т.Ю., Федоров Г.М.* Научные журналы в условиях трансформации международных отношений: проблемы, вызовы и перспективы. Ч. 2. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Международные отношения. 2023. 16 (04). С. 428–436.

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СТРАН АФРИКИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОТРУДНИКОВ ИНСТИТУТА АФРИКИ АН СССР / РАН (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX в.)¹

В октябре 2024 г. Институт Африки РАН отметил 65-летний юбилей, что дает основание подвести некоторые итоги коллективного пути научных поисков и достижений его сотрудников, воздать должное тем лидерам-востоковедам – инициаторам многих замыслов и начинаний, которые были основателями советской африканистики и первого в нашей стране научного центра этого направления.

Нельзя не присоединиться к мнению академика А.Б. Давидсона, который в своем выступлении от 17 октября 2017 г. на XIV Международной конференции африканистов в Москве настоятельно подчеркивал, что «ни одну профессию нельзя понять без ее истории, без судеб людей, которые отдавали жизнь своей профессии»¹. К сожалению, нередко бывает, что новые и молодые сотрудники, пришедшие в институт в последние десятилетия, не знают историю возникновения нашей науки – африканистики, становления института, его отцов-основателей. Они уделяют мало внимания тому опыту, который был накоплен до них. Рассматривая и анализируя проблемы, встающие сегодня, они не всегда осознают их связь с прошлым и не используют те научные достижения, которые были получены их предшественниками, в том числе в области исследования вопросов, связанных с колониализмом и деколонизацией, изучение которых было одной из наиболее важных областей исследования в африканистике того времени.

Поэтому, по нашему мнению, очень ценны воспоминания старейших сотрудников института, непосредственно вовлеченных как в научный процесс, так и в создание структурных подразделений этого академического учреждения. В этом плане можно назвать некоторые из них: «Взгляд на историю Института Африки из директорского кабинета (1959–1976)»² его второго директора Василия Григорьевича

---

* При написании этой главы были использованы материалы интервью автора: «Советская / Российская африканистика в 1960–1990 годы: историческое и культурологическое направления», опубликованного в журнале «Ученые записки Института Африки РАН». 2025. Т. 11. № 2 (71).

Солодовникова (1918–2018), книга снабжена богатым иллюстративным материалом из личного архива; статьи и выступления академика Аполлона Борисовича Давидсона (р. 1929)³; статьи д.и.н. Артема Борисовича Летнева (1929–2013), на протяжении 40 лет возглавлявшего Центр истории⁴.

Но особо хочу выделить книгу к.и.н. Юрия Михайловича Ильина (1925–2004), проработавшего в институте более 40 лет. Помимо научной деятельности он проводил и организационную работу, занимал ответственные посты: ученого секретаря по международным научным связям (1960–1971), ученого секретаря Научного совета Института Африки по проблемам экономического, социально-политического и культурного развития стран Африки (1976–2000), ответственного секретаря Ассоциации советских африканистов, которая в 1993 г. стала Российской ассоциацией африканистов (1990–2003); принимал самое активное участие в подготовке третьего издания Энциклопедического справочника «Африка» в 2 томах.

Книга Ю.М. Ильина «Институт Африки (1960–2004 гг.)»⁵, изданная после его кончины в 2005 г., – это не просто воспоминания; ее ценность состоит в том, что она является документально-историческим исследованием, беспристрастной хроникой событий, структурных изменений, основ творческих направлений научных исследований и международных научных связей; в ней упоминается деятельность многих сотрудников разных поколений и их вклад в африканистику. Издатель дополнил работу Приложением, в котором дается отчет о научной и научно-организационной деятельности Института Африки РАН, а также подборкой интересного иллюстративного материала из архива института и д.и.н. Р.Н. Исмагиловой, которая приложила немало сил для подготовки данной рукописи к печати. В настоящее время эта работа стала библиографической редкостью.

Автор настоящей главы принадлежит к числу тех сотрудников, которые пришли в институт в первое десятилетие его существования. Это мое единственное место работы за все прожитые 84 года, поэтому Институт Африки стал и моей жизнью, и моей судьбой. Позволю себе поделиться несколькими воспоминаниями о людях, процессах и событиях 1960–90 гг., свидетелем и участником которых я была.

Я начала заниматься Африкой, еще учась на 3-м курсе Истфака МГУ, и была знакома с сотрудниками института с 1964 г., получая консультации у Ученого секретаря Л.Д. Яблочкова, у Б.И. Шаревской, которые в том году пригласили меня на защиту кандидатской диссертации очень талантливого молодого ученого Ю.М. Кобищанова по Аксуму. Присутствовал посол Эфиопии. Это была блестящая

защита. Впечатления от нее, от атмосферы Ученого совета и разгоревшейся на нем научной дискуссии еще раз убедили меня посвятить свою научную жизнь африканистике, тем более что заместитель директора института Глеб Борисович Старушенко пригласил меня на работу в качестве своего референта, что позволяло мне очень тесно общаться со всеми сотрудниками данного академического учреждения.

Необходимо подчеркнуть, что при написании главы мною не ставилась задача дать историографический очерк трудов сотрудников института, подробно описать результаты их научной деятельности – это непосильная задача. Мне хотелось вспомнить о некоторых из наиболее ярких фигур, с которыми я была непосредственно связана не только по работе, но и находилась в тесных дружеских отношениях. Эти люди значительно повлияли на мое становление как исследователя истории и культуры народов Африканского континента.

Полагаю, что для сотрудников, пришедших в институт в первой четверти XXI в., очень важно не только познакомиться с итогами научных изысканий и с публикациями прошлых лет, но не менее важно больше узнать о людях, которые проводили эти исследования и двигали нашу науку, об их деловых и человеческих качествах, характерах, моральных принципах. Ведь именно человеческий фактор имел немалое значение в создании первого крупного научного центра африканистики в СССР в октябре 1959 г.

И в этом большую роль сыграл видный историк и этнограф д.и.н. Иван Изосимович Потехин (1903–1964), который еще с начала 30-х годов XX в. начал изучать проблемы народов Африканского континента, возглавлял отдел Африки в Институте востоковедения, первым из советских историков побывал по заданию Академии наук СССР в Гане и других странах континента в первой половине 1959 г.⁶, что было событием в отечественной африканистике. Это подвигло его к мысли о необходимости и своевременности создания особого института. Он нашел существенную поддержку у пользовавшегося огромным уважением со стороны руководства ЦК КПСС видного общественного деятеля США африкано-американца Уильяма Дюбуа.

Неукротимая энергия Ивана Изосимовича, то, что он был чрезвычайно активным, деятельным и увлеченным человеком, сделали свое дело. Руководство страны и ЦК КПСС в середине 1959 г. приняли решение о создании Института Африки. И хотя перед ним ставилась задача комплексного подхода к исследованию народов и стран континента, все же центральными темами были: история, экономика, изу-

чение национального вопроса и культуры⁷. 2 февраля И.И. Потехин как директор этого нового научного центра Академии наук издал свой первый приказ по институту. Так началась его история. К концу указанного года там работало 50 человек (один доктор наук – сам директор, и несколько кандидатов наук, а к середине 1962 г. научный коллектив вырос уже до 90 человек.

Здесь следует уделить особое внимание тому, как формировался штат научных работников института. К концу 1959 г. Африкой занимались немногие ученые в Институте этнографии (Московское и Ленинградское отделения) и в Институте востоковедения, которые и составили костяк нашего института. Некоторые из них до этого опубликовали фундаментальные труды, посвященные континенту: «Народы Африки» (1954), 732 с. или 68 п.л. (основные авторы: И.И. Потехин, Д.А. Ольдерогге, В.Б. Луцкий, М.В. Райт, А.С. Орлова, С.Р. Смирнов); С.Р. Смирнов «Восстание махдистов в Судане» (1950); А.Б. Давидсон «Матабеле и машона в борьбе против английской колонизации, 1888–1897» (1958), А.С. Орлова «Общественный строй мальгашей в XIX в.» (1958), вышли десятки статей.

Другие же сотрудники в большинстве своем ранее Африкой не занимались. Это были экономисты, политологи, географы, социологи, демографы, специалисты со знанием европейских языков. Все они только начинали знакомиться с народами Африки и познавать специфику их экономического, политического и социального развития.

И поэтому отцами-основателями российской африканистики, заложившими первые камни в фундамент нашего института, являлись яркие представители отечественной академической фундаментальной научной исторической, этнологической и культурологической школ. Неудивительно, что в первые десятилетия существования института центральными в его структуре по важности были подразделения истории и культуры. Первоначально приказом № 12 от 15 февраля 1960 г. были созданы секторы современных проблем, информации, истории, группа культуры и искусства. В их состав входили такие выдающиеся ученые, как С.Р. Смирнов, Л.Е. Куббель, А.Б. Давидсон, В.А. Субботин, И.П. Ястребова, М.Ю. Френкель, Г.А. Нерсесов, А.Б. Летнев, Ю.В. Луконин, Б.И. Шаревская. Их ряды пополнили недавно защитившие кандидатские диссертации по африканским проблемам А.С. Орлова, Р.Н. Исмаилова, Л.Д. Яблочков, Л.А. Демкина, С.Ю. Абрамова. Среди молодых, но подающих большие надежды выделялись такие талантливые ученые, как В.В. Крылов, Ю.М. Кобищанов, Н.Б. Кочакова, И.В. Следзевский, А.М. Пегушев, А.В. Никифоров.

В своих воспоминаниях о тех годах и упомянутых личностях д.и.н. А.Б. Летнев писал: «Именно они, в силу неординарного жизненного опыта наделенные особым духовным зрением, умевшие разглядеть перспективы, разрабатывали параметры научных штудий, определяли их векторы и темпы, доказывали чиновникам от науки первостепенную важность комплексности в африканистике, прививали молодежи вкус к работе с первоисточниками и неприятие поверхностности и конъюнктурщины. Это они, рыцари профессионализма, воспитали не одно поколение арабистов и африканистов. Те, кому посчастливилось работать с ними, стоявшими у истоков наших первых работ по истории, экономике, культуре Африки, никогда их не забудут»⁸.

К сожалению, многие из названных африканистов уже покинули сей мир. О каждом из них можно поведать очень много, что невозможно сделать в небольшом обзоре. Необходимо сказать одно – все они были корифеями своего дела, досконально знавшими предмет своего исследования, занимавшимися не только фактологией, подкрепленной источниками, но и теоретическими проблемами. Но самое главное – они были людьми высокой культуры, что определяло климат, создаваемый в творческих коллективах, который отличали доброжелательность, взаимоуважение и поддержка, а также демократичность в отношениях между руководством института и сотрудниками, между опытнейшими учеными и начинающими исследователями.

Необходимо отметить такую традицию, которая была заложена еще в те далекие годы, но существует до сих пор: в нашем институте, как правило, после защиты диссертации молодому сотруднику сразу разрешалось запланировать монографию, что в других академических институтах не практиковалось. Вообще к новичкам в науке относились очень уважительно, бережно, всегда их поддерживали и продвигали.

Поделюсь воспоминаниями о тех сотрудниках, которых время и история уже может оценить как выдающихся ученых. Они по широте своих научных интересов, размаху исследуемых проблем, серьезным теоретическим выводам, неординарным подходам к изучаемым материалам заслуженно могут быть названы классиками африканистики. Внесли они и огромный, основополагающий вклад в изучение истории и теории колониализма и деколонизации на Африканском континенте.

Это, прежде всего, доктор исторических наук Сергей Руфович Смирнов (1909–1969) – первый ученый, вставший у руля Сектора ис-

тории. Он был ветераном Великой Отечественной, учеником патриарха и одного из основателей советской африканистики чл.-корр. АН СССР Дмитрия Алексеевича Ольдерогге (1903–1987), сподвижником И.И. Потехина, одним из создателей современной школы российских африканистов, ведущим специалистом в области истории и этнографии Африки.

С.Р. Смирнов, по мнению его коллег, «широко образованный арабист и африканист, глубоко эрудированный ученый с ярко выраженным аналитическим складом ума, человек творческой мысли и высокой принципиальности, он пользовался в коллективе Института высоким научным авторитетом»⁹. Для него нравственные критерии были важнее других, принципиальность, научная смелость, неприятие скороспелых выводов – таков был его научный стиль.

Основными темами его научных интересов были: история Судана, история колониализма и антиколониальной борьбы, особенно махдистского движения. Он разрабатывал крупные, ключевые в истории континента теоретические проблемы, такие как периодизация исторического развития, особенности косвенного управления в британских колониях (на примере Нигерии), впервые употребил понятие «религиозный фундаментализм» применительно к некоторым направлениям идеологии в исламе, указав на его реакционный характер. С.Р. Смирнов принимал участие в полевых экспедициях в Судане и Сомали, был причастен к формированию экспедиции в Эфиопию. Но его ранняя смерть в 1969 г. не дала ему возможности там побывать. Необходимо отметить, что он был первым из советских судановедов, кому удалось поработать с полевым материалом в изучаемой стране (1958). По итогам своих исследований он издал в 1968 г. книгу «История Судана»¹⁰. Он автор многих трудов, по которым учились несколько поколений студентов и аспирантов. Его фундаментальные исследования и те многочисленные коллективные монографии, где он выступал как ответственный редактор и один из основных авторов, издавались за рубежом и очень ценились самими африканцами.

С.Р. Смирнов неоднократно выезжал за рубеж на конференции, так, например, он вместе с Л.Д. Яблочковым и А.Б. Летневым выступал с докладами на I Международном конгрессе востоковедов (Москва, 1960), на Международной конференции «Судан в Африке» (Хартум, 1968).

И хотя этот выдающийся ученый, которому в 2024 г. исполнилось бы 115 лет, был у руководства Сектором истории только 10 лет, С.Р. Смирнов заложил прочный фундамент исторических исследова-

ний по Африке, дав им правильный вектор. Сменив его на этом посту, д.и.н. Артем Борисович Летнев (1929–2013) продолжил эти традиции. Так, за 60–90-е годы было опубликовано более 100 только индивидуальных и коллективных монографий и сборников по самым различным странам, эпохам (от древнейшей до современной истории), темам и проблемам. Стоит упомянуть лишь некоторые из них, в которых исследуются древние и доколониальные политические образования в Западной, Центральной, Северо-Восточной и Восточной, Юго-Восточной и Южной Африке, на о. Мадагаскар, антиколониальные и национально-освободительные движения, социально-политическое развитие освободившихся африканских государств в новейшей истории и т.п.

По проблемам доколониальной истории и развитию потестарных и раннегосударственных образований можно выделить знаковые труды наиболее крупных ученых. Безусловно, крупнейшим специалистом по древней истории различных регионов Африки южнее Сахары (включая изучение особенностей политического, социально-экономического и культурного развития проживающих там народов) был Юрий Михайлович Кобищанов (1934–2022), который работал в институте со дня его основания. В октябре 2024 г. ему было бы 90 лет. Он был человеком энциклопедических знаний и многосторонних научных интересов, издал несколько десятков монографий, тематика которых имела очень широкую амплитуду тем, направлений, жанров: от исследований древних цивилизаций (Мероэ, Аксум), располагавшихся на территориях современных Судана и Эфиопии, до социально-политических структур традиционных обществ, от рассмотрения тайных обществ до изучения местных религий, от танцевальной и музыкальной культур и исследований мелконатурального общинного производства до явления полудья в системе различных мировых цивилизаций, включая Древнюю Русь, Африку, азиатские и европейские культуры¹¹. Ю.М. Кобищанов подготовил многотомные издания крупнейших исследований по распространению христианства и ислама¹².

Этот ученый уделял большое внимание теоретическим вопросам. Он был активным участником научных дискуссий по «азиатскому способу производства», являлся автором теории большой феодальной формации. Вместе с И.В. Следзевским выпустил серьезные фундаментальные исследования: «Африка: возникновение отсталости и пути развития» (отв. ред. Л.Е. Куббель), «Община в Африке» (отв. ред. С.А. Токарев)¹³.

Он был прекрасным популяризатором науки и знаний об Африке. В 1967 и 1970 гг. Кобищанов вместе с В.Б. Миримановым и Н.Б. Ко-

чаковой выпустил два тома «Африка еще не открыта» и «Африка: встреча цивилизаций»¹⁴.

Этот ученый не был эгоцентриком, он всегда фонтанировал идеями и делился ими с коллегами, собирая вокруг себя творческие коллективы, состоящие не только из опытных профессионалов, но и молодых, начинающих сотрудников.

Классическим ученым-африканистом бесспорно можно считать д.и.н. Наталью Борисовну Кочакову (1932–2014), чья эрудиция, профессиональный кругозор и многообразие исследуемых тем и проблем, касающихся доколониальной истории и культуры народов Нигерии и других этносов Западной Африки, были необычайно широки, а научный анализ – чрезвычайно глубок.

Начиная со своей пионерской работы «Города-государства йорубов», опубликованной в 1968 г. по материалам кандидатской диссертации, Наталья Борисовна, рассматривая проблемы происхождения цивилизации Ифе, поднимала общие вопросы о характере социально-политических институтов переходного периода от бесклассового общества к классовому¹⁵.

Н.Б. Кочакова – автор более сотни глав и статей и нескольких монографий, среди которых можно выделить фундаментальный труд «Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея)»¹⁶. В ней, исследуя особенности развития истории, культуры, религии создавших ее народов, она делала упор на анализе традиционных институтов управления и власти, на роли тайных обществ.

Н.Б. Кочакова – участник многих всероссийских и международных конференций. Была в командировках в Нигерии, немало ее статей посвящено проблемам африканской историографии¹⁷.

Необходимо отметить также такие выдающиеся работы, посвященные древней и раннефеодальной истории Западной Африки, как «О феодализме у ашанти» И.И. Потехина¹⁸, «Из истории древнего Мали», «Страна Золота», «Сонгайская держава»¹⁹ Л.Е. Куббеля, «В поисках Нигера» Ю.Н. Зотовой и Л.Е. Куббеля²⁰, «Хаусанские эмираты Северной Нигерии» И.В. Следзевского²¹.

Крупные исследования по доколониальным государственным образованиям Центральной Африки, Межозерья и Мадагаскару принадлежат перу известного африканиста к.и.н. А.С. Орловой (1921–1993): «История государства Конго», «Страницы истории Великой саванны (доколониальная история государств народов баконто, бакуба, балуба, балунда)» и другие монографии²². Она первая на кафедре этнографии истфака МГУ начала читать лекции по Африке.

Изучению древней цивилизации Зимбабве-Мономотапа (на территории совр. Республики Зимбабве) и ранних политических образований народов Замбии и Уганды посвящены работы Н.А. Ксенофоновой²³, которая своими научными выводами подтвердила теорию об автохтонном происхождении монументального каменного строительства.

В 1981 г. Сектором истории был начат выпуск серии капитальных исследований, посвященных отдельным странам. Первая книга из них – «История Нигерии в новое и новейшее время»²⁴, основными авторами которой были Ю.Н. Зотова, Н.Б. Кочакова, И.В. Следзевский, Л.Н. Прибытковский, И.Т. Катагощина. Всего было подготовлено 16 книг, посвященных таким странам, как Заир, Уганда, Гана, Кения, Танзания, Эфиопия, Того, Замбия, Мавритания, Алжир, Ливия, Судан, Сьерра-Леоне, Мали, Либерия.

Необходимо заметить, что в данные издания, помимо анализа исторического развития народов и стран Африки в разные временные периоды, непременно включались отдельные главы, посвященные традиционной культуре и культурному строительству в независимых государствах. Этим же проблемам уделялось значительное внимание в «Энциклопедическом справочнике Африка» в первом (1963) и втором (1987) изданиях²⁵. И это неудивительно, история и традиционная культура африканских народов тесно переплетены между собой и неразрывно связаны. И поэтому многие африканисты-историки были одновременно и знатоками культуры, как это было в случае и с д.и.н. Львом Евгеньевичем Куббелем (1929–1988), сначала возглавившим группу по изучению культуры в Секторе истории, а затем – и самостоятельный одноименный сектор.

Сам Л.Е. Куббель – представитель ленинградской школы африканистов и ученик патриарха африканистики чл.-корр. РАН Д.А. Ольдерогге – был эрудитом, большим специалистом в области древней и средневековой истории, африканских традиций и культуры, незаурядным организатором науки. Под его редакцией вышло несколько монографий, он воспитал много студентов и аспирантов. Л.Е. Куббель подготовил вместе с В.В. Матвеевым 2-томное издание серии арабских источников VII–XIII вв. по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары²⁶, перевел с арабского «Суданские хроники»²⁷. Необходимо отметить его интересную статью «Древнейшие сообщения об обычаях соправления брата и сестры» во многих африканских культурах, что можно рассматривать как пионерское исследование в отечественной африканистике по гендерным проблемам²⁸.

Помимо прочего, Куббель разрабатывал вопросы теории. Он был первым в отечественной африканистике, кто создал теорию потестарности в книге «Очерки потестарно-политической этнографии»²⁹.

В жизни Л.Е. Куббель был обаятельным и благожелательным человеком, всегда вызывал к себе у окружающих чувство симпатии и уважения. Его работы отличались энциклопедичностью знаний, масштабностью исследованных тем и по праву вошли в золотой фонд отечественной африканистики. Под его руководством специалисты в области культуры, искусства, фольклора, литературы и религии подготовили и издали более десятка фундаментальных исследований.

В частности, в описываемый период работа института характеризовалась достижениями в области религиоведения. Основным и ведущим специалистом высокого класса по этому направлению науки была д.и.н. Берта Исааковна Шаревская (1904–1984), труды которой высоко оценивались как отечественными, так и зарубежными африканистами. Она пользовалась уважением Патриарха Московского и всея Руси Пимена (с 1971 по 1990 г.).

В октябре 2024 г. ей исполнилось бы 120 лет. Б.И. Шаревская окончила аспирантуру исторического факультета МГУ, специализируясь на изучении религии древних и малокультурных народов (называвшихся так в те времена). Работала зав. Отделом религии и атеизма в древнем мире в Центральном антирелигиозном музее, в Институте этнографии, а с конца 1959 г. – во вновь образованном Институте Африки РАН. Владея несколькими языками, она перевела книги Л. Леви-Брюля «Сверхъестественное в первобытном мышлении», Э. Тэйлора «Первобытная культура», Ш. Эшлена «Происхождение религии».

Ее научная деятельность была очень разнообразна и масштабна; она не замыкалась только на религиозной тематике. Б.И. Шаревская в своих исследованиях, лекциях студентам, докладах на международных конференциях уделяла много внимания проблемам культуры, фольклора, изобразительного искусства. Например, высокую научную ценность имеет ее большая статья «Маски Тропической Африки» в монографии «Искусство Африки» (1975), где она не только описывает разнообразные их виды, но и предлагает их типологию, выявляя место масок в обыденной и духовной жизни африканцев, показывает связь религии и искусства.

Б.И. Шаревская была первой среди отечественных ученых, создавшей курс лекций по африканским религиям, а программа, составленная ею, до сих пор хранится в архивах кафедры африканистики ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. Об этом поведала профессор этой

кафедры д.и.н. Э.С. Львова в своем докладе «Б.И. Шаревская – основоположник отечественного африканского религиоведения» на конференции «История и историография Африки в лицах: взгляд из России и мира», состоявшейся 25–26 сентября 2024 г. в Институте всеобщей истории РАН, приуроченной к 95-летию академика А.Б. Давидсона³⁰.

Как отмечают современные ученые, многое из того, что исследовала и написала эта выдающаяся африканистка, актуально и ценно и в наши дни. Выводы и оценки, сделанные ею в таких фундаментальных трудах, как «Старые и новые религии Тропической и Южной Африки» (1964), «Традиционные религии Тропической и Южной Африки» (1964) и «Традиционные религии Тропической Африки» (1975)³¹, очень интересны и делают эти книги своеобразной энциклопедией африканских религий.

В этих монографиях впервые на русском языке было дано систематическое описание традиционных культов различных африканских народов в сочетании с анализом таких религиозных явлений, как фетишизм, анимизм, магия, тотемизм, культ вождей предков, культ природы. Значительное место уделяется роли тайных союзов, образованию, роли независимых афро-христианских сект и их связи с национально-освободительным движением.

Необходимо отметить, что, хотя Б.И. Шаревская и Л.Е. Куббель были в основном культурологами и специалистами по древней и средневековой истории Африки, они, как настоящие ученые, обладающие широким научным кругозором, не могли не остаться в стороне от исследования такого болезненного и трагического периода в жизни континента, как колониальный захват его территорий и порабощение живущих там народов.

Неслучайно создание нашего института совпало с мощным рывком изучаемых стран к независимости – наступил «год Африки». И советские ученые отчетливо понимали важность вскрытия всех пороков и язв империалистической колониальной политики, тяжесть ее наследия для молодых независимых государств. Они справедливо полагали, что для понимания сути этого явления, необходимо обратиться к истокам проблемы, обратить свой взор на несколько веков назад.

Б.И. Шаревская, оперируя множеством фактов, подробно описывает историю проникновения и завоевания европейскими державами территорий Западного Судана, Восточной, Центральной и Южной Африки, деятельность европейских купцов, исследователей и миссионеров, анализируя их методы христианизации коренного населе-

ния. Она доказывает, что все подобные деятели, хотели они сами этого или нет, были локомотивом и проводником колониальных устремлений португальских, голландских, английских, французских, немецких и бельгийских захватчиков. Автор развенчивает созданный европейской пропагандой миф о «цивилизаторской миссии» подобной политики.

Л.Е. Куббель, подготовивший вместе с Ю.Н. Зотовой книгу «В поисках Нигера», вслед за Б.И. Шаревской расширяет и углубляет данную тему. Он начинает исследования с XVIII в., когда европейские, прежде всего британские, путешественники и исследователи начали изучение третьей по величине реки Африканского континента – Нигера, берега которой были богаты природными ресурсами.

Как подчеркивали авторы, в конечном итоге путешественники прокладывали путь последующей колонизации африканских стран, объективно они оказывались в роли авангарда и разведчиков алчного европейского капитала. «Хотя инициаторами и организаторами географических экспедиций в Африку выступали чаще всего деятели, движимые эгоистическими, а то и попросту хищническими побуждениями, те, кто непосредственно осуществлял такие предприятия, обычно были людьми совсем иного склада. Трагедия тех, кому будет посвящен наш рассказ, заключалась не только в том, что почти все они погибли во время путешествия от невзгод и болезней, но и в том, что большинство этих людей были искренне уверены в благородных целях своих экспедиций, считали себя носителями более высокой культуры, к которой надо приобщить “невежественных” африканцев. Они не были расистами, и многие из них открыто выступали против рабства и европейской работорговли.

Результаты усилий героев этой книги, достигнутые ценой незаурядной отваги, тяжелых лишений и утрат, впоследствии были использованы совсем не так, как им бы хотелось, и принесли невероятные страдания африканским народам, но вряд ли можно винить за это, скажем, Хорнемана, Лэнга или Кайе. Исследователями двигала в первую очередь высокая человеческая страсть – жажда познания, стремление увидеть неведомые страны, наконец, желание прославить открытием новых земель свою страну»³².

Возможности торговли в этих областях превосходили самые оптимистические ожидания, и представители различных торговых компаний высоко оценивали результаты этих путешествий, предвидя колоссальные прибыли от будущих коммерческих операций.

«Рука об руку с купцами и военными шли христианские миссионеры. После правительственной экспедиции на Нигер в 1841 году к

ним перешли функции передового отряда колонизации. Конечно, было бы несправедливым обвинять в этом всех миссионеров подряд: среди них оказывалось не так уж мало людей, искренне считавших себя носителями слова божия и убежденных в благородных целях своей деятельности. Беда только, что не они направляли деятельность британских духовных миссий. И угроза независимости народов, живущих по берегам Нигера, не становилась меньше оттого, что в числе миссионеров были и субъективно порядочные люди»³³.

Ю.Н. Зотова и Л.Е. Куббель показывали в своей книге, что первоначально проводившаяся политика «договорных отношений» представителей Великобритании с местными вождями к середине XIX в. исчерпала себя. И пришельцы из Европы стали применять силу с помощью армии и флота, что привело к насильственному захвату африканских территорий и закабалению их жителей, терпевших колониальный гнет почти 100 лет.

Советские историки в своих исследованиях доказывали, что экспансия европейской цивилизации в Африку началась значительно раньше – точка отсчета относится к середине XV в. – и продолжалась более 400 лет. Имя этого явления – трансатлантическая работорговля.

«Работорговля была одним из “главных моментов” первоначального накопления, она оказала большое влияние на развитие капитализма в странах Европы и Америки. Ее роль в истории Африки чрезвычайно сложна и трагична. Последствия ее до сих пор полностью не изучены. Они проявляются и в настоящее время, и поэтому история работорговли отнюдь не принадлежит прошлому, а является одной из актуальных проблем сегодняшнего дня»³⁴.

Этот вывод был сделан к.и.н. Светланой Юрьевной Абрамовой (1929–2013), которая свою первую книгу на данную тему «История работорговли на Верхне-Гвинейском побережье (вторая половина XV – начало XIX в.)» опубликовала еще в 1966 г.³⁵

Особо следует отметить ее непревзойденный до сих пор вклад в исследование данной проблемы: она много лет посвятила изучению трансатлантического европейско-американского вывоза невольников-африканцев на плантации и рудники Америки и Вест-Индии до запрещения этой практики в начале XIX в., а также его влияния на развитие стран Европы и Нового Света.

При подготовке своего фундаментального труда С.Ю. Абрамова обработала и проанализировала огромное количество мемуарной и научной литературы, выпущенной на европейских языках, статистические материалы. Она работала в архивах Ливерпуля и Антиневоль-

ничьего британского общества, созданного в 1823 г., в Государственном архиве Великобритании. Монография «Африка: четыре столетия работорговли» под редакцией д.и.н. А.Б. Давидсона была издана дважды и в 1988 г. переведена на французский язык.

За 60-90-е годы прошлого века учеными института (А.З. Зусмановичем, Ю.Н. Зотовой, Ю.В. Лукониным, В.А. Субботиным, А.М. Пегушевым, М.Ю. Френкелем, Л.А. Демкиной, Л.Д. Яблочковым, Н.И. Гавриловым, Л.В. Гончаровым и др.) подготовлены десятки монографий по истории захвата территорий на Африканском континенте, особенностям колониального управления Франции, Великобритании и других европейских держав, по созданию и функционированию колониального общества и места в нем коренных жителей континента³⁶.

Сложно даже просто перечислить названия всех работ, посвященных данным вопросам. Но все же наиболее яркие и знаковые исследования необходимо рассмотреть поподробнее. Это, прежде всего, монография Людмилы Алексеевны Демкиной (1927–2007) «Крах Федерации Родезии и Ньясаленда»³⁷, написанная в 1965 г. по свежим следам событий, происходивших в бывшей Британской Центральной Африке, включившей в себя Северную и Южную Родезии и Ньясаленд. В 1953–1963 гг. английские колониальные власти при активной поддержке многочисленных белых колонистов, проживающих на этих территориях и получающих огромную прибыль от горнодобывающей промышленности и фермерского сельского хозяйства, пытались создать в этом регионе континента форпост европейского империализма, который, движимый экономическими интересами, сосредотачивал все усилия на том, чтобы не выпускать из-под своего политического контроля общественное развитие стран и, прежде всего, воспрепятствовать набирающему силу национально-освободительному движению. Для этого изыскивались новые формы и методы, которые позволили бы не только сохранять, но и упрочить этот контроль. Так, возникла идея создать Федерацию из трех территорий, но, как убедительно показывает в своем исследовании Л.А. Демкина, она оказалась полностью нежизнеспособной и провалилась.

Ценность данной работы состоит еще и в том документальном материале, который использовала автор при анализе поставленных проблем. В качестве источников привлекались официальные публикации правительства Федерации Родезии и Ньясаленда и министерства колоний Великобритании (в частности, статистический ежемесячник Федерации, издававшийся в 1954–1963 гг., материалы выборочного демографического обследования населения Южной Родезии и др.), а

также справочные издания Организации Объединенных Наций. Значительный интерес представляют отчеты и материалы специальных комиссий, занимавшихся по поручению правительства метрополии рассмотрением отдельных вопросов, связанных с экономической и политической жизнью Британской Центральной Африки.

При изучении социальных процессов в странах Британской Центральной Африки автор использовала исследования сотрудников этнографического «Института Роса – Ливингстона» (Северная Родезия).

Очень подробное исследование колониального проникновения Великобритании в Западную Африку во второй половине XIX в., установления там колониального режима, получившего в научной и политической литературе название «косвенного управления», провела ведущий специалист в этом вопросе к.и.н. Юлия Николаевна Зотова

Уже во введении автор, обосновывая важность разработки данной темы, подчеркивает, что «история Африки подверглась фальсификации со стороны буржуазных ученых Западной Европы и США. В период колониальной экспансии в буржуазной историографии прочно утвердился миф о “прогрессивности” европейской колонизации для Африки. Ныне, в условиях усиления воздействия “культурного” неоколониализма на Африку, “утонченного” идеологического наступления на африканские страны империалистических держав, официальные буржуазные историки выдвинули ряд новых исторических концепций. Отличаясь внешне новизной, они на деле протаскивают все ту же идею “цивилизаторской миссии белого человека в Африке”. Однако делается это теперь в завуалированном виде»³⁸. Они продолжают оправдывать колонизацию и доказывать, что без руководства «цивилизированных» империалистических держав африканские народы не смогли бы установить «законность и порядок», «пресечь работорговлю», «покончить с рабством, междоусобицами, варварскими обычаями, достичь более высокого уровня социально-экономического развития».

Развенчание подобных фальсификаций – одно из условий духовного раскрепощения африканских народов. Этому посвящена и рассматриваемая монография.

Изучение исторического развития народов Нижнего Нигера, проживающих в бывшем едином колониальном владении – Южной Нигерии, сложная тема, требующая исследования целого комплекса политических и социальных проблем. Ю.Н. Зотова доказывает, что истоки конфликтов в нынешнем нигерийском обществе, несомненно, уходят в прошлое, связанное с периодом колониальной экспансии

Англии, политика которой была направлена на искусственное обособление наиболее крупных народов, разжигание противоречий и междоусобиц между ними и обострение этнических разногласий с целью облегчить становление колониального режима.

Кроме истории колонизации, первой своей задачей автор считала воссоздание истории борьбы народов Южной Нигерии против иностранного вторжения, которая оказалась вырванной буржуазными учеными из общей исторической канвы и несправедливо забытой. В работе рассматриваются не только сопротивление городов-государств Дельты английской экспансии, но также первые народные восстания в период становления колониального управления в Южной Нигерии. Автор пыталась показать направленность этих выступлений, изменение методов борьбы и требований, выдвигавшихся восставшими в разные периоды, а также позиции тех, кто стоял во главе сопротивления колонизации.

Характеристике роли местных правителей и вождей в борьбе против экспансии и их взаимоотношений с англичанами на всех этапах колонизации уделяется особое внимание. Подробно изучаются различные методы привлечения местных правителей на службу Англии и причины, побуждавшие вождей к той или иной форме альянса с колонизаторами.

Нельзя не остановить свое внимание на многолетних фундаментальных исследованиях выдающегося советского африканиста д.и.н. Валерия Александровича Субботина (1927–2003), который пришел в Институт Африки в первые годы после его создания. В это время начинала рушиться колониальная система на континенте. Этот ученый был из тех, кто понимал, что надо уметь не только разоблачать колониализм, но и объяснять сущность этого явления, досконально разбираться в его корнях, особенностях, негативных и позитивных сторонах. Этому он посвятил многие свои исследования, написанные в 60–90-е годы XX в.³⁹

В.А. Субботин принадлежал ко второму поколению советских африканистов и был уже менее скован сталинско-коминтерновскими идеологическими догмами, чем его предшественники и учителя. Ему пришлось приложить огромные усилия для преодоления укоренившейся в общественном сознании идеологии.

Он неоднократно бывал в командировках в африканских странах (в Конго, Гвинее, Сенегале, Гвинее-Бисау, в Гане, на о-вах Зеленого мыса), работал там в архивах.

Он был первым, кто еще в 1972 г. поставил вопрос о формировании к началу XX в. в Тропической Африке и на островах Индийского

океана колониального общества, охарактеризовав его параметры, векторы эволюции. В.А. Субботин блестяще умел работать с первоисточниками, изучил множество литературы на французском, английском, немецком, итальянском, португальском и испанском языках, что позволяло ему значительно расширить поле своих исследований и углубить познания научного материала⁴⁰.

Он внес значительный вклад в отечественную африканистику, начав изучение африканской истории с анализа французской колониальной политики на континенте (западной его части, экваториальной и островной), затем он приступил к сравнительному анализу французских колониальных владений с бельгийскими и британскими, а с 1990-х годов ученый пополнил исследуемое колониальное пространство изучением португальской формы колониализма.

В.А. Субботин, обобщая полученный материал, приходит к выводу о многоаспектной связи двух важнейших исторических феноменов: великих географических открытий и колониальной экспансии европейских держав, рисуя образы таких первопроходцев, как Колумб, Васко да Гама, Магеллан⁴¹.

Ученый наряду с анализом этих процессов дает широкий спектр портретов наиболее крупных деятелей – строителей колониальной империи, уделяя пристальное внимание таким деталям, как описание военной техники, тактики военных действий и т.п.

Наследие В.А. Субботина очень ценно для современных африканистов и неудивительно поэтому, что его последний труд, который не успел выйти при жизни автора, был издан в наши дни⁴².

Проблемам колониализма и его последствий для африканских стран был посвящен ряд совместных исследований историков СССР и их коллег из стран народной демократии (Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии), по результатам которых издавались сборники⁴³.

Необходимо отметить еще один важный аспект данной проблемы – это изучение трудов национальных историков африканских стран. Блестящим их знатоком проявила себя Н.Б. Кочакова в работе «История Африки в трудах африканских ученых. Научно-аналитический обзор»⁴⁴.

Автор в «Предисловии» подчеркивает, что главное внимание уделено основным направлениям исследований. Главная цель состояла не в обзоре новейших работ, а «в выявлении ведущих тенденций развития африканской историографии на протяжении послевоенного периода с преимущественным вниманием к работам конца 60-х – начала 70-х годов»⁴⁵.

Н.Б. Кочакова с первых же строк знакомит читателя с основными и незыблемыми принципами «африканского» подхода к истории континента – это объективность в рассмотрении исторических процессов и, прежде всего, роли самих местных народов в общественно-политическом развитии. Другая важнейшая идея – признание африканскими учеными необходимости ставить свои исследования на службу обществу.

Наряду со многими важнейшими социокультурными и историческими проблемами, рассматриваемыми в африканской историографии, на передний план в их исследованиях выдвигаются такие темы, как африканский подход к истории колониализма и к характеристике колониальных режимов, их влияния на социально-политическую жизнь коренных народов, а также анализ особенностей косвенного управления.

Как показывает Н.Б. Кочакова, ведущие африканские историки с мировым именем, такие как К.О. Дике, А. Аджайи, и их коллеги, ставили на первое место вопрос об «африканизации» национальной истории, т.е. о расширении источниковедческой базы и выработке особой методологии изучения и использования устной традиции и неписанных источников, включая данные социальной антропологии, археологии, лингвистики и фольклора.

При анализе колониального периода африканские ученые высказывались о необходимости развенчания исторических мифов о якобы «благородных» целях европейцев, завоевывавших коренные народы континента, сформулированных колониальной историографией. Они доказывали, что местное население большинства стран имело свою богатую историю и культуру на протяжении веков до прихода колонизаторов.

Н.Б. Кочакова констатирует, что африканская историография, главным образом нигерийская, неоднозначно оценивает последствия колониальных режимов. На протяжении более десятка лет она «разрабатывает сложный комплекс проблем, связанных с ролью колониализма... в создании новых социальных слоев и групп в Африке. Преимущественное внимание уделяется зарождению и росту так называемой новой элиты и среднего класса, т.е. <...> европейски образованных африканцев, из которых в колониальный период стала формироваться интеллигенция, государственные служащие, будущие политические деятели»⁴⁶ и лидеры национально-освободительного движения.

История антиколониальной борьбы африканских народов за свободу и независимое развитие теснейшим образом связана с пробле-

мами колониализма. Поэтому советские историки второй половины XX в. уделяли этому вопросу много внимания. Ему были посвящены индивидуальные и коллективные монографии. Среди них особо хочется отметить два фундаментальных исследования: «История национально-освободительной борьбы народов в новое время» (1976) и «История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время» (1978)⁴⁷.

В 60–90-е годы прошлого столетия научная жизнь в нашем институте развивалась в соответствии с требованием времени, с учетом свежих веяний как в международной политике, так и в мировой науке в целом. Создавались объективные условия для появления новых структур в институте и направлений в африканистике. Нередко этому способствовала инициатива сотрудников.

Необходимо отметить несколько позитивных моментов, существующих на протяжении всей 65-летней истории института. Прежде всего, это касается взаимоотношений его руководства и коллектива. С самых первых лет становления нашей научной организации в ней присутствовала очень демократичная атмосфера. И все директора (а их сменилось 5) и заместители были и остаются открыты и доступны для рядовых сотрудников в любое время, по всякому вопросу. Кроме того, они благожелательно относятся ко всем предложениям, новым идеям и проектам, исходящим снизу. Так, например, по инициативе д.и.н. И.В. Следзевского в 1989 г. была создана группа исследований социального развития, в основу работы которой был положен новый теоретический метод научного анализа, по которому политические процессы и структуры государств Африки рассматривались не на основе формационной модели, а с опорой на новые принципы и понятия политической науки. Цивилизационный метод исследований позволял дать анализ африканских обществ, объяснить их особенности, формы и наметить перспективы их эволюции.

Творческий коллектив издал несколько монографий и успешно рекомендовал себя, что позволило руководству преобразовать в 1998 г. группу в Центр цивилизационных и региональных исследований, и до сего времени являющийся ведущим научным подразделением института, главными направлениями которого являются такие проблемы, как разработка теории цивилизационного развития, его культурной константы, проблем взаимоотношения культуры и личности в ситуациях общественных переломов, а также исламские исследования.

Другим важным явлением, активно поддерживаемым Дирекцией, было создание в 1991 г. Группы гендерных исследований, которую

до сих пор, уже почти 35 лет, возглавляют д.и.н. Н.Л. Крылова и к.и.н. Н.А. Ксенофонтова. Группа очень подвижна, хотя ядро ее неизменно, состав ее постоянно меняется за счет привлечения специалистов из других центров института, родственных академических и образовательных учреждений Москвы, С.-Петербурга, Ярославля, Твери, Адыгеи, из стран Африки. Среди них не только высокие и опытные профессионалы, но и аспиранты и студенты ИСАА, РГГУ, Санкт-Петербургского университета. На конференциях африканистов наша секция самая многочисленная и наиболее посещаемая.

Появление этой Группы ознаменовало собой формирование нового направления в африканистике, вобравшего в себя элементы многих научных дисциплин: истории, этнологии, культурологии, филологии, социологии, политологии, психологии, искусствознания, философии, экономики. Такой междисциплинарный подход позволяет последователям этого направления анализировать самые различные аспекты как приватной, так и общественной жизни африканцев, имевших место как в прошлом (в доколониальный и колониальный периоды), так и в настоящем. Была основана книжная серия «Гендерные исследования Института Африки». На сегодняшний день опубликовано 26 томов индивидуальных и коллективных монографий и сборников, посвященных самым разным актуальным проблемам: гендерный аспект экономического, социального и политического развития в доколониальный, колониальный и постколониальный периоды; женские общественные и политические движения; изменения гендерного сознания и поиск идентичности; особенности внутрисемейных, поколенческих и межполовых отношений; проблемы гендера и власти, гендерного насилия; гендерные особенности культуры, искусства и литературы и т.п.

Обозревая исследования, проведенные сотрудниками Института Африки РАН в 60–90-е годы прошлого столетия, приходишь к выводу о той большой и плодотворной работе и значительном вкладе в африканистику, который был сделан нашими предшественниками.

И в первой четверти нашего века Центр истории и культурной антропологии, продолжая традиции своих основателей, используя их методику и вектор научных исследований, выпустил много интересных и глубоких трудов, интересных современному читателю и представляющих научную ценность. Это важно и сейчас, когда западные державы стремятся вновь запустить неоколониалистский механизм в отношении африканских стран, а некоторые представители европейской науки пытаются навязать им идеологию и постмодернистские теории с чуждыми морально-этическими ценностями.

Современные африканские политики и ученые активно сопротивляются этому. Подобное можно проследить, например, в коллективной монографии «Декolonизация человека: размышление из Африки о различиях и угнетении» (2021), изданной в Йоханнесбурге под редакцией Уильяма Мпофу и Мелиссы Стейн⁴⁸.

К.и.н. О.Э. Олувакайоде – ассистент кафедры теории и истории международных отношений РУДН им. Патриса Лумумбы, африканец, в своей рецензии на данную книгу в качестве важной задачи, стоявшей перед национальными учеными – авторами глав, представлявшими политологию и культурологию, отмечает превалирующий в ней дискурс деколонизации и реформативирования африканской идентичности через «деконструкцию господства западных эпистемологий», что «в конечном счете позволит преодолеть маргинальность и угнетение *другого*, на протяжении веков исключенного из западных матриц бытия»⁴⁹.

В качестве основных постулатов и ориентиров развития современной Африки рецензент отмечает достижение свободы генерировать знания с африканской точки зрения, что усиливает интеллектуальную независимость, «развивает африканское самописание для восстановления собственной идентичности в глобальном контексте, продолжает движение за деколонизацию и культурное возрождение на континенте»⁵⁰.

Как замечает Олувакайоде, «Критический подход книги предлагает комплексное осмысление проблем и возможностей, с которыми сталкиваются современные африканские общества, преодолевая наследие колониализма и стремясь к более активному и инклюзивному “конвенциональному” будущему»⁵¹, в котором важное место занимает уважение и следование африканской истории и традиционной культуре.

И еще очень важный аспект, отмечаемый африканскими учеными, – это многосторонний диалог между разными цивилизациями и культурами путем обмена своими достижениями в этой области. В данном направлении действует и наша страна, сближаясь не только в области международной политики, но и в сфере науки и культуры со странами Глобального Юга, например проведя в этом русле Первый и Второй саммиты Россия – Африка (2019 и 2023 гг.). Об этом красноречиво говорится в статье сотрудника Факультета права и политической науки Университета Абомей-Калави Республики Бенин А.А. Чакрана, который констатирует, что подобные контакты наших стран дают возможность государствам Черного континента эффективно встроиться в новую геополитическую систему с одновремен-

ным укреплением своего экономического, социального и политического значения⁵².

Бесспорно, этого нельзя добиться без взаимного познания истории и культуры всех сторон, проводящих позитивный диалог, поскольку данный путь создает более прочные связи и формирует разнообразные скрепы для взаимопонимания. В этом отношении не последняя роль отводится и Институту Африки РАН, который своими исследованиями в разных направлениях, включая историю колониализма, вносит свой позитивный вклад в дело более тесных связей и контактов России и Африки на международной арене.

---

¹ *Давидсон А.Б.* Знать историю нашего цеха – уроки нашего общего прошлого. Доклад на XIV Международной конференции африканистов. М.: Институт Африки РАН, 2017.

² *Солодовников В.Г.* Дом Африки в Москве. Старокопюшенный 16. Взгляд на историю Африки из директорского кабинета. 1959–1976. М.: Институт Африки РАН, 2011.

³ Становление отечественной африканистики. 1920-е – начало 1960-х гг. М., 2003.

⁴ *Летнев А.Б.* Предисловие // Африканцы и россияне на перекрестке истории. К 100-летию со дня рождения д.и.н. С.Р. Смирнова. М.: Институт Африки РАН, 2010. С. 9–15.

⁵ *Ильин Ю.М.* Институт Африки (1960–2004 гг.). М.: Институт Африки РАН, 2005.

⁶ *Сафонов Д.Ф.* А дуги гнут с терпением... (Как я стал дипломатом-африканистом). М.: Институт Африки РАН, 2002. С. 148–149.

⁷ *Мазов С.В.* «Организовать в Академии наук СССР Институт Африки...» // Человек на фоне континента. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию И.И. Потехина. М.: Институт Африки РАН, 2005. С. 30–34; *Ильин Ю.М.* Указ. соч. С. 5–8.

⁸ *Летнев А.Б.* Указ. соч. С. 9.

⁹ Там же.

¹⁰ *Смирнов С.Р.* История Судана (1821–1956). М.: Наука, 1968.

¹¹ *Кобищанов Ю.М.* Аксум. М.: Наука, 1966; *Кобищанов Ю.М.* Зрелищная, танцевальная и музыкальная культура тайных обществ. Пути развития театрального искусства Африки. М.: Наука, 1981. С. 107–118.

¹² Очерки истории исламской цивилизации. В 2 т. М.: РОССПЭН, 2008; Очерки истории христианских цивилизаций. Т. 1. От зарождения до арабских завоеваний. М.: РОССПЭН, 2019; Очерки истории христианских цивилизаций. Т. 2. От арабских завоеваний до крестовых походов (VIII–XI вв.). М.: РОССПЭН, 2022.

¹³ Африка: возникновение отсталости и пути развития. М.: Наука, 1974; *Община в Африке. Проблемы типологии.* М.: Наука, 1978. С. 22.

¹⁴ Африка еще не открыта. М.: Мысль, 1967; Африка: встреча цивилизаций. М.: Мысль, 1970.

¹⁵ *Кочакова Н.Б.* Города-государства йорубов. М.: Изд-во вост. лит., 1968.

¹⁶ *Кочакова Н.Б.* Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея). М.: Наука, 1986.

---

¹⁷ *Кочакова Н.Б.* Историческая наука в странах Африки. М.: Институт Африки РАН, 1979.

¹⁸ *Потехин И.И.* О феодализме у ашанти. М.: Вост. лит., 1960.

¹⁹ *Куббель Л.Е.* Из истории древнего Мали. Африканский этнографический сборник. V. Труды института этнографии, новая серия. Т. LXXVI. М., Л.: Наука, 1963; *Куббель Л.Е.* «Страна Золота» – Века, культуры, государства. М.: Наука, 1966; *Куббель Л.Е.* Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя. М.: Наука, 1974.

²⁰ *Зотова Ю.Н., Куббель Л.Е.* В поисках Нигера. М.: Наука, 1972.

²¹ *Следзевский И.В.* Хаусанские эмираты Северной Нигерии. Хозяйство и общественно-политический строй. М.: Наука, 1974.

²² *Орлова А.С.* Общественный строй мальгашей в XIX в. (из истории острова Мадагаскар). Африканский этнографический сборник. Вып. 2. М.: Наука, 1958; *Орлова А.С.* Источники по истории общественного строя народов Межозерья. Африканский сборник. История. М.: Наука, 1963; *Орлова А.С.* История государства Конго XVI–XVII вв. М.: Наука, 1968; *Орлова А.С., Львова Э.С.* Страницы истории великой саванны. М.: Наука, 1978.

²³ *Ксенофонтова Н.А.* К вопросу о происхождении каменного строительства в Юго-Восточной Африке. Некоторые вопросы истории стран Африки. М.: Наука, 1968; *Ксенофонтова Н.А.* Народ Зимбабве (Очерки социально-экономической истории). М.: Наука, 1974; *Ксенофонтова Н.А., Луконин Ю.В., Панкратьев В.П.* История Уганды в новое и новейшее время. М.: Наука, 1984; *Ксенофонтова Н.А.* Африканское крестьянство: перемены в общественном сознании. М.: Наука, 1990.

²⁴ История Нигерии в новое и новейшее время. М.: Наука, 1981.

²⁵ Африка. Энциклопедический справочник. В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1963; Африка. Энциклопедический справочник. В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1987.

²⁶ Арабские источники VII–X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Подготовка текстов и переводы Л.Е.Куббеля и В.В.Матвеева. М., Л., 1960; Арабские источники X–XII веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Подготовка текстов и переводы Л.Е.Куббеля и В.В.Матвеева. М., Л., 1965.

²⁷ *Куббель Л.Е.* Суданские хроники. М.: Наука, 1984.

²⁸ *Куббель Л.Е.* Древнейшее сообщение об обычаях соправления брата и сестры // Советская этнография. № 1. 1961. С. 149–151.

²⁹ *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988.

³⁰ *Львова Э.С.* К 120-летию со дня рождения Б.И.Шаревской. Доклад на Международной научной конференции «История и историография Африки в лицах: взгляд из России и мира». https://igh.ru/ckeditor_assets/attachments/623/Конференция_Африка-Русский.pdf (дата обращения 05.03.2025)

³¹ *Шаревская Б.И.* Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М.: Наука, 1964; *Шаревская Б.И.* Традиционные религии Тропической Африки и современность. М.: Наука, 1975.

³² *Зотова Ю.Н., Куббель Л.Е.* Указ. соч. С. 5.

³³ Там же. С. 240.

³⁴ *Абрамова С.Ю.* Африка: четыре столетия работорговли. М.: Наука, 1978. С. 243.

³⁵ *Абрамова С.Ю.* История работорговли на Верхне-Гвинейском побережье (вторая половина XV – начало XIX в.) М.: Наука, 1966.

---

³⁶ *Гаврилов Н.И.* Западная Африка под гнетом Франции (1945–1959). М., 1961; *Гончаров Л.В.* Империалистическая эксплуатация английских колоний в Африке. М., 1961; *Зусманович А.З.* Империалистический раздел бассейна Конго (1876–1894). М., 1962; Новые формы колониализма. М., 1963; Политика империалистических держав в Африке на рубеже 70-х годов. М., 1973; *Галыбин А.И.* Намибия (Юго-Западная Африка) в планах колонизаторов. 1946–1970. М., 1971; Правда о португальских колониях в Африке. Сб. статей. М., 1961; Раздел Африки и его последствия. М., 1990; Африка: колониализм и антиколониализм (XIX–XX вв.) Сб. статей. М., 1990.

³⁷ *Демкина Л.А.* Крах Федерации Родезии и Ньясаленда. М., 1965.

³⁸ *Зотова Ю.Н.* Английская экспансия в дельте Нигера во второй половине XIX в. М., 1976. С. 3.

³⁹ *Субботин В.А.* Французская колониальная экспансия в конце XIX в. (Экваториальная Африка и острова Индийского океана). М.: Наука, 1962; *Он же.* Колонии Франции в 1870–1918 гг. Тропическая Африка и острова Индийского океана. М.: Наука, 1973; *Он же.* Великобритания и ее колонии: Тропическая Африка в 1918–1960 гг. М.: Наука, 1992; Африка. Колониальное общество и политика. Сб. статей (отв. ред. В.А. Субботин). М.: Наука, 1993.

⁴⁰ Personalia. In Memoriam. Валерий Александрович Субботин (1927–2000) // ЛИБМОНСТР. С. 214–217. <https://libmonster.ru/m/articles/view/Personalia-In-memoriam-ВАЛЕРИЙ-АЛЕКСАНДРОВИЧ-СУББОТИН-1927-2003?ysclid=m9rapf216h16539605> (дата обращения 15.01.2025)

⁴¹ *Субботин В.А.* Великие открытия: Колумб, Васко да Гама, Магеллан. М.: Наука, 1998.

⁴² *Он же.* От колониальных войн к Первой мировой: из истории заморских войск и их командования. М.: Институт Африки РАН, 2020.

⁴³ Проблемы колониализма и становления антиколониальных сил. Сообщения историков-африканистов социалистических стран (отв. ред. В.А. Субботин). М.: Наука, 1979.

⁴⁴ *Кочакова Н.Б.* История Африки в трудах африканских ученых. Научно-аналитический обзор. М.: Наука, 1976.

⁴⁵ Там же. С. 5.

⁴⁶ Там же. С. 35.

⁴⁷ История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. М.: Наука, 1976; История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время. М.: Наука, 1978.

⁴⁸ Decolonising the Human: Reflections from Africa on Difference and Oppression. Johannesburg: Wits University Press, 2021.

⁴⁹ *Олувакайоде О.Э.* В поисках африканской идентичности (рецензия) // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 3. С. 175.

⁵⁰ Там же. С. 175–176.

⁵¹ Там же. С. 178.

⁵² *Чакран А.А.* Саммиты «Россия–Африка» в контексте меняющегося мира: взгляд с африканского континента // Ученые записки Института Африки РАН. № 4. 2024. С. 106–120.

ПРОБЛЕМЫ КОЛОНИАЛИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ АФРИКАНИСТИКЕ ГДР

Тема колониализма и колониального прошлого во второй половине XX в. была одной из ключевых для исследователей истории стран Африки в области пересечения африканской и европейской истории. Данная проблема в тот период начала рассматриваться с различных позиций, так как и страны-колонии, и страны-колонизаторы после Второй мировой войны пережили как политическую, так и идеологическую трансформацию. В наши дни постколониальный дискурс стал многообразным, и исторические труды, посвященные колониальной истории, требуют всестороннего рассмотрения как по отдельности, так и в сопоставлении друг с другом. К изучению колониализма в Африке обращались и историки из ГДР, представившие свою трактовку причин и последствий колониальных захватов. Взлет данной тематики в 1950–1970-х годах был обусловлен победой антиколониального движения в Африке и потребностью властей ГДР устанавливать партнерские отношения с независимыми государствами континента. Поэтому важно подчеркнуть, что научные проблемы колониальной истории, будучи исследуемыми историками, оставались в политическом и идеологическом поле. Руководство историческими исследованиями в академических учреждениях осуществлялось через пятилетние централизованные планы, которые разрабатывались и контролировались Отделом науки ЦК СЕПГ¹. Среди восточногерманских историков, занимавшихся колониальной проблематикой, можно назвать следующие фамилии: А.-С. Арнольд, Т. Бюттнер, Х. Дрекслер, К. Хельбиг, У. Ван дер Хайден, К. Драгман, Х. Кюне, Г. Лот, К. Мердель, В. Марков, Н. Манфред, А. Рюгер, П. Зебальд, Х. Штёккер².

Факт существования политической и идеологической цензуры и отчетности может способствовать пониманию того, что исторические труды о колониализме, созданные в ГДР, были стандартизированы по идеологическим лекалам в рамках марксистского подхода. Для отображения разнообразия изучения колониальной истории в данной главе предпринята попытка рассмотреть, как представлена эта проблематика в двух коллективных монографиях, написанных под руководством представителей двух сформированных в ГДР научных школ африканистики (лейпцигской и берлинской). Эти моно-

графии являются примерами больших обобщающих трудов по результатам исследований ведущих африканистов ГДР и занимают важное место в репрезентации восточногерманских исторических исследований Африки. Важным фактором в сопоставлении именно этих исследований является то, что с развитием восточногерманской африканистики между учеными из Берлина и Лейпцига возникла негласная конкуренция за первенство. Об этом пишет, например, Гельмут Штёккер, возглавлявший африканские исследования в Берлине с 1974 г. Он приводит в пример ситуацию, когда в Берлинском университете планировалась научная конференция к столетнему юбилею со дня рождения известного немецкого исследователя Африки Дидриха Вестермана. Выяснилось, что в Лейпциге происходит следующее: «В ходе подготовки я, к своему удивлению, узнал, что это ведомство некоторое время также готовило конференцию по Вестерману с повесткой дня. Вместо того чтобы соединиться с берлинскими африканистами, они держали свои приготовления в секрете, видимо, в надежде перехватить у нас преимущество!»³. Характеризуя работу коллег из Лейпцига Штёккер пишет, что они в своей деятельности преследовали цели кратковременного политического эффекта, а не долгосрочной научной работы, проводили очень много конференций, но выпускали мало книг и статей⁴.

Такая внутренняя рефлексия показывает, что, несмотря на установленные идеологические рамки, ученые, в том числе и исследовавшие африканскую историю, сами добавляли себе определенные ограничения в вопросах качества создаваемых ими трудов. Соответственно, параллельно с конкуренцией за должности и прочие вознаграждения оставалась и здоровая конкуренция за качество исследований и признание среди коллег из разных стран.

Первая рассматриваемая монография была издана в Берлине в 1977 г. под редакцией Гельмута Штёккера, профессора Университета Гумбольдта. Ее название «*Drang nach Afrika: die deutsche koloniale Expansionspolitik und Herrschaft in Afrika von den Anfängen bis zum Verlust der Kolonien*»⁵ в русском переводе сократили до «История германского колониализма»⁶. Вторая книга – выпущенное в промежутке с 1976 по 1984 г. четырехтомное издание «История Африки»⁷ под редакцией Теодоры Бюттнер, профессора Университета Карла Маркса в Лейпциге. В данном четырехтомнике достаточно большое количество материалов из общего объема работы посвящено колониальным захватам, собственно колониальному периоду и истории антиколониальной борьбы африканских стран. Даты издания этих трудов соотносятся с периодом, начавшимся в середине 1970-х годов, когда африканистика

в ГДР уже сформировалась как наука, получив закрепление как в институциях, так и в подготовленном корпусе специалистов, нехватка которых была проблемой в первые послевоенные десятилетия. Источниковой базой для исследований служили колониальные архивы бывшей Германской империи, в качестве литературы привлекались труды историков марксистского и социалистического толка, а также труды довоенных немецких исследователей. Можно считать, что выбор этих двух исследований репрезентативен для понимания и сравнения того, как в научном мире ГДР была представлена проблема колониализма.

«История Африки» – лейпцигская школа африканистики ГДР

Четырехтомное издание «История Африки», как следует из авторского предисловия к первому тому, было создано в силу необходимости помочь молодой африканской историографии написать собственную историю для формирования национального самосознания молодых африканских государств. Это подтверждается следующей цитатой: «Нынешняя антиимпериалистическая борьба немыслима без отслеживания замечательных деяний антиколониального сопротивления, но также и без размышлений о выдающейся истории основания доколониальных государств. Во многих местах первоначальная романтизация и мистификация уступают место критическим попыткам проследить прогрессивные и революционные традиции, которые необходимы для освободительной революции в настоящее время. Прогрессивная африканская историография не может решить эти важные задачи без поддержки марксистских и всех антиимпериалистических сил мира. Их всех объединяет великая общая забота, оковы империалистической и неоколониалистской эксплуатации и дискриминации, колониальная апологетика и реакционные буржуазные теории истории»⁸.

Актуальность подробного исследования развития колониальных систем в Африке обосновывается во втором томе, в котором акцентируется внимание на том, что «распад империалистической колониальной системы и ликвидация традиционного колониализма сопровождаются лихорадочными попытками переписать историю империалистической колониальной политики, оправдать ее “цивилизаторскую” роль и даже рассматривать ее как необходимый “подготовительный этап” для дальнейшего появления независимых африканских государств»⁹.

Этапы развития и распада колониальной системы сопоставляются в данном труде со стадиями развития капитализма. Первый этап –

раздел Африки – произошел в переходный период от капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму (1871–1898). С XVII в. до середины XIX в. ресурсов и сил европейских держав не хватало для полноценного освоения и захвата африканских территорий, поэтому основной формой колониальной эксплуатации была работорговля. С начала XIX в. работорговля пошла на спад усилиями Великобритании и к 1870-м годам начался активный рост разведывательных экспедиций вглубь континента. Это было связано с переходом «домонополистического капитализма в его империалистическую стадию».

Описывая причины экстенсивного захвата колоний в Африке в конце XIX в., авторы подчеркивают, что, прежде всего, он был обусловлен острой конкуренцией за рынки сбыта и добычи сырья, а также за захват еще «свободных» земель, делая отсылку к тезисам В.И. Ленина, содержащимся в его работе «Империализм как высшая стадия капитализма». Сторонники колониализма оправдывали его, называя средством борьбы с работорговлей. Процесс оккупации африканских территорий проходил неравномерно, где-то сталкиваясь с сопротивлением, а где-то с поддержкой определенной части населения. Отдельно подчеркивались жестокие методы, которыми действовали захватчики. Помимо государств, заинтересованных в разделе сфер влияния, Африка становится интересна как для представителей крупного капитала, так и для разного рода авантюристов и искателей наживы¹⁰.

Следующий период, с 1898 по 1914 г., характеризовался доминированием в экономической области мировой системы капитализма. Тогда колониальные державы окончательно осознали необходимость военного закрепления африканских территорий и начали развивать инфраструктуру для дальнейшего удержания захваченных земель. Найденные золото, алмазы, а также развитие сельского хозяйства и животноводства побуждали европейцев формировать государственные и экономические институты для дальнейшей эксплуатации колоний¹¹.

Рассматривая восстания африканцев в начале XX в., авторы делают вывод о неизбежности поражения их антиколониального военного сопротивления, аргументируя это тем, что африканские народы еще не перешли на капиталистическую стадию развития и были оторваны от международной борьбы рабочего класса. Описывая последствия развития колониальной экономики в Африке, авторы отмечали такие явления, как распад традиционного общества, углубление социальной дифференциации, доминирование принудительного труда в

производственных отношениях, что в конечном итоге привело к началу формирования рабочего класса. А также то, что на данном этапе формировались предшественники политических организаций, лидеры которых приходили к мысли о необходимости антиколониальной борьбы. На формирование идеологии борьбы с колониализмом также повлияли усилившиеся на тот момент религиозные движения, объединившие идейно многих африканцев¹².

Обострение империалистических противоречий в период Первой мировой войны и Октябрьская революция в России привели к подъему антиколониальной борьбы. По мнению авторов, передел колоний был одной из ключевых целей для воюющих держав в Первой мировой войне. Согласно точке зрения В.И. Ленина, цитируемой в книге, именно война в совокупности с революциями в России, Турции, Персии и Китае побудила к политической жизни народы мира, в том числе и африканские¹³. На развитие антиколониальной борьбы повлияли также мировой финансовый кризис 1929–1933 гг., вследствие которого в совокупности с последствиями развития колониальной экономической системы и Первой мировой войны африканская экономика начала приходить в упадок. В африканских странах произошло падение уровня жизни, повысилась смертность¹⁴.

Завершающим этапом стал кризис капиталистической системы перед началом и во время Второй мировой войны, который спровоцировал кризис и начало разрушения колониальной системы. Участие африканцев в борьбе против фашистских держав способствовало появлению современных классов и росту национально-освободительного движения за счет развития политических знаний, а также развитию промышленности и транспортной инфраструктуры в военных целях в ущерб другим сферам экономики, что также усилило антиколониальные настроения. Колониальные державы, воевавшие против фашистской коалиции, были вынуждены провозгласить суверенитет колоний, чтобы показать либеральность своих целей в войне¹⁵. Также авторы акцентируют внимание на том, что впоследствии колониальные державы утверждали, что «предоставили независимость бывшим колониям и протекторатам “добровольно” из благородных и гуманных побуждений», тем самым обесценивая роль национально-освободительных и антиколониальных движений¹⁶.

Однако и в четвертом, заключительном, томе «Истории Африки» авторы в предисловии возвращаются к тезису о том, что, несмотря на то, что к моменту написания книги (начало 1980-х годов) большинство государств Африки уже получили независимость, борьба за Африку продолжается, только теперь уже в неоколониальных формах – ус-

тановлении новых связей путем идеологического и экономического влияния. Интересна также ремарка, что исторические процессы, происходившие в Африке уже непосредственно в те годы, когда авторы изучали Африку, показали, «что борьба за национальное и социальное освобождение представляет собой чрезвычайно сложную, противоречивую и, что немаловажно, длительную борьбу, требующую больших жертв и не исключаящую неудач и поражений». В заключение авторы объясняют, что при подготовке такого значительного труда они не могли охватить все возможные темы и проблемы, поэтому отсылают к другим монографиям, написанным по проблематике антиколониальной борьбы в 1970-х годах историками из ГДР¹⁷.

«История германского колониализма в Африке» – берлинская школа африканистики ГДР

«История германского колониализма в Африке» является попыткой восточногерманских африканистов полномасштабно описать и проанализировать особенности появления и существования немецких колоний в Африке на основе немецких архивов, а также того корпуса исследований, которые они посчитали заслуживающими доверия. Несмотря на то, что работа фокусируется именно на развитии германского колониализма, можно выделить некоторые выводы авторов относительно тенденций развития колониальной системы в целом.

Среди основных предпосылок становления германского колониализма авторы книги выделяют лоббирование этой идеи представителями крупного промышленного капитала, которые нуждались в расширении рынков сбыта после введения политики протекционизма. Также идею завоевания колоний пропагандировали и консервативные, и либеральные политики, считавшие, что освоение новых земель, которое требует вложение большого человеческого капитала, поможет снять социальное напряжение в самой Германской империи¹⁸.

В выводах после главы о формировании германских колониальных владений авторы показывают, что колонии до 1914 г. не имели большого значения для экономики Германской империи в целом, но были одним из основных источников доходов крупных монополистических компаний. Государству колонии приносили большие расходы, например, при подавлении восстаний, но колониальный проект оставался выгодным с политической точки зрения – предполагалось создание действительно значимой колонии – «Срединной Африки»,

которая должна была поставлять то необходимое тропическое сырье, которое пока приходилось ввозить из чужих колоний. Также колонии представляли собой базу для подготовки колониальных кадров – управленцев разных уровней, ориентирующихся в специфике колониального хозяйства и политики. Авторами монографии высказывалось мнение о том, что точка зрения только о политическом значении колоний как символа престижа империи не является верной и колонии были «важным средством идеологической классовой борьбы против развивающегося рабочего класса», так как разжигали в классе буржуазии и в среднем классе чувства расовой гордости и национального превосходства. С экономической точки зрения колонии играли роль в гонке военно-морских вооружений, так как обосновывали необходимость строительства военно-морского флота и служили потенциальными базами в случае войны¹⁹.

Анализируя взаимосвязь Первой мировой войны и колониальной политики Германии в Африке, авторы придерживаются точки зрения, что война была «продолжением другими средствами начатой Бюловым международной политики господствующего класса». В Африке с началом войны сохранялись экспансионистские цели для создания «Срединной Африки». Военные цели экспансии в Африке характеризуются как «неотделимая составная часть общей политики господствующей монополистической буржуазии, закономерно вырастающая из социально-экономической и политической структуры империалистической Германии»²⁰. Колониальный передел территорий по итогам Первой мировой войны обострил противоречия между империалистическими державами и породил в Германии стремление к колониальному реваншу. Период Веймарской республики, с одной стороны, характеризуется расширением колониальной пропаганды на государственном уровне, с другой – появлением политических сил, не поддерживавших колониальные захваты, в частности коммунистов и демократов²¹. В главе о целях фашистского режима авторы доказывают, что тактика Гитлера включала захват колоний, но на более позднем этапе, после захвата территорий в Европе. В период господства идеологии нацизма пропаганда тесно соединила необходимость приобретения колоний с экономическим вопросом жизненного пространства и с идеологией расового превосходства, искусственно раздувая их статус²². Развитию колониальных устремлений гитлеровской Германии помешал ее разгром Советским Союзом в 1945 г. В 1943 г. колониальная пропаганда в Германии попыталась перестроиться на тезис о том, что владение и управление территориями в Африке – общая задача европейского сообщества. Однако окончатель-

ное поражение Третьего рейха и исход войны создали новое соотношение сил в мире, которое привело к освобождению колоний²³.

Дискуссии о вкладе историков ГДР в общемировую африканистику, в том числе и в изучение колониализма, возникли сразу после исчезновения ГДР как государства. Так, Ульрих ван дер Хайден, ученик Гельмута Штёккера, защитившийся еще во времена ГДР, в 1990-е годы выпустил несколько историографических работ, разгромно критикующих труды восточногерманских африканистов. «В заключение можно констатировать, что письменные результаты африканистики ГДР – за исключением тех публикаций, которые посвящены истории национально-освободительного движения на марксистско-ленинской основе, которые уже канули в Лету, – в целом действительно до сих пор существуют сегодня и в будущем, но, поскольку они не укомплектованы и не продолжены, в обозримом будущем они утратят свое значение; то же самое относится к обучению, связанному с Африкой», – пишет он в своей работе «Африканистика в ГДР. На примере Южной Африки»²⁴.

В ответ на критику У. ван дер Хайдена вышла статья Т. Бюттнер²⁵, в которой она отмечает, что тезис о «последующем развитии африканской науки в ГДР только в условиях растущей политизации, жесткости научной политики и вмешательства партийного и государственного аппарата» упрощает взгляд на ситуацию. По мнению Т. Бюттнер, исследования об Африке в ГДР развивались не только количественно, но и качественно и были содержательны даже в рамках марксизма как основной научной парадигмы. Автор считала, что многие исследования в долгосрочной перспективе важны для дальнейшего развития науки в качестве «перспективных ориентиров» и создания конкуренции теорий в решении поставленных теоретических задач. Она также приводит аргумент, что часть исследований, в том числе по колониальной и антиколониальной тематике, были переведены на английский язык и представлены в международном дискурсе. В заключение автор высказывает мнение, что, несмотря на реформатирование системы науки и образования, преемственность восточногерманской африканистики сохранится, хоть и не в полной мере.

* * *

Сравнивая обе работы, можно отметить, что в «Истории Африки» гораздо больше отсылок к трудам классиков марксизма, особенно В.И. Ленина, и отчетливо прослеживается аргументация развития исторических процессов на основе формационного подхода. В «Истории германского колониализма» авторы сосредоточились на анализе

экономической составляющей колониального периода, показывая ее взаимовлияние на внутривнутриполитические и внешнеполитические процессы. Во многом фактологический материал и выводы в обеих работах пересекаются, особенно если говорить о проблеме влияния колониализма на развитие африканских народов. Однако в «Истории Африки» больше внимания уделяется предпосылкам и этапам борьбы за освобождение африканцев от колониальной зависимости и исторический процесс рассматривается с позиций марксистского подхода.

Помимо научной функции написания работ, предполагалось, что они будут закладывать фундамент для дальнейшего расширения связей с африканскими государствами. Это было обусловлено тем, что ГДР брала на себя широкий круг обязательств перед странами социалистической ориентации и странами, которые в перспективе могли ими стать. Неслучайно в «Истории Африки» приводятся цитаты африканских лидеров, например К. Нкруме и К.Каунде²⁶, а «История германского колониализма» была переведена на английский язык, видимо, чтобы охватить более широкий круг читателей.

Можно сделать вывод, что при анализе колониализма, несмотря на официальную идеологическую схему, авторы, основываясь на доступном им фактологическом материале, могли использовать разные акценты в его трактовке и приходиться к разным выводам относительно исторических процессов. Это не приводило к принципиальному различию позиций, так как основной целью оставалось противопоставление трудам ученых, поддерживающих либерально-буржуазную точку зрения, однако способствовало привлечению к исследованиям большого количества источников – колониальных документов, материалов СМИ и личных материалов участников событий. Критическая оптика марксистского подхода при изучении колониализма на том этапе влияла на формирование нового дискурса в исторической африканистике и пересмотр многих устоявшихся тезисов о колониальном периоде в истории Африки.

Важно помнить, что развитие науки, в том числе исторической мысли, нелинейно, и проводить ревизию тех или иных научных изысканий необходимо и изнутри, и вовне, и на разных промежутках времени.

---

¹ *Reetz D.* Die Entwicklungsländerforschung in der DDR nach der Wende: Veränderungen in Konzeption und Struktur // Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien, 1991. Nr. 7. S. 10.

² *Mertens L.* Lexikon der DDR-Historiker: Biographien und Bibliographien zu den Geschichtswissenschaftlern aus der Deutschen Demokratischen Republik // De Gruyter Saur, 2006. S. 97–670.

---

³ Socialism with Deficits. An Academic Life in the German Democratic Republic. Hamburg, 2000. S. 99–100.

⁴ Ibid.

⁵ *Stoecker H.* Drang nach Afrika: die deutsche koloniale Expansionspolitik und Herrschaft in Afrika von den Anfängen bis zum Verlust der Kolonien // (No Title). 1991.

⁶ История германского колониализма в Африке: [пер. с нем. / Г. Штёккер, Х. Дрекслер, П. Зебальд; отв. ред. и авт. предисл. А.Б. Давидсон]. М.: Наука, 1983. 412 с.

⁷ Afrika. Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart / Autorenkollektiv unter Leitung von Thea Büttner. Berlin: Akademie-Verlag, 1976–1984.

⁸ Afrika. Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart. Teil I. Afrika von den Anfängen bis zur territorialen Aufteilung durch die imperialistischen Kolonialmächte / Autorenkollektiv unter Leitung von Thea Büttner. Berlin: Akademie-Verlag, 1976. S. 8.

⁹ Afrika. Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart. Teil II. Afrika unter imperialistischer Kolonialherrschaft / Autorenkollektiv unter Leitung von Thea Büttner. Berlin: Akademie-Verlag, 1977. S. 3–4.

¹⁰ Ebd. S. 5–1.

¹¹ Ebd. S. 56–59.

¹² Ebd. S. 108–114.

¹³ Ebd. S. 114–127.

¹⁴ Ebd. S. 206–208.

¹⁵ Ebd. S. 208–247.

¹⁶ Afrika. Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart. Teil IV. Afrika vom Zusammenbruch des imperialistischen Kolonialsystem bis zur Gegenwart / Autorenkollektiv unter Leitung von Thea Büttner. Berlin: Akademie-Verlag, 1976. S. 5.

¹⁷ Ebd. S. 1–7.

¹⁸ История германского колониализма в Африке... С. 20–35.

¹⁹ Там же. С. 160–187.

²⁰ Там же. С. 222–245.

²¹ Там же. С. 245–280.

²² Там же. С. 313–344.

²³ Там же. С.347–348.

²⁴ *Heyden U.* Die Afrikawissenschaften in der DDR-Das Beispiel südliches Afrika. S. 431. https://edoc.bbaw.de/files/273/2548X3Me35dI_232.pdf (дата обращения 12.01.2024)

²⁵ *Büttner T.* Die Afrikawissenschaften in der DDR. Überlegungen zu einer weiterführenden Analyse. Berlin: Brandenburgische Akademie der Wissenschaften, 2006. S. 468–477.

²⁶ Afrika. Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart. Teil IV. Afrika vom Zusammenbruch des imperialistischen Kolonialsystem bis zur Gegenwart / Autorenkollektiv unter Leitung von Thea Büttner. Berlin: Akademie-Verlag, 1976. S. 3–5.

КОЛОНИАЛИЗМ В ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ В СЕРЕДИНЕ XX в.: ВЗГЛЯД РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ

В последние годы ситуация в Африке привлекает пристальное внимание мировой общественности, что обусловлено, в частности, кардинальной трансформацией политических систем в ряде стран континента, особенно в регионе Сахеля. Однако и в середине XX в. интерес к Африке, бесспорно, был особым, что было связано с ее «пробуждением», крушением колониальной системы. Эти процессы оценивались мировыми аналитиками, прежде всего, в контексте холодной войны, борьбы сверхдержав за влияние на континенте. Данный подход был, в частности, характерен для русских эмигрантов-антикоммунистов, проживавших в различных странах мира. При этом особенно важно то обстоятельство, что многие представители антикоммунистической эмиграции весьма критически оценивали политику Запада на Черном континенте, полагая, что именно она являлась источником многих проблем стран Африки.

Результатом многолетней политики метрополий в странах Африки стало возникновение такого феномена, как антиколониализм. Как указывали представители русской антикоммунистической эмиграции, он, в свою очередь, являлся одним из инструментов, используемых руководством СССР в борьбе против «свободного мира». При этом многие эмигранты признавали, что стремление африканских государств освободиться от колониальной зависимости само по себе представляло собой объективный процесс, который можно было лишь приветствовать. Как указывал известный эмигрантский публицист П.А. Берлин, уже к началу 1950-х годов вся Африка была охвачена «глубоким брожением», стремясь вырваться из «нищеты и темноты». Однако средство, которое было выбрано многими африканскими странами – союз с СССР, полагал он, являлось неверным: будучи антикоммунистом, П.А. Берлин не верил в эффективность социалистической модели экономического развития. Принципиальным для П.А. Берлина был вывод о том, что политическая элита США, на которых лежала ответственность за послевоенную политику Запада, должна была осознать: спасение Африки от коммунизма «лежит на путях поднятия народного благосостояния», для чего были необходимы масштабные акции помощи странам континента, осуществляемые ООН и другими международными организациями. Как полагал

П.А. Берлин, американское руководство уже к началу 1950-х годов осознало необходимость именно такой политики¹.

Усиление внимания к Африке в 1950-е годы со стороны американских политиков отмечается и в историографии США². При этом следует учитывать, что логика межблокового противостояния оказывала существенное влияние на политику американских администраций на континенте. США были сильно ограничены в своей политике тем обстоятельством, что вынуждены были учитывать интересы своих партнеров по Западному блоку, среди которых были колониальные державы. Американцам было невыгодно отталкивать от себя Великобританию, Францию, Португалию и т.д., в результате они благожелательно смотрели на сохранение колониальной системы.

В первые послевоенные годы Великобритания прилагала серьезные усилия по сохранению своей колониальной империи. На это были нацелены как различные программы ее реформирования, так и инфраструктурные проекты, которые разрабатывались внешнеполитическим ведомством и другими структурами. Прежде всего, как показывали публицисты просоветской парижской газеты «Русские новости», речь шла о создании системы коммуникаций, соединяющих Британскую Восточную Африку с регионом Гвинейского залива и зоной Сахеля³. Это позволило бы Лондону обеспечить более эффективное управление своими владениями на континенте.

Однако эти и другие подобные попытки укрепить систему колониализма оказались тщетными. 1950-е годы стали периодом, когда процесс крушения этой системы стал стремительно набирать обороты. При этом некоторыми африканскими лидерами предпринимались шаги по «переформатированию» геополитического пространства континента. Этому способствовал искусственный характер границ многих новых независимых государств, не учитывающий этническую карту Африки. Закономерно, что антикоммунистическая эмиграция с особым беспокойством воспринимала те экспансионистские проекты, которые исходили от африканских лидеров, заявлявших об ориентации на Советский Союз. Так, публицисты выпускавшегося Народно-трудовым союзом (НТС) издания «Посев» уже в 1957 г. с тревогой встретили присоединение к Гане западной части бывшей германской колонии Того, а также информацию о возможности создания федерации Ганы, Нигерии и Сенегала⁴. Безусловно, это было связано с тем, что основатель Республики Гана К. Нкрума заявлял о возможности сотрудничества с СССР⁵.

Подобные заявления стали особенно активно звучать из уст ряда африканских лидеров во второй половине 1950-х – начале 1960-х го-

дов, что стимулировало интерес к проблематике антиколониализма со стороны эмигрантской прессы. Левая часть русской эмигрантской общественности уже в этот период связывала поворот Африки к Советскому Союзу с изъятиями социальной политики, которую проводили на континенте колонизаторы. Так, популярный в среде радикального американского студенчества известный социолог П.А. Сорокин заявлял, что в африканских колониях царило «фактическое рабство»⁶. По нашему мнению, такие оценки, являясь в целом справедливыми, все же страдали некоторой схематизацией и не учитывали специфику колониальной политики различных европейских держав.

В 1960-е годы были разрушены иллюзии тех западных политиков и интеллектуалов, которые надеялись на подлинную демократизацию политических режимов Черного континента. Эмигрантские публицисты фиксировали серьезные трудности в ходе социально-экономической и политической модернизации стран континента. Так, например, анализируя процессы, протекавшие в Год Африки, бывший секретарь Всероссийского Учредительного собрания М.В. Вишняк показывал, что институты западной демократии не прививались на африканской почве. Уже в этот период международные финансовые организации начали предлагать свои рецепты решения экономических проблем континента, однако их эффективность сразу же оказалась весьма низкой⁷. Уже к началу 1960-х годов были очевидны те проблемы, на которые будут указывать аналитики и в последующие десятилетия. Старый российский социал-демократ Ю.П. Денике, например, отмечал, что экономические программы, разрабатываемые Западом, не улучшали жизнь всего населения, а лишь увеличивали доходы иностранных компаний и способствовали обогащению «туземных дельцов» и коррумпированных чиновников⁸. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что такую оценку западных проектов дал убежденный антикоммунист, сторонник демократической политической модели.

Среди тех стран Африки, ситуация в которых привлекала особое внимание эмигрантских аналитиков, выделялось бывшее Бельгийское Конго. Следует учитывать то обстоятельство, что с конца XIX в. в бельгийскую часть Центральной Африки уехали работать более 600 выходцев из России. Эти люди внесли заметный вклад в развитие горнорудной промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения и других сфер жизни Бельгийского Конго. Они возглавляли лаборатории почвоведения в созданных метрополией исследовательских институтах, работали в Геологической службе колонии, служили в транспортных компаниях, управляли кофейными плантациями⁹.

Данная группа русских эмигрантов могла оценить ситуацию в Африке не на основе сообщений западных средств массовой информации: в своей повседневной жизни эти люди ежедневно взаимодействовали с местным населением, знали особенности психологии африканцев. Именно поэтому их оценки обстановки в Бельгийском Конго представляют особый интерес.

Безусловно, далеко не все из тех, кто обладал литературным даром, оставили свои мемуары о пребывании в Африке. Одно из немногих исключений – З.И. Шаховская, известная общественная деятельница русской эмиграции первой послереволюционной волны. В 1920-е годы она некоторое время жила в Бельгийском Конго. Впоследствии З.И. Шаховская станет участником движения Сопротивления времен Второй мировой войны, кавалером французского ордена Почетного Легиона, в конце 1960-х – конце 1970-х годов в течение 10 лет будет возглавлять редакцию крупнейшей русскоязычной газеты Парижа «Русская мысль».

Ее воспоминания о пребывании в Конго были впервые опубликованы в 1965 г. на французском языке. Очевидно, на ее оценку роли бельгийцев в истории страны оказывали влияние и известия о тех процессах, которые происходили в Центральной Африке после ухода из региона европейцев. Так или иначе, З.И. Шаховская была убеждена: «Как бы я ни относилась к белым, жившим рядом со мной, было ясно, что без них Африка никогда не выйдет из тьмы и невежества. Она была далека от национального единства, единства цивилизации или религии. Цвет кожи был единственной связью между племенами, которые ее населяют. Если Стэнли и Ливингстон... не открыли бы Конго, численность его населения в настоящее время была бы опасно мала. Я вовсе не защищаю капиталистов, они сами себя защищают, и довольно неплохо, как относительно колонизации, так и деколонизации. Но если бы крупные компании не обосновались в Конго и если бы им не потребовалась рабочая сила, чтобы разрабатывать богатства страны, то в Африке продолжали бы свирепствовать проказа, желтая лихорадка, малярия, сонная болезнь... И все это не считая голода. Как оценить все то добро, которое католические и протестантские миссионеры принесли в Африку? Как можно забыть священников, монахинь и миссионеров, убитых во время деколонизации? Не являются ли они жертвами, заложниками своей любви к африканцам?»¹⁰.

Безусловно, З.И. Шаховская не была экспертом-африканистом: ее оценки ситуации в Центральной Африке были основаны на личных наблюдениях, опыте повседневного общения с местными жителями. «В свои 20 лет я мало занималась проблемами деколонизации, – при-

знает она. – К тому же это слово тогда еще не существовало. Тем не менее меня интересовали отношения между людьми»¹¹. Данные З.И. Шаховской оценки цивилизационного фундамента, на котором должна была вырасти молодая африканская государственность, были весьма пессимистичными: «Находясь в водовороте колониальной жизни, я не могла себе представить Конго суверенным государством. Да и никто не мог. Я видела сложности племенных отношений, беспечность населения, истощенного климатом, плохим питанием и болезнями»¹². Таким образом, представительница русской эмигрантской интеллигенции указывает на неготовность этой (как и других) колоний к тому, чтобы самостоятельно, без контроля со стороны европейцев, решать социально-экономические проблемы. В этом, по ее мнению, был один из источников тех острейших проблем, с которыми столкнулась Африка после обретения независимости.

Какой в этих условиях могла быть стратегия Запада? В антикоммунистической эмигрантской прессе высказывалась идея о том, что необходимо формировать африканские элиты, воспитывая их «в духе христианской морали»¹³. Как известно, в этом не было ничего нового: подобная политика, по крайней мере начиная с XIX в., проводилась во многих колониях. Тем не менее очевидно, что к середине XX в. прослойка африканских интеллектуалов оставалась весьма узкой. Далеко не всегда эти люди обладали необходимыми качествами и навыками политических управленцев, были способны организовать функционирование политических институтов в новых независимых государствах.

Впрочем, по мнению Ю.П. Денике, специфика той политики, которую метрополия проводила в Бельгийском Конго, лишь усугубляла проблемы. Брюссель стремился сохранить все рычаги управления территорией в своих руках, не допуская формирования африканской политической элиты. Результатом этой ситуации являлось то обстоятельство, что Бельгия не подготовила слой управленцев, которые могли бы стабилизировать ситуацию в Конго в период деколонизации¹⁴. Дополнительным фактором, который усложнял ситуацию в новом независимом государстве, была политика западных корпораций, контролировавших добычу алмазов. Их политика, нацеленная на эксплуатацию ресурсного потенциала Конго, извлечение из него прибыли, отталкивала от Бельгии и Запада в целом местное население. Фактически, отмечал старый меньшевик, Запад сам толкал П. Лумумбу и его соратников (которые были скорее панафриканистами¹⁵, чем прокоммунистически настроенными политиками) к сближению с Советским Союзом. Лидер независимого Конго был оппонентом

идеи дезинтеграции страны в интересах иностранного бизнеса, а единственной силой, которая могла оказать поддержку его устремлениям по политической консолидации молодого африканского государства, выступал СССР.

Фактически, как указывали эмигрантские аналитики, политическая раздробленность Африканского континента, невозможность создания субрегиональных интеграционных объединений были следствием ситуации холодной войны. Практически каждый регион Африки становился ареной, на которой продолжалось межблоковое противостояние. В ряде случаев оно позволяло отдельным африканским государствам, играя на противоречиях между сверхдержавами, получать дополнительные ресурсы для своего развития, однако в целом эти процессы затрудняли координацию экономической политики даже соседних государств.

В этом плане заметным событием, конечно, стало создание в 1963 г. Организации африканского единства (ОАЕ). На проходившую в Аддис-Абебе (Эфиопия) учредительную конференцию обратили внимание многие эмигрантские публицисты. Данное мероприятие стало еще одним поводом затронуть вопрос о тех путях, по которым могло пойти дальнейшее развитие Африканского континента. Закономерно, что эмигранты-антикоммунисты надеялись на то, что политические системы новых независимых государств будут базироваться на ценностях либеральной демократии. Такие надежды высказывал и Ю.П. Денике, хотя, внимательно наблюдая за ситуацией в странах континента, он не мог не видеть, что политическая модернизация Африки сталкивалась с очевидными трудностями. Анализируя высказывания африканских политиков, он фиксировал сохранение культурного влияния бывших метрополий в новых независимых государствах. Показательно, что данное обстоятельство не представлялось ему негативным явлением: в целом антикоммунистическая эмиграция надеялась, что политические элиты африканских государств сохранят свою ориентацию на Великобританию и Францию¹⁶.

Именно на базе этого тяготения Африки к ценностям европейской культуры, по мнению эмигрантских публицистов, должны были проходить и интеграционные процессы на континенте. В качестве модели, по которой могла развиваться ОАЕ, в этом случае выступала уже начавшаяся европейская интеграция. Безусловно, вставал закономерный вопрос: насколько Черный континент в середине XX в. был готов к тому, чтобы идти по пути создания наднациональных политических и экономических институтов? У любого непредвзятого аналитика этот вопрос, конечно, вызывал серьезные сомнения. Тем не ме-

нее, полагал известный меньшевик С.М. Шварц, «современная супербалканизация негритянской Африки не может обеспечить ее здорового развития»¹⁷. Проблема координации усилий новых независимых государств в целях решения их социальных и экономических проблем уже в середине XX в. стояла весьма остро.

Таким образом, эмигрантские публицисты середины XX в. обращались к феномену колониализма в рамках обсуждения широкого круга проблем, связанных с развитием стран Африки. Модернизация и «демократический транзит», коррупция среди африканских чиновников и борьба за влияние в Африке между Западом и Востоком – эти и другие проблемы нередко дискутировались на страницах газет и журналов русской эмиграции. Безусловно, эмигрантский анализ ситуации не был беспристрастен, он нес в себе отпечаток атмосферы холодной войны. Тем не менее, на наш взгляд, многие концептуальные положения, выдвинутые эмигрантскими аналитиками, сохраняют актуальность и по сей день.

---

¹ См.: Берлин П. Коммунизм и нищета // Новое русское слово. 1951. 1 июля.

² См.: Borstelmann T. Apartheid's Reluctant Uncle. The United States and Southern Africa in the Early Cold War. N.Y., 1993. P. 143.

³ Русские новости. Париж, 1947. 4 апреля.

⁴ См.: Посев. Франкфурт-на-Майне, 1957. № 11. С. 9.

⁵ Мазов С.В. Политика СССР в Западной Африке, 1956–1964: неизвестные страницы истории холодной войны. М.: Наука, 2008. С. 104–121 и др.

⁶ См.: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 339.

⁷ См.: Вишняк М.В. Демократия в Африке // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1960. № 5. С. 92.

⁸ См.: Денике Ю. Новый этап алжирской драмы // Социалистический вестник. 1960. № 12. С. 230.

⁹ См.: Ронин В.К. «Русское Конго»: 1870–1970. Книга-мемориал: в 2 т. М.: Дом Русского Зарубежья имени Александра Солженицына; Русский путь, 2009.

¹⁰ Шаховская З. Конго // Африка глазами эмигрантов. М.: Вост. литература, 2002. С. 38.

¹¹ Там же. С. 37.

¹² Там же.

¹³ Посев. 1961. № 4. С. 11.

¹⁴ См.: Денике Ю. Конго, Куба и социализм // Социалистический вестник. 1960. № 8–9. С. 155.

¹⁵ См.: Он же. Трагедия ошибок // Социалистический вестник. 1961. № 2–3. С. 38.

¹⁶ См.: Он же. Африканские перспективы // Социалистический вестник. 1963. № 5–6. С. 73.

¹⁷ Шварц С. Нация и национализм // Социалистический вестник. 1964. № 2. С. 31.

**ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ АНГОЛЫ, МОЗАМБИКА
И ГВИНЕИ-БИСАУ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ Н. ТЕЛЕПНЕВОЙ)**

Среди историков, изучающих деколонизацию стран Африки, выделяется Наталья Телепнева, наша соотечественница, проживающая в Великобритании, а точнее, в Шотландии, в г. Глазго, где с 2019 г. она работает преподавателем Университета Стратклайд.

Наталья Телепнева приехала в Великобританию после окончания гимназии в Санкт-Петербурге и поступила в Колледж Челтнем (*Cheltenham College*, переводят как Челтнем или Челтенхем), основанный еще в середине XIX в. и считающийся одной из лучших школ для девочек в Великобритании. В 2005 г. после окончания Челтнема Наталья Телепнева поступила в знаменитую Лондонскую школу экономики и политических наук (*London School of Economics and Political Science – LSE*), где обучалась по программам бакалавриата по специальности «Международные отношения и история». Там одним из ее преподавателей был профессор Одд Арне Вестада, норвежский ученый, пожалуй, лучший на Западе специалист по истории холодной войны, который стал ее научным руководителем.

Наталья Телепнева получила совместную степень магистра *LSE* и Колумбийского университета в Нью-Йорке по специальности «Международная и всемирная история», подготовив работу на тему «*Searching for Influence: The Soviet Afro-Asian Solidarity Committee and the National Liberation Movements in Southern Africa, 1967–1975*». Советниками при ее написании были Вестада и Виктория де Грация, профессор Колумбийского университета. К сожалению, в России деятельность Советского комитета солидарности стран Азии и Африки не является до сих пор предметом исследований профессиональных историков. Исключением стали книга мемуаров д.и.н. В.Н. Теткина «Африканист»¹ и труды д.пол.н. А.С. Дзасохова², фактически руководившего СКССАА с 1967 по 1986 г.

Поддержка борьбы против колониальных и расистских режимов Африки со стороны СССР и его союзников стала основной темой исследований Натальи Телепневой. Особенно ее внимание привлекает содействие СССР борьбе за независимость португальских колоний. В 2014 году под руководством Вестада она получила в *LSE* степень *PhD*, защитив диссертацию на тему «*Our Sacred Duty: The Soviet*

Union, the Liberation Movements in the Portuguese Colonies, and the Cold War, 1961–1975».

В последующие годы Наталья Телепнева работала в Школе славянских и восточноевропейских исследований Лондонского глобального университета (*UCL*, ранее известного как Лондонский университетский колледж), а затем, с 2017 по 2019 г., – в Университете Уорика, получив стипендию Британской академии. В эти годы она стала соредактором книги «*Warsaw Pact Intervention in the Third World*»³ и специального номера журнала *International History Review* по теме «*Secret Struggle for the Global South*»⁴. Продолжала она и исследовательскую работу, результатом которой стала публикация нескольких интересных статей.

Отличительной чертой Н. Телепневой как исследователя является максимально возможное использование архивных материалов, особенно тех, которые недавно стали доступными для историков. Много раз приходилось видеть в архивах ее подпись на сопроводительных документах как второго или третьего, а иногда и первого посетителя, ознакомившегося с ними. Наряду с документами по тематике национально-освободительной борьбы, хранящимися практически во всех российских государственных архивах, она изучила рассекреченные материалы из архива Министерства внутренних дел Чехословакии, находящегося в Праге. Стоит напомнить, что эта страна вплоть до политического кризиса 1968 г. вела активную политику в Африке, и работа в Пражском архиве позволила Наталье Телепневой подготовить статьи о роли Чехословакии в борьбе за независимость Гвинеи-Бисау и доверительных отношениях Праги с лидером этой борьбы Амилкаром Кабралом⁵, а также о попытках оказать содействие Кваме Нкруме в его попытках вернуться к власти⁶.

Что же касается проблематики советской помощи национально-освободительным движениям в странах Африки, то, пожалуй, наиболее интересной и познавательной является опубликованная в журнале *Journal of Southern African Studies* статья, описывающая начало отношений Москвы с Фронтом освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), в которой раскрывается роль «официальных лиц Восточного блока» в их установлении⁷.

Однако основное внимание после защиты диссертации Наталья Телепнева уделяла подготовке индивидуальной монографии, которая была опубликована в издательстве Университета Северной Каролины под названием «*Cold War Liberation: The Soviet Union and the Collapse of the Portuguese Empire in Africa, 1961–1975*»⁸. Монография эта состоит из введения, заключения и семи глав, которые располо-

жены по хронологическому принципу, но в названии которых, как правило, отражены явления, которые были наиболее важными для того или иного исторического периода, хотя сами эти названия иногда выполнены в стилистике, характерной для западных ученых.

Так, первая глава называется «Посредники освобождения: Никита Хрущев, советская бюрократическая элита и холодная война в Африке». Стоит заметить, что трудно назвать тогдашнего руководителя Советского Союза «посредником». Вторая – «Революционеры: португальская империя и подъем африканского национализма». Вслед за ней идут главы, рассказывающие о начале вооруженной борьбы в Анголе и других португальских колониях и о международных связях освободительных движений: «Ангольское восстание и его последствия» и «Дипломатия освобождения: политика в эмиграции, международные союзы и маоизм в Африке». Их продолжают глава «Из дула винтовки: оружие, подготовка и стратегия партизанской войны» и довольно пессимистичная – «Разочарования: португальские наступления и разрядка». Завершает книгу глава, посвященная окончанию колониальных войн и началу новой войны в Анголе, – «Триумф и трагедия: революция в Португалии и ангольская гражданская война».

Монография Натальи Телепневой позволяет лучше понять как причины активной поддержки Советским Союзом антиколониальной борьбы, так и формы и методы этой поддержки. Верно отмечая, что отношения с африканскими странами никогда не стояли на первом месте в повестке дня советского руководства, исследовательница пишет: «Когда в 1960-х годах начались антиколониальные кампании в Анголе, Мозамбике и Гвинее-Бисау, советские начали предоставлять денежные средства, обучение и оружие МПЛА, ФРЕЛИМО и ПАИГК. Этой помощью руководила небольшая группа советских бюрократов и военных. В этой книге исследуется эволюция отношений между советской элитой и африканскими революционерами, позволяющая объяснить роль СССР в крахе Португальской империи в Африке»⁹.

Конечно, люди из этой «группы» не считали себя ни бюрократами, ни элитой, но здесь уместно привести слова В.В. Путина, сказанные им после Второго саммита Россия – Африка: «В какой-то момент в советское время, я это помню хорошо, у нас в обществе (точнее, в части общества. – *В.Ш.*) сложилось мнение, что мы зря тратим деньги. Ну, зачем мы тратим деньги на Африку? Где эта Африка? У нас своих проблем много. Сейчас, когда я общаюсь с нашими друзьями из Африки, я с благодарностью думаю о тех людях, которые проводили такую политику в Африке. Они создали мощный задел проч-

ности, дружеских отношений с африканскими странами... Не знаю, они сами-то рассчитывали на такой результат или нет»¹⁰. (Не могу сказать за всех товарищей, но те, с которыми я работал по укреплению связей Советского Союза со странами Африки в течение трех десятилетий, твердо в этом были уверены. – *В.Ш.*)

Сама Наталья Телепнева считает рассмотрение «участия советской бюрократической и военной элиты в проведении внешней политики» одним из основных вкладов книги в «новую историю холодной войны» наряду с «подчеркиванием важности действий африканцев в процессе, который привел к краху Португальской империи» и «новой интерпретации советского участия в Анголе в 1974–75 годах»¹¹.

Следует отметить, что рассматриваемая монография действительно является новым словом в истории Африки, несмотря на отдельные неточности. Так, вопреки тому, что написано в книге, Советский комитет солидарности стран Азии и Африки (СКССАА) был основан первоначально как Советский комитет солидарности стран Азии за несколько лет до создания Организации солидарности народов Азии и Африки; А.И. Микоян не был председателем Совета Министров СССР, а КГБ, созданный в 1954 г., никак не мог быть связан со «сталинскими чистками». С другой стороны, книга содержит немало непривычных, но продуманных оценок деятельности Советского Союза в Африке и ее участников. В частности, утверждается, что «по мере эскалации антиколониальных войн в Анголе, Мозамбике и Гвинее-Бисау в 1960-х годах» именно ГРУ и советские военные стали все более активно «участвовать в практической стороне поддержки освободительных движений: поставках оружия, обучении солдат и консультировании по военной стратегии»¹².

В заключении книги, говоря о стремлении России «вернуться в Африку» Наталья Телепнева пишет: «Хотя мотивы, стоящие за вовлеченностью России, сегодня сильно отличаются, их невозможно понять, не углубляясь в прошлое»¹³. Что ж, остается сказать, что ее монография помогает этому «углублению», позволяя лучше понять, как наша страна содействовала ликвидации колониальных и расистских режимов в Африке.

---

¹ *Тетекин В.Н.* Африканист. М., 2011.

² *Дзасохов А.С.* Единство и взаимодействие антиимпериалистических национально-освободительных сил», М.: Наука, 1986; *Дзасохов А.С.* Азия. Африка. Вехи солидарности, М.: МГИМО, 2018.

³ *Warsaw Pact Intervention in the Third World.* Edited by Philip E. Muehlenbeck, Natalia Telepneva. L.: Bloomsbury Publishing, 2018.

---

⁴ The Secret Struggle for the Global South: Espionage, Military Assistance and State Security in the Cold War. Guest editors: D. Richterova, N. Telepneva // *International History Review*. Vol. 43. Iss. 1. 2021.

⁵ Code Name SEKRETÁŘ': Amílcar Cabral, Czechoslovakia and the Role of Human Intelligence during the Cold War // *International History Review*. 2020. Vol. 42. Iss. 6. P. 1–17.

⁶ Saving Ghana's revolution: the demise of Kwame Nkrumah and the evolution of Soviet policy in Africa, 1966–1972 // *Journal of Cold War Studies*. Vol. 20 (2021). Iss. 4. P. 4–25.

⁷ Mediators of Liberation: Eastern-Bloc Officials, Mozambican Diplomacy and the Origins of Soviet Support for Frelimo, 1958–1965 // *Journal of Southern African Studies*. 2017. 43 (1). P. 67–81.

⁸ *Telepneva N.* Cold War Liberation: The Soviet Union and the Collapse of the Portuguese Empire in Africa, 1961–1975. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2021.

⁹ *Ibid.* P. 2–3.

¹⁰ *Тетекин В.Н.* Указ. соч.

¹¹ *Telepneva N.* *Op. cit.* P. 3.

¹² *Ibid.* P. 7.

¹³ *Ibid.* P. 210.

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ГЕРМАНСКОЙ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ: ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОЛОНИИ

Германское колониальное присутствие в Танганьике оставило после себя огромное количество разнородных и разножанровых свидетельств. Это материальная инфраструктура и образцы архитектуры – здания администрации, форты, вокзалы и железные дороги, таможи, церкви, резиденции высокопоставленных чиновников, дома колонистов. Более чем за сто лет с момента перехода колонии Германская Восточная Африка в руки Великобритании часть этого наследия пришла в полный упадок и доживает свой век в виде руин или находится в аварийном состоянии, однако другая – существенная часть – подерживалась, реставрировалась и полностью сохранила не только внешний вид, но и изначальную функцию. В некоторых случаях германские колониальные здания изменили свое назначение под задачи уже независимой Танзании. При этом объекты колониального наследия находятся как в государственных, так и в частных руках. Письменные свидетельства – архивные документы, источники мемуарного жанра, произведения офицеров и колониальных деятелей, которых за недолгое немецкое правление и позднее было издано несколько десятков, заслуженно являются основным полем деятельности историка. Но германское присутствие на чужой африканской земле фиксировалось и в целом ряде визуальных источников, привлекавших внимание исследователей как иллюстративный материал, но в целом не доведенных даже до стадии научной систематизации и каталогизации, систематического обзора имеющихся материалов. В наше время эти материалы массово оцифровываются – за давностью лет (а часто и в условиях отсутствия указания на авторство) они являются коллективным достоянием, что делает их полностью доступными для изучения.

Визуальные источники можно разделить на несколько групп:

– профессиональная авторская фотография (немецкие фотографы Вальтер Доббертин, Карл фон Винценти, Отто Геккель, Роберт Ломейер и др.; фотографы предположительно испанского или португальского происхождения – семья Кутиныо, И.М. Сантос/Сантуш, А. Монтейро); частная фотография (например, в мемуарах Тома и Магдален фон Принц¹);

– альбомы, зарисовки и иллюстрации, сделанные специально для оформления будущих изданий мемуаров либо подобранные из числа доступных фотографий и изображений (например, специализированный альбом Эмиля Фелькера²; иллюстрации в мемуарах и сообщениях барона Карла Клауса фон дер Декена³, Пауля Райхарта⁴, Пауля Дёринга⁵, Хьюго фон Бера⁶, Оскара Баумана⁷, Йоаннеса Вангемана⁸, Карла Фалькенхорста⁹, Курда Швабе¹⁰ и мн. др.);

– открытки, выпущенные для переписки администрации Германской Восточной Африки и поселенцев с друзьями и близкими на родине, иногда выпускавшиеся целыми пропагандистскими сериями («Наши колонии», «Мы нуждаемся в колониях», «Немец, подумай о своих колониях» и др.);

– профессиональная живопись (Вильгельм Кунерт, Фриц Гротемейер, Вилли Штёвер, Рудольф Хелльгреве);

– так называемые торговые, или коллекционные, карточки с видами колоний и зарисовками оттуда для рекламы некоторых товаров и повышения спроса на них;

– близкий к открыткам, но все же отличающийся от них небольшой круг источников – карточки, выпускавшиеся к колониальным выставкам, часто юмористического содержания и жанрово близкие к карикатуре.

Настоящая работа призвана продемонстрировать потенциал этих визуальных источников для историка и антрополога как в плане изучения и изображения колониальной жизни и ее реалий, так и в плане концептуальной репрезентации Германской Восточной Африки именно как колонии, подчиненного пространства с ее специфическими социальными иерархиями. Немоловажно также то, что данные материалы являются ценными источниками для изучения пропаганды колониализма того времени.

Разные виды визуальных источников существенно различаются по жанрам. Авторская фотография представляет очень личный и полностью субъективный взгляд на вещи, перед ней очень редко стоят конкретные выполнимые задачи, отличные от портретной съемки людей, пейзажной съемки местности или крупных архитектурных объектов (без причины понравившихся фотографу или требующих фотофиксации для демонстрации другим людям с определенной целью), съемки заинтересовавших фотографа городских улиц или быта, местных жителей за определенными занятиями. Ввиду полной субъективности авторского видения в данном случае редко можно сделать анализ выбора объектов изображения и никогда – определить «степень достоверности» в фиксации ситуаций (является ли изобра-

женная ситуация типичной, не смоделирована ли она искусственно в угоду фотографу, как на *рис. 1* и, возможно, *рис. 2*, не является ли она отражением его собственных стереотипов относительно изображаемых объектов, особенно когда речь идет о колониальной повестке и т.д.). Даже в ситуации, когда выбор объектов изображения является значимым – а в случае колониальной фотографии он является значимым, и даже при наличии значительного корпуса снимков систематический анализ практически не позволяет прийти к самостоятельным выводам, отличным от очевидных заключений, сделанных по письменным источникам.

Рис. 1. **Фотограф и кадр.** Германская Восточная Африка, 1906.
Фотография Отто Геккеля (1872–1945).

Изучение массивов фотографий, объединенных по региональному, концептуальному, тематическому признаку, за редкими исключениями позволяет историку лучше понять и действительно «увидеть» свой материал, но не более того. То, что было снято и попало в объектив, составляет ничтожную долю реальности, в которой находились действующие лица, стоящие за каждым снимком, и даже эта доля полностью определяется личным взглядом его автора. Даже в эпоху развития документальной фотографии и появления профессиональной военной фотографии в сер. XX в. потрясающие снимки ее основоположников и классиков Роберта Каппы и Герды Таро говорят историку больше об их таланте и личном взгляде на Гражданскую войну в Испании (для обоих), высадку в Нормандии или Индокитайскую войну (для Каппы), чем о зафиксированных на пленку событиях. То, что называ-

ют исторической фотографией (см. *рис. 3 и 4*), – это микросрезы исторических событий, которые определяются на основе изначальных знаний историка об объекте; без такого знания это были бы просто некий затопленный корабль и некий пленный с конвоем. В этом плане историческая фотография всегда следует за другими источниками и практически никогда не оказывается впереди них.

Рис. 2. **В Багамоё.** Фотография Вальтера Доббертина (1882–1961), самого талантливого немецкого фотографа, работавшего в ГВА.

Рис. 3. **Потопленный британцами бронепалубный крейсер «Кенигсберг» в дельте Руфиджи, 1915 г.** Фотография В. Доббертина. Он был единственным профессиональным фотографом, освещавшим военные действия Первой мировой войны в Восточной Африке с германской стороны.

Рис. 4. Лидер антигерманского восстания Бушири ибн Салим аль-Харти незадолго до казни, 1889 г. Видимо, с целью дополнительного унижения он одет в *кангу* (традиционная женская одежда суахильского побережья) и лишен приличествующего мусульманину головного убора. Фотография, скорее всего, была сделана миссионером Этьеном Бором.

Разумеется, фотография может стать объектом «частного расследования», когда, сравнивая старые и современные снимки, исследователи выявляют, к примеру, изменения в экологии – на танзанийском материале это работы К. Конте¹¹ и П. фон Хеллерман¹²; или получают более точные сведения о тактике, вооружении и отдельных событиях восстания Маджи-маджи – более точные относительно указаний письменных источников или их лакун (Н. Рушохора и Э. Курман)¹³. В остальном для историка фотография остается не более чем иллюстрацией, но, как и любая иллюстрация, она вносит в восприятие массива письменных источников художественность и эмоциональность (вернемся к *рис. 2*).

Рис. 5. Женщины суахили в праздничных нарядах. Немецкая колониальная открытка на основе фотографии К. Винценти.

Рис. 6. Традиционные жилища *ньямвези*. Немецкая колониальная открытка на основе фотографии А. Монтейро.

В отличие от историка, для этнографа и антрополога наибольший интерес представляют непосредственно запечатленные фенотипы людей, представителей различных народностей (рис. 5 и 6), их быт и элементы культуры¹⁴, поддающиеся зарисовке или фотофиксации

(рис. 7–9) – этот интерес не изменился со времен исследователей Африки, таких как О. Бауман, Ф. Штульман¹⁵ или Г. фон Виссман¹⁶, в работах которых представлены скетчи и зарисовки предметов быта, оружия, жилищ, мебели, курительных трубок или музыкальных инструментов; в отличие от первых фотографов региона и современных историков, первые этнографы региона и современные антропологи прекрасно понимают друг друга.

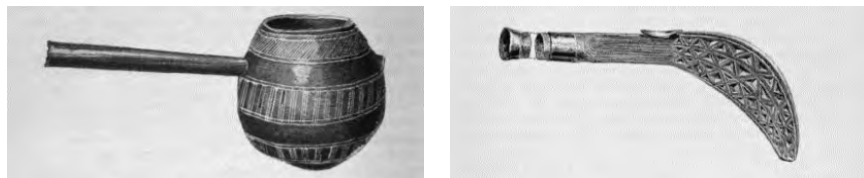

Рис. 7–8. Половник (слева) и наконечник трости (справа). Зарисовки из книги О. Баумана «Усамбара и соседние области»¹⁷.

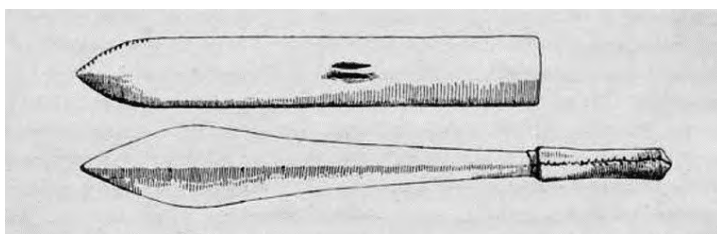

Рис. 9. Типичный меч народностей побережья.

Зарисовка из книги Ф. Штульмана «С Эмином-пашой в сердце Африки»¹⁸.

Многие фотографии перепечатывались в качестве колониальных открыток (примеры на рис. 5–6, 10–12 и далее), но открытки как жанр значительно отличаются от них. Авторское видение в них уходит (отбор и публикация наборов открыток – труд многих людей), оставляя место для выполнения конкретных пропагандистских задач, таких как демонстрация аудитории метрополии новой колонии и достижений (в кавычках и без), которые были в нее привнесены. По выражению К. Гири, открытки в большей степени, чем другие виды визуальных источников, «изобретают Африку»¹⁹, пристрастно и тенденциозно относясь и к выбору объектов изображения, и к построению кадра. Анализ типичных объектов изображения ввиду наличия однородного корпуса открыток, состоящего из сотен единиц, оказывается достаточно показательным: он демонстрирует выраженные акценты в визуальной репрезентации колонии, которые были интерес-

ны как немцам, оказавшимся на новой африканской земле, так и их аудитории в метрополии. Наиболее важной оказывается визуальная фиксация военного присутствия (открытки с изображением фортов (рис. 10), крепостей, так называемых военных станций – укрепленных пунктов; солдат и офицеров шуцтруппе; зданий военного назначения), административных учреждений (*бомы* – здания колониальной администрации (рис. 11), виллы администраторов, дома чиновников), новой построенной в колонии инфраструктуры (железные дороги, вокзалы, здания почты) и европейской городской застройки с типичными для европейского городского пространства объектами – отелями, казино, сегрегированными больницами, площадями с имперскими памятниками, а также школами (рис. 12) и церквями, строениями христианских миссий²⁰. Месседж таких открыток в том, что колонизаторы принесли в Африку «культуру и цивилизацию» как в материальном плане (инфраструктура), так и в духовном (религия и школа)²¹. Самим «окультуриваемым» африканцам уделяется гораздо меньше внимания – так, из доступного автору корпуса в 800 единиц изображению улиц и зданий одной только европейской части столицы колонии Дар-эс-Салама посвящено больше открыток, чем вообще всем ее жителям.

Рис. 10. В крепости Ной-Лангенбург (совр. Тукуйу). Немецкая колониальная открытка.

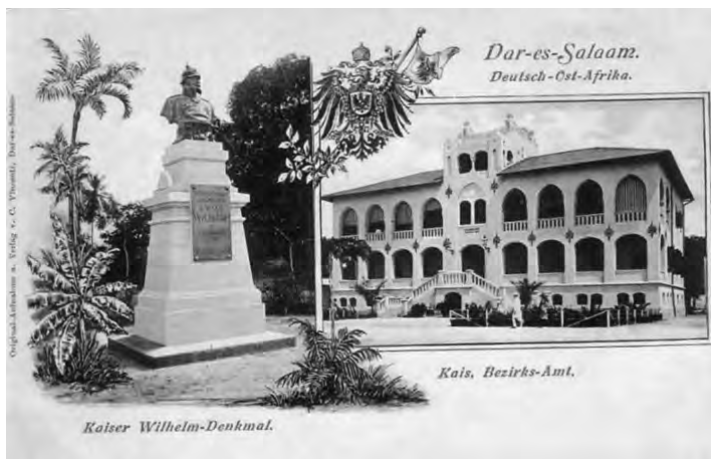

Рис. 11. Здание германской администрации и памятник императору Вильгельму II в Дар-эс-Саламе. Немецкая колониальная открытка.

Рис. 12. Школьная улица и здание государственной школы, Танга. Немецкая колониальная открытка.

В целом на колониальных открытках запечатлены около ста локаций на территории современных Танзании, Руанды и Бурунди: от крупных портовых городов, Дар-эс-Салама и Танги, и первой столицы Багамойо²² до совсем небольших населенных пунктов, поселений колонистов или миссионеров. Этот жанр лучше всего позволяет изучать колониальные иерархии, поскольку их прицельно выстраивают различными средствами – сюжетными (изображения местных жите-

лей связанными или в цепях – *рис. 13*; в фотографии мы можем обнаружить также снимки казней и телесных наказаний), сюжетно-композиционными (визуальное доминирование имперской символики на изображении, пример на *рис. 15*, в том числе использование гербов, флагов и военных мотивов в оформлении самих открыток) и композиционными (белый офицер/чиновник подчеркнута в центре композиции, подчеркнута на переднем плане или визуальнo выше, чем прочие изображенные, см. *рис. 14*).

Рис. 13. Заключенные в Танге. На заднем плане – *бома*, здание колониальной администрации. Немецкая колониальная открытка.

При рассмотрении открыток, как и произведений других жанров, можно выделить мотивы, передающие колониальные иерархии визуальными средствами: «немец стоит руки за спиной или “руки в боки”» (позы, говорящие об уверенности в себе и доминировании), «у немца в руках стек или оружие» (что также говорит о контроле над ситуацией и доминировании), «африканцы работают» (часто группами под присмотром немцев), «африканец поднимает имперский флаг» (что демонстрирует факт подчинения местных жителей империи, при этом якобы еще и добровольного, пример на *рис. 15*), «африканцы стоят спиной, в наклоне или полуприседе» (то есть в подчиненных или униженных позах, см. *рис. 18* далее). Отдельный интерес представляют изображения иерархий внутри местного населения (*аскари* – солдаты, набранные из местных жителей, – на службе империи, см. *рис. 15*, арабы и арабизированные суахили, африканцы)²³.

Введение корпуса открыток в научный оборот – дело будущего: пока что интерес к ним только начинает выходить за рамки коллекционирования и перемещается в сферу науки²⁴.

Рис. 14. После львиной охоты. Немецкая колониальная открытка.

Рис. 15. Аскари с имперским флагом.

Удивительно, но появление новой колонии получило отражение и в немецкой профессиональной живописи. Художник Вильгельм Кунерт (1865–1926), наиболее известный своими живыми и выразительными изображениями африканских животных, создал несколько работ, посвященных и «гостям», и «хозяевам» Танганьики. Помимо двух крупных исторических полотен и зарисовок из жизни *аскари*, многие из которых попали впоследствии на открытки, он создал несколько впечатляющих портретов африканских правителей – см. *рис. 16–17*.

Рис. 16–17. Работы В. Кунерта. Слева – Мадара, правитель Моши; справа – Мареале, правитель Марангу.

Художник Фриц Гротемейер (1864–1947) создал несколько полотен, посвященных военным действиям Первой мировой войны на территории ГВА, в частности битве за Тангу – *рис. 18*.

Рис. 18. Танга 4 ноября 1914 г. Ф. Гротемейер.

На этом полотне мы также видим типичный для визуальных источников ГВА пример фиксации колониальных иерархий: белые офицеры показаны бесстрашно смотрящими вперед (и они композиционно выше), черный *аскари* выглядывает из-за плеча немца (и все *аскари* на картине композиционно ниже белых офицеров).

Следующая группа источников – торговые карточки – это небольшие рисованные изображения форматом меньше открытки, объекты коллекционирования: производители различных товаров (изначально сигарет) вкладывали их в упаковки со своей продукцией²⁵. Так как покупатель не знал, какая карточка ему попадет, то покупал больше товара в надежде получить новую карточку для коллекции. Также эти карточки использовались в рекламных целях – обычно они содержат изображение рекламируемого товара и название бренда. Поскольку тема колоний была очень популярна и интересовала жителей метрополии, на карточках появились сценки и зарисовки колониальной жизни и изображения местных жителей. Карточки, посвященные ГВА, выпускали производитель шоколада Эдуард Клефельд, компания по производству какао *Hartwig & Vogel* (рис. 19–20), производитель продуктов питания *Knorr* и производитель мясного концентрата *Liebig's* (эта компания широко известна своими карточками, так как они изображают многие регионы мира, не только Африку).

Рис. 19. Торговая карточка *Liebig's* «Из Восточной Африки. Обменная торговля в черной деревне». Интересна фигура араба в чалме и, вероятно, с плохо изображенным кинжалом *джамбия* за поясом (конец кинжала должен быть изогнутым, а не прямым); ношение арабами и арабизированными суахили таких кинжалов хорошо задокументировано в фотографии.

Рис. 20. Торговая карточка *Hartwig & Vogel* «Парад полицейских войск в Дар-эс-Саламе». Набор карточек посвящен визиту статс-секретаря Императорского колониального ведомства Бернхарда Дернбурга в ГВА в 1907 г. (изображен слева в черном костюме с белой шляпой в руках и с красной лентой).

Рис. 21. «Станция в Ост-Африке». Большая промышленная выставка, Берлин (1896).

Кратко рассмотрим последнюю группу визуальных источников – открытки, выпускавшиеся к колониальным выставкам²⁶, близкие к карикатурам, см. примеры на *рис. 21–22*. Эта группа является самой

оторванной от африканской реальности: многочисленные практически полностью фантастические архитектурные детали (за исключением центрального здания с флагами на *рис. 21*) и изображения местных жителей, близкие к карикатуре (не в последней степени ввиду антропологически недостоверных для данного региона фенотипов), делают ее практически исключительно источником для исследования восприятия колоний и связанных с этим штампов и стереотипов. В отличие от авторов предыдущих изображений, художники, работавшие для колониальных выставок, никогда в Восточной Африке не были и ее не видели – это заметно по их рисункам.

Рис. 22. «Привет из Ост-Африки». Саксонско-Тюрингская выставка промышленности и торговли, Лейпциг (1897).

Таким образом, подводя итог краткому экскурсу в тему визуальных источников Германской Восточной Африки, хотелось бы подчеркнуть их потенциал как с антропологической точки зрения – фотографии представителей народностей, зарисовки предметов их быта практически не используются этнологами и антропологами, так и с исторической, ведь корпус этих источников позволяет изучать колониальные социальные иерархии и особенности репрезентации колонии наглядно и с нового ракурса, не говоря уже об их огромной важности для изучения более частных тем, таких как колониальная тропическая архитектура или градостроительство. Работа с визуальными

источниками, постепенное введение их в научный оборот, без сомнения, обогатит наши представления об обеих сторонах колониального цивилизационного столкновения: изучение «визуальной колонизации» помогает лучше понять особенности и действующих лиц реальной колониальной жизни и политики.

---

¹ *Prince von M.* Eine Deutsche Frau im Innern Deutsch-Ostafrikas. Elf Jahre nach Tagebuchblättern Erzählt. Berlin: E.S. Mittler, 1908; *Prince von T.* Gegen Araber und Wahehe. Erinnerungen aus meiner ostafrikanischen Leutnantszeit 1890–1895. Berlin: E.S. Mittler, 1914.

² Альбом *Erinnerung an die Ostafrikanische Blockade und meine Reise an Bord SMS Carola 1888–1890*, включающий 50 фотографий, сделанных Дж. Штурцем, собранных и аннотированных Э. Фелькером (оба – офицеры корвета «Карола», участвовавшего в подавлении восстания Бушири). <https://omanisilver.com/contents/en-us/d575.html>, <https://omanisilver.com/contents/en-us/d637.html> (дата обращения 03.03.2023).

³ *Decken von der, C.C.* Baron Carl Claus von der Decken's Reisen in Ost-Afrika in den Jahren 1859 bis 1865. Bd. I. Leipzig und Heidelberg: C.F. Winter'sche Verlagshandlung, 1869; Baron Carl Claus von der Decken's Reisen in Ost-Afrika in den Jahren 1859 bis 1865. Bd. II. Leipzig und Heidelberg: C.F. Winter'sche Verlagshandlung, 1871.

⁴ *Reichart P.* Deutsch-Ostafrika. Das Land und seine Bewohner. Seine politische und wirtschaftliche Entwicklung. Leipzig: Verlag und Druck von O. Spamer, 1892.

⁵ *Döring P.P.* Morgendämmerung in Deutsch-Ostafrika: ein Rundgang durch die ostafrikanische Mission. Berlin: Verlag von Martin Warneck, 1901.

⁶ *Behr von, H.F.* Kriegsbilder aus dem Araberaufstand in Deutsch-Ostafrika. Mit einem Vorwort von H. von Wissmann. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1891.

⁷ *Baumann O.* In Deutsch-Ostafrika während des Aufstandes. Wien und Olmütz: E. Hölzel, 1890; Usambara und seine Nachbargebiete. Allgemeine Darstellung des nordöstlichen Deutsch-Ostafrika und seiner Bewohner. Berlin: D. Reimer, 1891.

⁸ *Wangemann J.* Land und Leute in Deutsch-Ost-Afrika. Erinnerungen aus der ersten Zeit des Aufstandes und der Blokade. Berlin: E. S. Mittler und Sohn, 1894.

⁹ *Falkenhorst C.* Deutsch-Ostafrika. Stuttgart, Berlin, Leipzig: Union Deutsche Verlagsgesellschaft, 1890.

¹⁰ *Schwabe K.* (Hrsg.). Die deutschen Kolonien. Band II. Berlin: Weller und Hüttich, 1910.

¹¹ *Conte Ch.* Power, production, and land use in German East Africa through the photographs of Walther Dobbertin, c. 1910 // *Journal of Eastern African Studies*. 2018. Vol. 12. No. 4. P. 632–654.

¹² *Hellermann von, P.* Partial Stories: Repeat Photography, Narratives and Environmental Change in Tanzania // *Visual Anthropology*. 2020. Vol. 33. P. 363–391.

¹³ *Rushohora N., Kurmann E.* Look at Majimaji! A Plea for Historical Photographs in Tanzania // *African Studies*. 2018. Vol. 77. No. 1. P. 87–104.

¹⁴ См. подробнее: *Banshchikova A.A.* Visual Colonization: Social Hierarchies in Postcards, Photographs and Sketches of German East Africa // *Social Evolution and History*. 2022. Vol. 21. No. 2. P. 112–118. <https://doi.org/10.30884/seh/2022.02.07>.

¹⁵ *Stuhlmann F.* Mit Emin Pascha ins Herz von Afrika. Ein Reisebericht. Berlin: Dietrich Reimer, 1894.

---

¹⁶ *Wissmann von, G.* Meine zweite Durchquerung Äquatorial-Afrikas. Frankfurt an der Oder: Trowitzsch und Sohn, 1890; Unter deutscher Flagge quer durch Afrika von West nach Ost. Berlin: Walther und Apolant, 1890.

¹⁷ *Baumann O.* Usambara und seine Nachbargebiete... S. 34, 151.

¹⁸ *Stuhlmann F.* Mit Emin Pascha ins Herz von Afrika... S. 35.

¹⁹ *Geary Ch.M.* Old Pictures, New Approaches... P. 38. См. также *Rydell R.W.* *Souvenirs of Imperialism: Word's Fair Postcards.* In: Geary Ch.M. and V.-L. Webb (eds.). *Delivering Views: Distant Cultures in Early Postcards.* Smithsonian Institution Scholarly Press, 1998.

²⁰ См. *Баницикова А.А.* Визуальная колонизация: опыт объектно-мотивного, сюжетного и композиционного анализа открыток Германской Восточной Африки. М.: Институт Африки РАН, 2025. В печати.

²¹ *Баницикова А.А.* Визуальная колонизация: сюжеты и основное содержание открыток Германской Восточной Африки // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2021. Вып. 12 (110). Ч. I. Т. 12. DOI: 10.18254/S207987840014801-0

²² *Баницикова А.А.* Багамоё имперское и настоящее: изображение первой столицы Германской Восточной Африки в колониальных открытках и в авторской фотографии Вальтера Доббертина // Ученые записки Института Африки РАН. 2022. № 2 (59). С. 96–111. DOI: 10.31132/2412-5717-2022-59-2-96-111

²³ *Banshchikova A.A.* Visual Colonization...

²⁴ См. также *Axster F.* *Koloniales Spektakel in 9 x 14. Bildpostkarten im Deutschen Kaiserreich.* Bielefeld: Transcript Verlag, 2014. S. 169–207.

²⁵ См. *Zeller J.* Harmless Kolonialbiedermeier? Colonial and Exotic Trading Cards. In: *Langbehn V.M.* (ed.). *German colonialism, visual culture, and modern memory.* N.Y., L.: Routledge, 2010. P. 71–86.

²⁶ См. *Ciarlo D.* *Advertising Empire: Race and Visual Culture in Imperial Germany.* Harvard: Harvard University Press, 2011. P. 25–64.

Глава 8

ИЗ КОЛОНИАЛЬНОГО ТУНИСА В БЫВШУЮ МЕТРОПОЛИЮ (ИСТОРИЯ О. ГОРОДНИЧЕНКО-КАМИНАД В ПИСЬМАХ)

Вместо предисловия

«Когда я приехала из Тунизии в Ним, меня довольно скоро попросили быть переводчицей для туристов, которые заезжали часто на автобусах поглядеть на этот город. Туристы, конечно, со всего СССР. Были также спортсмены, которые приезжали соревноваться с местными; конгрессы ученых, лекции, всякие встречи со знаменитыми артистами, с консулами, которые меняются часто. И все они часто думали, что я принадлежу к диссидентам. И когда я отвечала, что родилась в Тунизии, так начинались любопытные вопросы – да “как”, да “почему”?»

Однажды мне задали такой интересный вопрос: “Скажите, пожалуйста, кем Вы себя чувствуете – француженкой, туниской (тунизианкой, вернее) или русской?”

“Мне повезло! У меня три матери! Русская мать – биологическая; тунизийская мать – моя няня-кормилица; а Франция – культурная мать! А я сама я... просто я – гражданка нашей планеты!”» *(Из письма О.Л. Городниченко-Каминад. Ним, Франция, 2011 г.)*

* * *

Ольгу Леонидовну Городниченко-Каминад, безусловно, можно отнести к плеяде русских «бизертян» первой половины XX в. Она родилась в Тунисе, находившемся тогда под французским протекторатом, спустя 13 лет после того, как Русская Черноморская эскадра вошла во французский порт Бизерту, и в основе ее писем-воспоминаний лежат, прежде всего, рассказы и истории родных и близких – представителей первой волны эмиграции. В них есть и живописные зарисовки ее африканского детства и юности, и взгляды на Францию второй половины XX в., куда она попала по приезде из Туниса в конце 50-х годов. Таким образом, письма Ольги Леонидовны охватывают значительный отрезок времени эмигрантского бытия нескольких поколений и становятся ценными свидетельствами как для понимания особенностей социокультурного вживания русских изгнанников в новую среду обитания, так и для определения специфики культур-

ной интеграции «через детство». Процессы социализации всегда организуются вокруг разного рода моделей поведения и отношений, ценностей и запретов, языковых средств, познавательных, коммуникативных, эмоциональных ресурсов¹. При этом многое – особенно на ранних ступенях взросления – зависит от окружения ребенка, ауры его домашнего очага, а также более широкого социального пространства, названного Ж.-П. Сартром «коллективным ландшафтом»².

С другой стороны, складывание более или менее тесных отношений ребенка со взрослыми, которые о нем заботятся, – родителями, родственниками, друзьями семьи, соседями – превращает последних в основных участников процесса его социализации. Возможно, именно этим обстоятельством объясняется постоянное обращение Ольги Леонидовны к элементам и нюансам бытовой и духовной культуры родителей и других членов семьи, запомнившимся ей по их рассказам, к вопросам, связанным с социальным и профессиональным положением представителей старшего поколения этих семей, горьким маршрутам их эмигрантских скитаний.

Собственные тунисские хроники Ольги Леонидовны связаны уже с периодом, частично описываемым ею самой в сборнике «Русская колония в Тунисе. 1920–2000»³, а также в воспоминаниях ее соотечественника Н.Р. Шполянского, проведшего детство в Тунисе⁴. Годы юности О.Л. Городниченко приходятся на период, когда русская колония, насчитывавшая чуть менее тысячи человек, уже «завоевала самое дружеское расположение туземного населения и ныне пользуется большим уважением в стране»⁵. В то время жизнь русских колонистов оставалась еще довольно оживленной, в основном благодаря ее духовно-религиозной составляющей: возрождение приходской жизни в бизертском храме Александра Невского после его реставрации (1949), объявленный в то же время по всему миру сбор средств на возведение церкви Воскресения Христова в Тунисе. Это и идейно неоднозначный период в жизни общины, когда возросшие патриотические чувства русских в изгнании вызвали переоценку их отношения к Советской России, героически сражавшейся и победившей во Второй мировой войне, которую тунисский исследователь Х. Каздаглы назовет «пересмотром русскими Туниса собственной национальной идентичности»⁶.

Позже, правда, послевоенный подъем патриотических настроений русской диаспоры, связанный с событиями на их исторической родине, спадает, общественная и церковная жизнь русских входит в свое «нормальное» русло, переставая приносить неудобства как французским властям, так и самим русским, обосновавшимся в Ту-

нисе⁷. Юная Ольга Городниченко была свидетельницей «щедрых» американских бомбардировок Туниса, когда, «днем и ночью, как злые черные комары, американские бомбардировщики жужжали над грязными окопами, в которых мы молились, щелкая зубами, а когда вылезали из окопов, собирали по садам горячие тяжелые режущие осколки бомб и даже обменивались ими...»⁸. Она отчетливо помнит и разрушенную бомбардировками осени 1942 г. Бизерту, ее квартал «Маленькая Сицилия» и пострадавший от бомбардировок храм Александра Невского. В ее памяти сохранились этапы строительства русскими эмигрантами Церкви Воскресения Христова в столице Туниса (в 1956 г. состоялось ее торжественное освещение). Молодой Ольге Леонидовне посчастливилось застать в послевоенном Тунисе еще более или менее единое национально-культурное и религиозное сообщество наших соотечественников. Она же свидетельствует и о постепенном угасании приходской жизни тунисских православных храмов.

Одновременно с процессами, происходившими в русской колонии во время и после Второй мировой войны, в самом Тунисе, все еще протекторате Франции, постепенно активизируется рост национального самосознания. Победа антигитлеровской коалиции создала благоприятные условия для развития национально-освободительного движения. Хроника этих событий хорошо известна⁹. После Второй мировой войны в Тунисе ширится движение за независимость. Одним из его лидеров становится Хабиб Бургиба. Летом 1946 г. Тунисская компартия опубликовала программу, требовавшую упразднения протектората, а Национальный конгресс, созванный по инициативе левонационалистической партии «Новый Дустур», принял Декларацию независимости Туниса. В последующие годы в стране все более набирает силу забастовочное движение, начинаются крупномасштабные выступления, акции протеста и забастовки, люди требуют независимости. В 1954 г. французское правительство, не способное более сдерживать народные волнения, соглашается на предоставление Тунису автономии. В 1956 г. подписывается договор, по которому Тунис становится независимым. В 1957 г. объявляется создание Тунисской Республики во главе с ее президентом, Хабибом Бургибой.

Как и другие ее соотечественники, остававшиеся до сих пор в Тунисе, Ольга Леонидовна вместе с семьей переезжает во Францию.

И, конечно, все эти события не могли не затронуть жизнь и педагогическую карьеру Ольги Леонидовны. Их интерпретации нашли отражение в ее корреспонденциях.

Эпистолярный жанр – особый

Письма Ольги Леонидовны – это форма ее общения, над которым трудилась и память, и душа*. И, как во всяких других автотекстах, это еще и типизация, некий концентрированный образ, в котором прослушивается пульс мира, окружающего автора. А, следовательно, это и наиболее эмоциональный вариант существования человека, который передает градус социальной атмосферы в ее историко-культурном и социопсихологическом контекстах. Письма Ольги Леонидовны наполнены картинами оживленной пока жизни русской диаспоры 40-х годов прошлого века и более поздними зарисовками жизни русской эмигрантки во Франции.

Заметим, что эти письма, написанные «без оглядки и подтасовки фактов» живой участницей русской эмиграции в Тунисе, – еще одно подтверждение тому, что обращение к эпистолярному жанру корректирует неизбежную субъективность отдельных оценок реальной действительности. Эти письма, зачастую наивные и очень эмоциональные, дают возможность ознакомиться с бытовыми и жанровыми зарисовками, возродившими в отечественной науке традицию фиксированных свидетельств с ее особым вниманием именно к событийному ряду, к структурам каждодневности, к обыденной речи¹⁰. Это еще и своеобразные попытки документального биографического письма, которые могут быть прочитаны как свидетельства жизни «русского» Туниса и шире – положения русских на африканской Чужбине. И это очень честные и в то же время горькие документы описываемой эпохи.

Несмотря на долгие годы «соседства» с легендарной Анастасией Александровной Манштейн-Ширинской, Ольга Леонидовна, будучи моложе ее на двадцать с лишним лет, видит Тунис уже под совсем иным углом, хотя их позиции по отношению, например, к мультикультурности Бизерты, отличавшейся в те годы этнокультурным разнообразием, в целом совпадают. И все же это еще один самостоятельный элемент в исторической мозаике жизни русской эмиграции в колониальной Африке.

Как и ее знаменитая соседка, О.Л. Городниченко-Каминад по-своему пытается нарастить «гендерную ткань повседневности» на исто-

---

* За период с 2010 по 2013 г. Ольгой Леонидовной было написано семь писем-эссе, адресованных автору после их знакомства, состоявшегося во Франции в 2009 г. Последнее письмо – реакция на присоединение Крыма к России – пришло в Москву в феврале 2014 г.

рический стержень, что, как ничто иное, способно вдохнуть жизнь в славную и одновременно драматическую историю этой части русской эмиграции, придать проблеме собственную окраску, представленную через женский взгляд¹¹.

Тем не менее в ее текстах почти незримо присутствует дискуссия с А.А. Манштейн-Ширинской; комментарии Ольги Леонидовны эмоциональны и импульсивны, но убедительны; некоторые тезисы Анастасии Александровны Ольга Леонидовна раскрывает, аргументирует и иллюстрирует по-своему, в другой тональности воспоминаний, насыщает собственными практиками и опытом близких, создавая не менее яркое панно этнокультурной русской эмигрантской жизни в африканском интерьере, но по-иному оттеняя элементы, ее составляющие. И благодаря этому возникает как бы новое, более полное доказательство точности – появляется некая «экранная двумерность»¹², позволяющая видеть картину происходившего более сфокусировано, возвращая происходящему утраченный неумолимым Временем масштаб и отчетливость изображения. Нам же остается лишь самое простое, самое насущное: правильно воспринимать сказанное и написанное обеими женщинами¹³.

Воспоминания близких Ольги Леонидовны, передаваемые в присутствующей ей стилистике, тесно переплетаются с ее собственными – детскими и юношескими, постепенно переходящими к французскому периоду ее жизни, чтобы логически продолжить размышления о феномене толерантности по-русски, по-французски, по-арабски на разных этапах общественного развития стран ее пребывания, которому она придает большое значение и к которому постоянно обращается в своих письмах. И если Анастасия Александровна акцентирует свое внимание на событиях жизни и реакциях самих русских эмигрантов и происходящем вокруг них, то Ольга Леонидовна более обыденна, менее пафосна в своих оценках происходившего, отчего более проникновенно звучит лейтмотив быта и условий повседневного существования русских эмигрантов в колониальной Африке. А они были непростыми! Ольга Леонидовна постоянно возвращается к воспоминаниям о «прежней» жизни членов своей семьи и к их «падению» с высот прежней бытовой жизни, общественного положения до почти бедственного бытия русских эмигрантов в африканской стране.

Фрагменты оригинальных текстов ее писем и составили рассказ о еще одной «русской бизертянке», африканском периоде ее жизни, соприкосновениях с представителями колониальной администрации и местного населения, а позже об интеграции в бытие бывшей метро-

полии. В цитируемых текстах сохранена языковая стилистика Ольги Леонидовны, не всегда привычная современному слуху, но вносящая неповторимые штрихи в ее повествование.

Русские в Тунисе. Начало

По рассказам бабушки Ольги Леонидовны, «в 1920 году или уже была чума, или она грозила на берегах Средиземного моря и, первым делом, повторяюсь, им всем (русским эмигрантам. – *Н. К.*) установили “предварительную терапию” (предупредительную, вернее). Вливали в продолжение долгого времени какую-то сыворотку (serum “серум” по-французски), большую склянку, в кожу живота в каком-то лазарете, а про дезинфекцию шуб, которые вернули им в виде “тряпья”, лохмотий, г-жа Ширинская пишет прекрасно в своих воспоминаниях¹⁴.

После жизни на кораблях, которые стояли на якоре в Бизерте, всех переселили в старинный форт Джебель Кебира. В больших палатках одеяла, прикрепленные к потолку, отделяли каждую семью от соседней, спали на сундуках, и теснота была ужасная! Так что моя бабушка вздохнула и согласилась с облегчением отослать мою мать к католическим монашенкам. У этих монашенок был пансион, в котором воспитывались долгие годы дочери местных французских богатых помещиков. Пускали (принимали) они в свой монастырь девушек русских только из “лучших семей”, трех или четырех, и в том числе как раз одну сестру г-жи Ширинской и мою мать...»

«Я думаю, что “первому поколению” (русских в Тунисе. – *Н. К.*), то есть, взрослым, эта эмиграция давалась нелегко. Им было около 35-40 лет, они были с детьми, с чувством ответственности; у каждого было свое определенное место в Морской школе (Морском Корпусе. – *Н. К.*) в Севастополе; был выработан сильный душевный дух; материальное благосостояние им было знакомо, комфорт, уют – они знали, что это такое. Как, например, мой дедушка, который после Порт-Артура служил и жил в Адмиралтействе в Петрограде. Будучи помощником начальника Морской школы, преподавал математику и астрономию; тогда как у бабушки было много служанок... (оба покинули Петроград с пустыми руками...).

А тут жара, засуха, одиночество, никаких удобств, вода привозилась в цистерне на осле, вокруг – не поверить! – гиены, шакалы (ночью было слышно, как они глодали кости слегка (неглубоко) зарытых усопших). Мертвецов здесь не кладут в гроб, а завертывают в кусок ткани, ковер или простыню... у мусульман), отец, дядя с ружьем

на плече... Часто начинались пожары (не угадать: пожар ли от жары – бомбовых осколков не существовало на полях в те времена; или зажгли пожар туземцы, которые плохо переживали французский протекторат (и Вы знаете, как он кончился в 1956 году в Тунисии и позже в Алжире и в Марокко).

Дождь в Тунисии очень редок. Бараны – кости да кожа; картошка величиной с горошину... не сравнить, конечно, с положением в этой стране почти век спустя! Забыла еще комаров, мух огромных, черных с синим переливом, змей, скорпионов, диких собак бешеных, лисиц “фенек”, голодных диких коров – было страшно выйти погулять. Природа – одни колючки, кактусы... и пот, пот градом почти круглый год.

У местных жителей было то, что зовут там “*гурби*” – вроде избы в России, но из глины с соломой, грубые кирпичи самодельные, которые кое-как предохраняли от солнечного удара, давали немного свежести. Или деревянные бараки с железной крышей, которая ночью, после “духовки” дня, не охлаждалась».

«...Кроме таких болезней, как чума, холера, были еще тиф, тифоид (брюшной тиф), оспа, столбняк, всякие кожные болезни, как фурункулы, карбункул (“антракс” по-французски), панариции после любого укуса или укола мухи (они обожают сосать пот)*. Мух были рои; вода была грязная, элементарную гигиену невозможно было соблюдать: когда ставили на огонь воду в кастрюле, чтобы ее прокипятить, немедленно появлялась извесь, ее было много в воде, и если ее много пили, почки каменели; ноги пухли, становились, как лапы у слона (диализ не существовал), и человек умирал...

Думаю, что у декабристов (тех, которые не были в тюрьмах, конечно, на цепи) – среди аборигенов не существовало таких опасностей. И как умирало множество малолетних детей от энтерита... Особенно еще одна из-за мух причина ужасной болезни: трахома. От нее дети становились слепыми; многие оставались калеками после полиомиелита (микроб водится в непроточной воде)...

Люди, которые спустились с кораблей в Бизерте, принадлежали в основном к образованному классу русского общества, с достоинством, просвещенные, с высокими качествами (умственными, нравственными, духовными), с самолюбием тоже... вокруг народ (даже и не только не арабского происхождения) был отсталым, заскорузлым,

---

* Действительно, в 1921 г. причинами смертности среди русских эмигрантов в Тунисе (прежде всего, на кораблях) были малярия, тиф, лихорадка, туберкулез (см. сн. 7 Приложение. Табл. 2. С. 263–264).

сильно “бескультурным”, так что “первое поколение” вложило все свои знания, способности, энергию... в улучшение условий жизни в стране...

Не с кем пообщаться! Вокруг люди – безграмотные, не особенно гостеприимные, немного дикие; ни одни, ни другие не имеют еще общего языка, но одинаково эксплуатируются владельцами земли – богатыми французскими “обществами” или частными лицами, живущими во Франции. Управляющие были итальянского происхождения, не особенно гуманные! Как повсюду, деньги были редкими, но и соблазнов не было. Нужно было делать все самому! Игрушки детям – из дерева и из соломы; было голодно (бабушка и моя мама будущая собирали ракушки... Нечего было читать, жили без новостей; в город не выехать, расстояния – огромные, когда нужно пешком идти в церковь, единственное место, где можно встретить своих! Моя бабушка знала четыре, пять языков (в то время изучали латынь, греческий язык, не новогреческий, а древний; немецкий, английский, французский – конечно, изысканный). Моя мать прекрасно говорила по-французски (должна заметить, что она ко мне обращалась только на этом языке, тогда как с бабушкой я общалась только на русском). Затем моя мать изучила кое-что на арабском языке (а мой отец даже знал наизусть весь Коран по-арабски, мой дядя Вова*, который строил арабам водохранилище, отлично говорил по-арабски) и она мне повторяла, что мне нужно было уважать арабов, ибо “мы были у них, в их стране”».

* * *

«Я родилась в Тунисе, и как всех детей русской колонии, меня крестил отец Михайловский**. Родилась я в госпитале Туниса, в воскресенье, после обеда, но отец не приехал посмотреть на меня и навестить мою мать, потому что мечтал о сыне...

Воспитывала меня бабушка “материнская”, как это часто случается. Воспитание – в военном духе: долг, подчинение, дисциплина, контроль нервов – выдержка, выносливость – не жаловаться, что то или другое болит, страх Божьего наказания (я Ему всегда молилась перед тем, как войти в класс, просила Его дать мне успех, чтобы по-

---

* Воробьев Владимир Александрович (1907–?), эвакуировался в Бизерту с русской эскадрой, работал на государственной службе, руководил бригадой строительных рабочих.

** Михайловский Константин Павлович (отец Константин. 1869–1942). Прибыл в Бизерту в составе русской эскадры. Основатель и настоятель русской церкви в г. Тунисе.

радовать дедушку и ее!)... Русский язык не изучался, и, если я им немного владею, это только благодаря бабушке... с которой *нельзя было общаться* на французском языке. Она его хорошо читала, хорошо переводила, потому что в молодости изучала его в Петрограде, когда была институткой, но очень плохо произносила и предпочитала употреблять его как можно реже... Мой же русский язык – бедноват и часто устаревший (здесь Ольга Леонидовна лукавит: у нее блестящая русская грамматика и хороший литературный слог. – Н. К.).

Жили в приятном пригороде Туниса по имени Бельвью, что значит по-русски “красивый вид”. И, правда, был виден порт города, как входили в залив и выходили из него корабли из Франции, а дальше, на противоположном берегу залива – аэропорт Эль-Ауина, который американцы старались уничтожить потоком бомб с целью вытеснить немцев в 1940-м или 1941-м годах.

На север и на юг пригорода – две горушки, на которых жили арабы, в пещерах или местных постройках “*гурби*”. Европейцы жили в каменных домиках с садиками. Домики – все одинаковые. “Отцы семейств” – железнодорожники в большинстве своем, матери – по дому, конечно, разводили цветы, огородики в садах... По ночам арабы “шарили” по садам, воровали все, что возможно, даже цинковые листы с крыш, запускали коз в сады, а в конце, не дожидаясь конца “протектората” Франции, пилили трубы водные и газовые...»

«В Тунизии было три религии – мусульманская, иудейская (еврейская) и католическая. Эти три общины жили мирно, игнорируя каждая двух других все-таки, и все делалось, чтобы молодежь одной не посещала бы молодежь другой религии...»

Православные тоже (были греки, но их было сравнительно мало) жили между собой... Здесь жили вместе разные этносы; каждый со своей религией и своим “местом” в обществе. По-французски говорят “*сегнеау*” или “*нише*”, нет точного перевода, но можно сказать “специализация” или “специальность”. Французы занимались администрацией, управлением; евреи – торговлей, медициной; арабы – земледелием. Были итальянцы – прекрасные механики и строители домов.

Европейцев было 200 000, как я думаю, а местных мусульман – семь миллионов. Нужно добавить, что большинство европейцев родились в Тунизии и их родители тоже. У всех были собственные дачи (забыли, что они там должны были жить только 100 лет... Так что стоило ли так стараться давать самое лучшее своей цивилизации!).»

«...Что касается “правил жизни” во французской школе, то это – труд, честность, бодрость, самолюбие, стремление к победе, к первому призу в конце школьного года. И это было легким делом в начальной школе. Достаточно было быть внимательной, молчаливой, послушной, прилежной и... одаренной Богом маленьким количеством ума.

В начальной школе большинство мальчиков сидели до 14-летнего возраста, затем шли на обучение определенному ремеслу. Отбор во французскую гимназию – женскую или мужскую – был строгим: в 11 лет – конкурс, только два или три ученика попадали в гимназию. А так как моя семья не могла платить за учение в гимназии, то мне нужно было участвовать во втором конкурсе, конкурсе на “стипендию” до аттестата зрелости. Девушки 14-ти лет также после первоначальной школы могли “идти дальше”, учиться швейному ремеслу, парикмахерскому...

Из нашего класса в 11 лет только двух пропустили в гимназию – меня и другую, мою подругу, Жаннину Дэп, старшего ребенка многочисленной семьи. Остальные соученицы почти все еврейского происхождения (французы своим присутствием освободили евреев от арабского ига, позволили им выходить из гетто, в котором они были заключены), они пошли во французские школы. И самое главное, тогда как арабы держали своих женщин в серости и неграмотности, евреи охотно посылали, отправляли своих девочек получать высшее образование».

Маленькое, но примечательное отступление. Окончив гимназию, Ольга Леонидовна поступила в Педагогический институт в г. Тунисе. «Когда я была ученицей в педагогическом институте в Тунисе, кто нам преподавал социологию и историю педагогики? Внучка (или правнучка, может быть) поэта Жуковского. Мир – маленький! Она родилась в Англии, училась в Париже, там познакомилась со студентом-арабом, вышла за него замуж, перекатилась в Тунис, родила двух мальчиков, развелась, возвратилась во Францию, в город Тулузу, написала много книг (чтобы написать одну из них, была в Москве, изучала переписку, корреспонденцию Чайковского с баронессой фон Мекк – его главной меценатом и спонсором). Она меня очень любила, приглашала к себе, но в 1956 году, когда нам всем пришлось покинуть “общее гнездо” русской колонии, и рассеяться по белу свету, я ее потеряла. Ее зовут Ванда-Вендлинг-Баннур... Она мне рассказывала, как ей было трудно и странно присоединиться к семье арабской мужа. Она с ним познакомилась в Париже, когда оба были студентами! В те времена тунисская молодежь с достатком, и тунис-

ского, и французского происхождения, выезжала учиться во Францию, гимназии местные доводили только до аттестата зрелости “меньшинство”, тогда как остальные бросали школу в 14–15 лет... Я думаю, что французское правительство помогало арабам денежно посылать своих детей во Францию, выдавалась стипендия... Таким образом, Мохамед Баннур попал в Париж, познакомился с ней и вернулся в Тунис в качестве учителя, а у нее, если хорошо помню, было звание кандидата философии...

И вот она рассказывала, что первым делом, когда он ее представил семье на юге Тунисии, “отсталый народ”, мать его, немедленно заставила “теток” проверить, прощупать ее девственность!!!»

Преподавательская работа Ольги Леонидовны в местной школе была недолгой: «...местных нас очень мало: самое большое семь или восемь учительниц, а остальные все из Франции по контракту на пять лет службы...

В начале было не больше 25 детей в каждом классе (в отделении для детей от двух до трех лет служила пожилая “педагогичка”, замужем за русским, некая Улановская. Она тоже меня очень любила и давала хорошие советы), но с годами, и возмущением арабских мещанских и еще более простых семей, в 1955–1956 годах мы были принуждены принимать в каждый класс до 75 человек детей одного же возраста; парт было недостаточно; дети сидели на полу вдоль стен с доской на коленях; большинство не говорило по-французски; качество воспитания при этом не должно было изменяться... Многие прятали в свою ученическую сумку гранаты, самодельные бомбы, потому что знали, что у них дома будут поиски полиции и французской армии и таким образом ничего не найдется.

Большинство из нас не завершили пятилетний контракт службы в Тунисии (которая получила свою независимость в 1956 году) – не успели! Одна учительница вышла замуж и уехала во Францию, затем вторая, третья; мадам Улановская вышла на пенсию и под напором туземцев (мадам Манштейн не напоминает в своей книге, что первые жертвы террора на Юге – пара учителей: она – не знаю, но он, верно, был русского происхождения, красивый, сильный, высокий, он смог бы защищаться один против пяти-шести арабов, но они ему наврали, сказали, что пощадят его беременную жену, если он согласится, чтобы они ему связали руки. Он им поверил, они ему перерезали горло перед беременной женой и...), много французских семей начали покидать страну и так до 1956 года!

В Алжирии тоже террор мусульманский начался резней пары учителей французского происхождения на юге... а теперь их множество

“валит” во Францию, просят раскаяния, компенсации, строятся мечети, как у них Франция строила соборы!

Нужно было уезжать и нам!»

Франция. О «драматическом столкновении разных культурных стереотипов»

«Я приехала в Ним в 1968-м году и живу в квартале с большинством людей католической религии (одна семья протестантов), но все – местные люди, то есть родились во Франции, чистые французы! В начале меня спрашивали, каким образом мы сумели – мой муж и я – жить вместе столько лет, несмотря на разницу наших религий: он – католик, а я – православная. Но дело не в этом.

Недалеко квартал только мусульман, происходящих из Северной Африки! Их молодежь (не все, конечно, но все одни и те же самые лица) отравляют наше существование своим хулиганством: кража в садах белья, детских велосипедов, мебели, нападения, воровство в машинах, если они стоят на улице ночью, пропажа колес или шины, прорезанные ножом, и утром невозможно ехать на службу. Хуже пожары (почтовых ящиков или мусорных ведер)...

Не так давно напали на двух соседок, которые спокойно возвращались пешком с автобусной остановки, их избили и пока эти дамы валялись на дороге, у них эти хулиганы выхватили сумки! А как Вы знаете, в сумке все – и личные документы, и чеки, карточки банка, деньги, очки и... ключи от квартир, в этом случае от двух домов...

В квартале после этого был еще раз переполох, все давай беседовать, жаловаться, возмущаться, рассказывать, что произошло в другом квартале и... вдруг один сосед (бывший начальник электричества – компании электрической) мне говорит: “Вы, например, вполне сумели интегрироваться, а им никак не интегрироваться к нам, да они и сами не хотят этого!”»

«...В Тунисе я чувствовала себя как “рыба в воде”. Ведь в этом городе я родилась, росла, знала каждый квартал, каждую улицу, повсюду знакомые лица товарищей по школе, подруг из гимназии, родителей учеников... в магазинных продавцы с радостью встречали, все знали “маленькую” Ольгу (была вторая – большого роста, хотя почти моего возраста. Племянница Вязмитиновых, как мне кажется).

А вот попала во Францию, и все изменилось, все – незнакомое, что-то вроде паралича – себя не узнать! В автобусе не смела встать и нажать на кнопку, чтобы попросить “остановку”. Или ждала, если кто-то другой попросит нужную мне остановку. Или предпочитала

проехать свою, промахнуть, спуститься гораздо дальше с другими пассажирами и возвращаться далеко пешком обратно...

Нужно сказать, что местные жители, французы “с корнями” нас очень плохо приняли. Мы были “саранчей”. Нас называли “черными ногами”, осуждали в эксплуатации арабов, думали, что мы – с деньгами; в деревнях даже отказывались продавать хлеб, мясо, овощи: “Возвращайтесь к себе в Африку!”

И вот я задумалась о значении слова “интеграция”, “интегрироваться”, “интегрировать”. Должно быть желание с двух сторон (подчеркнуто О.Л. Городниченко-Каминал. – *Н. К.*): шаг вперед тем, который желает быть интегрированным, и шаг со стороны того, который желает интегрировать чужого – “С волками жить – по-волчьи выть”... Когда римляне завоевывали новые страны, они старались (вернее, им давался совет) быть незаметными, не вмешиваться особенно в строй, но все-таки они свою цивилизацию, хоть на уровне архитектурном, вкладывали... “Интегрировать” в словаре – “составлять одно целое, являться составной частью, быть слитым с... включиться...” Это напоминает кулинарное искусство! Французы это хорошо поняли с русскими эмигрантами (те имели много новых для них качеств, знаний разнообразных, были талантливы, мастера на все руки), они их включили в свою “кухню”, а русские вложили все свое самое лучшее туда, где находились, там, где судьба им назначила жить!»

«Когда я попала во Францию, мне показалось, что я попала в страну, как теперь прилично мы ее называем (или принято теперь называть) *en voie de developpement*, то есть “на пути к развитию”. Французские колонии были “витриной” страны “Франция”! Она в них больше вложила, чем от них получила. Тот же самый вопрос обсуждался в России, когда СССР разбился, раскололся: жила ли Россия на плечах других республик или же остальные республики ее “высасали”...?»

Еще об интеграции

«Что касается темы “Интеграция”, конечно, мне было бы можно написать побольше из собственного опыта. Например, параграф об “интеграции” благодаря местной арабской специфической кухне (множество незнакомых овощей, южных пряностей... сладостей...). Или параграф об “интеграции” благодаря образованию, изучению местного языка, местной музыки, истории страны, отношениям с народом. Также “интеграция”, когда пришло время найти работу. Эта

“интеграция” у меня плохо вышла: должна была служить переводчицей в Армии (пять языков все-таки); пророчили, что моя будущность в Женеве при Организации Объединенных Наций (по-французски ONU), но из-за “холодной войны” пришел приказ из Парижа меня “выпроводить”... Затем можно мне было много что написать про “интеграцию” с помощью замужества. Два араба за мной “ухаживали”, один – богатый молочник, а другой стал министром образования, когда Тунизия добилась независимости. Оба много что мне дарили, писали сотни стихов мне, почти каждый день я получала букеты цветов (розы, жасмин, цикломены...), но нужно было принять их религию... Слава Богу, вышла замуж за католика, который ничего не имел против православия, но обе семьи нас проклинали и даже мой муж получил от Ватикана “весточку”, что он “отлучен от католической церкви”... Наши дочки – православные! Четвертое поколение, но “интеграция” как-то не удается вполне! Тело – здесь, а душа с вами, в России!..»

«Меня определили на Север Парижа, в класс шалопаев: ни один местный учитель его не хотел, все боялись его. Я их все-таки приручила. Мне хорошо все-таки попало от мэра города за то, что на Рождество посмела напомнить ученикам имя Иисуса Христа. В Тунизии отношение к трем религиям в школах было другим. Можно было свободно говорить как об одной, так и о других. А здесь мне напомнили, что школы не принадлежат духовному ведомству, что нельзя произносить в классе слова “Бог” или “Творец” и что всегда надо было помнить, что мы во Франции, а не в Северной Африке.

Начальница гимназии (у которой были в руках мои документы) распространяла слух, что мой муж – араб... Еще теперь он чувствует себя эмигрантом в своей собственной стране. На самом деле французская среда – очень замкнутая, царствует шовинизм. Мои дочери, будучи студентками, учились в разных больших городах, но знакомых себе не смогли завести, кроме других “эмигрантов” и мне рассказывали, что в США – то же самое поведение: можете знакомиться и встречаться только с другими иностранными студентами (биологическое правило, может быть? Если Вы не принадлежите своре)...

В октябре этого (2010. – *Н. К.*) года правительство предполагает открыть интернаты, чтобы помочь детям иностранного происхождения интегрироваться во французское общество.

Враг – “коммуотаризм”. Именно то, что существовало в Тунизии. Каждая община игнорировала соседние... а что делать, если она

продолжает и хочет именно так жить?! В конце моей службы я должна была преподавать французский язык детям разных национальностей! Я была рада, когда на одной парте сидел араб, а около него – еврей, в полном согласии!»

«После 1968 года в школах решили запретить преподавателям запрещать. Не буду излагать и развивать причины и намерения такого решения. Нужно было принципиально, основательно, серьезно менять педагогические методы и техники. Мой инспектор мне говорил (так как я жаловалась ему): “Мадам, Вам нужно либо приспособиться, либо исчезнуть”».

* * *

P.S. Десять лет назад, в первой половине марта 2014 г. после продолжительной борьбы крымчан за свое право на самоопределение, с особой силой развернувшейся на фоне украинского конфликта, Верховный Совет Крыма постановил направить президенту России и Федеральному Собранию обращение о вхождении Крыма в состав России в качестве субъекта. 16 марта 2014 г. в Крыму прошел референдум о статусе республики. По его итогам 96,77% крымчан проголосовали за присоединение к России. И поскольку воссоединение Крыма и Российской Федерации – это добровольный выбор, Россия не могла отказать крымчанам в поддержке.

Всероссийский лозунг «Мы вместе!» захватил и русскую Европу. В эти мартовские дни мне в Москву постоянно звонили «русские французы» – дети и внуки моряков Черноморской эскадры – с просьбой присылать им хроники событий, так как находились в информационном дефиците. А 25 февраля 2014 г. экспресс-почтой я получила на свой адрес еще одно письмо от Ольги Леонидовны Городниченко-Каминад. Но адресовано оно было не мне, а в Кремль. Начиналось оно с молитвы и со следующей за ней фразы: «Крым и тем более Севастополь – русские!»

Приводить выдержки из этого письма нет смысла, его надо читать и читать непременно в оригинале, ибо оно написано, что называется, на одном дыхании, прекрасным русским языком, который Ольга Леонидовна сохранила на Чужбине, и сердцем внучки потомственных русских морских офицеров, выросшей в ауре памяти о Крыме как последнем куске покинутой родной русской земли. А теперь вновь возвращенном на ее историческую Родину.

Pour "info"

Киев, 25 го Феврала 2014 го 2

Mme CAMINADE Olga
Relais de l'enseignement
15 rue de Vert-Bois
30000 NIMES - FRANCE
Président d'honneur de
l'Association "KALINKA" de
(FR - FRANCE - URSS) NIMES

Молитва; душой, что на славянском языке;
"Приблизь Господи, не спаси ешу
благодати Божия Твоего Святого, дарствующи
ешу естество и укрепляющий душевные еси
силы!" (Полем бни с ошибками: моя палка
- палка)

à Monsieur Vladimir FOLTYNE
Président de la FÉDÉRATION
de RUSSIE
Le KREMLIN - MOSCOU - RUSSIE.

Криве и пети боли Севастополь - русские!

Многоуважаемый, дорогой Владимир Владимирович,
Тинцу Вае во имя всех своих любимых предков.
Я - "нелетаселство", но все-таки обязательно на старости
лет поделиться отчаянием своим перед вами, что происходит
в Крыму!

Мне больше 80 лет. Я родилась в Тунисе в среде так на-
зываемой "русской колонии"....

Меня часто звали в жизни на попоци, переводчицей ^с бесплат-
ной когда приезжали в Киев из СССР, а затем из России, ту-
ристы всякого рода, и мне часто задавался вопрос:

"Можете ли вы что-нибудь против Русской Революции и еще
против коммунизма?"

Я отвечала, что без Революции меня не было бы на свете,
без Революции мои родители никогда не встретились бы (нет жу-
да без добра...) Я - попис, дворянское отродие, рассказывала:

"Один мой дедушка А.А. Воробьев, из рода Пест-Артура,
родился в Петербурге в жилище построенном 37, Летний
Проект, его предками из Новгорода в XVIII он веке по пра-
казу Петра Великого... До Революции он служил полковником

математику Морской Императорской Школы, преподавал математику и астрономию, был в Адмиралтействе....

Его супруга Ф.В. Цудер была дочь польского папа католика, закончила Институт благородных девиц и золотой медалью, феллоушась в тасовке Лягального Института....

Второй дедушка П.К. Городниченко несмотря на свою украинскую фамилию родился в Латвии (г. Двинск)... Закончил Морской Институт Механики в Баку где стоял русский императорской флот Каспийского моря в качестве инженеря, состоял в дивизии инженери (получил в благодарности от Николая II в дворянство) и во время революции его назначили командиром арсенала Севастополя а затем главком инженерно-механиков всего Царского Императорского флота когда в Январе 1920 г. по приказу генерала Франкеля флот покинул Севастополь....

Прежде его папа (мать моего отца) Анжия, была собирикала налогов для татарских эманов, мусульманск каведжия... У них были акции в тех первых нефтяных скважинах в Каспийском море...

Революция облизала всех этих людей, и - их "волов"! В эмиграции в Турции, в этой среде горюков, как бы не была тяжела наша жизнь а никогда ничего плохого не случалась в России!....

А то что касается Коррупция и Вашего вопроса много ли я там буду против, ... если коррупция - честная и труд я ничего против... Я всегда гордилась прошлым моих дедушек, старалась быть безупречной, безупречной на службе, в своих поступках, достойной такого же прошлого... как и гражданство русского народа. Вот что я отвечала!....

Крым принадлежит России и тем более Севастополь!

Платит ли Англия 70 миллионов за Гибралтар Испании?... Кемпости давятся такие деньги Украине за Севастополь!

Вот что мне нужно было написать во имя своих убогих!

Многоуважаемый господин Президент Владимир Владимирович Путин, благодарю Вас за Ваше внимание, за великодушное Оливийское Слово, куде! Мамосе за Вас, Вы получили и взяли в руки такое "тяжелое" наследство! Дарю Вас Господи! Дарю Вам Россию! Воды XX-ый век был таким чудовищным!

С орденом уважения и восхищения,

М.А. Какина-Городниченко

---

¹ *Behnke I., du Bois-Reymond M., Zinneker J.* Stadtgeschichte als Kindergeschichte. Opladen, 1989. VS Verlag für Sozialwissenschaften Wiesbaden. 444 S.

² *Sartre J.P.* Search for a Method. N.Y.: Vintage Books ed., 1968. P. 56.

³ *Каминад О.* Из письма // «Русская колония в Тунисе. 1920–2000». Сборник. Сост. К.В. Махров. М.: Русский путь, 2008. С. 158–160.

⁴ *Крылова Н.Л.* Детство между бараками и церковью. Из тунисских воспоминаний Никиты Шполянского // Восточный архив. 2012. № 1 (25). С. 63–73.

⁵ Русская мысль. 3 июня 1949 г. С. 9.

⁶ *Rawafid revue universitaire de Tunis.* 1997. № 36. P. 55.

⁷ *Панова М.* Русские в Тунисе. Судьба эмиграции «первой волны». М.: РГГУ, 2008. С. 168.

⁸ *Каминад О.* Из письма. С. 158–159.

⁹ *Ланда Р.Г.* История Туниса. XX век. М.: ИВ РАН, 2017. 220 с.

¹⁰ *Крылова Н.Л.* «Хорошо иметь любимую женщину и преданного кота». Павел Булыгин в Абиссинии // Восточный архив. 2008. № 17. С. 70–84.

¹¹ *Ширинская А.* Бизерта. Последняя стоянка. СПб.: Фонд содействия Флоту «Отечество». 2003. 344 с.

¹² Против нелюбви. Мария Степанова о мемуарах второго сорта. 15.11.2013. <http://kommersant.ru/doc/2341726> (дата обращения 21.12.2023)

¹³ Автографы Бизерты. Дневники. Воспоминания. Размышления. М.: Фонд им. А.А. Манштейн-Ширинской, 2012. 352 с.

¹⁴ Узники Бизерты. Документальные повести о жизни русских моряков в Африке в 1920–1925 гг. М.: Российское отделение Ордена св. Константина Великого, 1998. С. 86.

Раздел II

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В АФРИКЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОПРОСА

Глава 9

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ КОНГО: УДАЧИ И НЕВЕЗЕНИЯ ЕВРОПЕЙЦЕВ В ИССЛЕДОВАНИИ АФРИКИ

Африканский континент в XIX в. привлекал внимание европейцев не столько своей экзотикой, сколько возможностью обогатиться. Все, кто имел коммерческую жилку, устремлялись на континент. Ехали в Африку нередко и неудачники, чтобы скрыться от долгов, начать жизнь сначала или найти работу. Многих, правда, останавливали слухи о диких племенах и каннибалах, о непуганых свирепых животных, обитавших в лесах.

Тем не менее центральная часть континента стала понемногу осваиваться. Заполнялись пустоты на картах, вписывались новые названия. Так, бельгийский исследователь XIX в. А.Ж. Вотерс пишет в своей книге: «Из года в год сокращаются обширные белые пятна на карте бассейна Конго. К концу 1890 г. вдоль рек были созданы многочисленные опорные пункты, соединенные между собой дорогами <...> Все это свидетельствует о лихорадке открытий и вписывается в методичное и последовательное завоевание страны»¹. Правда, нередко встречались и курьезы. Так, европейцы, пытавшиеся узнать у аборигенов названия рек или населенных пунктов, часто сталкивались с языковой проблемой. Когда они спрашивали название того или иного объекта, нередко они получали ответ на местном языке – это река, это гора и т.д. Но поскольку смысл слов на языке аборигенов им был непонятен, эти красивые, но ничего не значащие для европейцев слова так и перекочевывали на карты.

С автором главы также произошел подобный случай. Это было в Габоне. Когда я указала на только что приобретенную обезьянку, мне ответили, что это «кики». Нисколько не сомневаясь, я подумала, что это имя животного и долгое время так его называла. Но позднее выяснилось, что на языке фангов «кики» – это обезьяна. Получается, что долгое время обезьянку называла обезьянкой!

Африку осваивали смелые люди, готовые на лишения и тяжелые испытания. «На пути встречались тысячи трудностей, – писал в своих дневниках Стэнли. – Голод, болезни, враждебность аборигенов, все это дополняло мрачную картину. Встречались и непреодолимые препятствия. Но мы были одержимы нашей высокой целью и двигались вперед»².

Среди наиболее известных пионеров – открывателей континента – Д. Ливингстон, С. де Бразза, Г. Стэнли, исследовавшие Центральную и Южную Африку. Но в истории открытия Африки было много и других имен, о которых практически ничего не известно. В ДР Конго, например, есть целое кладбище первопроходцев, расположенное на территории национального музея в Киншасе. На двух панно, напоминающих школьную доску, кто-то заботливо запечатлел имена «пришельцев» из разных стран, оставшихся в африканской земле (*Les Pionniers batisseurs du Congo Belge*). Под замшелыми плитами покоится прах молодых людей из Бельгии, Франции, Голландии, Швеции, Великобритании и других стран. Всего в списках значится 87 имен³. Причем даты кончины всех указаны в короткий промежуток времени: с 1881 по 1887 г. Что их привело на далекий континент, какова причина гибели: малярия или другие тропические болезни? Видимо, этого уже не суждено узнать.

На самом деле в XIX в. образ Африки как «дикой» формировался лишь у обывателей. В то время появилось немало европейских исследований, в основу которых были положены арабские и португальские источники, дававшие представление о Центральной Африке. К их числу относится труд русского подданного немецкого происхождения Георга Августа Швейнфурта «В сердце Африки 1868–1871», где автор рассказывает о своих достижениях в изучении континента⁴. Российский император Александр II даже наградил автора орденом Св. Станислава 2-й степени за заслуги по исследованию Центральной Африки. Более того, книга Г.А. Швейнфурта настолько поразила воображение бельгийского короля Леопольда II, что он после ее прочтения заразился африканской идеей создания «крупного негритянского государства»⁵. Знаменитый ботаник и географ ступил на землю

будущей бельгийской колонии на пять лет раньше легендарного Стэнли, и в отличие от него российский подданный нигде не прокладывал себе дорогу силой оружия⁶. Когда Г.А. Швейнфурт в 1870 г. достиг территории, находящейся на стыке современных Судана, Центральноафриканской Республики и Конго, там находилось в самом расцвете «царство Мангбету». В своих дневниках Г.А. Швейнфурт дал красочные зарисовки тогдашнего властелина Мунзы, его дворца, где тот принимал путешественника, а также придворной жизни и обычаев, кладовых, где хранились «сокровища» правителя и многое другое⁷.

Вот как описывается встреча Швейнфурта с местными жителями. «2 февраля 1870 года он впервые увидел тамошних обитателей, сбежавшихся громадной толпой посмотреть на белого человека, о котором были уже наслышаны. Представшие перед ним азанде, с копьями, щитами и саблями, в ожерельях из костей убитых врагов, были не чужды канибализма, но путешественник все же провел у них несколько недель. Относились к нему в целом неплохо, ибо он, по его собственным словам, успел приобрести репутацию “защитника черных”, не давая солдатам-нубийцам, сопровождавшим караван, обращаться с местным населением слишком жестоко»⁸. Г.А. Швейнфурт изучал местное население, а они, в свою очередь, изучали его. За страсть к собиранию гербария прозвали «пожирателем листьев»⁹.

В XXI веке мало что изменилось. Особенно когда приходилось бывать в конголезской глубинке. Пигмеи (или тва) при встрече со мной также просили выступить в роли защитника их прав. Именно этот этнос в Конго наиболее уязвим. Их притесняют, истребляют физически, нередки случаи канибализма. Видимо, из-за их особой беззащитности. Белый человек в конголезской глубинке – такая же редкость, как и прежде. Местные называют европейцев «людьми без кожи».

Уникален по своему содержанию труд барона де Мартен-Доно «Бельгийцы в Центральной Африке», изданный в 1887 г.¹⁰ Автор подробно описывает походы Г. Стэнли в бассейн реки Конго, традиции и верования различных народов, населяющих этот регион, поведение и отношение к европейцам местных царьков, проблемы на пути освоения тропических территорий. Тщательным образом прописаны первые бельгийские фактории в Конго. Весь этот богатый материал иллюстрируется гравюрами.

Вслед за названной книгой в 1888 г. появилось исследование Алексис-Мари Гоше «Иллюстрированное Бельгийское Конго или Независимое государство Конго (Центральная Африка)»¹¹. В нем много сведений об отдельных племенах, флоре и фауне. Что касается населения, то на тот период автор оценивает его в 20–25 млн чел. (сейчас в ДР Конго более 100 млн)¹². В исследовании содержится более 200 имен пионеров – открывателей Конго. Подробно останавливается автор на миссии бельгийского капитана ван Желя, имевшей место в конце 1886 г. Правительство Бельгийского Королевства поручило ему изучить реку Убанги с ее притоками. Именно с того времени известны основные ее характеристики, даны описания береговой зоны, а также «пиратские наклонности» этноса Балои¹³. Похожие исследования бассейна реки Конго поручено было провести лейтенанту шведской армии М. Глирапу, находившемуся на службе у бельгийцев. Он прошел по местам недавних экспедиций Камерона, Стэнли, Виссмана от форта Виви на западе Конго до Занзибара на востоке*.

Исследователем Сахары был австрийский доктор Ленц¹⁴. На этот раз ему было поручено обследовать район озера Ньяса на востоке Конго.

А.-М. Гоше выделяет самых знаменитых руководителей экспедиций: англичане Ливингстон (1854–1856), Камерон (1873–1875) и Стэнли (1876–1877); португалец Серпа-Пинто (1877–1879); немцы Виссман (1881–1882) и Арно (1881–1882); португальцы Капелло и Ивенс (1884–1885); швед Глирап (1884–1886); австриец Ленц (1886–1887)¹⁵.

Писатель и географ того времени Альфонс-Жюль Вотерс. В 1899 г. он составил и издал карту Конго¹⁶. В отличие от карт XVI в., где срединная Африка изображалась очень приблизительно или где было просто пустое пространство с надписью «*Terra incognita*», автор отразил географические достижения XIX в. В 1885 г. А.-Ж. Вотерс издал каталог-справочник, где последовательно перечислил около 3800 монографий, карт, документальных материалов по истории, географии и колонизации Конго¹⁷. Значимым стал его труд «Независимое государство Конго: история, физическая география», изданный в 1899 г. в Брюсселе¹⁸.

В России в 1896 г. появилось исследование «История полувековой деятельности Императорского русского географического обще-

---

* Примечательный факт о капитане Виссмане: он считается крупным исследователем Тропической Африки, который первым среди европейцев пересек дважды Центральную Африку за 6 лет.

ства», где также говорилось об открытиях в Африке в XIX столетии¹⁹.

Практически все авторы в той или иной мере связывали изучение бассейна реки Конго с уже упоминавшимся именем Генри Мортон Стэнли (настоящее имя – *John Rowlands*)²⁰. Он родился в Англии, но большую часть времени жил и работал в Америке в качестве журналиста. В 1874 г. на шумевшая история с исчезновением Д. Ливингстона в джунглях Африки привлекла внимание владельца издания *New York Herald*. Ему в голову пришла мысль о поиске этого легендарного исследователя. Эта миссия была поручена «проверенному времени» Г. Стэнли. Собственно, судьба Д. Ливингстона не очень интересовала предпринимателя. Ему нужна была сенсация, и он ее получил. Г. Стэнли отыскал изнемогающего, истощенного Ливингстона, который потерял надежду на спасение, и появление Стэнли было для него как *Deus ex machina* (неожиданное появление Бога в конце пьесы у римлян). Г. Стэнли, в свою очередь, прославился написанной книгой «Как я отыскал Ливингстона»²¹. Две крупные газеты – *Daily Telegraph* и *New York Herald*, объединив усилия, вновь снарядили экспедицию Стэнли в Африку для продолжения научных изысканий. Путешественник предпочел на этот раз осваивать новые земли, продвигаясь по рекам на лодке с паровым двигателем «Леди Алиса». Лодка была разборной, и, когда приходилось пробираться через лесные чащи, «ее несли на своих плечах стонущие под тяжестью груза носильщики»²². В качестве тягловой силы иногда использовали ослов, для которых заросли и узкие тропинки не были препятствием.

Лодка в настоящий момент (во всяком случае на 2014 г.) находится на судовой бельгийской верфи в Киншасе, столице ДР Конго. Изрядно пострадавшее от времени и тропического климата, это восьмиметровое судно, когда-то рассекавшее воды реки Конго, имеет плачевный вид. Практически вся она изъедена ржавчиной и скорее напоминает «скелет» лодки. Паровой котел доживает свой век рядом с ней на траве. Сохранилась надпись «1881 год». Давний спор между национальным музеем Конго и владельцем верфи о принадлежности этого раритета остается долгие годы неразрешенным. Судовладелец по каким-то неизвестным причинам не хочет отдавать в собственность Конго «Леди Алису», а сам даже не пытается как-то ее сохранить для грядущих поколений. Вот и стоит она под открытым небом в отдаленном уголке верфи, открытая всем ветрам и тропическим ливням, что, конечно, сокращает срок ее жизни.

Лодка с паровым двигателем «Леди Алиса» Г.М. Стэнли на бельгийской верфи в Киншасе. Фото автора.

Местное население крайне неприветливо встретило европейца и даже не хотело продавать ему провизию, поэтому Г. Стэнли и 36 че-

люди его команды питались бананами, а иногда отбирали провизию и лодки у населения. Вот один из эпизодов, описанных очевидцем. «Услышав выстрелы, люди из племени местных рыбаков, вагенья, быстро покидали лодки и таким образом мы захватили около тридцати пирога, чтобы дальше двигаться по реке»²³. По утверждению конголезского историка И. Ндайвелу э Нзиему, с приходом Стэнли на конголезские земли началась настоящая война аборигенов с европейцами. В общей сложности команде Стэнли пришлось выдержать 32 сражения²⁴. По всей территории быстро распространился слух о «завоевателях», что способствовало враждебному настрою многих племен, среди которых появлялся Стэнли. Аборигены не понимали намерения европейцев. В их приходе они видели лишь одно – посягательства на их исконные земли.

Более того, постоянно приходилось отбивать атаки местных жителей, вооруженных копьями и отравленными стрелами. В книге «В джунглях Африки» Г. Стэнли подробно описывает это примитивное, но довольно эффективное оружие. «Стрелы туземцев – из темного дерева, длиной 60 см или около того, очень тонки, острые концы их подвергают медленному отвердению путем длительного прогрева их в горячем воздухе над очагом хижины <...> Лук длиной в 90 см. Тетивой служит широкая лента из тростника, тщательно отполированного. Пробуя стрелять из такого лука, в первый раз на расстоянии двух метров, я насквозь пробил деревянной стрелой жестяную коробку с крышкой. Оружие это нешуточное, и нет сомнений, что на близком расстоянии стрела может насквозь пробить грудь человека»²⁵.

В ходе экспедиций команде Г. Стэнли приходилось сооружать временные постройки «бома» или укрываться в дуплах деревьев от ядовитых змей и хищников. На места стоянок первопроходцев, располагавшихся вдоль рек и озер, нередко навевались нападавшие на них крокодилы.

Постепенно в разных частях страны образовывались опорные пункты, ставшие в дальнейшем важными форпостами для политической и военной деятельности европейцев. В результате за период с 1879 по 1884 г. Г. Стэнли основал 22 станции²⁶. Одной из первых была стоянка Виви, где проживало более 70 местных жителей. Они выполняли различные функции: переводчиков, вождей, охранников, прачек, поваров, разнорабочих²⁷.

В городе Бома, что на западе Конго, сохранился «баобаб Стэнли», где провел свою первую ночь в этих окрестностях легендарный путешественник. Это огромное дерево с дуплом, где могут разместиться

одновременно до десятка человек. Местные экскурсоводы любят приводить туда туристов и рассказывать об истории страны.

Однажды накануне Рождества Г. Стэнли рассуждал со своим компаньоном Фрэнком Пококом (*Frank Pocock*) о будущем: «Перед нами карта Африки, составленная европейцами. А вот и предполагаемое место, где мы находимся. Здесь пока пусто. Но я вас заверяю, Фрэнк, что скоро этот пробел восполнится. И на этот счет у меня нет ни тени сомнения»²⁸. Фрэнк был единственным европейцем в команде Стэнли, надежным и верным соратником. Но ему не суждено было дойти до конца пути. Он трагически погиб при спуске по реке, попав в мощный водоворот водопада²⁹. При всех заслугах Г. Стэнли как пионера-открывателя важно отметить, что он прокладывал себе дорогу оружием. Встречавшиеся на его пути непокорные племена аборигенов безжалостно истреблялись, а их лодки и незамысловатая домашняя утварь становились добычей и переходили во владение его экспедиции.

Осваивая новые земли, европейцы познавали одновременно традиции и обычаи племен, с которыми они сталкивались. Однако аборигены с опаской относились к пришельцам и не спешили раскрывать перед ними тайны своих предков. Но все же некоторым европейцам удавалось устанавливать доверительные контакты с местными жителями. Так, капитан Стормс (*capitaine Storms*), наблюдая за местным торговцем фетишами, узнал много интересного. «Из своей корзины он достал два человеческих черепа. Когда-то этих людей обвинили в колдовстве, и они были преданы смерти. Причем один – “естественный”, а другой выкрашенный в черный цвет с помощью жира и сока какого-то растения. Из пакета он извлек корни, которые помогают уберечься от людоедов, некоторые фрагменты птиц – для удачи на охоте; кусочек дерева и перья птиц – для плодородия; корни для воинов, чтобы иметь львиное сердце; другие корни, чтобы вызывать дождь; фрагменты совы, чтобы распознавать и убивать врагов; осколки черепа буйвола, чтобы иметь удачу на охоте на слонов; осколки черепа льва, чтобы впасть в ярость и убивать врагов, а также множество других пакетиков со снадобьями, предусмотренными на разные случаи жизни»³⁰.

Важным дополнением к трудам географов и путешественников в процессе познания африканских реалий были колониальные выставки, проводившиеся в Европе в конце XIX – начале XX в. Это был период активного соперничества между европейскими державами за обладание колониями в Африке. Чтобы продемонстрировать евро-

пейцам преимуществу владения колониями, власти Франции и Бельгии стали устраивать так называемые колониальные выставки, которые впоследствии послужили хорошей основой для создания музеев. «Польза колоний» после изучения выставки непременно становилась очевидной для посетителей. Со временем выставки, в том числе представлявшие колониальные достижения, становятся популярными во многих странах Европы. Притягательными стали центры африканской культуры Парижа, Брюсселя, Амстердама, Лондона, Лиона, а также Антверпена, который особенно выделялся на фоне других городов Бельгии и Европы в целом. Туда стекались торговцы из разных стран и представители крупных фирм. Воображение посетителей потрясала как европейская техника того времени, так и предметы быта и кустарные поделки другой, неизвестной цивилизации. Художник В. Серов, посетивший выставку 1885 г., писал: «...трудно представить себе, сколько на рынке колониальных изделий»³¹.

Бельгийский король Леопольд II, строя грандиозные планы в отношении Бельгийского Конго, организовал в 1897 г. колониальную выставку в Тервюрене, небольшом городке в 15 км от столицы (там сейчас расположен один из крупнейших музеев Африки). Для этой цели было построено роскошное здание, где размещались привезенные с далекого континента экзотические растения и животные³². Тервюренская выставка имела огромный успех и в 1910 г. перекочевала в Брюссель.

Франция, одна из крупных колониальных держав, также старалась демонстрировать свои успехи в освоении континента. Несмотря на потери во франко-прусской войне 1870 г. и утрату Эльзаса и Лотарингии, власти страны выдвинули идею проникновения в Африку южнее Сахары. Именно в этот период колониальные экспозиции становятся важным идеологическим инструментом в арсенале новой африканской политики. Неизгладимое впечатление оставила Всемирная парижская выставка 1900 г. Поражал размах и убранство в национальных стилях павильонов Туниса, Марокко, Индокитая, Мадагаскара. Иногда можно было встретить надпись такого содержания: «Теперь, ознакомившись с жизнью аборигенов, вы знаете, что необходимо брать с собой в путешествие»³³.

Затем последовали выставки в Ханое (1902 и 1903 гг.), Марселе (1906 и 1922 гг.) и других городах мира. Большой отклик вызвала Венсенская выставка 1931 г., проходившая на окраине Парижа в Венсенском лесопарке. Ее назвали самой замечательной «книжкой с картинками»³⁴. Вот какой она осталась в памяти писателя Ильи Эренбурга: «Венсенский лес был переполнен посетителями. Построили

пагоды, дворцы, бутафорские деревни. Негры должны были на виду у всех работать, есть, спать. Женщины кормили грудью детишек, зеваки толпились вокруг, как в зоопарке»³⁵.

Надо отметить, что о самих аборигенах, доставленных на Европейский континент, никто не заботился. Они приравнивались к экзотическим животным, которых также привозили в клетках. Замалчивалось также, что многие из них скончались от непривычного климата и пищи. Несмотря на шумную пропагандистскую кампанию, были у выставки и противники. Под лозунгом «Правда о колониях» коммунисты организовали контрвыставку. Среди них были такие известные писатели, как Луи Арагон, Андре Бретон, Поль Элюар и др. Они выпустили листовку «Не посещайте колониальную выставку. Это колониальный маскарад»³⁶.

Таким образом, в XIX – начале XX столетия познания об Африке продвинулись далеко вперед. Сейчас трудно себе представить историю Африки без открытий европейских первопроходцев, хотя вопрос о том, какую роль в истории цивилизации Африки сыграл колониализм и появление европейцев на Африканском континенте, остается открытым.

---

¹ *Wauters A.-J.* L'Etat indépendant du Congo. Bruxelles: Librairie Falk Fils, 1899. P. 47.

² *Gochet, A.-M.* Le Congo belge illustré ou L'Etat indépendant du Congo (Afrique Centrale) sous la souveraineté de S.M. Leopold II, Roi de Belges. Liège: H. Dessain, Imprimeur-éditeur, 1888. P. 68.

³ *Сидорова Г.М.* Личный архив автора. Киншаса. 2005.

⁴ *Schweinfurth, G.* Au coeur de l'Afrique 1868–1871. Voyages et découvertes dans les régions inexplorées de l'Afrique centrale. P.: Librairie Hachette et Cie, 1875. 528 p.

⁵ *Субботин В.А.* Бельгийская экспансия и колониальный гнет в период завершения территориального раздела Африки // История Заира в новое и новейшее время. М.: Наука, 1982. С. 71–117.

⁶ *Ронин В.* «Русское Конго» 1870–1970. Т. 1. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Русский путь, 2009. С. 14.

⁷ *Орлова А.С.* Раннеклассовые политические образования у азенде и мангбету. История Африки в XIX – начале XX в. М.: Изд-во «Наука», 1967. С. 127.

⁸ *Ронин В.* «Русское Конго» 1870–1970... С. 14.

⁹ Там же.

¹⁰ *Martin-Donos Ch. de.* Les Belges dans l'Afrique Centrale. Voyages, aventures et découvertes. T. 2. Vol. 1. Bruxelles: P. Maes, Editeur-libraire, 1887. 526 p.

¹¹ *Gochet A.-M.* Op. cit.

¹² Ibid. P. 68.

¹³ Ibid. P. 202.

¹⁴ Ibid. P. 204.

¹⁵ Ibid. P. 205.

---

¹⁶ *Wauters A.-J.* Carte de l'Etat indépendant du Congo, à l'échelle de 1:2 000 000. Bruxelles: Librairie Falk Fils, 1899. 527 p.

¹⁷ *Wauters A.-J.* Bibliographie du Congo. 1880–1895. Catalogue méthodique de 3800 ouvrages, brochures, études et cartes relatifs à l'histoire, à la géographie et à la colonisation du Congo, avec collaboration de M. Buyl. Bruxelles: Librairie Falk Fils, 1895. 356 p.

¹⁸ *Wauters A.-J.* L'Etat indépendant du Congo...

¹⁹ *Семёнов-Тян-Шанский П.П.* История полувековой деятельности Императорского русского географического общества 1845–1895 гг. Ч. 2. С.-Петербург, 1896. 527 с.

²⁰ *Martin-Donos Ch. de.* Op. cit. P. 22.

²¹ *Стэнли Г.М.* Как я отыскал Ливингстона. СПб.: изд. Д.Е. Кожанчикова, 1874. 582 с.

²² *Gochet, A.-M.* Op. cit. P. 70.

²³ *Ndaywel è Nziem I.* Histoire générale du Congo. Bruxelles: Duclot, 1998. 955 p.

²⁴ Ibid.

²⁵ *Стэнли Г.* В дебрях Африки. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1958.

С. 70.

²⁶ *Зусманович А.З.* Империалистический раздел бассейна Конго. 1876–1894 гг. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 68.

²⁷ *Martin-Donos Ch. de.* Op. cit. P. 138.

²⁸ Ibid. Pp. 34–35.

²⁹ *Gochet A.-M.* Op. cit. P. 244.

³⁰ Ibid.

³¹ *Ронин В.К.* Подданные царя в Городе Синьоров. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Русский путь, 1994. С. 107.

³² *Velde Ch. Van de.* L'Etat Indépendant du Congo aux expositions universelles belges: organization et acteurs d'une propaganda colonial (1885–1905) // *Revue belge d'histoire contemporaine (RBHC)*, 2009. Vol. 39. № 3–4. P. 405–445.

³³ Exposition universelle. Paris 1900. Guide pratique du visiteur de Paris et de l'exposition. P.: Hachette, 1900. P. 316

³⁴ *Сидорова Г.М.* Колониальные экспозиции во Франции и Бельгии в конце XIX–XX веков // *Куда идешь, Африка? Историко-политические этюды.* М.: Институт Африки РАН, 2004. С. 50–62.

³⁵ *Эренбург И.* Собр. Соч. в 9 т. Т. 8. М.: Изд-во «Художественная литература», 1966. С. 269.

³⁶ *Куда идешь, Африка? М.: Институт Африки, 2004. С. 56.*

К ВОПРОСУ ОБ ОСВОЕНИИ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ АФРИКИ В ЭПОХУ КОЛОНИАЛИЗМА

В течение столетий Африка была практически неизвестна европейцам, поскольку какие-либо сведения об этом континенте имели лишь немногие, побывавшие там.

Проникновение на африканские земли, начавшееся в конце XV в., как правило, происходило от океанского побережья и устьев рек, впадающих в океан, вглубь внутренней территории. По мнению отечественных исследователей А.М. Андреева и Н.Р. Кельчевской, европейская колонизация африканских земель имела преимущественно экономическую основу: ограниченность природных и людских ресурсов Англии, Франции, Бельгии, Испании, Португалии, Италии и Германии стала одной из главных причин захвата колоний, и к концу XIX в. практически весь Африканский континент оказался разделен между несколькими европейскими странами. Однако прочность позиций в Африке у этих государств оказалась различной: Германия утратила власть над своими колониями после поражения в Первой мировой войне, интересы Бельгии сконцентрировались в Конго. В то же время экономически слабая Португалия оказалась обладательницей обширных территорий, богатых полезными ископаемыми и плодородными землями¹.

Главной вехой в процессе раздела африканских территорий стала Берлинская конференция 1884–1885 гг., официально закрепившая факт колонизации континента и определившая границы новых европейских владений. К началу XX в. официальную независимость сохраняли лишь Эфиопия, Либерия, созданная Американским колониальным обществом для расселения освобожденных рабов, и Марокко, вскоре разделенное между Парижем и Мадридом. Практически вся территория Африки (более 90%) находилась под колониальным правлением Великобритании, Франции, Португалии, Германии, Бельгии, Италии и Испании. Египет юридически был частью Османской империи, но реально находился под британским контролем².

Раздел африканских земель между ведущими мировыми державами стал отправной точкой в планомерном освоении природных богатств континента. Но поскольку этот процесс был невозможен без доступа к надежным водным источникам, в колониальный период преимущественное внимание нередко уделялось гидроресурсам. Зна-

чительным шагом к обводнению засушливых районов стало строительство ирригационных сооружений. Прежде всего, в их возведении были заинтересованы постоянно проживавшие на континенте европейцы и члены их семей, имевшие прямое отношение к сельскохозяйственному производству.

Наряду с землей колонизаторы объявляли своей собственностью основные источники воды. Так, в 1950-е годы в ведение британской короны перешли все водные ресурсы в Южной Родезии (ныне Зимбабве) и Кении³. В ЮАР колонисты присваивали плодородные земли, в том числе находящиеся по берегам рек, становясь, таким образом, одновременно и собственниками воды. Предприниматели, возводившие различные гидротехнические сооружения, оказывались фактическими хозяевами воды на орошаемых землях и осуществляли водный контроль над хозяйствами, расположенными ниже по течению. Типичными примерами являлись крупные оросительные системы на территории Судана (Гезира, Гаш, Барака), Эритреи (Гаш), Мали (в среднем течении р. Нигер).

Сооружавшиеся ирригационные системы обслуживали районы выращивания экспортных культур, таких, например, как хлопок в Судане и Эритрее, сизаль в Кении, а также цитрусовых, овощей, винограда. Благодаря планомерному орошению в таких странах, как ЮАС, Южная Родезия, Ангола, Мозамбик увеличивалось производство сельскохозяйственной продукции для внутреннего потребления выходцев из Европы. Строительство новых оросительных сооружений (например, в некоторых районах бассейна р. Оранжевой) нередко имело целью трудоустройство безработных европейцев (демобилизованных из армии, «белых бедняков» и др.), а также привлечение новых колонистов, как это происходило в Анголе и Мозамбике⁴.

Поскольку доступ к воде непосредственно влияет на качество жизни людей и состояние земельных угодий, налаженное водоснабжение было базовым условием для полноценного ведения сельского хозяйства и развития промышленного производства. Вероятно, это и стало для колониальных властей основанием для активного использования доступных водных источников и разведки новых. Многие гидрообъекты, работающие в Африке в наши дни в Мали, Сенегале, Демократической Республике Конго, Камеруне, Мозамбике, Гане, других странах, были спроектированы и построены до обретения ими независимости: так, в 1915 г. геолог А. Китсон разработал проект строительства плотины на р. Вольта (современная Гана)*, в

---

* Из-за нехватки финансирования реализация проекта началась только в 1960 г.

1927 г. началась эксплуатация гидроэлектростанции Фелу (Мали). До обретения независимости Южной Родезией в 1980 г. здесь работала ГЭС «Кариба» – одна из крупнейших гидроэлектростанций Африки, эксплуатация которой началась в 1960 г.

Важное место отводилось водоснабжению городов. Так, водоснабжение столицы Кении г. Найроби началось с момента его основания в качестве железнодорожной станции в 1899 г. Для обеспечения быстро растущего города достаточным количеством воды использовались удаленные источники. Первую водопроводную систему Найроби питали источники Кикуйю и очистные сооружения Кабете, построенные в 1906 г., а тремя десятилетиями позже – плотины Руиру и Сасумуа и местные глубокие колодцы.

В 1930-х годах бельгийские инженеры-гидрологи доказали, что гидроэнергетический потенциал каскада водопадов в нижнем течении р. Конго, известный как пороги Инга (часть системы водопадов Ливингстона), протяженностью 15 км, позволяет обеспечить электроэнергией всю Центральную Африку. В 1937 г. колониальные власти изучали возможность возведения ГЭС на порогах Инга. Были проведены предварительные расчеты, однако началу строительных работ помешали Вторая мировая война и последствия крушения колониальной системы в Африке. Тем не менее благодаря гидрологическим проектам экономическое развитие в бассейне р. Конго шло быстрыми темпами: появились железные дороги, в основном предназначенные для транспортировки добытой руды с богатейших месторождений меди, кобальта, олова, цинка, урана и др. полезных ископаемых, находящихся в районе Катанги (юго-восток Бельгийского Конго, ныне ДРК).

В 1915 г. на юге Бельгийского Конго английским геологом Робертом Ричем Шарпом (1881–1958) в окрестностях городка Шинколобве было открыто ураново-кобальтовое месторождение, разработку которого начала в 1921 г. компания *Union minière du Haut Katanga*. Данные геологоразведки показали, что в Шинколобве содержится до половины известных в то время запасов урана в мире. Это стало основанием для строительства в 1950 г. рядом с рудником завода по переработке урановой руды⁵. Добыча урана продолжалась до 2004 г.

На базе активного освоения минеральных ресурсов в Бельгийском Конго развивалась промышленность, создавались плантационные хозяйства (в т.ч. по выращиванию гевеи – сырья для производства резины) с принудительным привлечением труда местного населения, росли города – Леопольдвиль, Стэнливиль, Элизабетвиль и др. Выгодное положение в центре золотоносного и скотоводческого района и близость к каменноугольному бассейну Ванкие способствовали пре-

вращению южнородезийского города Булавайо, основанного в 1898 г., в крупный транспортный и торгово-промышленный центр⁶.

В процессах освоения природных ресурсов разных регионов Африки участвовали и эмигранты из послереволюционной России. Среди вынужденно покинувших родину оказалось немало высококвалифицированных специалистов, нашедших применение своим знаниям в африканских колониях европейских государств и сыгравших важную роль в исследовании и освоении природных богатств континента. Так, среди представителей русской общины в Бельгийском Конго, сформировавшейся в 1920-х годах, были врачи, инженеры, геологи, моряки, нанимавшиеся на службу к колониальным властям для поддержания благосостояния своих семей. Благодаря своей образованности и профессиональным качествам они быстро продвигались по службе, занимая руководящие должности в бельгийских фирмах и на плантациях, а затем создавая свои фирмы и приобретая плантации в собственность⁷.

Для многих русских эмигрантов второй родиной стало Марокко. В 1928 г. французские власти открыли здесь Бюро по разведке и эксплуатации полезных ископаемых, активно проводившее геологоразведочные работы с участием русских инженеров, геологов, геодезистов. Во многом благодаря их высокому профессионализму к началу 1930-х годов в стране были обнаружены залежи фосфатов, марганца, цинка, свинца, гипса, каменной соли, каменного угля, нефти, кобальта, железа и других полезных ископаемых.

Специалистом мирового уровня в области геологии был Н.Н. Меншиков, чьи главные работы посвящены изысканиям воды и нефти в Сахаре и Ливийской пустыне. В числе его учеников и последователей – А. Мейендорф, проводивший исследования в Большом Эрге; Е. Беркалов – на юге Туниса, А. Шуберский – в Тибетси, С. Серпокрылов – во Французской Западной Африке. Ранее неисследованные районы Экваториальной Африки, Восточного Судана, Габона и Убанги-Шари (ныне ЦАР. – *Н. Г.*) стали объектами изучения других русских геологов⁸.

Освоение европейцами природных ресурсов Африканского континента часто сопровождалось конфликтами и вооруженными столкновениями с местным населением. Так, например, происходило в южных регионах, где с 70-х годов XIX в. активно разрабатывались месторождения полезных ископаемых; наиболее ценной находкой стали залежи алмазов недалеко от слияния рек Оранжевой и Вааль. Добыча алмазов дала мощный импульс экономическому развитию территорий, ныне принадлежащих ЮАР. В 80-х годах того же столетия

обнаружение залежей золота в Трансваале способствовало формированию поселения золотоискателей, впоследствии превратившегося в один из красивейших и крупнейших городов континента – Йоханнесбург. Благодаря разработке богатых и разнообразных природных ресурсов Южная Африка быстро становилась одним из экономических центров мира: здесь строились города, прокладывались железные дороги, работали многочисленные промышленные предприятия, развивалась сфера услуг.

На рубеже XIX–XX столетий в Северной Родезии (нынешней Замбии) были открыты богатейшие месторождения меди, для добычи и транспортировки которой потребовалось создание инфраструктурных объектов – в первую очередь железнодорожного сообщения. Благоприятные климатические условия и плодородие земель на освоенных колонизаторами территориях способствовали развитию растениеводства: плантации хлопка, табака, сахарного тростника, арахиса, кукурузы, кофе и других тропических культур давали высокие урожаи. Большая часть продукции сельского хозяйства и добывающей промышленности колониальных владений экспортировалась в страны-метрополии, что в значительной степени способствовало их экономическому росту.

В процесс освоения природных ресурсов европейскими колонизаторами в той или иной степени неизбежно вовлекалось местное население, начиная от представителей знати, от которых зависело решение многих хозяйственно-экономических вопросов, и заканчивая рядовыми общинниками, представлявшими собой дешевую или бесплатную рабочую силу. Система управления подвластными территориями сохраняла практически неизменной традиционную структуру общества, одновременно способствуя его постепенной модернизации, в результате чего появились новые социальные слои – служащие, рабочие, национальная интеллигенция. Примером может служить Нигерия, где с начала XX в. развивалась добыча полезных ископаемых (марганца, угля, олова, железа) и связанное с ней железнодорожное строительство. Насильственное вовлечение широких народных масс в колониальное промышленное и сельскохозяйственное производство привело к недовольству образованных нигерийцев политикой Великобритании. Нигерия стала одной из первых стран Тропической Африки, где сформировалась политическая оппозиция: в 1920 г. было открыто отделение Национального конгресса Британской Западной Африки, в 1922 г. начала деятельность Национально-демократическая партия, в 1934–1936 гг. – Движение нигерийской молодежи⁹.

Однако далеко не на всех африканских территориях, колонизированных европейцами, были благоприятные условия для их освоения. Залежи полезных ископаемых во владениях Франции в сахельском регионе, например, были слабо изучены, а малочисленное местное население в основном занималось отгонным скотоводством. Кроме того, находящиеся в поясе пустынь и полупустынь обширные регионы сегодняшних Буркина-Фасо, Мали, Чада, Нигера, Мавритании отличаются чрезвычайно сложными для антропогенной деятельности природно-климатическими показателями: среднегодовое количество осадков в засушливых районах здесь – не более 200 мм, постоянная сильная жара (в самый жаркий период с температурой не ниже 42°), влажность воздуха – не более 10%¹⁰.

Поэтому освоение подвластных земель, в том числе геологические изыскания, проводилось главным образом в регионах с менее экстремальными климатическими условиями. Так, изучение месторождений полезных ископаемых на территориях, прилегающих к Гвинейскому заливу, принесло открытие едва ли не глобального масштаба: в 30-х годах XX в. русский геолог-эмигрант Р. Голубинов в процессе мелко-масштабной геологической съемки выявил в районах Дабола и Туге на плато Фута Джалон (Гвинея) богатые залежи бокситов*; основные же поисково-разведочные работы начались здесь в 1958–1959 гг. До обретения Гвинеей независимости в 1958 г. исследования месторождений бокситов проводились геологической службой Французской Западной Африки, компаниями *Bauxite du Midi*, *PECHINEY*, *UJIN* и созданной на базе двух последних *SAREPA*. Были открыты и изучены боксито-рудные районы Боке-Гуаль, Киндия и Фрия.

В результате поисковых работ, проведенных компанией *Bauxite du Midi* в Мали вдоль северной границы с Гвинеей, на геологические карты были нанесены месторождения Киньеба, Бафинг, Балея, Западное и Восточное Бамако. В 1957–1958 гг. на востоке Гвинеи-Бисау значительную часть известных ныне залежей бокситов открыл немецкий геолог В. Фратчнер – сотрудник голландской фирмы *Billiton Maatschappij*, занимавшейся поисково-оценочными работами на месторождениях Большие Бовали и Трансфефине.

Столь мощное сосредоточение месторождений высококачественных бокситов на сравнительно небольшой территории российские исследователи объясняют расположением этого региона в зоне саванн с переменнно-влажным климатом муссонного типа, наиболее

---

* В Гвинее находится 35% разведанных мировых месторождений бокситов. Запасы гвинейских бокситов оцениваются в 7,4 млрд т.

благоприятным для латеритного бокситообразования: количество осадков от 3500 до 1000 мм/год; количество неиспарившейся влаги от 1500 до 70 мм/год, количество сухих (менее 10 мм/мес.) месяцев в годовом цикле – от 3 до 5¹¹.

Перед Первой мировой войной в освоении африканских природных ресурсов произошел заметный рывок: началась широкая промышленная разработка фосфатов в Марокко и месторождений «медного пояса» Бельгийского Конго и Северной Родезии; расширилась добыча железных руд в Северной Африке; урана, кобальта и олова в Центральной Африке; графита на Мадагаскаре; угля, асбеста, золота и алмазов на юге континента. Основой развития товарной экономики в Южной Родезии стала золотодобыча: в 1900–1914 гг. она возросла с 1,56 т до 24,2 т. Наряду с добычей золота здесь получили развитие добыча угля для местных промышленных нужд, а также меди и хромовой руды на вывоз. В 1914 г. производство угля в Южной Родезии достигало 317 тыс. т, хромитов – 43,7 тыс. т, асбеста – 400 т, серебра – 4,2 т. Война дала толчок дальнейшему росту производства продуктов горнодобывающей промышленности, особенно имеющих стратегическое значение¹².

В годы Второй мировой войны задачей британских колоний в Восточной Африке стало максимальное увеличение аграрного производства и добычи минерального сырья. Ценным стратегическим ресурсом, добыче которого колониальные власти уделяли большое внимание, была вольфрамовая руда. В 1942 г. из Уганды экспортировали 9,6 т вольфрамовой руды; в 1944 г. ее экспорт достиг 80,4 т. В конце 50-х годов XX в. в 25 км к северо-западу от Мбабане было обнаружено месторождение гематитовой железной руды высокого качества, что, в частности, поспособствовало развитию внешнеэкономических связей: в 1961 г. промышленники заключили контракт с Японией об экспорте 12 млн т руды. Финансирование разработки этого месторождения и строительство железной дороги Нгвенья (Свазиленд) – Гоба (Мозамбик) обеспечивала компания-монополист *Anglo-American Corporation of South Africa*; одновременно колониальные власти Мозамбика приступили к расширению порта Лоренсу-Маркиш (Мапуту), через который руда транспортировалась в Японию¹³.

Расширение различных видов деятельности европейцев в Африке неизбежно отражалось не только на ее экологии, но и на коренных обитателях континента. Урбанизационные процессы, быстрый рост населения, интенсификация сельского хозяйства и активное развитие добывающей промышленности приводили к деградации окружающей среды и истощению природных ресурсов.

Разработка месторождений полезных ископаемых Африки европейскими промышленными корпорациями нередко сопровождалась негативным воздействием на различные стороны веками сложившегося образа жизни местного населения. Так произошло, например, в Свазиленде (ныне Королевство Эсватини), с 1902 г. находившемся под протекторатом Великобритании и утратившем контроль над значительной частью своих наиболее плодородных земель и ценных природных ресурсов. Богатые сельскохозяйственные угодья перешли в ведение британской корпорации *СВС* для выращивания сахарного тростника, в то время как местное население было вытеснено на малопригодные для возделывания земли. Кроме того, с 1930-х годов британская компания *Turner & Newell* развернула на территории страны широкую добычу серпентинового асбеста (месторождение Хавлок недалеко от границы с ЮАС), отходы от производства которого до сих пор создают опасность для жизни и здоровья людей, проживающих в непосредственной близости. Значительный ущерб экологии нанесли также добыча угля, железной руды и вырубка леса на экспорт. Опустошенные после добычи природных ресурсов земли так и остались нерекультивированными, а уничтоженные лесные массивы удалось восстановить только с помощью искусственных насаждений, что произошло после обретения Свазилендом независимости в 1968 г.¹⁴

Широкий размах получило уничтожение лесных ресурсов, особенно в регионах с богатой растительностью, таких как Бельгийское Конго (ныне ДРК) и Мадагаскар. В первую очередь вырубка лесов была продиктована расширением инфраструктуры: строительством автомобильных и железных дорог, преобразованием лесных земель в сельскохозяйственные угодья, а также добычей древесины ценных пород (красного, эбенового, желтого, палисандрового дерева). Так, по данным аэрофотосъемки 1950 г. и снимков со спутников 1970–1980-х годов, масштабы вырубки тропических лесов в восточных районах Мадагаскара за период 1950–1985 гг. составили 50%, т.е. средние темпы обезлесения достигли более 111 тыс. га в год. За колониальный период площадь лесов Экваториальной Африки уменьшилась вдвое. С 1900 по 2005 г. в Нигерии был уничтожен 81% древних лесов; значительные потери понесли Гана, Берег Слоновой Кости, Гвинея, Бельгийское Конго¹⁵. Несмотря на то, что подобная практика приводила к эрозии почв и причиняла огромный ущерб выращиванию сельскохозяйственных культур, она не прекращена до настоящего времени.

Значительный урон, особенно на первых этапах освоения природных ресурсов Африки, был нанесен фауне. Широкое распростране-

ние среди белых поселенцев получила любительская охота, ставшая не столько способом удовлетворения жизненных нужд, сколько одним из немногих доступных развлечений.

Отдельно стоит упомянуть целенаправленную добычу рога носорога, бивней слонов, шкур хищников, страусиных перьев, чрезвычайно востребованных в Европе и ставших престижным элементом интерьера жилищ. Одним из печально известных профессиональных охотников стал шотландец У.Д.М. Белл, убивший более 1000 слонов, свыше 800 буйволов и огромное количество более мелких животных в Кении, Уганде, Эфиопии и Судане. С начала 1920-х годов объектом его интересов стала Западная Африка – Либерия и Берег Слоновой Кости (современный Кот-д’Ивуар), позже – Чад¹⁶.

Тем не менее в отношении к дикой природе Африки, ее недрам, флоре и фауне в колониальную эпоху были и исключения. Для ограничения отлова и отстрела птиц и животных, а также для минимизации отрицательного воздействия антропогенной деятельности на их популяции в 1934 г. в Найроби (Кения) была основана Восточноафриканская ассоциация профессиональных охотников (*East African Professional Hunter's Association, EAPHA*), просуществовавшая до 1977 г. Одной из ее целей стало требование к колониальным властям о законодательном учреждении заповедных зон в дикой природе восточноафриканского региона.

В числе первых международных природоохранных документов – «Лондонская конвенция по сохранению диких животных, птиц и рыб в Африке» (1900) и «Лондонская конвенция об охране флоры и фауны в их естественном состоянии на Африканском континенте» (1933), подпись под которой поставили Франция, Италия, Бельгия, Великобритания, Португалия, Южно-Африканский Союз и некоторые другие страны.

Большинство крупных заповедников, существующих сейчас на территориях современных государств континента и имеющих статус национальных природоохранных территорий, были основаны до обретения независимости. В их числе парк Крюгера – старейший национальный парк ЮАС (образован в 1926 г.), заповедник Аруша в Танганьике (ныне Танзания, образован в 1960 г.), национальные парки Диндер в Судане (образован в 1935 г.), Ниоколо-Коба в Сенегале (образован в 1954 г.), Ватерберх в Намибии (образован в 1972 г.), Абердэр в Кении (образован в 1950 г.) и многие другие. Научно-исследовательская и природоохранный деятельность осуществлялась в основном специалистами из числа белых поселенцев, обладавших необходимой подготовкой в различных областях биологии. По сло-

вам президента Африканского фонда дикой природы К. Себуньи, и сейчас в секторе охраны природы доминируют белые, что многим напоминает о колониальных временах¹⁷.

Экологи, изучающие проблемы Африки, пришли к неутешительному выводу, что последнее столетие отмечено значительным ухудшением состояния наземных и пресноводных экосистем. Среди причин деградации окружающей среды и истощения естественных богатств – высокие темпы роста населения, расширение сельскохозяйственного и промышленного производства, следствием которых является снижение биоразнообразия, загрязнение водных источников, земельных угодий и воздуха, нарастание вододефицита, расширение посевных и пастбищных угодий, чрезмерное и не всегда рациональное использование природных ресурсов, что в целом характерно для активно осваиваемых регионов мира.

Результатом воздействия этих факторов стало то, что к настоящему времени далеко не во всех регионах континента сохранились первозданные флора и фауна. Изменение состава лесов вследствие вырубок, выжигания и превращение их в саванну с ярко выраженной антропогенной деятельностью, опустынивание засушливых регионов, распространение растений и животных, не свойственных африканской природе, истребление местных видов стали характерной особенностью не только на наиболее освоенных и заселенных прибрежных территориях материка, но и в отдаленных от океанских побережий внутренних районах. Эти негативные процессы, усугубляющиеся с каждым годом, берут начало в колониальных временах. Именно тогда порой безоглядное покорение африканской природы происходило без учета наносимого ей экологического ущерба.

Однако с освоением природных богатств Африки в колониальный период неразрывно связано формирование инфраструктуры, включавшей проезжие и железные дороги, средства коммуникации (почту, телеграф, телефонную связь), морские и речные порты, а также авиасообщение, доставшиеся в наследство африканским странам после обретения ими независимости. Многие десятилетия колониализма серьезно отразились на характере использования природных ресурсов; на базе ширококомасштабных разработок месторождений полезных ископаемых, лесных богатств и развития аграрного производства возник вторичный сектор экономики* большинства государств континента.

---

* Вторичный сектор экономики включает в себя отрасли, связанные с переработкой природных ресурсов.

---

¹ Андреев А.М., Кельчевская Н.Р. Борьба за минерально-сырьевые ресурсы Африки: история и современное состояние // Вестник МГИМО. 2011. № 3 (18). С. 96.

² Колониализм в Африке / Посольство Российской Федерации в Республике Замбии. https://zambia.mid.ru/ru/press-centre/press_relizy/kolonializm_v_afrike/

³ Hailey M. An African survey. Revised 1956. L., N.Y., Toronto, 1957. P. 994.

⁴ Черкасов А.А. Мелиорация и сельскохозяйственное водоснабжение. М.: Гос. изд-во с.-х. лит., 1958. С. 67–68.

⁵ Preliminary Report on Recovery of Uranium From Low Grade Belgian Congo Ores. October 5, 1951. <https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metadc1257805/m1/1/> (дата обращения 11.01.2024)

⁶ Сванидзе И.А., Джанджгава Т.С. Южная Родезия. М.: Мысль, 1977. С. 67.

⁷ Русские колонизаторы Конго. <https://aquilaaquilonis.livejournal.com/441007.html> (дата обращения 27.12.2023)

⁸ Русский след в Африке. <https://acathist.ru/en/literatura/item/russkij-sled-v-afrike> (дата обращения 15.12.2023)

⁹ История Тропической и Южной Африки. 1918–1988. М.: Наука, 1989. С. 87.

¹⁰ Климат: Сахель. Температуры, климатические графики, климатические таблицы. <https://ru.climate-data.org/африка/буркина-фасо/сахель-287/>

¹¹ Мамедов В.И., Чаусов А.А., Оконов Е.А., Макарова М.А., Боева Н.М. Крупнейшая в мире бокситоносная провинция Фута Джалон-Мандинго (Западная Африка) // Геология рудных месторождений. 2020. Т. 62. № 2. С. 183, 191. DOI: 10.31857/S0016777020020021

¹² Сванидзе И.А., Джанджгава Т.С. Указ. соч. С. 15.

¹³ British colonies of East Africa. Government. Business. Technologies. 21.01.2020. <https://tadviser.com/> (дата обращения 17.12.2023)

¹⁴ McCulloch J. Asbestos mining in Southern Africa, 1893–2002. International Journal on Hygiene and Environment. 2003. № 9 (3). P. 230–235. DOI: 10.1179/oeh.2003.9.3.230

¹⁵ Green G.M., Sussman R.W. Deforestation History of the Eastern Rain Forests of Madagascar from Satellite Images // Science. 1990. Vol. 248. Iss. 4952. P. 212–215. DOI: 10.1126/science.248.4952.212

¹⁶ Hunter J.A., Mannix D. African Bush Adventures. L.: Hamish Hamilton, 1954.

¹⁷ Sebunya K. Saving the world's wildlife is not just "a white person thing" // The Guardian. 31.07.2017.

ОСОБЕННОСТИ ИТАЛЬЯНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В СОМАЛИ

С 1880-х годов у Италии появилась возможность получить колониальные владения в Северо-Восточной Африке, в частности земли вдоль Красного моря и Индийского океана, которые постепенно прирастали новыми приобретениями во внутренних районах континента. В это время здесь ослабевало влияние египетских властей, которые управляли территориями на побережье Красного моря, а у самой Италии из-за внутренних проблем, связанных с объединением страны, назрела необходимость поиска путей снижения народного недовольства.

Итальянская колонизация в конце XIX – начале XX в. имела большое значение как для самой Италии, так и для ее колоний и в экономическом и идеологическом плане. В Сомали колониализм трансформировал традиционные институты власти и нарушил баланс клановой системы, изменил экономические связи и характер хозяйственной деятельности. В значительной степени колониальный раздел predetermined современными проблемами Сомали.

Первые поселения итальянцев в Африке на территории современной Эритреи появились в 1882 г. Позже к колониальным владениям Италии был присоединен юг Сомали (Бенадир), а после Итало-турецкой войны 1911–1912 гг. – Ливия. В 1936 г. была образована Итальянская Восточноафриканская империя, и Бенито Муссолини наконец получил возможность надеть себя титулом императора. Британцы, основавшие протекторат Сомалиленд в 1884 г. на севере Африканского Рога, в свою очередь, толерантно относились к успеху итальянцев в Африке, так как не видели в них особой угрозы своему влиянию в регионе. В 1940 г. на 7 месяцев Италия оккупировала территорию Сомалиленда, однако вскоре британская администрация восстановила свой контроль. Долго удерживать африканские владения итальянцам не удалось. По Парижскому мирному договору 1947 г. Италия как союзник проигравшей в войне Германии была лишена всех колоний, и Итальянская колониальная империя перестала существовать.

Особенность колониального опыта Сомали состоит в том, что сомалийцы испытали на себе французскую*, итальянскую и бри-

---

* Французский берег Сомали – совр. Джибути – стал колонией Франции в 1896 г.

танскую системы колониального управления, которые предопределили вектор развития разных регионов страны, в том числе их тенденции к отделению, и направление потоков миграции местного населения.

Средиземное море, *mare nostrum* – «наше море», как его называли еще древние римляне, традиционно входило в сферу интересов Италии, что было обусловлено географическим положением страны. Колониальные устремления Итальянского королевства проявились уже во второй половине XIX в. после создания единого государства. В 1867 г. во Флоренции возникло Географическое общество, а позже в Милане было образовано Общество для коммерческого исследования Африки. В первых хрониках итальянских исследователей Абиссинии З. Маттеуччи и Л. Пеннацци, чьи путешествия спонсировало Общество, Восточная Африка представлена романтическим местом, а ее жители наделены ставшими стандартными стереотипными характеристиками – примитивностью и варварством. Наблюдая за жителями Абиссинии, Маттеуччи подвергал сомнению славное прошлое эфиопов – *«ничего общего с абиссинцами, они живут только сегодняшним днем, а не ради бессмертия»*¹.

Первые описания африканцев итальянскими колонизаторами были обусловлены их стремлением вызвать чувство жалости к местным народам, находившимся на низком уровне развития, и одновременно собственного превосходства. В итальянском учебнике для 5 класса начальной школы Г. Барбетти так объясняла дихотомию между черными и белыми: *«Бог создал белых и черных, предложил им выбрать один из двух даров: золото и письменность. Недолго думая, жадные черные немедленно закричали, что выбирают золото... Белые люди изобрели машины, корабли и оружие. Они завоевали черных, которые все еще добывали золото. Однако теперь они делают это для белых»*². Африканцы, по мнению итальянцев, были не способны ценить прошлое, видеть долгосрочные перспективы, стремиться к прогрессу, что являлось отличительными признаками той цивилизации, которую итальянцы должны были принести в Африку и тем самым возродить и реализовать свою великую историческую миссию – нести образование, добро и благочестие в другие части света.

В целом дихотомия «варварство – цивилизация» стала основой идеологии колониализма. Еще в середине XIX в. британский исследователь Р. Бартон в своей книге «Первые шаги в Восточной Африке» описывал сомалийцев как *«жестоких и нецивилизованных варваров, которым нравится убивать друг друга»*³, тем самым оправдывая колониальные методы насаждения цивилизованного образа жизни.

ни. Постепенно, с развитием научного расизма* к началу XX в. «дикарей» перестали считать жертвами, они представлялись скорее обреченными на вечное состояние неполноценности. В 1922 г. губернатор Британской Западной Африки лорд Лугард, объявляя о переходе территорий под британский мандат, напомнил: *«Как римский империализм заложил основы современной цивилизации и повел диких варваров этих островов (Британских) по дороге прогресса, в Африке мы должны возратить тот долг, принеся в эти темные земли варварства и жестокости факел культуры и прогресса, обеспечив материальные нужды нашей цивилизации... мы берем эти страны, потому что это предназначение нашей расы: колонизовать, торговать и управлять»*⁴.

Сами итальянцы, вдохновленные созданием (по Муссолини, «возрождением») Итальянской империи в Африке в 1936 г., усиливали пропаганду величия собственной цивилизации, переписывая местную историю, вкладывая средства в воспитание молодого сервильного поколения африканцев, которые должны были восторгаться достижениями Италии и итальянским образом жизни. Уже в нач. XX в. итальянские власти предприняли деление сомалийцев на титульное и подчиненное население (с более ярко выраженными негроидными признаками, т.н. сомали-банту) для удобства управления и контроля. Кланово-кастовое деление сомалийского общества подробно описывал британский антрополог И.М. Льюис, видя в нем одну из основных причин современных социально-политических проблем в Сомали⁵. Сложно говорить, существовали ли касты в сомалийском обществе до прихода европейцев или они были ими созданы – сомалийские историки пока не ответили на этот вопрос, однако в сомалийском фольклоре неоднократно уничижительно упоминаются представители низших каст – мидган, тумал и др. и указывается на необходимость ограничения общения с ними представителей касты «благородных» кочевников⁶.

В качестве одной из цивилизационных мер итальянцы пробовали переводить сомалийцев из ислама в католицизм, примером чему служит создание образовательных курсов при католических миссиях и строительство одного из крупнейших католических соборов в Восточной Африке в Могадишо в 1928 г. В 1938 г. Р. Грациани, в то время губернатор Итальянского Сомали и командующий итальянскими

---

* В рамках научного расизма, получившего распространение с середины XIX в., предпринимались попытки обоснования превосходства белой расы научными фактами и создание на этой основе псевдонаучных теорий.

войсками в колониях, так определял итальянскую колониальную политику: *«Мы будем действовать иными, отличными от традиционных, методами: итальянскими и римскими методами... новый тип колонизации появится в истории... мы продемонстрируем местным, что мы не эксплуататоры и не хозяева. Мы продемонстрируем всем европейским нациям, что единственный способ создать устойчивую колонизацию в Африке – пересадить туда высшую расу»*⁷.

В отличие от Эритреи, которую итальянские колонизаторы рассматривали как поселенческую колонию и до 1960 г. планировали переселить сюда и в соседнюю Эфиопию около 600 тыс. итальянцев, недовольных ситуацией внутри самой Италии, Сомали считалась страной с богатыми ресурсами, прежде всего для производства сельскохозяйственной продукции. Во время колониального управления итальянцы сосредоточили усилия на эксплуатации плантационного сельского хозяйства в плодородных районах южного Сомали, в частности на выращивании бананов и хлопка. Так, в Джохаре, где изначально земли были разделены на пастбища и обрабатываемые земли, постепенно посредством последовательных захватов и развития ирригации угодья полностью перешли во владение Итало-сомалийского сельскохозяйственного общества и были превращены в хлопковые плантации, а затем – плантации сахарного тростника. Когда в 1941 г. в Итальянском Сомали на 7 месяцев был установлен контроль британской военной администрации, обрабатываемые земли были заброшены или разграблены. Из-за разрыва экономических связей с Италией сельское хозяйство Сомали оказалось в упадке. Очевидно, что развитие зависимых территорий шло в интересах метрополии и было недалновидным и неэффективным для самой колонии. Сельское хозяйство было практически ориентировано на монокультурность и экономические связи с одной страной. Развитие местной инфраструктуры происходило также с учетом интересов метрополии и ограничивалось строительством в пределах городов и организацией системы логистики для вывоза продукции.

В 1949 г. Итальянское (Южное) Сомали было передано под опеку ООН. Тем не менее Италия, которая в то время даже не являлась членом этой организации, а стала им только в 1955 г., продолжала управлять страной и ей был предоставлен мандат, в соответствии с которым она была уполномочена представлять Сомали в ООН. Таким образом, получалось, что демократические принципы государственного устройства этой африканской страны контролировало в недавнем прошлом фашистское государство, а управление ею осуществляли бывшие колониальные хозяева. Административные, судебные

и финансовые служащие назначались итальянским Министерством по делам Африки в основном из числа бывших чиновников. Командующим вооруженными силами Сомали был назначен бывший фашистский генерал Д. Феррара, большинство офицеров набрано из числа ветеранов войн Муссолини в Африке. Возобновилась итальянская иммиграция на подопечную территорию. На время опеки итальянцы получили еще один шанс продолжить свою цивилизаторскую миссию, а также укрепить политические и экономические связи с бывшей колонией. В частности, в Могадишо в 1954 г. был открыт Сомалийский национальный университет на базе школы политического управления, в начале 1950-х годов был создан Национальный институт правовых, экономических и социальных исследований как высшая школа итальянского языка для довузовской подготовки с целью поступления в итальянские университеты. Появился оперный театр, лицеи, строились административные здания – виллы в неоклассическом стиле.

В Южном Сомали в 1950 г. Италия ввела систему управления АФИС (*AFIS* – Итальянская административная подопечная территория)*, целью которой было подготовить местные экономические и административные органы власти. На деле же различные способы колониального управления и степень готовности сомалийцев к независимости в Британском Сомалиленде и Итальянском Сомали предопределили политические и экономические разногласия между двумя бывшими колониями и образование в 1990-х годах независимого и пока не признанного международным сообществом Сомалиленда.

В период опеки продолжалась реализация политики «разделяй и властвуй». Итальянские власти пытались взаимодействовать и договариваться с сомалийскими партиями и организациями, в частности с членами Лиги сомалийской молодежи (ЛСМ), стремясь внедрить в их среде проитальянские и антибританские настроения. Стипендии, предоставлявшиеся Италией в рамках программы развития подопечной территории, творили чудеса и превращали бывших врагов в друзей. Если в середине 1940-х годов Абдулла Исса, будущий первый премьер-министр Сомали в 1956 г., выступал категорически против итальянского присутствия в стране, то в 1955 г. на праздновании 12-й годовщины создания Лиги он благодарил итальянцев за принесенный ими прогресс и активно сотрудничал с ними⁸.

Итальянцы предпочитали укреплять связи с традиционными лидерами и элитой колониальной эпохи, а не с представителями сомалий-

---

* Сами сомалийцы расшифровывали ее как «мы избавились от местных сомалийцев».

ских политических партий. Власти использовали сомалийский национализм в своих целях, что доказывают материалы итальянских архивов, открытых после 2006 г.⁹ Примером этому служит создание коалиции проитальянских сомалийских партий, оппозиционных ЛСМ, – «Сомалийского совещания» (*Conferenza della Somalia*) – накануне прибытия членов комиссии ООН с целью произвести на последних положительное впечатление.

Сомалийское население было недовольно возвращением итальянцев. В 1948 г. против итальянских властей прошли акции протеста в Могадишо, в 1952 г. – в Кисмайо, закончившиеся убийствами итальянских полицейских. Так, в письме 1950 г. одного из лидеров ЛСМ Хаджи М. Хуссейна в министерство иностранных дел Италии говорилось о сильной оппозиции местного населения итальянскому присутствию в стране и о том, что «итальянская администрация нанесла серьезный моральный и материальный ущерб Сомали»¹⁰. Другой лидер ЛСМ – А. Исса – в письме от 1952 г. указывал, что итальянцы нанимают непрофессионалов из неместных кланов, подкупают клановых лидеров, всячески скрывают негативные последствия итальянского управления подопечной территорией¹¹.

25 июня 1960 г. королева Елизавета II предоставила независимость Сомалиленду, несмотря на то, что эта территория не была подготовлена к самостоятельному правлению. 5 дней спустя независимость получило Итальянское Сомали. Два этих государства образовали республику Сомали. В двух частях страны сосуществовали разные системы административного управления, образования и правосудия. Существенно различались налоговая и финансовая системы. Конституция Сомали, принятая 26 июня 1960 г., – результат работы итальянских экспертов по юридическим вопросам – стала практически копией конституционной итальянской хартии 1948 г. Она не учитывала сомалийские реалии и статус республики, не подразумевала возможности обсуждения создания унитарного или федерального государства, к дискуссии не были приглашены политические партии Сомалиленда. Энтузиазм по поводу объединения на севере страны исчез практически сразу, несмотря на перспективу реализации предложенной британцами идеи Великого Сомали, и уже в декабре 1961 г. группой военных из Харгейсы (столицы Сомалиленда) была предпринята попытка госпереворота с целью отделения.

В 1960 г. окончилось физическое присутствие белых колонизаторов в стране, но осталась зависимость от бывших метрополий. После обретения независимости рост экономики в Сомали был иллюзорным и фактически происходил за счет объемов иностранной помощи

и кредитов. Сыграл свою роль и массовый энтузиазм, обусловленный деколонизацией. Большинство представителей местной элиты, будучи продуктом колониального прошлого, считали западный путь развития единственно возможным и правильным, современным и «цивилизованным», а свой собственный традиционный путь – отсталым и примитивным. Иностранная помощь и внедрение новых западных технологий позволяли улучшить условия жизни сомалийцев на короткий период, при этом загоняя их в ярмо долгосрочных обязательств и кредитов. Одним из ярких примеров этого стало использование химикатов в сельском хозяйстве с целью повышения его продуктивности без учета негативных последствий, что вело к нарушению цикла традиционного земледелия. Сначала удобрения раздавали местным фермерам бесплатно, позже начали давать кредиты на покупку импортных химикатов для сохранения или увеличения объема продукции. Также неэффективным оказался один из самых больших проектов – начатое в 1972 г. строительство плотины в Фаноле, открытие 25-километрового канала и большой фермы площадью более 8 тыс. га, ориентированной на выращивание риса – нехарактерной для Сомали сельскохозяйственной культуры.

Этот и многие другие проекты стимулировались не нуждами местного населения, а экономическими интересами бывших метрополий, зависели от объемов вывоза готовой продукции и при нарушении связей становились нерентабельными. Ожидаемо, что за реализацией невыгодных для местной экономики проектов развития стояли коррумпированные местные чиновники, а оценки эффективности проектов проводились в первую очередь западными, а не местными экспертами. Так, колониализм постепенно трансформировался в неоколониализм, приобретал новые формы неравноправного и навязанного сотрудничества и кредитного шантажа. Более того, в Сомали усилились внутренние противоречия, причины которых в значительной мере коренились в колониальном наследии.

* * *

В зависимости от того, кто пишет историю, баланс плюсов и минусов в оценке колониализма может меняться. Очевидно, что интеграция Сомали в современном мире неизбежно вызвала бы трансформацию традиционных связей и образа жизни. Некоторые историки видят провал опыта демократии в Сомали в том, что первая конституция была чужда сомалийским социокультурным реалиям и не учитывала нормы сомалийского общества. Идея Великого Сомали, предложенная Британией, показала свою силу в период объединения и на

начальном этапе независимости, но затем она привела к конфликтам и распаду государства.

Итальянское колониальное правление в Сомали, с одной стороны, позволило сомалийцам увидеть потенциал развития собственной страны и свои недостатки, а с другой – привело к социальным и политическим проблемам в постколониальный период.

Декolonизация продолжается, и Сомали до сих пор ищет свой собственный путь, пробуя различные варианты, демократические и диктаторские, религиозные и светские, традиционные и инновационные. Страна пытается перспективно и взаимовыгодно строить отношения с бывшими метрополиями и новыми партнерами.

---

¹ *Pellegrino M.* In Abissinia. Milano: Fratelli Treves Editori, 1880. Цит. по: *Zocchi B.* Italian Colonialism in the Making of National Consciousness: the Representations of African Natives // *Storicamente*. No. 15. 2019. Art. 7. P. 5–6. <https://storicamente.org/sites/default/images/articles/media/2078/zocchi-italian-colonialism-italy-fascism.pdf> (дата обращения 12.07.2024)

² *Barbetti V.G.* La vita di domani. Corso di letture ad uso delle scuole elementari. Roma: Sandron, 1927. P. 109. Цит. по: *Zocchi B.* Op. cit. P. 7.

³ Цит. по: *Waterfield G.* (Ed). *First Footsteps in East Africa*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1966. Pp. 90–91.

⁴ Цит. по: *Carnoy M.* Education as Cultural Imperialism. N.Y.: David McKay Company, 1977. P. i.

⁵ *Lewis I.M.* A Modern History of Somalia; Nation and State in the Horn of Africa. L.: Longman, 1980.

⁶ См., например: *Bashir A.* Fallacies and Myths in the Nobility of Somali Clans (Irir, Dir, Darood). May, 2023. https://hiiraan.com/op4/2023/may/191174/fallacies_and_myths_in_the_nobility_of_somali_clans_irir_dir_darood.aspx (дата обращения 05.02.2024)

⁷ *Graziani R.* La giornata coloniale dell'anno XVI in Roma. Parole pronunciate da S.E. il Maresciallo d'Italia Rodolfo Graziani il 22 maggio 1938, al Teatro Adriano. Roma: Istituto Fascista dell'Africa Italiana. Цит. по: *Zocchi B.* Op. cit. P. 15.

⁸ Цит. по: *Tekeste Negash, Taddia I.* Reluctant Decolonisation: Italian Secret Activities in the Horn of Africa 1947–1953. <https://storiaefuturo.eu/reluctant-decolonisation-italian-secret-activities-in-the-horn-of-africa-1947-1953/> (дата обращения 12.12.2024)

⁹ Ibid.

¹⁰ Цит. по: *Tripodi P.* Back to the Horn: Italian Administration and Somalia's Troubled Independence // *International Journal of African Historical Studies*. Vol. 32. No. 2–3, 1999. Report from the Italian Embassy in Cairo. Box 2. File 21.

¹¹ Цит. по: *Tripodi P.* Op. cit. Secret Report 14 October 1952. Box 2. File 3.

МИССИОНЕРЫ – АГЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ КОЛОНИАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ В АФРИКЕ

К истории вопроса

Процесс колонизации африканского континента был начат испанцами и португальцами в XV–XVI вв. Следом за ними на континент устремились представители и других европейских государств. В XIX в. процесс колонизации приобрел такой масштаб, что получил название «гонка за Африку». За исключением Эфиопии и Либерии, к концу XIX столетия все страны Африки находились под колониальным управлением. Политическую независимость подавляющее большинство африканских стран получило лишь в начале 60-х годов XX столетия.

Во время европейского колониального правления была провозглашена языковая политика, которая в дальнейшем сказалась на развитии местных языков, а также на образовании африканцев. Каждая метрополия проводила свою языковую политику в Африке. Однако все колониальные державы, несмотря на разные подходы, были единодушны в одном – они навязывали европейские языки на контролируемых ими территориях.

Немцы, англичане и голландцы выступали за использование одного из местных языков (*lingua franca*) в качестве языка на начальном этапе образования и на низшем уровне управления. В обучении такие языки можно было использовать только в первые 3–4 года начальной школы, а далее оно должно было проходить на языке метрополии. Например, англичане следили, чтобы с четвертого класса и далее, за исключением нескольких часов, отведенных в расписании на изучение языков коренных народов, все ученики должны были разговаривать между собой, а также со своими учителями только на английском языке. Любой, кто был пойман за разговором во время школьных занятий на одном из местных языков (уничажительно называемом «народным языком»), подлежал штрафу, телесному наказанию или какой-либо другой форме наказания, например, принуждению написать от руки сто и более раз: «Я никогда больше не буду говорить в школе на местном языке»¹.

Германия в своих колониальных владениях в Восточной Африке вплоть до конца Первой мировой войны проводила политику продви-

жения суахили как *lingua franca*. В Танганьике немецкие и африканские государственные служащие, а также военнослужащие должны были знать суахили. Надо отметить, что большая заслуга в изучении и распространении местных языков, особенно языка суахили, принадлежит миссионерам, которые занимались описанием африканских языков. Немецкие миссионеры разработали орфографию, написали грамматики и словари языка суахили. Они собрали рукописи литературных произведений на арабском языке и суахили. Подобного рода работу проводили и британские миссионеры в тех частях Африки, которые находились под управлением Британской империи. Таким образом, миссионеры разработали орфографию, грамматики и словари африканских языков, что стало большим шагом на пути к развитию грамотности на языках коренных народов Африки. Но первоначальная задача миссионерской деятельности заключалась в преподавании Библии и других религиозных текстов на местных языках, поскольку миссионеры справедливо считали, что для их прозелитских целей местные языки послужат лучшим инструментом, чем европейские.

Языковая политика Великобритании, Германии и Нидерландов в Африке в области образования имела незначительные различия. Общей схемой обучения было использование местных языков вплоть до третьего класса начальной школы в качестве средства обучения, а затем, если существовал развитый *lingua franca*, как суахили или хауса, он мог выступать языком образования еще на 2 или 3 года. Правительство колониальной Германии участвовало в строительстве школ, где детям преподавали суахили и арифметику. Цель была сугубо прагматичная – выпускать мелких клерков, ремесленников и квалифицированных рабочих.

Изучение африканских языков в Германии началось среди протестантских миссионеров в начале XIX в. и было включено в программы немецких университетов после того, как Германия вступила в «борьбу за Африку» и стала колониальной державой в 1880-х годах. Необходимо отметить, что некоторые немецкие военные чины были вынуждены учить суахили и другие африканские языки перед отправкой в Африку, что послужило толчком для их преподавания в некоторых университетах Германии. Англичане в Танганьике также поощряли преподавание суахили и других африканских языков. Они осуществляли аналогичную политику и в Западной Африке.

Французы, португальцы и испанцы проводили политику тотальной ассимиляции. Они хотели в перспективе сделать из своих подданных в Африке граждан, похожих на европейцев. Колониальная

политика французов соответствовала языковой политике внутри самой Франции, где язык, начиная с правления Франциска I в XVI в., был средством национального строительства. В XVII в. была открыта Французская академия, целью которой было изучение французского языка и литературы и выработка нормативной формы единого французского языка, так как во Франции того периода говорили на многих диалектах. Эта идеология выражалась в пуризме, который стал основой языковой политики французского государства.

Политика языкового унитаризма во Франции перешла и за ее пределы. Вначале экспансия французского языка распространялась на Европу, а затем на французские колонии. Языковую политику Франции в Африке продвигал «Альянс Франсез» (*Alliance Française*) (первоначально эта организация называлась «Альянс за распространение и очищение французского языка». – *И. Т.*). Работа Альянса заключалась в том, чтобы предотвратить появление пиджинизированных форм французского языка в колониях и продвигать эталонную форму французского языка. Необходимо подчеркнуть, что англичане признавали существование креольских языков и пиджинов на английской основе в своих колониях, а французы долгое время отказывались это делать.

Французы считали свой национальный язык самым культурным языком и искренне полагали, что он выполняет цивилизаторскую миссию, поэтому колониальная администрация не поощряла изучение африканских языков. Следовательно, французский язык во французских колониях стал единственным официальным языком управления, образования и культуры. По мнению танзанийского исследователя Мохаммеда Хасана Абдулазиза, следствием такой языковой политики стало то, что «африканские языки в районах, управляемых французами, были наименее развиты, если вообще развивались, на момент обретения независимости. Большинство из этих языков даже не приобрели орфографической системы»². Нельзя не согласиться с В.Т. Клоковым, писавшим: «Государственная власть – королевская, имперская, республиканская (во Франции) – всегда использовала язык в своей национальной политике, выбирая его в качестве средства укрепления национального устройства страны. Мероприятия в этой области отвечали принципу объединения разрозненных территорий в единое французское государство и укрепления его мощи путем централизации власти, экономики, культуры и языка»³. Однако проводимая Францией языковая политика в Африке имела незначительные достижения, поскольку не было достаточного количества квалифицированных педагогов и учебных материалов для преподава-

ния французского языка. У французов существовало обманчивое предположение, что все образование ведется на эталонном языке метрополии.

Португальцы и испанцы проводили подобную, а в ряде случаев еще более жесткую языковую политику. Например, они наказывали миссионеров, которые использовали африканские языки даже на начальном уровне образования. Известно, что Португалия первая из европейских стран колонизировала Африку. Заморскими территориями в Африке этой маленькой европейской страны были Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау, Сан-Томе и Принсипи, а также Кабо-Верде. Все эти страны рассматривались как часть метрополии и обозначались как «Заморская Португалия». Португальцы приняли строгие меры, чтобы ни один из местных африканских языков не мог использоваться ни в одной из сфер общественной жизни. Результатом такой агрессивной языковой политики стало то, что после обретения независимости португальский язык был признан правительствами африканских стран официальным языком на безальтернативной основе. Однако, несмотря на 500-летнее господство, португальцы очень мало преуспели в распространении среди африканцев своего языка, культуры, образа жизни. По мнению А.М. Хазанова, это было связано с тем, что «ненависть, которую они всюду вызывали, не только убивала в африканцах всякое желание подражать им, но и вызывала у них отрицательную реакцию на все “португальское”»⁴.

Языковая политика Бельгии в Конго имела много общего с политикой англичан и немцев. Благодаря либеральному настрою бельгийского короля Леопольда II христианские миссионеры изучили и описали ряд языков коренных народов Конго. Они составили грамматики, словари, сделали переводы Библии. Миссионеры в церквях вели проповеди на местных языках и преподавали на них азы грамотности в начальной школе. Однако эта благостная на первый взгляд картина имела много изъянов.

Христианское миссионерское движение в Африке в XVIII–XIX вв.

Первых колонизаторов в Африке интересовала работорговля для Нового Света. С XVIII в. наблюдается рост коммерческих интересов и политического господства колониальных держав в Африке. В это же время идет масштабная христианская миссионерская экспансия на континент, которая продолжается и в настоящее время. Важно подчеркнуть, что христианство ведет давнюю историю в Африке. Согласно истории христианства, Африка считается второй родиной Ии-

суса из Назарета, давшей прибежище в Египте Святому Семейству, спасавшемуся от преследования царя Ирода Великого. Начало христианства на континенте связывается с именем евангелиста Марка⁵. Интенсивная христианская жизнь II–IV вв. концентрировалась в Северной Африке, а также в Эфиопии и Эритрее. Однако после завоевания Северной Африки арабами в VII в. христианство постепенно исчезло из этого региона, за исключением Египта и Эфиопии, где сохранились древние христианские церкви.

Португальские экспедиции XV в. положили начало новому этапу евангелизации Африки. Католические миссионеры вели активную миссионерскую деятельность в Марокко, на Азорских островах и островах Зеленого Мыса, в Конго и Анголе. Больших достижений они добились в Нижнем Конго в 1491 г., где португальские миссионеры открыли несколько миссий и сумели обратить в христианство большое число африканцев, включая местного правителя Мвембу Нзингу (ок. 1456–1543). Он принял католицизм от португальских миссионеров и, взойдя на престол, короновался под именем Афонсу I. Он придавал большое значение христианизации и стремился европеизировать свою страну⁶. Так, в столице своего государства, названной им Сан-Сальвадор, был построен католический собор, а на левом берегу реки Конго появилось католическое королевство, устроенное по португальской модели. В 1518 г. Папа Лев X назначил первого африканца, сына конголезского короля Афонсу I, титулярным епископом Утики. В 1590 г. миссия насчитывала 20 тыс. верующих, и Папа Климент VIII в 1596 г. учредил епископство Санта Крус ду Рейну ди Ангола с кафедрой в бразильском городе Сальвадор⁷.

XVIII в. знаменуется началом современной истории христианства в Африке. Вера Вильханова считает, что начало миссионерского движения в Африке можно точно датировать 1792 г. В этом году вышел первый миссионерский трактат на английском языке под названием «Исследование обязательств христиан использовать средства для обращения язычников» Уильяма Кэри*.

Вскоре после публикации своей брошюры отец Кэри произнес знаменитую проповедь с двумя главами: «Ожидайте великих дел... Стремитесь к великим делам». Менее чем через пять месяцев, 2 октября 1792 г., было образовано Баптистское миссионерское общество, за которым быстро последовали межконфессиональное Лондонское миссионерское общество, основанное в 1795 г., евангельское

---

* Уильям Кэри (1761–1834) – английский баптистский миссионер, организатор Баптистского миссионерского общества. Перевел Библию на санскрит и бенгали.

Церковное миссионерское общество, созданное в 1799 г., Общество религиозных трактатов и др. Британское и иностранное библейское общество (БИБО), основанное в Англии 7 марта 1804 г., имело особую задачу содействия переводу и печати Библии. В этот период основная часть миссионерской деятельности осуществлялась представителями англоязычного протестантизма, к которому в 1820–1830-х годах присоединился континентальный протестантизм из Германии, Швейцарии и Франции. Аналогичные организации возникли в Скандинавии, Голландии и США⁸.

Католические миссионеры также продолжили играть важную роль в евангелизации Африки. Во Франции были основаны две миссионерские общины, ориентированные на Африку. Это были Конгрегация Святого Духа и Общество африканских миссий. Большую миссионерскую работу (особенно в Северной Африке) проводило также общество Миссионеров Африки (*Missionarii Africae, MAfr*) более известное под названием «Белые отцы». Эта монашеская конгрегация была основана в 1868 г. первым архиепископом Алжира (позднее кардиналом) Шарлем Лавижери. Белые отцы вели проповедническую и катехизаторскую деятельность, а также обучали африканцев различным рабочим и сельскохозяйственным специальностям.

Необходимо отметить, что работа миссионеров всех конфессий в Африке была сопряжена с трудностями и испытаниями. Многие миссионеры были убиты, многие заболели и умерли, а кто-то, не сумев адаптироваться к бытовым и сложным климатическим условиям, был вынужден вернуться на родину. Несмотря на рвение и большое желание христианских миссионеров «спасти души» африканцев, они часто терпели неудачу. Одной из их грубых ошибок было нежелание изучать верования и мировоззрение африканцев. Они использовали в своих записях и отчетах пренебрежительные термины, такие как «фетиши», «язычество», «идолопоклонство» и др. Только недавно у миссионеров стало меняться отношение к автохтонным религиям африканцев. Появляются работы ученых-миссионеров, которые призывают изучать культуру коренных народов Африки изнутри.

Однако необходимо признать, что европейские миссионеры проделали большую работу по изучению и описанию африканских языков. Они небеспочвенно считали, что без активного общения невозможно добиться обращения африканцев в христианство. Поэтому миссионеры всех конфессий свое свободное время посвящали изучению местных языков и общению на них с африканцами. Например, католикам из миссии Белых отцов запрещалось разговаривать между собой на родном языке после полугодового пребывания в стане. Та-

кое отношение к родным языкам африканцев принесло свои плоды. В XIX в. появились первые лингвистические работы миссионеров.

Не имеющие письменности местные языки африканцев должны были быть изучены и записаны, прежде чем можно было приступить к сложной, но важной задаче религиозного обучения и подготовки религиозных текстов. Можно с уверенностью утверждать, что многие миссионеры в разных частях Африканского континента стали учеными и выдающимися лингвистами, а их лингвистическая работа заложила прочную основу для всех последующих миссионеров⁹. Создавая словники, а позднее полномасштабные словари, грамматики, учебники и руководства, переводя части Библии, католические и протестантские миссионеры помогли создать предпосылки для формирования литературной традиции и письменного литературного языка. Христианские миссионеры всех конфессий потратили много лет на изучение местных африканских языков и перевод частей Библии, молитв и гимнов на африканские языки, тем самым положив начало переводной литературе. Миссионеры-переводчики, естественно, начинали с библейской литературы, причем Евангелие от Марка часто было первым выбором¹⁰. Однако ранние переводы христианских текстов имели много недочетов. Ярким примером может служить перевод Библии на языке ибибио на юго-востоке Нигерии. Миссионеры не хотели использовать местные слова для обозначения Святого Духа. Они опасались, что африканцы примут его за местного племенного духа, поэтому миссионеры оставили Третье Лицо Троицы непереуведенным.

Библия долгое время оставалась единственным изданием, которое африканцы могли читать на своем родном языке. Масштабные кампании по распространению грамотности основывались на переведенных частях Библии. Умение читать Евангелие было одним из главных требований для крещения во многих христианских миссиях, в основном протестантских церквях, а также в римско-католическом ордена Белых отцов.

Большую работу провели миссионерские общества в области образования. Целью создания школ было желание распространить Евангелие, поэтому религия была на первом месте школьной программы. Следовательно, обращение в христианство и обучение шли параллельно. Большинство миссий предоставляли только базовое образование, которое позволяло подготовить квалифицированную рабочую силу, а также способствовало обращению африканцев в христианство. Необходимо подчеркнуть, что каждая конфессия основывала собственную школьную систему, поэтому африканцам было

предоставлено несколько вариантов образования. Миссионерское доминирование в системе образования было характерно для всех колонизированных территорий (за исключением французских колоний в Африке). Многие представители африканской элиты получили образование в церковных учебных заведениях.

Миссионерские школы, как правило, представляли собой школы-интернаты, главная задача которых была оторвать учеников от их традиционной религии и культуры. Школьная система пропагандировала европейский образ жизни, что привело к сегрегации и отчуждению новообращенных африканцев от своей семьи, общины, общества. Африканцы, которые окончили миссионерские школы, стали новой элитой. Бытовало мнение, что христианин – это африканец, который отказался от обычаев своих предков. Только став христианином, можно было получить квалифицированную работу и подняться по социальной лестнице.

Происхождение языка лингала

Язык лингала является одним из самых распространенных языков банту в Центральной Африке. В настоящее время на нем говорят народы, населяющие Республику Конго, Демократическую Республику Конго, пограничные районы Центральноафриканской Республики, Габона, Анголы и Судана.

Язык лингала появился во второй половине XIX в. С уверенностью можно утверждать, что до XIX в. этого языка не существовало. Первые сведения о конголезских языках относятся к XVII в. В Лиссабоне в 1643 г. было издано первое краткое описание языка конго. А в России в Санкт-Петербурге в 1790 г. вышел «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный», где упоминается язык «по-конгски». Европейские исследователи и первопроходцы Конго написали более 100 книг об этом районе Африки, не считая многочисленных документов, отчетов и дневников, в которых упомянули множество местных языков. Однако лингала среди них нет. Первое упоминание о нем в историческом источнике датируется 1901 г. Его генетическое происхождение остается загадкой. Существует много гипотез о происхождении этого языка. Одни ученые утверждали, что в основе языка лингала лежит один из конголезских языков. В качестве источника называли: лосенго, болоки, ибоко и др. Другие ученые полагали, что в образовании языка лингала участвовало несколько языков банту, но ни один из них нельзя считать материнским языком¹¹. Обилие пред-

положений связано в первую очередь с близким родством разных языков бассейна реки Конго.

По мнению большинства ученых основной базой для создания языка лингала послужил язык бобанги. Конголезский лингвист Адольф Дзоканга называет язык бобанги «матерью всех языков прибрежных народов реки Конго»¹². На языке бобанги до прихода колонизаторов говорили в регионе реки Конго между устьем рек Ква и Руки, а также в Болобо и Луколеле. Носители языка бобанги контролировали речную торговлю, поэтому их родной язык использовался в качестве основного средства общения между разными народами. Некоторые сделки, например продажа слоновой кости, могли длиться несколько месяцев, в течение всего это срока продавцу и покупателю приходилось жить в одной деревне. Уильям Дж. Самарин утверждает, что при заключении договоров представители других народов часто оставляли рабов или кого-то из членов своей общины в качестве залога купцам бобанги. Этим людям приходилось жить у кредитора несколько месяцев, если не год. За это время они легко выучивали местный язык¹³. Если принять во внимание тот факт, что язык бобанги лингвистически очень близок соседним языкам, то для близкородственных народов Конго не составляло труда изучение языка бобанги и использование его в качестве языка межэтнического общения. Однако начиная со второй половины XIX в. происходит постепенная пиджинизация языка бобанги, которая связана с активной колонизацией этого региона.

Колонизация Центральной Африки требовала участия наемных войск и дешевой рабочей силы. Европейцы стали вербовать африканцев из Западной и Восточной Африки. Рабочие, набранные на восточном побережье и на Занзибаре, говорили на суахили. Африканцы из Западной Африки говорили на хауса, бамбара, эве, игбо, йоруба. Проходя через район Нижнего Конго, европейцы вербовали людей из народа конго, родным языком которых был киконго. Европейцы и африканские наемники продолжили использовать язык бобанги в качестве *lingua franca*. Под влиянием языков европейских колонизаторов (французский, португальский, английский) и языков африканцев-наемников словарный состав и грамматика языка бобанги претерпели изменения. У. Дж. Самарин выделяет две главные причины образования бобанги пиджин. Первая причина заключалась в прибытии сотен иностранцев, а вторая в интенсивном передвижении коренных народов бассейна реки Конго¹⁴. Колониальные власти создавали многонациональные центры: административные посты, торговые фактории, центры военной подготовки и христианские миссии. В качестве

языка межэтнического общения был выбран бобанги пиджин. Этот язык получил несколько названий: «сломанный бобанги», торговый язык, коммерческий язык, речной язык, язык Верхнего Конго. В 1884 г. к этому длинному списку добавляется еще одно наименование – бангала.

История появления языка бангала

История переименования бобанги пиджин в бангала связана с именем британского журналиста, исследователя Африки Генри Мортон Стэнли (1841–1904). В феврале 1877 г. он прибыл в Ньянгле (район современного города Лисала, ДРК). Согласно его воспоминаниям, там он услышал от местного населения о народе, который они называли «бангала». Он первым среди европейцев стал использовать этноним «бангала» для наименования людей, живущих между устьем рек Монгала и Лулонги. Большинство европейцев вслед за ним начали употреблять этот этноним. В научной литературе до сих пор не перестает быть актуальной дискуссия, является ли этноним «бангала» оригинальным или Г.М. Стэнли ошибочно воспринял его как таковой. Бесспорно одно, этноним бангала мог использоваться народами бассейна Конго, но ни один этнос не использовал его для себя.

В 1884 г. недалеко от Ибоко Г.М. Стэнли вместе с бельгийским капитаном Камилем Кокилья (1853–1891) основали станцию Бангала, которая в 1890 г. была переименована в Нувель Анверс. Год основания станции ознаменовал новый этап в истории рождения языка лингала. С этого времени бобанги пиджин продолжает подвергаться сильному влиянию других языков. Станция Бангала была одной из самых крупных станций в Центральной Африке. Сюда было завезено большое количество туземцев из Верхнего Конго, а также африканцев из разных уголков Африки. Только число наемных солдат насчитывало 2000 человек. Вся эта многонациональная масса людей общалась друг с другом на бобанги пиджин. Многие туземцы из близлежащих городов и деревень быстро выучили этот жаргон и также стали использовать его в общении с колониальными властями, солдатами и рабочими. Надо сказать, что европейцы редко напрямую обращались к местному населению. Для этого они использовали своих подчиненных из числа африканцев, которые сами выучили местный язык. Контакты между эмигрантами и коренным населением были очень плотными, поэтому язык бобанги пиджин постоянно подвергался изменениям.

Например, африканцы из Занзибара, составлявшие значительную часть рабочей силы Свободного государства Конго, активно использовали суахили. Они смешивали его с бобанги пиджин, добавляя местную лексику и меняя некоторые грамматические формы. Аналогичным способом поступали и другие африканцы – носители языков банту. Необходимо отметить, что языки африканцев из Западной Африки не имели такого влияния на бобанги пиджин. Это связано с тем, что они были в этнолингвистическом плане очень неоднородны. Оказавшись вместе в караване, в экспедиции, на миссионерской станции, на военном или торговом посту, африканцы из Западной Африки были вынуждены учить местный язык. Ни один из языков колонизаторов не мог служить языком межэтнического общения. Мало кто из африканцев знал какой-либо европейский язык, в лучшем случае могли изъясняться на «ломаном английском или французском». Католический миссионер Джон Уайтхед писал: «Язык бобанги является самым важным языком от Стэнли Пула до [станции] Бангала и за ее пределами. Он также является основой эклектичного “торгового” языка, используемого офицерами Независимого государства Конго, торговцами и путешественниками, в дальнейшем копируемого у них чужеземцами из других частей Конго, привозимыми на различные посты и станции в качестве слуг и чернорабочих»¹⁵. Именно языковую форму, возникшую в результате этого процесса языковой экспансии, европейцы стали называть «бангала» в дополнение к уже используемым названиям («речной язык», «торговый язык», «язык Верхнего Конго» и др.). Это привело к терминологическому совпадению лингвонима и этнонима «бангала». Данное обстоятельство просуществовало до того момента, когда бельгийский католический миссионер Эгид де Бок (1875–1944) не преобразовал глоссоним в лингала.

1 сентября 1890 г. отец Эгид де Бок прибыл в Нувель Анверс. Многоязычный и многонациональный состав станции напомнил ему Вавилонскую башню. Сложившаяся сложная языковая ситуация требовала решения. Необходимо было выбрать один язык для межэтнического общения, который смог бы выстроить не только вертикальную ось общения между колониальными властями и африканцами, но и горизонтальную ось – среди местного населения. Самым популярным языком межэтнического общения был бангала. В своих мемуарах английский миссионер Джордж Гренфелл писал, что язык бангала является общим средством общения на протяжении более 500 миль вдоль водного пути¹⁶. Поэтому Э. де Бок приступил к изучению и описанию языка бангала вместе с другими миссионерами из

Конгрегации Непорочного Сердца Девы Марии (*CICM*)*. Однако отец Э. де Бок не был первым миссионером, кто обратился в своей научной работе к местным языкам. В 1889 г. католические миссионеры Э. Камбье и К. ван Ронсле основали миссионерский пост в Мпомбо недалеко от станции Бангала. Они не стали изучать язык бангала, а принялись использовать язык ибоко. Но через несколько лет они изменили свое решение и стали продвигать язык бангала, а затем и лингала среди членов своей паствы.

Именно Э. де Бок настоял на переименовании языка бангала в лингала. Он утверждал, что в языках, на которых говорят в районе Нувель Анверс, используется префикс *li-* для наименования языка. Действительно, с этим можно согласиться. Префикс *li-* относится к 5 классу, план содержания которого включает разного рода предметы, названия частей тела, растений, животных, абстрактные понятия, а также он используется в лингвонимах языков, на которых говорят в области Нувель Анверс. Однако не все согласились с новым названием языка. Протестантский священник Уолтер Х. Стэплтон писал в своих научных работах о трудностях наименования языков в некоторых районах Африки. Если на восточном побережье все просто: баганда – это народ Уганды, а луганда – язык, то в Конго все не так. Народ бобанги называет свой язык «ло бобанги», а это сокращенная форма от *lokota la bobangi*, т.е. «язык (народа) бобанги». Протестантские миссии в Конго не спешили использовать лингвоним лингала.

В 1943 г. баптист Малькольм Гасри (1903–1972) выразил сожаление по поводу «путаницы», которая произошла из-за переименования языка Э. де Боком. Он утверждал, что лингвоним лингала надо было оставить только для «исправленного», письменного варианта языка, а для разговорного варианта оставить бангала¹⁷. М. Гасри вспоминал, что когда он приехал в Конго в 30-е годы XX в., католические миссионеры выпустили так много публикаций о «новом» языке, в которых использовали лингвоним лингала как для новой версии языка, так и для разговорной, что было бы трудно вернуть прежнее название бангала.

Надо признать, что противники нового названия были и в среде католических миссионеров. Например, отец Освальд Лизенборг до

---

* Конгрегация Непорочного Сердца Девы Марии (*Congregatio Immaculati Cordis Mariae, CICM*) – это римско-католическая миссионерская религиозная конгрегация мужчин. Она была основана в 1862 г. бельгийским католическим священником Теофилом Вербистом (1823–1868). Эта конгрегация широко известна своей международной миссионерской работой в Китае, Монголии, Филиппинах и Бельгийском Конго (ныне ДРК).

начала 40-х годов XX в. отказывался называть разговорный вариант лингвонимом лингала. Однако в итоге на большей части Конго стали использовать это наименование языка. Майкл Меувис считает, что только в восточном и северо-восточном регионах название языка никогда не менялось. И сегодня здесь его называют бангала. Это связано с тем, что распространенные здесь местные языки в основном не относятся к языкам банту и типологически более разнообразны, чем на западе. Они гораздо меньше влияли на грамматику и лексику бангала из-за своего взаимного разнообразия¹⁸.

Языковые реформы, проводившиеся католическими миссионерами в Конго

В начале XX в. ряд миссионеров различных конфессий приступили к описанию языка лингала. Первыми были католические миссионеры из Конгрегации Непорочного Сердца Девы Марии во главе с Эгидом де Бокком. Они работали в районе Нувель Анверс на северо-западе Конго.

Э. де Бок настаивал на улучшении этого «неполноценного» (*défectueuse*), с его точки зрения, языка, непригодного для практических целей. Разговорный вариант лингала он называл «лингвистическим чудовищем», а искусственный вариант лингала прозвал *Esperanto Lingala*, противопоставив его «настоящему языкам Конго». В предисловии к грамматике языка лингала Э. де Бок писал: «Целью моей работы было навязать новую лексику и новые грамматические конструкции, чтобы постепенно создать руководство, пособие или инструкцию более правильного языка, потому что если учить писать и читать на этом языке, как на нем говорят, то это значит сделать что-то столь нелепое, сколь и невозможное»¹⁹. Таким образом, масштабные изменения были связаны с негативным восприятием языка лингала миссионерами.

К первым письменным работам отца Э. де Бока относятся: *Eerste proeve van "Lingala" in de schoolkolonie te N. Antw. Mpo Ya Lazaru*, 1901; (*Un Père de la Congrégation de Scheut*) *Langue congolaise: Exercices de lecture. A l' des colonies de l' éBrussels*, 1902; *Mission Buku moke moa kutanga lingala. Nouvelle Anvers*, 1903; *Grammaire et vocabulaire du Lingala ou langue du Haut-Congo. Brussels*, 1904; *Notions du Lingala ou langue du Haut-Fleuve: Vocabulaire et phrases pratiques. Nouvelle Anvers*, 1904. Под чутким руководством отца Э. де Бока вышло много научных статей, несколько грамматик и словарей языка лингала. Однако не обошлось без критики. Майкл Меувис

обоснованно считает, что «Эгид де Бок и его коллеги параллельно изложили “свою версию” креолизации бангала и в некотором смысле помешали “естественному” процессу креолизации, который начался в 1884 г.»²⁰.

На протяжении всей своей жизни отец Э. де Бок много времени и сил посвящал изучению и описанию не только языка лингала, но и других конголезских языков. Однако лингала оставался для него всегда одним из любимых африканских языков, и он никогда не прекращал своей работы над грамматикой и лексикой этого языка. По мнению Ирины Николаевны Топоровой, Эгид де Бок внес существенную коррекцию в лингала, пытаясь использовать новые лексемы и грамматические формы, причем, эти новшества не были его собственным изобретением, но были взяты из других языков, в частности из мабале, языка, которым в это время он также серьезно занимался²¹. В своем кармане он носил небольшую записную книжку, в которую постоянно записывал новые слова или новые грамматические обороты языка лингала. Э. де Бока часто называют «отцом» лингала. Понимая, что слово Божие надо нести на языках коренных народов, отец Де Бок стал также автором перевода Нового Завета на язык лингала. Он призывал и своих коллег как можно больше переводить Библию и катехизис на африканские языки.

В г. Бута и его окрестностях (провинция Нижнее Уэле, ДРК) основали свои миссии католические отцы – премонстранты (норбертранцы^{*}). Они вслед за своими коллегами также приступили к описанию и «изменению» языка лингала. Возглавил это движение отец Леон Дерикс (*Derikh*) (1860–1933). В 1904 г. он публикует работу «*Handleiding tot het aanleeren van het Lingala (Manual for learning Lingala)*». В этом учебнике Л. Дерикс описывает грамматику лингала. Он, как и Э. де Бок, предлагает свое видение этого языка. Разговорный лингала он называл тарабарщиной, которую нужно очистить и улучшить²². Необходимо отметить, что бельгийские колониальные власти хотели сделать французский язык официальным языком колонии, но католические миссионеры, а вслед за ними и протестантские миссионеры помешали этому. Они считали европейские языки секуляристскими, уводящими африканцев от религии, поэтому французский язык решено было оставить в качестве языка для общения среди европейцев, подданных бельгийского короля Леопольда II.

---

^{*} Норбертранцы (*Norbertians*) – католический монашеский орден, основанный в 1120 г. с помощью святого Норберта.

Языковая политика протестантских миссионеров в Конго

Параллельно с католиками большую работу по «очищению и улучшению» языка лингала проводило протестантское Баптистское миссионерское общество. Его члены основали миссионерские станции почти по всей реке Конго. Протестантские миссионеры обратились к лингала, имея конкретные, практические цели. Их политика заключалась в том, чтобы вести миссионерскую работу на местных языках. Отец Уолтер Х. Стэйплтон писал, что одним из главных правил миссии является то, что кандидат обязан пройти испытательный срок. За это время он должен показать, есть ли у него способности выучить язык аборигенов и имеет ли он склонность к миссионерской работе, перед тем как его примут в штат²³.

Некоторые протестантские миссионеры отказывались учить и использовать язык лингала в своей работе. Они считали его языком «маргинального слоя населения», имеющего «плохую репутацию». Один из миссионеров в своих мемуарах писал, что лингала «всегда считался самым бедным из торговых языков. Некоторые миссии поначалу отказывались иметь с ним что-либо общее, потому что в нем не было ни предлогов, ни совершенного времени. Он имел скудные грамматические формы и словарный запас»²⁴. У.Х. Стэйплтон, говоря о лингала, называл его «лишенным грамматики жаргоном, нарушившим практически все правила построения слов и предложений банту», «жаргон достойный презрения», «язык полукровок», «жаргон, лишенный грамматики, своего рода банту-пиджин-английский», «плохая смесь худшего из каждого диалекта Конго». По этой же причине протестантские миссионеры считали лингала «маргинальным языком». Кроме этого, Баптистское миссионерское общество приветствовало изучение крупных африканских языков.

Тем не менее большая популярность этого языка у местного населения заставила протестантских миссионеров приступить к изучению лингала. В 1921 г. миссионер из Уэльса Кристофер Дэвис* выступил на восьмой Генеральной конференции протестантских миссионеров Конго, которая проходила в Боленге с 29 октября по 7 ноября. Его доклад был посвящен официальным языкам Конго. В своей

---

* Дэвид Кристофер Дэвис (1878–1958) – валлийский миссионер, представитель Баптистского миссионерского общества. Много лет проработал в разных районах Конго. Местные жители глубоко его уважали и называли Молебмбиа.

речи он призывал миссионеров использовать в работе язык лингала. Утверждая, что первые миссионеры поступили мудро, решив изучать местные языки, он призывал продолжить начатую ими работу. К. Дэвис приглашал к активному сотрудничеству в образовательной сфере и считал, что проповеди миссионеров без переводчика придадут местным церквям «большой корпоративный дух». Отмечая, что в крупных промышленных центрах рождаются сотни детей, для которых лингала становится родным, Кристофер Дэвис сравнивал лингала с внезапным наводнением, которое охватило более четверти всего Конго. В конце своей речи он рекомендовал назначить комитет по языку лингала, который сделал бы все возможное, чтобы улучшить и обогатить этот язык. В своей миссионерской работе отец Дэвис использовал язык лингала. Он перевел на лингала Новый Завет и несколько гимнов, которые наложил на валлийские мелодии. Он пел их вместе со своими прихожанами. Его перу принадлежит также грамматика языка лингала.

Протестантские миссионеры с большой неохотой приступали к изучению языка лингала. Они по-прежнему считали его языком «маргинальных слоев населения», но были вынуждены читать проповеди на этом языке. Поэтому в первую очередь они приступили к переводу и изданию религиозных текстов. Последовали переводы: сначала Евангелий (от Луки, от Иоанна, от Марка), затем Деяний Апостолов, Нового Завета и наконец Библии целиком. Необходимо отметить, что протестантские миссионеры не практиковали той коллегиальности, которая была в среде католических миссионеров. Каждый из протестантских миссионеров работал над своим собственным переводом Евангелия. Они убедительно доказывали Библейскому обществу, что их прихожане не понимают «речную» разновидность лингала. Переводы Священного Писания имели различия, потому что авторы часто по-разному видели структуру языка. Помимо переводов, они также публиковали грамматики языка лингала и словари. Таким образом, протестантские миссионеры вели свою лингвистическую работу независимо от деятельности католических миссионеров, а зачастую выступали оппонентами своих коллег по вере.

На примере языка лингала хорошо видно, что написанные миссионерами грамматики и словари не отражали современного состояния языка. Напротив, они были подготовлены для утверждения норм с целью «изменить» языковые реалии, повлиять на естественный ход развития языка. Каждый из авторов грамматики лингала предлагал свое видение, каким должен быть язык. «Мы всегда стремились по-

степенно вернуть лингала к его [исконной] грамматике», – писал Эгид де Бок в работе «*Cours théorique et pratique de Lingala*» (1920)²⁵. Необходимо признать, что идеология прескриптивизма всегда была одной из главных идеологий колониальных властей в Конго. Несмотря на то, что степень воздействия на язык при ее применении разными миссионерами менялась от случая к случаю, прескриптивизм всегда оставался ключевым правилом даже там, где этого меньше всего можно было ожидать.

В частности, католический миссионер Густав Хулстарт* дважды получил звание почетного доктора за свои лингвистические труды. Во введении к «Грамматике языка ломонго» он пишет, что «хотя мы придерживались аналитического и иерархического описания, мы никогда не упускали из виду миссионеров, работающих среди монго. Они могут найти помощь в этой грамматике в своем серьезном деле – выучить как можно лучше язык населения, которому они посвятили себя. Если здесь есть какие-то отклонения от принятого описательного метода, пусть люди науки простят это, **понимая практическую сторону дела, от которой миссионер не может полностью отказаться** (выделено мною. – *И. Т.*)»²⁶. Таким образом, некоторые африканские языки были «сфабрикованы» и адаптированы колонизаторами для своих нужд. Польско-канадский антрополог Богумил Евсевицкий иллюстрирует это явление анекдотичной ситуацией. В 1968 г. он приехал в Мбандаку (столица Экваториальной провинции в ДРК). Он заинтересовался языком ломонго и его вежливо направили к «самому опытному, искусному носителю», «главному эксперту» этого языка фламандскому миссионеру Гюставу Хулстарту²⁷.

Благодаря работе миссионеров в Конго существовало два варианта языка лингала – письменный и устный. Разговорный вариант языка был наиболее популярен. «Улучшенный лингала» активно употреблялся в школах, в церкви и в армии. В обычной, повседневной речи новый вариант языка использовался крайне редко, только в том случае, когда требовался высокопарный язык, например, для стилистических эффектов или как подражание религиозному языку. Однако и сейчас в современном городском сообществе Конго преобладает устная разговорная форма языка, далеко превосходя авторитаризм бюрократической гегемонии письменного слова.

---

* В 1925 г. Густав Хулстарт прибыл в Конго в качестве миссионера, где прожил вплоть до своей смерти (1990). В Африке он увлекся изучением языка ломонго. Он опубликовал около 20 книг и множество статей, посвященных этому языку.

Языковая политика Бельгийского Конго

Языковая политика Бельгийского Конго в 1880–1960 гг. шла по двум направлениям. Во-первых, были предприняты попытки введения двуязычия колониального аппарата, в котором до этого доминировало использование французского языка. Во-вторых, было введено использование местных языков, в частности лингала, в начальном образовании. Бельгийская колониальная политика в области образования была нацелена на поддержание социального и политического порядка, а не на подготовку образованной элиты в среде африканцев. Сфера образования находилась в руках миссионеров. На территории колонии при католических миссиях создавались школы, в которых учителя-миссионеры преподавали на местных языках. Усилия колониальных властей Бельгии были сосредоточены только на развитии начального образования, поэтому африканцев учили лишь чтению, письму и арифметике. Приобретение знаний было второстепенным, упор делался на внедрение христианских норм морали. С точки зрения большинства европейцев, африканцы были мало склонны к теоретическим знаниям, ленивы по натуре, были рабами своих страстей. Бельгийские колониальные власти считали, что народы Конго обладают низкими интеллектуальными способностями. Этими аргументами они даже оправдывали свое завоевание Африки. Только христианская цивилизация, по их мнению, могла поднять африканцев на более высокий уровень и подготовить к полезному труду. Например, когда Конго стало бельгийской колонией в 1908 г., образовательные программы были сконцентрированы на навыках ручного труда в сочетании с поддержанием очень строгой дисциплины. Цель их заключалась в подготовке дешевой рабочей силы для колониальных коммерческих операций. Именно при соблюдении этих требований было решено отдать образование в руки миссионерам – «проводникам света» среди «тьмы языческого континента».

В 1948 г. была проведена реформа в сфере образования. Было решено позволить небольшому числу африканцев получить среднее и высшее образование с целью создания африканской «элиты». Согласно патерналистской политике колониальных властей, подготовка *évolués** могла быть осуществлена только при условии соблюдения

---

* *Évolué*, т.е. эволюционисты (фр. яз.). Так называли африканцев, которые перенимали образ жизни, языки, культуру и религию европейских колонизаторов. Их также называли «белыми воротничками». Эволюционисты составляли африканский средний класс в колонии и занимали квалифицированные должности – клерков, админи-

социального порядка, в результате чего «черная элита» оставалась на вспомогательных позициях и не угрожала белым профессионалам. Именно по этой причине обучение европейскому языку долгое время считалось бесполезным, и все начальное образование велось на лингала или другом африканском языке. Интересные данные о высшем образовании в Конго приводят Марк Депапе и Дениз Анготако Маванзо. «В течение первого учебного года – 1954–1955 – в Католическом университете Лованиума обучались всего 33 студента, из которых только 11 были конголезцами. В 1960 г. только 0,1% конголезцев имели высшее образование. Это было в четыре раза меньше, чем доля имеющих высшее образование африканцев в среднем по Африке (0,4%) и в 30 раз меньше этого показателя в мире. Более того конголезские девушки не имели доступа к университетскому образованию. Они составляли не более 20% школьников, и их обучение было сосредоточено на «женских профессиях»²⁸.

Таким образом, на протяжении всего колониального периода большую роль в области языковой политики и образования сыграли миссионеры. Их методы евангелизации включали: продвижение религиозной литературы на местных языках, создание школ, медицинских центров и других социальных учреждений.

Языковая политика ДРК и РК

Бельгийское Конго просуществовало до середины XX в. Только 30 июня 1960 г. была провозглашена независимость. До 15 ноября 1908 г. эта территория была собственностью бельгийского короля Леопольда II. Колониальная политика Леопольда II в Конго затронула многие сферы жизни африканцев. Для быстрого продвижения колониальной экспансии была проведена языковая реформа на всей территории Независимого государства Конго, в результате которой одним из главных языков в нем стал язык лингала. На нем говорили чиновники и солдаты, велись проповеди и шло обучение в школах, на нем начали выходить первые газеты и журналы. На лингала говорили иностранные рабочие, которые не были коренными жителями Центральной Африки. Поэтому африканцы стали называть лингала – «*la langue de l'état*», т.е. «государственный язык»²⁹. В 1930 г. лингала получил статус официального языка. Таким образом, в первой поло-

---

страторов, младшего медперсонала и др. Этот класс африканцев появился в результате колониальной политики Франции и Бельгии как связующие звено между европейцами и местным населением.

вине XX в. появилось новое поколение африканцев, для которых лингала стал родным языком. Многие из них окончили школы, отслужили в армии и за лучшей жизнью стали переезжать в Леопольдвиль, крупный административный центр Конго. С ростом Леопольдвилля росло и число говорящих на языке лингала.

После обретения независимости в Республике Конго и Демократической Республике Конго официальными языками становятся французский и лингала. Необходимо отметить, что французский язык и во время колониализма активно использовался на обоих берегах Конго. Например, бельгийское правительство выступало за использование французского языка в школах в качестве письменного языка, а лингала в качестве языка устной речи. В настоящее время французский язык остается языком науки. В школах, институтах и университетах обучение проходит на французском, так как до настоящего времени не разработан научно-технический словарь лингала. В повседневной жизни школьники и студенты говорят на языке лингала.

Современная языковая политика Республики Конго не предполагает использования лингала для преподавания научных дисциплин. Обучение на всех уровнях в системе образования ведется на французском языке. Изучение и освоение французского языка – это одна из целей молодых конголезцев, так как профессиональный рост будущего специалиста во многом зависит от его уровня владения французским языком. В Республике Конго весь административный аппарат построен по образцу французской административной модели, что требует от чиновников свободного владения французским языком. Однако некоторые попытки преподавать лингала проводились на филологическом факультете Университета Мариана Нгуаби (*UMNG*)* в Браззавиле, но они не имели успеха. Таким образом, лингала в Республике Конго не является языком науки и образования.

В Демократической Республике Конго отношение к лингала иное. В отличие от своих коллег из Браззавиля, ученые и студенты предпочитают говорить на лингала, используя при этом французскую терминологию. Многие ученые из ДРК говорят на лингала, выступая на международных конференциях. Но несмотря на это, французский язык как язык науки и образования остается приоритетным. В последнее время на лингала активно создается научно-техническая тер-

---

* Университет Браззавиля был основан в 1971 г., а в 1977 г. был переименован в честь президента Народной Республики Конго Мариана Нгуаби, который умер в этом году. Будучи студентом, Мариана Нгуаби учился в этом университете.

минология, но она не может конкурировать с общепринятой в научной среде всего мира терминологией.

Такое амбивалентное отношение к лингала в ДР и ДРК берет свое начало в языковой политике колониальных властей Франции и Бельгии. Отношение к языку лингала у колониальных властей обоих Конго было разным. Если французская колониальная администрация не поощряла использование лингала для общения между колониальными властями и местным населением, то административные органы Бельгии, напротив, приветствовали использование лингала для общения между местным населением, армией, колониальной администрацией, церковью. Бельгийские колонизаторы также продвигали преподавание на лингала в школах. Как уже было сказано, бельгийские власти всегда с уважением и большим интересом относились к африканским языкам.

Популярность лингала в ДРК также связана с долгим правлением Мобуту Сесе Секо Куку Нгбенду Ва За Банги (1965–1997). По своей этнической принадлежности он был нгбанди, родом из города Лисала Экваториальной провинции. Как известно Экваториальная провинция – это колыбель языка лингала. Придя к власти, Мобуту Сесе Секо провозгласил курс на «аутентичность», которая выражалась в отказе от европейских имен, топонимов, обращений, костюмов и др. В 1971 г. он переименовал Конго в Заир, а столицу Леопольдвиль – в Киншасу. Безработица, плохие условия жизни населения привели к тому, что многие конголезцы стали покидать свои родные места и уезжать в поисках работы и лучшей жизни в Киншасу и другие районы Заира. Известно, что на территории современного ДРК проживает более 200 этносов. Средством коммуникации между ними становится лингала.

Бывший диктатор был великолепным оратором, которого конголезцы разного этнического происхождения любили слушать. Все свои речи он произносил только на лингала. Окружение Мобуту, которое в основном состояло из военных, также говорило на лингала. Таким образом, за 32 года правления Мобуту Сесе Секо язык лингала стал основным языком общения в Заире.

Необходимо добавить, что после обретения независимости в РК и ДРК христианские миссионеры продолжили работу в области образования африканцев. Например, по данным Министерства образования РК, наибольшая доля государственных школ приходится на протестантские: 2,3 тыс. начальных школ и 13,2 тыс. средних школ. Для сравнения, католическая церковь управляет 884 начальными школами и 5,4 тыс. средних школ. Национальный координатор протестант-

ских школ Жан де Дье Кавава утверждает, что протестанты управляют 26,8 тыс. школ, а католики – 19,1 тыс. Это различие в цифрах также очевидно в Киншасе, где протестанты управляют 812 школами, в то время как католики – 590³⁰. Во многих регионах РК и ДРК католические и протестантские церкви остаются единственными учреждениями, которые поддерживают и координируют работу школ. Вклад церквей в высшее образование также значителен. В Киншасе протестантам принадлежит два крупных университета: Христианский университет Киншасы (*Christian University of Kinshasa*) и Протестантский университет Конго (*Protestant University of Congo*). Католики управляют множеством высших учебных заведений, включая Католический университет Конго (*Catholic University of Congo*) и Университет кардинала Малула (*Cardinal Malula University*). Два крупнейших конголезских университета, Университет Киншасы (*University of Kinshasa*) и Университет Кисангани (*University of Kisangani*), которые сейчас являются государственными, созданы по инициативе католических и протестантских миссионеров³¹.

Современные политики в ДРК и РК продолжают использовать язык лингала во время выступлений на телевидении, радио, в прессе и т.д. Но частота использования лингала в обоих Конго разная. В ДРК язык лингала занимает лидирующую позицию по сравнению с другими языками. Это во многом связано с тем, что в этой стране популярно движение за возврат к истокам африканской культуры, что выражается и в отказе от использования европейского языка. Однако, на наш взгляд, причина того, что в РК язык лингала не столь популярен, как в ДРК, состоит в разном этническом составе обоих государств. Левый берег Конго – Конго-Браззавиль – считается колыбелью лингала, а правый берег Конго – Конго-Киншаса – колыбелью языка киконго. Под лингвистическими предпочтениями скрывается реальная борьба за политическую власть. Язык киконго в Республике Конго более популярен среди населения, чем лингала. Киконго является родным языком одного из многочисленных народов РК – конго, поэтому политики, деятели искусства, журналисты предпочитают говорить и писать на языке киконго. Необходимо отметить, что в РК говорят на четырех языках: французский – официальный язык страны, лингала и китуба – языки межэтнического общения, киконго – местный язык. На всех перечисленных языках ведется теле- и радиовещание, печатаются газеты и журналы. Однако французский язык не теряет своих лидирующих позиций. Он продолжает оставаться одним из главных языков как в РК, так и в ДРК. Сами конголезцы обвиняют своих политиков в излишней любви к языку Мольера. Полити-

ческие элиты, как правило, вспоминают о местных африканских языках во время избирательной кампании, чтобы собрать как можно больше голосов. Поэтому их речи на лингала или киконго изобилуют грубыми стилистическими и грамматическими ошибками. Они часто в своих речах используют французскую терминологию, пытаются перевести французские метафоры на лингала и др., что приводит зачастую к искажению первоначального смысла.

Происхождение языка санго

Язык санго является официальным языком в Центральноафриканской Республике наряду с французским. Он распространен в приграничных с ЦАР районах Республики Конго, Демократической Республики Конго, Республики Камерун и Республики Чад. На нем также говорят диаспоры в Браззавиле (РК), в Бразилии и Франции. Санго относится к адамава-убангийским языкам.

Территория современной Центральноафриканской Республики многие годы была колонией Франции. В 1960 г. она обрела независимость. История колониализма здесь также сыграла не последнюю роль в появлении и развитии языка санго.

В 1887 г. была организована первая колониальная экспедиция к истокам реки Убанги. Ее организатором и руководителем был Альфонс ван Геле* – представитель короля Бельгии Леопольда II. Принято считать, что язык санго появился через несколько лет после прибытия первой колониальной экспедиции к истокам реки Убанги, примерно в 600 км к востоку от нынешнего Банги, столицы современной ЦАР.

Экспедиция состояла из небольшого парохода и лодки. Альфонсу ван Геле был дан приказ добраться до верховья реки Убанги. Однако этот поход потерпел неудачу. Когда Альфонс ван Геле вместе со своим отрядом добрались до земель народа якомбе, те приняли бельгийцев за суданских торговцев. Якомбе часто нападали на них, и участники экспедиции были вынуждены вернуться в Леопольдвиль. В январе 1889 г. Леопольд II поручил Альфонсу ван Геле продолжить исследование реки Убанги и ее притоков. Вторая экспедиция покинула Леопольдвиль 21 мая 1889 г. В июне Альфонс ван Геле достиг Зонго, где была основана станция в качестве оперативной базы под коман-

---

* Альфонс ван Геле (1848–1939) – бельгийский офицер, исследователь Африки. Сопровождал Стэнли в его экспедициях в Верхнее Конго. Основал станцию Экватор, Бангала и др.

дованием капитана Леона Аноле. В сентябре была основана еще одна станция в 300 км выше от Зонга. Она впоследствии получила название Банзивиль.

Вторая экспедиция Альфонса ван Геле продлилась полтора года³². В ноябре 1891 г. он передал свои полномочия Жоржу Ла Маринелю и вернулся на родину. Время, проведенное подданными Леопольда II в Центральной Африке, было потрачено на покупку слоновой кости и утверждение притязаний Свободного государства Конго в этом районе. Примерно в это же время французы прибыли в Банги и начиная с 1889 г. принялись совершать вылазки на север вглубь страны и на восток вдоль реки Убанги, основав две станции – Верхняя Убанги и Убанги-Шари. В 1910 г. эта территория вошла в состав Французской Экваториальной Африки. К 1894 г. было основано еще несколько административных и торговых станций частных компаний, как французских, так и бельгийских, которые в основном занимались скупкой слоновых бивней. В течение нескольких лет в бассейне реки Убанги языком общения между колониальными властями и местными жителями стал жаргон нгбанди. Его называли также «речной санго». Выбор пал на этот язык по ряду причин. Во-первых, культура народа нгбанди была основана на рыболовстве, обработке железа и торговле. Они продавали колонизаторам слоновую кость и помогали в освоении новых территорий, а именно – предоставляли европейцам лодки и проводников. Во-вторых, среди сотрудников колониальных властей было много африканцев из Восточной и Западной Африки, а также носителей языков банту из бассейна реки Конго, для которых «речной санго» стал главным языком общения. Этот язык использовался торговцами на реке Убанги в качестве языка межэтнического общения до колонизации региона (*M. Diki-Kidiri*³³, *J.-D. Pénel*³⁴). Уильям Дж. Самарин утверждает, что один миссионер назвал его «варварским речным языком, на котором можно говорить со всеми речными племенами. Это не язык, а что-то вроде волапука*»³⁵.

Многие ученые считают (*М. Каран*³⁶, *Э. Каран*³⁷, *У. Самарин*³⁸, *П. Калк*³⁹ и др.), что начиная с 1900 г. на основе речного санго и различных африканских языков образовался пиджин санго. Он стал устоявшимся языком и быстро распространился в бассейне реки Убанги. Колониальные войска, администрация, рабочая сила представляли собой небольшую, но многонациональную группу людей. Если администрация и военное руководство состояло из европейцев, то ра-

---

* Волапуок – международный искусственный социализованный язык. Создан в 1879 г. католическим священником Иоганном Мартином Шлейером.

бочая сила и солдаты были африканцами. Это были сенегальцы из Западной Африки, говорящие на атлантических языках и языке манде, занзибарцы из Восточной Африки, говорящие на языках банту и бангала из района слияния рек Конго и Убанги. Самую многочисленную группу африканских наемников составляли конголезцы или «бангала». Этот термин часто применяли колонизаторы ко многим жителям прибрежных районов реки Конго вокруг станции Бангала, которая впоследствии получила название Нувель Анверс. Многие из бангала были призывниками из бельгийского контингента освобожденных рабов, которые были обязаны «отработать» государству за свое освобождение, прослужив ему несколько лет, а также «пленники» из деревень, считавшихся непокорными или мятежными. Если в 1890 г. в армии насчитывалось до 700 конголезцев, то к 1914 г. она составляла более 13 000 человек. Многие бангала говорили на одноименном языке, предшественнике языка лингала. Таким образом, язык бангала оказал наибольшее влияние на речной санго, который стали также называть *sango titurugu* («солдатский санго»).

Африканские наемники использовали пиджин санго как *lingua franca*. Американский лингвист У.Дж. Самарин считает, что пиджин санго зародился в среде бельгийских, а не французских колонизаторов. Ученый называет бельгийцев «ветеранами колониальных контактов». Подданные Леопольда II уже имели опыт формирования «нового» языка. Они внесли свой вклад в создание китуба, бангала и лингала на территории Бельгийского Конго, поэтому, столкнувшись с похожей языковой ситуацией в бассейне реки Убанги, бельгийские колонизаторы использовали свой языковой опыт⁴⁰.

Африканцы в составе колониальных войск и рабочей силы были вынуждены общаться с местным населением, с одной стороны, для удовлетворения своих повседневных нужд (еда, дрова, жилье и др.), а с другой – для выполнения поставленных колониальными властями поручений. Есть основания утверждать, что языковая проблема не была острой. Большинство прибывших африканцев говорили на тональных языках, а у речного санго их три. Остальная часть его фонологии не сильно отличалась от их родных языков. Морфология и синтаксис также не вызывали больших проблем, так как большинство африканцев говорило на языках банту, принадлежащих к языкам агглютинативно-синтетического типа с развитой системой именных классов, для выражения которых выработаны достаточно строгие правила и богатый набор формальных средств⁴¹. Африканцы – выходцы из Западной Африки составляли меньшинство и не могли оказать большого влияния на формирование языка санго.

Таким образом, в образовании языка санго участвовали языки коренных народов (нганди и гбанзири), а также языки банту и в первую очередь бангала.

Языковая политика европейских миссионеров в Убанги-Шари

Миссионерам принадлежит заслуга первопроходцев в изучении языков на территории Убанги-Шари. Как и везде в Африке, они руководствовались заботой о распространении христианской веры. Римско-католическая церковь начала свою миссионерскую деятельность в регионе Убанги-Шари в 1893 г. Сначала миссионеры использовали в своей работе местные языки, но позже отказались от них и перешли на санго. Кардинал Шарль Лавижери* написал «Наставления кардинала Лавижери своим миссионерам», в котором призывал братьев по вере приспособляться к местным обычаям и традициям, изучать африканские языки и привлекать местное население к служению. «Наше формальное намерение состоит в том, чтобы изучение языка занимало первое место во всех заботах миссионеров, пока они не будут на нем свободно говорить... Я желаю, чтобы, как только это станет возможным, и не позднее чем через шесть месяцев после прибытия в миссию, все миссионеры больше говорили друг с другом только на языке племени, среди которого они проживают... Я также призываю одного из миссионеров в течение одного или двух часов в день составлять словарь посредством своих бесед с коренными жителями... Тому же отцу будет поручено составить на вульгарном языке небольшой катехизис... Позже то же самое будет сделано и со Святыми Евангелиями»⁴². Многие слова кардинала остаются актуальными и поныне. «Любите народы, к которым вы посланы. Любите их тем больше, чем более они слабы и убоги. Любите Африку, такую далекую от нас, за кровавые раны ее рабства, за вопли страдания, столько веков доносящиеся из ее глубин, любите Африку... некогда бывшую христианской, за ее несчастное прошлое, за ее великих людей, за ее святых»⁴³. К сожалению, инструкции кардинала не отвечали прескриптивизской политике Франции, но католические миссионеры поддержали предложение кардинала и принялись изучать языки Цен-

---

* Шарль Лавижери (1825–1892) – французский кардинал, основатель миссионерского Общества апостольской жизни «Миссионеры Африки», которое стало широко известно под именем Белых отцов. В 1878 г. открыл миссии в Экваториальной Африке. Он мечтал о «воскрешении» ранней Африканской Церкви путем создания христианского королевства в самом сердце Экваториальной Африки.

тральной Африки. Их труд принес свои плоды. В 1911 г. преподобный отец Каллок (*Calloch*) опубликовал Французско-санго и санго-французский словарь. В 1930 г. в Риме отец Марсель Жерар (*Marcel Gérard*) издал сборник, посвященный санго. В 1950 г. вышло 2 словаря санго. С этого момента язык санго стал языком Евангелия. «С тех пор католики стали переводить катехизисы, миссалы (мессы), гимны только на санго. Один из них, Р.П. Тиссеран (*R.P. Tisserand*), особенно выделялся количеством и качеством своих работ на санго. Будучи еще молодым, он составил Санго-французский и французско-санго словарь, который, несмотря на то, что он устарел, заслуживает уважения за усилия, приложенные им в то время, когда такая работа была трудной, а порой невозможной»⁴⁴.

На территории Центральной Африки работало несколько протестантских миссий. Они активно использовали местные языки. Например, лютеране сосредоточили свою работу на языке гбайя, Внутренняя миссия в Судане (*SIM*)^{*} проводила свою миссионерскую работу на языке занде. Однако подавляющее большинство протестантских миссий вслед за католиками решили использовать санго в качестве языка церкви. Одной из первых была Баптистская средняя миссия (*The Baptist Mid-Missions*). Она начала свою работу в Убанги-Шари. Возглавил ее Уильям Кларенс Хаас (1873–1924). Он обладал острым умом и выдающимися способностями к музыке и языкам. С юношеских лет Уильям Хаас мечтал служить в Африке, но в течение многих лет скрывал свое желание от больной матери, опасаясь ее реакции. В 1912 г. Уильям вместе с женой Женеьевой присоединились к межконфессиональному миссионерскому агентству и прибыли в Кению. Проработав там 2 года, чета Хаасов разорвала отношения со своим агентством и отправилась вглубь Французской Экваториальной Африки, на территорию современной Центральноафриканской Республики. Однако они пробыли там недолго. Французские колониальные чиновники с подозрением относились к этой семье, потому что Уильям Хаас и его жена не принадлежали ни к одной из миссионерских миссий. Они были вынуждены вернуться на родину в США. В 1920 г. Уильям Хаас сплотил независимых баптистских пасторов вокруг своей идеи – создать независимое баптистское миссионерское агентство, где миссионеры могли бы служить в соответствии со

---

^{*} *SIM* – международная межконфессиональная евангелическая христианская миссионерская организация. Она была основана в 1893 г. Уолтером Гоуэнсоном, Роулендом Бингемом и Томасом Кентом. Изначально эта организация называлась «Внутренняя миссия в Судане».

своими библейскими убеждениями. 15 октября 1920 г. был основан «Генеральный совет сотрудничающих баптистских миссий Северной Америки». Первое его служение проходило во Французской Экваториальной Африке в 1920-х годах. Это агентство позднее стало известно как «Баптистская средняя миссия» (*Baptist Mid-Missions, ВММ*).

23 ноября 1920 г. Уильям Кларенс Хаас вместе с пятью пасторами отплыли из Нью-Йорка в Африку. В Убанги-Шари Уильям Хаас с головой ушел в работу. Он считал, что Слово Божие надо нести на местном языке, поэтому своих братьев во Христе он в первую очередь познакомил с народами, проживающими в Центральной Африке, с их обычаями, а также обучил языку санго. Во время работы в Африке отец Хаас перевел гимны и отрывки из Священного Писания на санго, тем самым заложив основу для перевода всего текста Библии на этот африканский язык. Необходимо отметить, что проделанная Уильямом Хаасом большая лингвистическая работа сыграла важную роль в становлении санго в качестве официального языка ЦАР.

Уильям Кларенс Хаас считал своим долгом видеть Библию в руках всех новообращенных. Однако местным народам была доступна только Библия на французском языке, которой в основном пользовались католики. Отец Хаас был одаренным лингвистом, еще до организации Баптистской средней миссии он начал записывать языки и переводить отрывки из Священного Писания. Из ряда языков народов Центральной Африки он выбрал язык санго, на котором говорило несколько народов. Он считал, что этот выбор поможет объединить церковь. Его решение оказалось верным, поскольку санго стал не только языком церкви, но и впоследствии национальным языком Центральноафриканской Республики. 28 мая 1924 г. после продолжительной болезни Уильям Хаас умер и был похоронен в Банаасу (ЦАР).

Перевод текста Библии на язык санго продолжили миссионеры из Баптистской средней миссии. В 1932 г. им удалось завершить перевод Нового Завета на санго. Во время работы над переводом Ветхого Завета к ним присоединились миссионеры из Миссии братьев Грейс (*The Grace Brethren*). Обе эти миссии сотрудничали с Объединенным библейским обществом (*Alliance Biblique Universelle*) в работе над проектом по переводу Библии. Спустя почти 50 лет после того, как миссионеры из Баптистской средней миссии прибыли в Африку, в ноябре 1966 г. вышла в свет первая Библия на языке санго «*Mbeti ti Nzapa*» (Ветхий и Новый Заветы, объединенные в одну книгу). А в 1968 г. вышло второе издание этой версии Библии и сборник гимнов «*Bia ti Sepala Nzapa*» в издательстве *Presse Biblique Baptiste*.

Элке Каран, проанализировав словарный состав Библии 1966 г. и сборника гимнов 1968 г., пришел к выводу, что оба перевода имеют много французских заимствований. Все эти заимствования написаны согласно французской орфографии. Ученый приводит следующие примеры: *merci* – «благодарность», *lumière* – «свет», *commandement* – «повеление», *gloire* – «слава», *liberté* – «свобода», по-французски написаны все имена собственные и топонимы. В обоих религиозных текстах используются заглавные буквы для написания существительных, имеющих особое религиозное значение, более щедро, чем во французском языке. Так, все титулы, местоимения и показатели согласования, относящиеся к Богу или Иисусу или тесно связанные с ними, обозначены заглавной буквой. Например, *Berger* – «пастух», *Sauveur* – «спаситель», *Ndia* – «закон», *Temple ti Nzapa* – «храм Бога», *Melengué* – «ребенок, младенец, 12-летний Иисус», *Lo* – «он» и др.⁴⁵.

После принятия независимости в 1960 г. была принята директива об «очищении» санго от влияния французского языка. Стояла задача уменьшить количество французских заимствований в религиозных текстах. Миссионеры-лингвисты постарались выполнить это требование. Кристина Торнелл сравнила Евангелие от Марка, изданное в 1966 г. (*Alliance Biblique Universelle*) с версией 1986 г. (*Société Biblique*). Она пришла к выводу, что количество французских лексем существенно сократилось⁴⁶.

Необходимо добавить, что в 2006 г. миссионеры из международной организации *Bibles International** решили отредактировать Библию на языке санго в связи с произошедшими изменениями в языке. В течение нескольких лет группа редакторов и корректоров работала над новым переводом Библии. Главные изменения касались грамматики, лексики и орфографии. С 14 по 18 ноября 2023 г. в Банге проходило празднование 100-летнего служения баптистов в Центральноафриканской Республике, на котором в торжественной обстановке была представлена новая редакция Библии на языке санго. На стадионе в центре Банги собралось множество людей, которые распевали молитвы и псалмы. Кульминацией этого события стал парад, возглавляемый мужчиной, который нес Библию. Это мероприятие посетил президент ЦАР Фостен-Арканж Туадера.

---

* *Bibles International* – это библейское общество Баптистской средней миссии (*Baptist Mid-Missions*). Было основано в 1981 г. в Гранд-Рапидс, штат Мичиган, США. Имеет филиалы в Азии и Африке. Организация занимается распространением и переводом Библии на современные языки.

На территории Французской Экваториальной Африки также работали шведские баптисты, швейцарские пятидесятники, свидетели Иеговы, адвентисты седьмого дня и др. Они, вслед за своими братьями из Баптистской средней миссии, стали использовать язык санго в устной речи и в религиозной литературе. За несколько лет протестантские миссионеры проделали большую работу. «Они перевели всю Библию в рекордно короткие сроки. Они переводили Ветхий и Новый Заветы, иногда в одном томе, иногда по отдельности. Они достигли такого объема работы, что были вынуждены открыть типографию Евангелистов в Сибуте, городе, расположенном примерно в 185 км к северу от Банги. Евангелические миссионеры активно участвуют в обучении грамоте жителей Центральноафриканской Республики. Там, где в течение 30 или 40 лет располагались протестантские миссии, нередко можно увидеть пожилых людей, никогда не имевших школьного образования, но которые легко расшифровывают стихи из Библии»⁴⁷. Следовательно, санго выгодно выделялся среди других языков Центральноафриканской Республики. В 1960–1970-х годах усилия по евангелизации были особенно плодотворными, в результате чего «в ЦАР самый высокий процент евангелистов в Африке»⁴⁸. В церквях прихожан знакомили с устным санго с помощью песен, проповедей, объявлений и публичного чтения отрывков из Библии (по мере их появления). Следовательно, язык санго постепенно перестал ассоциироваться с «солдатской речью», а стал языком церкви.

В 1990 г. на территории Центральноафриканской Республики начала свою работу международная некоммерческая христианская организация *Summer Institute of Linguistics (SIL International)*. Основная деятельность *SIL International* в Африке направлена на перевод Библии, повышение грамотности и лингвистические исследования. С начала своего основания в 1934 г. эта организация готовит миссионеров для переводческой деятельности. За 50 лет работы в Африке сотрудники *SIL International* изучили, описали и задокументировали 832 языка. В ЦАР *SIL International* разработала базовые материалы по обучению грамоте на языке санго. В 2000-х годах она объединила свою работу с Центральноафриканской ассоциацией по переводу Библии (АСАТВА). Ею были открыты курсы грамотности на санго, которые способствовали более эффективному служению в церкви. Эти курсы посещают мужчины и женщины, не умеющие читать и писать ни на одном языке. Примерно 80% учащихся составляют женщины. Несмотря на желание африканцев пройти обучение на курсах грамотности, единицы оканчивают их. Этому мешают экономиче-

ские и политические процессы, проходящие в стране. Завершив обучение, прихожане могут читать и писать на санго. Эти умения очень ценятся в христианском обществе. По оценке на 2020 г., около 89% населения ЦАР – христиане⁴⁹, поэтому можно утверждать, что санго является языком церкви.

Некоторые миссионерские братства имеют свои типографии. Они издают не только религиозную литературу, но и буклеты и книги по вопросам здравоохранения, сельского хозяйства и гражданского образования. К сожалению, эти издания не имеют широкого распространения.

Языковая политика в ЦАР

Центральноафриканская Республика была французской колонией, известной сначала как Убанги-Шари, а затем как Французская Экваториальная Африка. 1 декабря 1958 г. Бартеlemi Боганда (1910–1959) провозгласил создание Центральноафриканской Республики (ЦАР). Официально страна получила независимость 13 августа 1960 г. На языке санго к этому времени говорило наибольшее количество населения молодого государства. Быстрый рост городов, и особенно столицы ЦАР Банги, оказал большое влияние на развитие и распространение санго. Сельские жители переезжали в столицу в поисках лучшей жизни. Они были вынуждены использовать санго как *lingua franca*, а уже их дети воспринимали этот язык как родной, а иногда и единственный. Следовательно, став языком столицы, санго получил более высокий статус и стал чаще использоваться в тех областях, где раньше были распространены другие языки. Роланд Багана считает, что «Санго “глубоко покорил” семьи, став первым “родным” языком молодежи, а именно людей моложе 30 лет, выросших в Банги. В провинциальных городах санго остается своего рода языком посредником, который также в большей степени употребляется молодежью в повседневной речи. Принимая во внимание то, что речь идет о языке первостепенных контактов, в данном случае можно говорить о законных функциях санго. Кроме того, его широкое использование молодыми людьми, без всякого сомнения, служит своего рода “двигателем”, способным возвести санго в ранг языка нового поколения»⁵⁰.

После обретения независимости ряд африканских стран откликнулись на призыв ЮНЕСКО обеспечить возможность получения образования на родном языке. На следующий день после обретения Центральноафриканской Республикой независимости идея продвижения

языка санго в системе образования стала популярной. 14 декабря 1962 г. был принят Закон № 62.360. В статье 5 этого закона говорится, что «официальным языком является французский, тем не менее санго может преподаваться в школах»⁵¹. Это правовое положение послужило рекомендацией, адресованной правительству молодого государства, с целью провозглашения языка санго национальным языком. 26 ноября 1964 г. был принят Закон № 64.37 о признании санго национальным языком⁵². 15 января 1965 г. при Министерстве образования была создана Национальная комиссия по изучению санго (*La Commission Nationale pour l'Etude du Sango, CNES*). 2 февраля 1974 г. указом № 74/077 она была переименована в Национальный педагогический институт (*L'Institut Pédagogique National, IPN*). В 1975 г. был создан Институт прикладной лингвистики (*L'Institut de Linguistique Appliquée, ILA*). Он был одним из подразделений Университета Банги*. Это исследовательское учреждение занималось разработкой терминологии и продвижением официальной орфографии языка санго. За несколько лет работы были подготовлены и изданы справочные материалы и серия тематических словарей. Они охватывали разные сферы: экономику, здравоохранение, образование, животноводство, юриспруденцию, информационные технологии и др. Одним из главных консультантов *ILA* был лингвист Марсель Дики-Кидири. Он автор многочисленных работ по языку санго, а также ведущий специалист по разработке и совершенствованию терминологии на африканских языках. Таким образом, Национальная комиссия по изучению санго и Институт прикладной лингвистики способствовали распространению языка санго. Каждая из этих организаций занималась не только описанием и изучением языка санго, но и отвечала за его «модернизацию», т.е. разрабатывала терминологическую лексику. Итогом этой работы стало издание серии тематических словарей – *Lexiques thématiques de l'Afrique Centrale, LETAC*.

В 1974 г. был основан Национальный педагогический институт (*IPN, National Pedagogical Institute*). Сотрудники института занимались изучением языка санго и подготовкой учебных материалов на этом языке для использования их в образовательных учреждениях страны. В 1976 г. в нескольких школах ЦАР была запущена пилотная программа, в рамках которой санго использовался в качестве языка обучения в начальных классах. Этот эксперимент показал, что санго является «приемлемым языком»⁵³ для преподавания в школах наряду

---

* Университет Банги был основан 12 ноября 1969 г. на базе сельскохозяйственного института.

с французским. Однако эта программа была закрыта в 1980 г.⁵⁴ Она потерпела неудачу, несмотря на то, что с академической точки зрения ее можно признать успешной. Школьники быстрее и лучше усваивали учебный материал, им было легче освоить навыки письма и чтения на санго, чем на французском языке. А главное, детям нравилось учиться на родном языке. Причины прекращения образования как на языке санго, так и на лингала имеют много общего. Во-первых, население страны считало, что только французский язык должен использоваться в сфере образования.

В городах ЦАР грамотность на санго не гарантировала доступ к трудоустройству. Хорошо оплачиваемую работу мог получить специалист, владеющий устным и письменным французским языком. Африканец, не знающий французского языка, рассчитывал только на неквалифицированную работу. Поэтому многие родители отказывались отдавать в эти классы своих детей, опасаясь за их будущее. Во-вторых, у программы не было долгосрочной финансовой поддержки и политической воли. Необходимо отметить, что финансирование образования в ЦАР, как и в других франкоязычных странах Африки, в значительной степени зависит от правительства Франции и франкоязычных финансовых организаций. Французы в своих колониях полностью игнорировали местные языки и давали образование только на французском языке. Французские колониальные власти выражали презрение ко всем языкам, кроме их родного. «Колониальное презрение к поработенным народам автоматически переносилось на их языки»⁵⁵. Языки африканцев считались примитивными и бесполезными. Санго не стал исключением. Французские колонизаторы «терпели» его, потому что он выполнял утилитарную функцию общения.

Следовательно, финансирование национальных языков африканцев не осуществлялось, так как оно было направлено на продвижение франкофонии в Африке. В-третьих, многие учителя не поддержали программу обучения на санго. А те немногие энтузиасты, которые продвигали эту программу, часто оставались без внешней поддержки и нерегулярно получали заработную плату. До настоящего времени не была разработана единая программа обучения грамотности на санго. Элке Каран утверждает, что он лично изучил буквари, разработанные десятью разными агентствами⁵⁶.

Таким образом, в государственных школах ЦАР образование ведется на французском языке. Однако миссионерские миссии продолжают свою образовательную деятельность на языке санго. Например, Миссия Евангелическо-лютеранской церкви за последние несколько лет открыла 30 начальных школ для жителей деревень в супрефекту-

рах Абба, Бабуа, Буар и Бокаранга. В 2022–2023 учебном году количество учеников составило 5700 человек⁵⁷.

8 марта 1991 г. санго стал официальным языком страны согласно Конституционному закону № 91.003. С этого времени на официальных мероприятиях все чаще стала звучать речь на санго, а не на французском языке. На санго появились теле- и радиoprogramмы. Так, первая радиостанция в ЦАР была основана в 1958 г. Это было Радио Банги, которое в 1967 г. переименовали в Национальное радио. На санго вещает Сельское радио (основанное в 1986 г.), а также местные радиостанции. Доля радиовремени, приходившаяся только на санго, составляла около 2 часов в день и около 10 часов на санго и французском вместе⁵⁸. Когда санго получил статус официального языка, доля теле- и радиовещания на нем увеличилось. На санго ведутся репортажи и передачи главным образом новостного, образовательного и религиозного характера. С 1970-х годов стала популярна музыка в «киншасском стиле» с текстами на санго. Несмотря на языковое единство страны, газет и журналов на языке санго практически нет. В конце XX в. выходили 2 газеты – «*Le Sango*», «*Linga*». Однако они издавались несколько лет и были закрыты в связи с финансовыми проблемами и из-за низкого интереса со стороны читателей. 4 мая 2006 г. вышла в свет двуязычная еженедельная газета «*Sêse tî mo*», спонсируемая правительством – информационным агентством *Agence Centrafrique Presse*.

Таким образом, язык санго продолжает использоваться в устном общении. Небольшой процент населения умеет читать и писать на санго. Несколько экспериментальных классов, открытых в конце 70-х годов прошлого века, не повлияли на систему образования. Необходимо отметить, что со стороны правительства были приняты правовые меры для укрепления позиций языка. Санго получил статус национального языка, а затем стал и официальным языком ЦАР. Несмотря на это, санго полностью не выполняет функции официального языка и не является языком образования. Письменный санго используется главным образом в религиозной литературе. На нем продолжают издаваться буклеты, псалмы, молитвы, Библия. Санго остается разговорным языком Центральноафриканской Республики, а французский – письменным.

Заключение

Языковая политика колониальных властей Бельгии и Франции отличалась от языковой политики, проводимой миссионерами в Афри-

ке. Противоречивые подходы были обусловлены тем, что европейские миссионеры и колониальные чиновники имели свое мнение о том, как управлять своими подданными. Миссионеры всех конфессий распространяли образование на местных языках в попытках обратить африканцев в христианство. «Преобразование Африки силами самих африканцев» – таков был девиз кардинала Лавижери, обращенный к Белым отцам. Следовательно, если французские и бельгийские колониальные власти стремились воспитать из африканцев «французов», «европейцев», то миссионеры – христиан. Христианские миссионеры проделали большую лингвистическую работу, изучая и описывая африканские языки. Многие из них стали учеными и выдающимися лингвистами. Они создали алфавиты, словники, словари, грамматики, учебники, а также переводы религиозных текстов на разные африканские языки. Миссионеры придали африканским языкам письменную форму и создали предпосылки для формирования литературной традиции. Однако не все их заслуги можно считать положительными. Спорной остается работа миссионерских миссий в области образования. Изучение местных языков и преподавание на них в школах имели прагматические цели – обращение в христианство африканцев, поэтому религия была в центре школьной программы. Каждая конфессия основывала свою собственную систему образования. Соперничество между конфессиями доходило до того, что грамматики и учебники одного и того же африканского языка имели несколько вариантов. Отсутствие единства и согласия между миссионерами-лингвистами разных конфессий имеют свои негативные последствия и в настоящее время.

Французские колониальные власти проводили политику полной ассимиляции коренных народов Африки, поэтому до обретения независимости языки коренных народов никогда не преподавались в школе и не использовались в общественной сфере. Приятным исключением можно считать языковую политику, проводившуюся Леопольдом II на территории Бельгийского Конго. Там христианские миссионеры разработали и описали несколько местных языков, одним из которых был язык лингала, для распространения христианства и для использования в качестве средства обучения в начальной школе.

После обретения независимости проблема государственного языка остается очень чувствительной для большинства африканских государств. Выбор такового был сопряжен с большими трудностями. Нельзя не согласиться с Софи Олуволе, что «В случае с колониальной Африкой это серьезная историческая трагедия, заключающаяся в том, что не было крупной или доминирующей африканской культу-

ры, достаточно сильной и устойчивой, чтобы противостоять разрушительной колонизации и впоследствии стать культурным и философским центром для остальной части континента. Слабая попытка сделать язык суахили панафриканским культурным центром не смогла даже сдвинуть дело с мертвой точки, вероятно, потому что сама культура суахили возникла в горниле арабской колонизации Африки»⁵⁹.

История происхождения языков лингала и санго во многом схожа с историей многих национальных языков, но есть одно большое отличие. Эти языки не обязаны своим существованием естественному речевому сообществу. Лингвоним лингала является неологизмом, детищем католических миссионеров из Конгрегации Непорочного Сердца Девы Марии. Он появился на рубеже XX в. и постепенно утвердился благодаря многочисленным публикациям протестантских и католических миссионеров, которые стремились сделать его языком церкви и образования. Язык лингала, «улучшенный» миссионерами, и лингала, на котором говорили народы Конго, развивались параллельно. В этом отношении история языка лингала схожа с историей других новых языков эпохи колониализма, и прежде всего с историей происхождения языка санго в ЦАР. Поскольку летопись языков лингала и санго началась в колониальное время, описание и изучение их истории тесно связаны с историей колониализма в Африке. Языковая политика бельгийских и французских колониальных властей состояла в поддержке и продвижении французского языка. Постколониальная языковая политика РК, ДРК и ЦАР не имеет четкой стратегии, а носит рекомендательный характер и больше всего зависит от идеологического поведения руководства.

В настоящее время наследие языковой политики бывших стран-колонизаторов воспринимается на Африканском континенте отрицательно, но и политика в области развития местных языков, проводимая в постколониальный период лидерами независимых африканских государств, была мотивирована в первую очередь политической целесообразностью, а не рациональным подходом.

---

¹ Awobuluyi O. Official Language Policies in Africa. 2013. <http://lingref.com/cpp/acal/43/paper2956.pdf> (дата обращения 25.03.2024)

² Abdulaziz M.H. The History of Language Policy in Africa with Reference to Language. Choice in Education // Towards a multilingual culture of education. 2003. P. 185. <https://scholar.archive.org/work/qveipjqm5aqreb4vtzyb7qty/access/wayback/http://ahero.uwc.ac.za/index.php?module=cshe&action=downloadfile&fileid=81806115511891518112218> (дата обращения 11.03.2024)

-
- ³ *Клоков В.Т.* Современный взгляд на языковую политику Франции // Известия Саратовского университета. Т. 9. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 2. 2009. С. 41.
- ⁴ *Хазанов А.М.* Исторические корни португальского колониализма // Борьба за освобождение португальских колоний в Африке. М.: Наука, 1975. С. 158.
- ⁵ Африка // Католическая энциклопедия. Т. 1. М.: Изд-во Францисканцев, 2002. С. 417.
- ⁶ *Бондаренко Д.М.* Мвемба Нзинга // Африка. Энциклопедия. Т. 2. М.: Изд-во «Энциклопедия», 2010. С. 356–357.
- ⁷ Африка // Католическая энциклопедия... С. 419.
- ⁸ *Vilhanova V.* Christian Missions in Africa and their Role in the Transformation of African Societies // Asian and African Studies. 2007. Vol. 16. No. 2. P. 250. https://researchgate.net/publication/274525738_Christian_Missions_in_Africa_and_their_Role_in_the_Transformation_of_African_Societies (дата обращения 03.03.2025)
- ⁹ *Diemer E.* Essai de Bibliographie des travaux bibliques des Peres Blancs en Afrique // Nouvelle Revue de science missionnaire XVII, 1961. P. 127–134.
- ¹⁰ *Vilhanova V.* Christian Missions in Africa and their Role... P. 255.
- ¹¹ См. подробнее: *Татаровская И.Г.* К вопросу о происхождении языка лингала // Под небом Африки моей. М.: Ключ-С, 2018. С. 166–177.
- ¹² *Dzokanga A.* Dictionnaire Lingala-Français suivi d'une grammaire lingala. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1979. P. 5.
- ¹³ *Samarin W.J.* The origins of Kituba and Lingala // Journal of African languages and linguistics. 1991. Vol. 12. P. 52.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 66.
- ¹⁵ *Meeuwis M.* The linguistic features of Bangala before Lingala: The pidginization of Bobangi in the 1880s and 1980s // Afrikanistik-Aegyptologie-Online. 2019. 5012. P. 5.
- ¹⁶ *Samarin W.J.* Official Language: The Case of Lingala. P. 386. <http://tspase.library.utoronto.ca/bitstream/1807/67626/3/official%20language.pdf>tspase.library.utoronto.ca (дата обращения 26.10.2023)
- ¹⁷ *Guthrie M.* The lingua franca of the Middle Congo // Africa. 1943. № 14 (3). P. 118.
- ¹⁸ *Meeuwis M.* The linguistic features of Bangala... P. 9.
- ¹⁹ *De Boeck E.* Grammaire et vocabulaire du Lingala ou langue du Haut-Congo. Neu Antwerpen: Mission du Sacré Cœur, 1904.
- ²⁰ *Meeuwis M.* Tense and aspect in Lingala and Lingala's history: Some feedback on Nurse // Afrikanistische Arbeitspapiere. Köln: Institut für Afrikanistik, Universität zu Köln, 2001. № 67. P. 152–153.
- ²¹ *Топорова И.Н.* К истории языка лингала // Исследования по языкам Африки. Вып. 5. М.: Ключ-М, 2015. С. 301–302.
- ²² *Meeuwes M.* The Lingala-Kiswahili border in north-eastern Congo. Its origins in Belgian colonial state formation of the late nineteenth and early twentieth centuries // Africana Linguistica. 2006. № 12 (1). P. 128.
- ²³ *Samarin W.J.* Official Language: The Case of Lingala...
- ²⁴ *Ibid.* P. 391.
- ²⁵ *Samarin W.J.* The origins of Kituba and... P. 58.
- ²⁶ *Meeuwes M.* The Lingala-Kiswahili border... P. 114.
- ²⁷ *Riva S.* Congolese Literature as Part of Planetary Literature // Journal of World Literature. 2021. No. 6. P. 221.
- ²⁸ *Дерае М., Маванза Д.А.* Colonial Education in the Belgian Congo // Education in a Colonial Environment. EHNE. <https://ehne.fr/en/node/21639/printable/pdf> (дата обращения 26.10.2023)

---

²⁹ *Hulstaert G.* L'origine du lingala // *Afrikanische Arbeitspapiere*. Köln: Institut für Afrikanistik Universität zu Köln. 1989. № 17. P. 107.

³⁰ *Нгудианкама А.Н.* На стыке веры и социальных преобразований: этнографические наблюдения из церквей ДРК и Анголы // *Ученые записки Института Африки РАН*. 2025. Т. 11. № 1 (70). С. 34.

³¹ *Ibid.* P. 35.

³² *Samarin W.J.* Convergence and the retention of marked consonants in sango: the creation and appropriation of a pidgin. P. 226. <https://tspace.library.utoronto.ca/handle/1807/67217?mode=full> (дата обращения 20.10.2024)

³³ *Diki-Kidiri M.* Le sango dans la formation de la nation centrafricaine // *Politique africaine*. 1986. Iss. 23. P. 83–99. https://persee.fr/doc/polaf_0244-7827_1986_num_23_1_3833 (дата обращения 20.02.2025)

³⁴ *Pénel J-D.* *Ethnies* // In Pierre Vernetier (ed.). *Les Atlas Jeune Afrique – République centrafricaine*. Paris: Editions Jeune Afrique, 1984. P. 24–25.

³⁵ *Ibid.* P. 226.

³⁶ *Karan M.E.* *The Dynamics of Sango Language Spread*. Pallas: SIL International, 2001.

³⁷ *Karan E.* *Writing System Development and Reform: A Process*. Grand Forks, North Dakota, 2006.

³⁸ *Samarin W.J.* Sango, an African Lingua Franca // *Word*. No. 11 (2).

³⁹ *Kalck P.* *Historical Dictionary of the Central African Republic* (Translated by Thomas O'Toole). Metuchen, New Jersey: The Scarecrow Press, 1980.

⁴⁰ *Samarin W.J.* Convergence and the retention... P. 228.

⁴¹ См.: *Основы африканского языкознания. Именные категории* / Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект пресс, 1997.

⁴² *N'Zapali-Te-Komongo G.* Strategies pour une integration du sango dans le systeme educatif Centrafricain // *Revue TDFLE. Langue(s) première(s) et apprentissages en langue(s) seconde(s)*. 2019. No. 73. <https://revue-tdfle.fr/pdf/articles/revue-73/83-strategies-pour-une-integration-du-sango-dans-le-systeme-educatif-centrafricaine> (дата обращения 05.04.2025)

⁴³ *Лавижери* // *Католическая энциклопедия*. Т. 2. М.: Изд-во Францисканцев, 2005. С. 1463.

⁴⁴ *N'Zapali-Te-Komongo G.* *Op. cit.*

⁴⁵ *Karan E.* *Writing System Development and Reform...* P. 269.

⁴⁶ *Thornell Ch.* Established French loanwords in Sango – A pilot study. Lund University Department of Linguistics. Working Papers 44. 1995. P. 159–177. <https://lup.lub.lu.se/search/ws/files/6203766/624495.pdf> (дата обращения 20.03.2025)

⁴⁷ *N'Zapali-Te-Komongo G.* *Op. cit.*

⁴⁸ *Johnstone P., Mandryk J.* *Operation World*. 6th edition. Waynesboro, Georgia: Paternoster USA, 2001.

⁴⁹ *Центральнаяафриканская Республика* // *Большая российская энциклопедия*. <https://old.bigenc.ru/geography/text/6024466> (дата обращения 05.04.2025)

⁵⁰ *Багана Р.Ж.* Языковая политика Центральноафриканской Республики // *Наука и образование сегодня*. № 10 (11). 2016. С. 50.

⁵¹ *N'Zapali-Te-Komongo G.* *Op. cit.*

⁵² *Ibid.*

⁵³ *Karan E.* *Writing System Development and Reform...* P. 256.

---

⁵⁴ *Diki-Kidiri M.* Developper le sango en tant que langue officielle // Sango: The National Official Language of the Central African Republic. Proceedings of the Colloquium “The Status and Uses of Sango in the Central African Republic,” Cologne, September 3–4, 1992. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 1994. P. 28.

⁵⁵ *Crystal D.* Language Death. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 55.

⁵⁶ *Karan E.* Writing System Development and Reform... P. 253.

⁵⁷ Central African Republic: A beacon of light toward stability and peace. LWF. 01.12.2023. <https://lutheranworld.org/news/central-african-republic-beacon-light-toward-stability-and-peace> (дата обращения 08.02.2025)

⁵⁸ *Багана Р. Ж.* Языковая политика Центральноафриканской... С. 51.

⁵⁹ *Tatalo Alamu.* The invention of African intellectual tradition // The Nation, 10.10.2021. <https://thenationonlineng.net/the-invention-of-african-intellectual-tradition/> (дата обращения 12.04.2024)

РОЛЬ МОРАВСКОЙ ЦЕРКВИ В ЖИЗНИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА АФРИКИ

С возникновением на Африканском континенте ряда независимых государств (начиная с Ганы в 1957 г. и заканчивая ЮЗА/Намибией в 1990 г.) стал очевиден тот факт, что колониализм оказал существенное влияние на проводимую политику, стратегии лидерства, этический набор идеалов, принципов и доктрин (выраженных в форме идеологических представлений) высвободившихся из-под колониального гнета отныне самостоятельных стран. Изначально составным элементом механизма экспансии была евангелизация поработаемых народов, которая служила мощным стимулом и движущей силой европейского колониализма. В настоящее время соперничают две противоположные точки зрения: в глазах некоторых христиан западные миссионеры в Африке выглядят как святые мученики, принявшие на свои «неможные» плечи нелегкий крест по «просветлению» Черного континента.

С позиции же светских скептиков, миссионеры предстают в образе разрушителей местных культур и проводников политики иррационального прозелитизма, желающих любой ценой обратить людей в христианскую веру, чаще всего против их воли, и, помимо всего прочего, руководствующихся принципом «Бог на небе, король далеко, а здесь команду я»¹. Для самих же африканцев крайне болезненной представляется тема попустительства или даже непосредственного участия миссионеров в работорговле², что, впрочем, остается за рамками этого исследования. В данной главе мы заострим внимание как на позитивных, так и на негативных аспектах деятельности Моравской церкви в Южной Африке в исторической ретроспективе. Кроме того, мы попробуем ответить на вопрос, почему феномен именно этой Церкви можно назвать уникальным в истории Юга Африки.

В настоящее время деятельность Моравской церкви* на территории Южной Африки не привлекает большого внимания отечествен-

---

* Еще одно, закрепившееся в анналах истории название Моравской церкви – *Unitas Fratrum* (Братское единение). Ее также именуют собирательным названием «Чешские (или «Моравские») братья». Относится к одному из старейших ответвлений протестантизма. Mamre Morawiese Sendingstasie – Nasporing van die geskiedenis van die Khoekhoen en voorheen slaafgemaakte mense. Cape Town Museum. <https://capetownmuseum.org.za/places-story-collections-afrikaans/groenekloof-mission-station> (дата обращения 23.03.2024)

ных исследователей-африканистов. Вместе с тем данная тема вызывает несомненный интерес как с исторической, так и с политической точек зрения. Так, первая христианская церковь среди коренного (автохтонного) южноафриканского населения (а именно – предков современных койкой – готтентотов*) была основана непосредственно миссионерами-моравцами³. Это неудивительно: Моравская церковь с самого начала была ориентирована на обращение инаковерующих. Недаром она считается первой протестантской Церковью, подтолкнувшей язычников на переход в христианскую веру⁴.

На самом деле здание первой христианской церкви – католической часовни – было заложено в бухте Моссел-Бей еще в 1500 г. членами экспедиции португальского мореплавателя Педру Кабрала, однако ее основание имело скорее символическое значение. Несмотря на то, что по-настоящему христианство утверждается на Юге Африки только с основанием голландского форта на мысе Доброй Надежды в 1652 г. (уже в 1665 г. в Каапстад прибыл первый пастор из метрополии, а через год был организован южноафриканский приход Реформатской церкви Нидерландов, преобразовавшись в Голландскую реформатскую церковь Южной Африки – ГРЦЮА/НГК), первоначально оно фактически оставалось религией белых – число обращенных среди коренного населения до середины XVIII в. не превышало нескольких десятков. Поскольку прихожанами церквей большей частью были белые жители колонии, распространение кальвинизма происходило на Юге Африки довольно медленно. Голландские колонисты и пастыри Реформатской церкви Нидерландов руководствовались точкой зрения, что «истинная вера» не предназначена для африканцев, которых уподобляли животным⁵. Голландцы ознакомили некоторых койкой с сутью библейского учения еще в 1650-х годах с прибытием на Кейп Яна ван Риббека, однако их цель лежала в практической плоскости и не была ориентирована на духовные нужды местного населения – выходцы из Нидерландов видели в «туземцах» только перспективную рабо-

---

* Сейчас вместо понятия «готтентот» принято употреблять термин «койкой». В академической среде существует дискуссия вокруг происхождения слова «готтентот»: согласно преобладающему мнению, оно означает «заика» и является формой передразнивания шелкающих звуков в языках койкой. Народы койкой и сан (бушмены) – собирательно «койсаны» – являются наиболее древними обитателями Юга Африки. Оба этих народа считаются носителями древнейшей ДНК человечества и, соответственно, старейшими из ныне живущих представителей *Homo Sapiens*. *Салахетдинов Э.Р.* Феномен возрождения койсанского сообщества Южной Африки: социально-политические аспекты // *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 23.

чую силу и рассматривали их лишь в качестве возможных помощников на будущее. Для воплощения в жизнь данных представлений голландцам нужно было каким-либо образом показать койкой, что они собой представляют, научить их чему-то новому, хоть немного приблизить к себе. Что касается именно миссионерской работы по обращению представителей автохтонного населения в христианскую веру, то она началась только в 1737 г. с прибытием на Кейп первого миссионера Моравской церкви⁶.

Моравскую церковь считают второй старейшей церковью Южной Африки⁷. Первой (и самой многочисленной реформатской) церковью считается Голландская реформатская церковь (*Nederduitse Gereformeerde Kerk, NGK* – яз. африкаанс), которой, благодаря относительно либеральным взглядам, в свое время (однако далеко не сразу) удалось привлечь, помимо белого населения, также цветное и африканское. Важно отметить, что из-за т.н. трудностей перевода, сопряженных с переводом на русский язык официальных названий церквей, действующих на территории Южной Африки, в разных источниках фигурируют разные названия и аббревиатуры. Так, в настоящее время для обозначения понятия «Голландская реформатская церковь Южной Африки» в отечественной научной литературе используются сокращения ГРЦЮА и НГК.

Более того, как уже было указано, сама история миссионерства на территории Юга Африки берет начало именно с деятельности Моравской церкви – первый миссионерский стан в Южной Африке был разбит представителями этой церковной деноминации⁸. С прибытия в 1737 г.⁹ на Мыс Доброй Надежды первого подготовленного миссионера, принадлежавшего к Церкви Моравских братьев, уроженца Моравии Георга Шмидта (*Georg Schmidt*) для ведения миссионерской работы среди местных жителей – готтентотов начинается история гернгутеров* в этом регионе. Очень важную роль в истории развития этой Церкви в регионе сыграли представители местного коренного населения. Особый, самостоятельный вклад принадлежит женщинам.

---

* Первый проповедник Моравских братьев на Юге Африки Георг Шмидт был родом из небольшого поселения под названием Хернхут (*Hernhut*; город на территории нынешней Германии). Руку к его основанию в 1722 г. приложили представители чешско-моравской братской церкви; позднее общины гернгутеров распространились во все части света, включая и сегодняшнюю ЮАР. *Karel Th.A. Von Zinzendorf se Herzenreligion in verhouding tot die piëtisme en die mistiek. Departement van Praktiese Teologie, Fakulteit Teologie, Universiteit van Stellenbosch, Stellenbosch, Suid-Afrika, 2011. <http://scielo.org.za/pdf/she/v37n1/01.pdf>*

Саму историю возникновения в Бафияансклуфе первого миссионерского поселения, в 1804 г. переименованного в Хенадендал (*Genadendal* – букв. «Долина благодати»), можно рассматривать как феномен. Оно было основано в 1738 г. миссионером Г. Шмидтом совместно не с белыми поселенцами, а с готтентотами, которые и стали его основными прихожанами. Необходимо отметить, что первые попытки христианизации койкой (самоназвание готтентотов) предпринимались еще во второй половине XVII в. голландскими властями Капской колонии, однако сохранились сведения лишь о 4 новообращенных, и на этом первый этап миссионерской деятельности был завершен. Голландцы сочли опыт неудачным, а автохтонное население было признано неспособным к восприятию христианского вероучения¹⁰.

Проповедник Моравской церкви Г. Шмидт – первый протестантский миссионер*, достигший берегов Юга Африки¹¹, и первый представитель Церкви Моравских братьев в Южной Африке¹² – в определенном отношении сохранил о себе добрую память среди современных женщин одного из коренных народов Южной Африки – готтентотов. В период его активной проповеднической деятельности вышеупомянутый город Хенадендал стал в умах местного населения своеобразным «символом надежды для женщин»**. Там в 1742 г. миссионер впервые крестил представительницу народа койкой Фехеттхе Тиккёйе (*Vehettge Tikkuie*), вошедшую в историю под именем «Мама Лена» (*Moeder Lena*)¹³.

* * *

Насыщенная событиями биография первого миссионера, ступившего на землю Юга Африки, заслуживает отдельного внимания, в связи с чем представляется уместным очертить наиболее значимые ее вехи.

---

* Несмотря на то, что первый протестантский пастор, представитель Реформатской церкви Нидерландов прибыл из метрополии на территорию Южной Африки еще в середине 1660-х годов XVII в., было бы неверно отнести его деятельность к миссионерской работе. Строго говоря, он не помогал утвердиться «вере Христовой» на «новых» землях, а только обслуживал духовные потребности (окормлял паству) узкой прослойки обосновавшегося на Капе белого населения из числа религиозно настроенных голландцев (*прим. авт.*).

** “Genadendal is ook ‘n teken van hoop vir vrouens”. *Landman C.* Die Susters van die broederkerk – ‘n Verhaal van vrouens in die Morawiese kerk in Suid-Afrika // *Skrif en Kerk*. Jrg. 16 (2), 1995. В. 361, 362. https://researchgate.net/publication/265352875_Die_susters_van_die_broederkerk_-'n_Verhaal_van_vrouens_in_die_Morawiese_kerk_in_Suid-Afrika

Георг Шмидт родился в Моравии в 1709 г. В возрасте 16 лет будущий проповедник присоединился к общине христиан, проповедовавших в г. Хернхут. Учение гернгутеров Римско-католическая церковь считала еретическим, вследствие чего активно преследовала его приверженцев. Г. Шмидт с единомышленниками оказались в опале. Будучи пылким оратором и ярким проповедником, рьяно отстаивавшим свои убеждения, он в скором времени горько поплатился за свои идеи. Его вместе с одним из соратников приговорили к семилетнему заточению в жесточайших условиях¹⁴.

Закованные в кандалы, они были вынуждены выполнять самые унижительные обязанности. Когда усталость валила с ног, товарищей по несчастью «ускоряли» пинками. Единственной пищей были хлеб и вода. На ночь узников бросали в сырые, промерзшие камеры. Один из соратников Шмидта преждевременно скончался, не выдержав физических пыток и нравственных страданий, но Георг выжил, претерпев 6 долгих, мучительных лет в невыносимых условиях¹⁵.

Выйдя «на свет Божий» и возвратившись в Хернхут, недавний заключенный столкнулся с неприятием прежних единомышленников, посчитавших, что бывший колодник был освобожден из тюрьмы лишь по «заключению унии» с католиками. На деле вся его вина заключалась в повторном обращении в католицизм «в застенках», к тому же по принуждению, а не по убеждению¹⁶.

Дабы искупить грех, которого не совершал, Г. Шмидт отправился «страдать за веру» в Капскую колонию – обращать в христианство койкой. Только этим, по мысли «братьев», он мог бы заслужить утраченную «братскую» любовь¹⁷.

Добравшись до берегов Южной Африки, миссионер в качестве одного из самых первых преобразований наказал койкой перебраться из их традиционных жилищ в места дислокации миссионерских пунктов. Они должны были отказаться от ношения чрезмерно открытой, по мнению пуритански настроенных церковников, одежды, а также от групповых танцев и совместных возлияний. Однако касательно внешнего облика представителей коренного населения интересно то, что уже в XIX в. ношение европейской одежды для автохтонного населения предписывалось представителями Моравской церкви только по воскресеньям или в период проведения церковных служб, некоторые же и вовсе стали надевать привычную в нашем понимании одежду лишь во время Евхаристии¹⁸.

Когда дело касалось традиционных женских занятий – готовки или собирательства – во благо Г. Шмидту, он щедро поощрял их. Представительницы прекрасной половины человечества готовили

для него пищу, искали съедобные корешки и плоды сикомора, подбирали пшеничные колосья, собирали сыть* прядильную¹⁹.

Одна из задач Г. Шмидта состояла в том, чтобы в рамках миссионерского сообщества обеспечить экономическую самодостаточность койкой в сельском хозяйстве (путем налаживания механизмов самообеспечения). Для достижения наилучшего результата миссионер, утвердившись в новой среде, должен был сам подавать пример христианского трудолюбия. Однако вместо того, чтобы работать в поте лица, проповедник по большей части предпочитал пользоваться плодами трудов новообращенных «туземцев»²⁰.

Жизнь в тесных пределах миссионерской станции казалась женщинам койкой тяжелым испытанием. К необходимости вести трудоемкое хозяйство в непривычных условиях добавлялось и вынужденное воздержание²¹.

Несмотря на то, что обряд крещения при Г. Шмидте прошли всего 5 готтентотов²², гораздо больше представителей этого народа посещали его выступления на религиозные темы; пылкие речи проповедника подталкивали многих из его почитателей (как мужчин, так и женщин) перебираться в район местоположения миссионерского поста моравцев²³. По мере того, как поселение разрасталось (когда в 1743/1744 г. Георг Шмидт отплыл в Европу, в поселении осталось 47 человек, среди них 19 женщин), уроки богословия койкой стали преподавать раздельно – в зависимости от гендерной принадлежности. Качество преподаваемого материала для обоих полов было одинаковым. Всем внушалась одна и та же мысль, что каждый по природе своей проклят от рождения²⁴.

Эта отнюдь не отличающаяся человеколюбием мысль, однако, находила отклик среди представителей автохтонного населения. Например, даже спустя много лет после отъезда Шмидта из Африки, уже после его благополучной кончины в Европе, 5 марта 1794 г., одна из женщин койкой, желавших принять крещение, на вопрос, за что она должна быть благодарна Спасителю, ответила: «За то, что он добровольно позволил себя распять, пролив свою кровь за мои грехи во имя моего спасения из ямины вечного проклятия»²⁵.

* * *

Представляется разумным задаться вопросом – почему местные жители, в особенности женщины, все же селились в пределах мис-

---

* Сыть прядильная – *matjiesgoed* (яз. африкаанс) – эндемик Южной Африки; используется для изготовления спальных циновок, плетения корзин (*прим. авт.*).

сионерских пунктов – там, где они должны были до изнеможения трудиться, отказывая себе в привычных удовольствиях? Там, где их запугивали адскими муками в загробной жизни, в то время как земная их жизнь вовсе не напоминала райское пристанище? История Фехеттхе Тиккёйе отчасти дает ответы на возникшие вопросы.

Она стала первой обращенной в христианство женщиной-койкой²⁶. Крещение было проведено 4 апреля 1742 г.²⁷ на территории сегодняшнего города Хенадендал. При крещении замужняя Фехеттхе получила имя кающейся блудницы Магдалены²⁸. Г. Шмидт прививал ей ценности пуританства и пиетизма, присущие Церкви Моравских братьев. Согласно ее учению, памятуя о страданиях Христа на кресте, человек сам должен быть готов нести по жизни свой крест, «добровольно страдая» за веру. Под этим подразумевалась суровая самодисциплина. Приверженцы Церкви должны были отречься от мира и посвятить всю жизнь чтению Библии в старании распознать волю Бога²⁹.

В случае с Ф. Тиккёйе не она отказалась от мира, а члены ее общины отреклись от нее, не приняв новой веры «отверженной». Оставшись в одиночестве, она остро нуждалась в сострадании и утешении со стороны единственного человека, способного в критический момент прийти на помощь – миссионера Г. Шмидта*. Однако ей не удалось заручиться его поддержкой. Культурное наследие койкой, частью которого продолжала ощущать себя Ф. Тиккёйе, не являлось таковым в глазах проповедника. Он полагал, что женщина, исполняющая ритуальные танцы в загонах для скота, позволяющая себе употребление пьянящих напитков, не может считаться христианкой. Боязнь посмертных мук в аду в конечном счете заставила впечатлительную Фехеттхе проникнуться идеями пиетизма³⁰.

Весомую роль (и не только в случае Ф. Тиккёйе) в принятии койкой окончательного решения о переселении на стоянку миссионеров сыграло обучение грамоте. И мужчин, и женщин учили читать и пи-

---

* На неделю позже обращения Фехеттхе Г. Шмидт крестил новообращенного Кибидо, получившего имя Йонас. Спустя более 50 лет после этого события тот же обряд прошла его дочь Ханна. Интересно, что ее переход в христианскую веру происходил гораздо менее болезненно, чем у ее предшественницы Фехеттхе. Так, она легко и добровольно отказалась от ношения таких незаменимых для готтентотов атрибутов, как бусы. На крещении Ханны, получившей имя Анна Мария Мауритц, присутствовали 78 человек, которые не только не отвернулись от нее, но и оказывали ей всемерное содействие. Ей не пришлось бороться с непониманием соплеменников, она не оказалась в изоляции и не чувствовала себя изгнанницей, лишенной поддержки не только родных и знакомых, но и духовного наставника. *Landman C. Die Susters van die broederkerk... B. 367.*

сать. Впоследствии именно этот факт во многом оказал влияние на становление самосознания койкой, которое помогло им не потерять чувство собственного достоинства даже под гнетом апарtheidных законов, действовавших на территории как современной ЮАР, так и сегодняшней Намибии³¹.

После отъезда Г. Шмидта община распалась. Когда спустя 50 лет на берег Южной Африки прибыло новое поколение миссионеров, Ф. Тиккёе в 80 с лишним лет довелось встретиться с молодой порослью братьев по вере (сохранилась дата этого знаменательного события – 24 декабря 1792 г.). У нее все еще хранилась Библия на голландском языке, подарок «учителя» Г. Шмидта, которую она, несмотря на преклонный возраст, могла читать без очков*. В течение полувека она неустанно упражнялась в чтении и письме; выполняла предписания наставника в стремлении вести благочестивый образ жизни, не подвергая совесть угрызениям, а душу искушениям. При этом, по воспоминаниям миссионеров, общавшихся с ней, пожилая женщина уже мало что помнила из биографии Иисуса, кроме того, что он был распят за грехи человеческие. Скончалась Фехетхе Тиккёе 3 февраля 1800 г., за пять дней до открытия новой церкви, сооруженной коллективными усилиями Моравских братьев³².

Распад моравской общины в Южной Африке на первом этапе (во время руководства Г. Шмидта) стал закономерным следствием нескольких факторов. В то время в Голландии моравцев обвиняли в том, что они являются «мистическим обществом, распространяющим опасные настроения, вредные для чистого учения, под маской евангельской простоты»**, что отрицательно сказалось на их деятельности в пределах колоний Нидерландов, включая Южную Африку. Сопротивление проповедническим усилиям Г. Шмидта оказывалось как со стороны ГРЦЮА, так и со стороны потомков голландских колонистов на Кейпе, обозленных запретом губернатора вести торговлю скотом с койкой. Узнав об успехах в обучении «туземцев», белые поселенцы перешли от насмешек в адрес Г. Шмидта и самого миссионерского стана к прямой враждебности. Неприязненное отношение

---

* Согласно другой версии, ей все же читала ее дочь, также выучившаяся грамоте (прим. авт.).

** “Mystical society spreading dangerous opinions detrimental to the pure doctrine under cover of evangelical simplicity”. *De Wet T., Teugels J.L., van Deventer P.* Historic bells in Moravian Missions in South Africa’s Western Cape // *Historia*. November 2014. Vol. 59. No. 2. P. 96. <https://scholar.sun.ac.za/server/api/core/bitstreams/e7d4a322-5cc0-4e11-b551-9ea3836ecd83/content>

достигло апогея после того, как Г. Шмидтом были крещены пять представителей койкой³³.

Во-первых, сами голландцы практически не вели проповедническую деятельность среди небелого населения. Как известно, в то время официальной религией в Капской колонии был кальвинизм, вывезенный из Голландии первопоселенцами; религиозную же доктрину Реформатской церкви Нидерландов составляли постановления Дордрехтского (Дортского) синода 1618–1619 гг., запрещавшие крестить «детей язычников»³⁴. Поэтому на мысе Доброй Надежды христианство первоначально оставалось религией белых. Голландские колонисты и пастыри, представлявшие Реформатскую церковь Нидерландов, были убеждены в бесплодности попыток приобщения «туземцев» к христианству по причине их «дремучести» наравне с дикими животными³⁵. Во-вторых, с позиции ГРЦЮА, Г. Шмидт вообще не имел права проводить обряд крещения, поскольку он не был рукоположен. Так и не преодолев оппортунизма со стороны церковников и рядовых бюргеров, «пастор» покинул Мыс в 1743/1744 г., оставив за собой общину из 26 уже крещеных «туземцев». Только в конце XVIII в. предубеждения против моравцев канули в небытие – гнев был сменен на милость, вследствие чего они смогли возобновить свою деятельность по христианизации коренного населения Южной Африки³⁶.

Георг Шмидт был одержим идеей религиозного благочестия, что на деле превратило жизнь женщин – представительниц обращаемого им в новую веру народа в череду бесконечных мучений. Воистину: благими намерениями вымощена дорога в ад... Однако и сегодня ему ставят в заслугу евангелизацию коренных народов Южной Африки. Напомним, единственной протестантской деноминацией до прибытия на Кейп Моравской церкви была Голландская реформатская церковь, которая, однако, не задавалась целью завоевать умы автохтонных народностей, низводя их умственные способности и духовные потребности до уровня животных. То есть тогда сама мысль моравского проповедника о возможности приблизить представителей автохтонного населения к пониманию сути божественного учения считалась, говоря современным языком, новаторской (и вместе с тем воспринималась как крамольная). Пожалуй, в то время решение Г. Шмидта о «перевоспитании» готтентотов, выраженном в привитии им христианских «добродетелей» (в т.ч. трудолюбия и покладистости) и обучении их основам грамотности, и могло считаться колоссальным прорывом в миссионерской деятельности, однако на сегодняшний день применявшиеся им методы достижения поставленных

целей уже не вызывают положительных оценок. Однако не у всех. Например, церковная организация Миссии Ассоциации Евангелического общества (*Gospel Fellowship Association Missions, GFA*) едва ли не превозносит Г. Шмидта. По мнению ее членов, исходя из оставленных им писем и дневника, можно заключить, что он был «очень искренним и преданным христианином». Кроме того, adeпты *GFA* полагают, что он «болел всей душой» за свое дело по обращению готтентотов в лоно «истинной Церкви» и не совершал ничего, что бы противоречило в его глазах «воле Божией»³⁷.

Не исключено, что долгое заключение в унижительных условиях ожесточило сердце «праведника», что впоследствии сделало излишне требовательным и чересчур жестким его обращение с коренными жителями, которые не могли дать должный отпор. Но заслуживает ли человек, даже ради благих целей, унижающий других, идущий по головам беззащитных, подавляющий волю, права устанавливать собственные порядки в чужих владениях?

Впрочем, даже для его времени поведение Г. Шмидта во многом не вписывалось в установленные рамки. Так, например, на первых порах он действительно сам терпеливо помогал койкой копать землю и сажать овощи. Его приятно поразил интерес представителей автохтонного населения к земледелию. В свою очередь, коренные жители увидели в Г. Шмидте нечто большее, чем просто белого человека, навязывающего свою волю; он поселился среди них и вел с ними совместный быт, на что в то время решился бы далеко не каждый. Его услужливое смирение и частичное слияние с их образом жизни привели койкой к мысли, что проповедник не похож на других белых, являвшихся к ним большей частью для того, чтобы уводить стада крупного рогатого скота и овец. Один койкоин по имени Африко (*Africo*) даже добровольно предоставил Г. Шмидту свое жилище на время в качестве молельного дома³⁸.

Спустя 7 лет после кончины в Германии Г. Шмидта (скончался 1 августа 1785 г.) к берегам Южной Африки вновь причалила группа моравских миссионеров. На руинах бывшего дома и сада своего предшественника они соорудили миссионерскую станцию*, и поныне остающуюся центром активной деятельности Моравских братьев³⁹.

Прибывшие в 1792 г. в Южную Африку трое миссионеров – Хендрик Марсфелд (*Hendrik Marsveld, 1745–1822*), Даниэль Швинн

---

* В общей сложности в течение XVIII–XIX вв. моравцы обустроили на территории Южной Африки 7 миссионерских пунктов, 5 из которых были сооружены для койкой, а 2 – для африканцев на территории нынешней Восточно-Капской провинции.

(*Daniël Schwinn*, 1750–?) и Кристиан Кюнел (*Christian Kühnel*, 1762–1813) разительно отличались от своего собрата по вере Г. Шмидта. Именно при них Хенадендал стал подлинным прибежищем преследуемых по той или иной причине женщин койкой.

Последователи Г. Шмидта не только подготовили почву для превращения миссионерских пунктов Церкви Моравских братьев в надежное убежище для бездомных женщин койкой, но и соорудили на их базе, говоря современным языком, «образовательные центры». Неграмотных женщин обучали навыкам чтения и письма. Со временем женщины из категории «цветного» населения ЮАР, к представителям которого причисляют выходцев из койкой и сан, даже стали занимать лидирующие позиции в иерархии южноафриканской Моравской церкви. Например, ее вице-президентом в середине 1990-х годов была Фредерика Голиатх (*Frederika Goliath*), а Анхелене Сварт (*Angelene Swart*) в то же время занимала пост директора Моравской школы в небольшом городе Хейдефелд*, неподалеку от Каапстада.

Особенно рьяно проповедники принялись защищать тех представительниц прекрасного пола, кто осмелился выказать твердое намерение учиться, даже если таковое шло вразрез с желаниями их хозяев-буров, относившихся к своим слугам, как к бездушным вещам. В истории этого поколения миссионеров Моравской церкви неоднократно отмечались случаи, когда они укрывали в стенах пристанища избитых едва ли не до смерти готтентоток, сбжавших от жестоких хозяев. Убегали готтентотки и от невежественных мужей, не желавших видеть рядом с собой обученных грамоте жен. Кроме того, на территории миссионерской станции готтентотам запрещалось бить своих супругов, что также привлекало нуждающихся в защите в лоно Церкви, где они обретали подлинную свободу от насилия и всевозможных притеснений**.

---

* Город *Heideveld* получил свое название от сочетания двух слов – «*veld*», что на яз. африкаанс значит «поле» или «вельд», и «*heideblommetjie*», означающего «вереск» (некогда в изобилии рос в этих краях).

** Так, известен случай, когда бур забрал у женщины койкой двухмесячного ребенка, надеясь удержать ее в своем хозяйстве, а не отдавать «в обучение». *Landman C. Die Susters van die broederkerk...* В. 366.

Удивляться такому подходу не приходится. Буры не отличались излишней любознательностью. Уровень знаний самих буров был низок, общий кругозор – узок. Условия жизни – оторванность от побережья и специфика полукочевоего скотоводства – обрекали колонистов на замкнутый образ жизни и консервацию (если не на временную заморозку) отношений и взглядов. Век Просвещения не коснулся их устоев и представлений. Южно-Африканская Республика. Справочник. М.: Институт Африки РАН, 2014. С. 38.

Оказывали всевозможную помощь и женщинам койкой – супругам рабов (к их женам Моравские братья относились с теплом и симпатией⁴⁰), которые не могли покинуть усадьбу хозяина и перебраться с супругами на постоянное житье в миссионерский пункт. Один из законов Капской колонии гласил: общий ребенок раба и женщины койкой должен работать на владельца до достижения 25 лет. Когда суть закона была изменена (отныне ребенок, родившийся в подобном союзе, по закону принадлежал матери⁴¹), оказалось, что эксплуататоры по-прежнему злоупотребляют своей властью. Моравские братья приняли на себя роль защитников, ограждающих права этих детей (особенно это касалось дочерей) от произвола власть имущих. Впрочем, защищать приходилось не только детей, но и взрослых. В случае если желавшая покреститься готтентотка была любовницей бура или считалась его наложницей, она могла рассчитывать на защиту миссионеров⁴².

С вниманием и заботой миссионеры относились к больным и беспомощным женщинам койкой. Например, 9 марта 1794 г. они написали письмо под диктовку умирающей матери, чей ребенок скончался четыре дня тому назад. Перед смертью она пожелала положить листок под подушку с тем, чтобы «отправиться с ним на Небеса к ребенку»⁴³.

Определяющим фактором в завоевании внимания автохтонного населения стали не доктринальные установки Моравской церкви. В данном случае главенствующую роль сыграли личности самих духовных лиц, представлявших интересы Моравской церкви. В пределах одного столетия у разных представителей Моравских братьев в Южной Африке сложились совершенно непохожие подходы к способам взаимодействия с местным населением. Благие начинания Г. Шмидта по «алфabetизации» коренного населения вряд ли получили бы продолжение без изменения методики коммуникации с койкой. Закрепление позиций Моравской церкви состоялось не посредством понуждения и уничтожения готтентотов, а путем их постепенного приобщения к положениям вероучения братьев, завоевания их доверия. Его удалось добиться благодаря оказанию реальной помощи, установлению здоровых человеческих отношений, не обремененных расовыми предрассудками. Именно благодаря Х. Марсфелду, Д. Швинну, К. Кюнелу, а вовсе не первопроходцу Георгу Шмидту, нынешнее поселение Хенадендал («Долина благодати») полностью оправдало свое название.

Любопытно, что спустя два столетия первый президент уже демократической ЮАР Нельсон Мандела 1 февраля 1995 г. даже назвал свою официальную резиденцию в Каапстаде именно в честь моравской миссионерской станции Хенадендал. Данный акт был мотиви-

рован следующим образом: с момента основания упомянутого миссионерского поста неоднократно фиксировались случаи плодотворного сотрудничества и успешного взаимодействия между членами различных расовых групп, сумевших даже в наиболее неблагоприятные периоды истории находить взаимные компромиссы с целью выстраивания конструктивного диалога. Хенадендал был объявлен символом надежды для всех южноафриканцев, само его название выражало намерение правительства исправить и восстановить все, что было порушено былой несправедливостью⁴⁴.

Итак, Хенадендал был выбран моравскими братьями для расположения первой миссионерской станции. Вторым миссионерским пунктом моравцев на Кейпе в 1808 г. стал Мамре (*Mamre*)^{*}. Изначально на его плодородных землях пасли скот представители кочокуа^{**}, однако затем Голландская Ост-Индская компания выдала разрешение на осуществление идентичного вида деятельности бурам. Между «пришельцами» и местными разгорелся конфликт, вследствие чего колониалистами был возведен военный форпост Де Клейне Пост^{***}. Здания, его окружавшие, нерушимой крепостью стоят и поныне – теперь здесь располагается моравская миссия в Мамре.

После того как в 1808 г. Капская колония была оккупирована Британской империей, Де Клейне Пост и прилегающие к нему здания были отданы Моравской церкви для создания миссии. Близлежащие территории, поселения Лоувсклуф (*Louwskloof*) и Крейвагенскраал (*Kruwagenskraal*), были населены койкой. Главной целью миссии, как и прежде, было обращение готтентотов в христианскую веру. Несмотря на то, что глава кочокуа Ханс Клапмутс (*Hans Klapmuts*)

---

* Небольшой городок на территории современной Западно-Капской провинции (ЮАР). Сначала этот населенный пункт (точнее ферма) носил название Хрунеклуф (*Groenekloof*, яз. африкаанс), в буквальном переводе – «Зеленое ущелье» (переименован в 1854 г.). За ним, как грибы после дождя, последовали Энон (*Enon*) – в 1818 г., Элим (*Elim*) – в 1824 г., Кларксон (*Clarkson*) – в 1839 г., Худвервахт (*Goedverwacht*) – в 1845 г., Виттеватер (*Wittewater*) – в 1859 г. *Balie I.H.Th. 'n Kultureurhistoriese beeld van Kaapse Morawiese sendingstasies, 1808–1919. Universiteit van Stellenbosch. 1992. С. 3. https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-diskpublic%3A%2F%2FJXPW12asdb0zq3OrW3FmzC4pgQvIoim5BO1ndZ58jAJwmQrMnf%2BclH6EErp0IVSDq%2FJ6bpmRyOJonT3VoXnDag%3D%3D&name=balie_kultuurhistoriese_1992.pdf&nosw=1*

** *Cochoqua/Chochaqua/Kochaqua* – этническая общность внутри койсанских групп. Проживали в XVII–XVIII вв. недалеко от Рибек-Кастила (один из старейших городов Южной Африки в 80 км от Каапстада, расположенного в пределах сегодняшней южноафриканской Западно-Капской провинции). *Cochoqua*, noun // *Dsae*. <https://dsae.co.za/entry/cochoqua/e01718> (дата обращения 06.10.2023)

*** *De Kleine Post* – букв. «маленький пост».

упорно сопротивлялся переходу в христианскую веру на протяжении 30 лет, многие из его соплеменников переместились на станцию и приняли крещение. Первая служба была проведена в Лоувсклуфе; ее посетили 100 человек из числа кочокуа. На тот момент подобный результат можно было считать торжеством прозелетизма. Сейчас там стоит памятник, призванный увековечить для потомков историю проведения первой церковной службы для кочокуа⁴⁵.

Сестра Х. Клапмута, Розетта, была крещена в 1813 г.⁴⁶ (по другим данным, в 1814 г.) в возрасте 62 лет⁴⁷ под именем Бенигна Йоханнес (*Benigna Johannes*). Она и четверо ее оставшихся в живых детей (10 сыновей и дочерей уже умерли к этому моменту) стали одними из первых подопечных миссионерской станции⁴⁸. После кончины брата Бенигна возглавила кочокуа. Ее потомки до сих пор проживают в г. Мамре. Именно она сыграла главную роль в учреждении моравской миссии в этом городе, предоставив имевшийся в ее распоряжении скот и повозку для перевозки оборудования и материалов при строительстве церкви. Работы над ее возведением начались в 1808 г. и продолжались ровно 10 лет. На сегодняшний день Моравская церковь в Мамре является одной из старейших церквей в ЮАР. Таким образом, представительница коренной народности не только уверовала во Христа, но и материально помогла «утвердиться его слову» (а точнее, проповедям и учению Моравских братьев) на южноафриканских просторах. Подобных случаев на тот момент не знала ни одна Церковь мира. Умерла благодетельница в возрасте 102 лет, в тот год, когда Хрунеклуф был переименован в Мамре⁴⁹. Ее имя отражено в анналах Моравской церкви⁵⁰.

Среди представительниц южноафриканского автохтонного населения и местного африканского населения, перенявших учение моравцев, действительно немало ярких лиц. Позволим себе несколько подробнее остановиться еще на одной из них, а именно – африканке Вильгельмине Стомпис (*Wilhelmina Stompjes*).

По этнической принадлежности Вильгельмина Стомпис относилась к коса; ее отличала необычайная мудрость и рассудительность, восторгавшая и ее соплеменников, и моравских братьев, и буров-колонистов. Так, в период т.н. Кафрских войн^{*} 1818 г. одну из миссионерских станций на реке Белой (*White River*) ограбили 200 представителей народа коса, украв 235 коров. Колонисты, звавшие, что в пределах миссио-

---

^{*} Пограничные войны между коса, которых колонисты называли кафрами (слово имеет крайне уничижительную окраску и ныне запрещено к использованию в общественных местах, публичных страницах в Интернете и т.д.), и колонистами.

нерской станции проживает женщина-коса, бесцеремонно явились к ней толпой, заявив о своих намерениях уничтожить ее соплеменников. Не испугавшись, она возразила, что коса такие же божи создания, как и белые колонисты, что Господь повелел молиться за своих врагов, а не убивать их. За разговором тайно наблюдали соплеменники Вильгельмины, один из которых позднее признался ей в том, что изначально планы коса заходили куда дальше простого ограбления. В живых не должно было остаться никого из проживающих в пределах миссионерского стана, включая и самих проповедников. Однако, по его словам, коса остановила неведомая сила, не позволившая им совершить задуманное. В конце разговора собеседник В. Стомпис заключил, что Бог моравских братьев победил, оказавшись сильнее (а по мысли самой Вильгельмины – милосерднее)⁵¹.

В другой раз Вильгельмина спасла от смерти миссионера Моравской церкви Бонаса (*Bonas*), удержав от удара руку убийцы-коса. Невзирая на своевременное вмешательство Вильгельмины, пробравшийся на станцию несостоявшийся убийца желал завершить начатое, заявив, что никого и ничего не боится, кроме одного лишь Бога и никогда ни перед чем не отступит, кроме как единственно перед лицом Его Воли. Бесстрашная Вильгельмина отпарировала: «А не боишься ли ты Всемогущего Господа, чье слово проповедуется в этих стенах?»*. Злоумышленник увел своих людей⁵².

* * *

В 1838 г. (всего через 4 года после отмены в 1834 г. рабства в Южной Африке) именно бывшие невольники** составили костяк общины Моравской церкви в Мамре.

2 декабря 1838 г. в Хрунеклуфе служили благодарственный молебен в честь окончательной отмены рабства***. В то время как для цер-

---

* Как тут не вспомнить бессмертное произведение А.С. Пушкина – «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях» со знаменательными строчками: «Не боишься никого, кроме бога одного».

** Архивы Моравской церкви наглядно демонстрируют, что большинство из 700 прошивших убежища в период с 1839 по 1852 г. в прошлом занимали подневольное положение в южноафриканском обществе. Известны случаи, когда между бывшими рабами и койкой, проживавшими бок о бок на территории миссионерской станции, завязывались семейные отношения, устанавливались тесные связи. Моравские братья не стремились посягать между ними вражду.

*** В том же 1838 г. жители одной из моравских миссионерских станций Элим, большинство из которых являлись потомками рабов, воздвигли памятник, символизирующий освобождение рабов Кейпа и по сей день остающийся единственным монументом подобного рода в ЮАР. *Van Breda M.J. Contributions by Reverend Johannes Jacobus*

ковников ГРЦЮА, уверовавших в «богоизбранность» буров, подобное решение британских властей стало настоящим ударом, представители Моравской церкви не только формально отпраздновали окончание эпохи рабовладения в Южной Африке, но и распахнули двери для угнетенных слоев населения, предоставив им кров и обеспечив работой. Так, проживая в пределах миссионерской станции, они со временем получали возможность выучиться тому или иному ремеслу и обрабатывать землю. Предлагаемые им виды работ были намного лучше прежних, а их свобода ограничивалась куда меньше. Кроме того, в заслугу моравцев можно поставить предпринимавшиеся ими усилия по объединению семей, разлученных бесчеловечными условиями рабства⁵³.

Вначале многие из поселенцев в пределах миссионерских станций не имели никакой работы и были крайне бедны (в докладе от 1826 г., например, упоминалось, что многим людям, проживавшим в Эноне, удавалось поддерживать жизнь только за счет молока⁵⁴).

26 марта 1812 г. в Мамре на основе добровольных пожертвований был создан фонд «Арменкас» (*Armenkas*). Его цель состояла в оказании помощи обездоленным. Подобные фонды возникли и на территории Энона, а также Элима. Жителям настоятельно рекомендовали не брать в долг у буров, чтобы избежать попадания в пожизненную кабалу. Кроме того, переселяясь на станцию, койкой обзаводились собственным имуществом. Отныне у каждого жителя в собственности находились дом, сад, винтовка, повозка, по паре голов крупного рогатого и мелкого скота. Привычными предметами быта стали столы, скамейки, ящики, коробки. Многие по привычке продолжали спать на шкурах, в то время как другие обзаводились кроватями на европейский манер. При приготовлении и приеме пищи использовались кастрюли, миски, кувшины, котлы, ведра, тазы, а также деревянные, медные и железные горшки. В обиход входили и садовые инструменты – плуги и кирки. Для рубки дров применялись топоры, для освещения – фонари и свечи⁵⁵.

По смерти родителей принадлежащее им имущество передавалось детям согласно последней воле умирающего (завещание составлялось самостоятельно или, при отсутствии навыков письма, при помощи миссионеров; в последнем случае на документе ставился обыкно-

---

Ulster to the development of the Moravian Mission Station, Elim, 1965–1974. New Contree, № 75, July 2016. Researchgate.net. P. 46, 41–65. https://researchgate.net/publication/311065681_Contributions_by_Reverend_Johannes_Jacobus_Ulster_to_the_development_of_the_Moravian_Mission_Station_Elim_1965-1974 (дата обращения 14.07.2024)

венный крестик). Между потомками распределялось все движимое и недвижимое имущество, вплоть до табуретки. Так, заявительница Бенигна Йоханнес, среди прочего, завещала своим близким 1 лошадь, 6 волов, 1 шкаф, 1 гроб, 1 котелок и даже 1 ведро (каждому досталось что-то свое)⁵⁶.

Интересно то, что в общем и целом поселенцев миссионерских станций из числа местного населения отличало отменное здоровье*. Миссионеры приписывали это умеренной диете, которой они придерживались (не последнюю роль играло употребление в пищу диких ягод и корней). Им позволялось прибегать и к традиционным методам лечения недугов. Так, самым известным из целебных растений среди автохтонного населения было бучу**. Известен случай, ко-

---

* Безусловно, были и отдельные вспышки заболеваний, таких как оспа и лепра, случались и эпидемии. Например, наиболее часто происходили заражения коклюшем и корью; вследствие же повальной лихорадки в августе 1811 г. в Мамре были отменены церковные службы. Когда в марте 1812 г. в Каапстаде разразилась эпидемия оспы, была издана специальная прокламация, призывающая всех заразившихся носить на руке белую повязку и повесить рядом с жилищем белый флаг в качестве предупреждающего знака.

В марте 1821 г. в Эноне многие жители станции слегли с кровавым поносом (дизентерией). Нужно отдать должное оперативной реакции миссионеров: благодаря своевременно принятым мерам, в т.ч. немедленному преданию земле тел умерших, в общей сложности скончались только 4 человека. 4 года спустя там же разыгралась желчная лихорадка, наилучшим лекарством против которой, по мнению миссионеров, зарекомендовали себя средства, вызывающие рвоту. *Balie I.H.Th. 'n Kultureurhistoriese beeld van Kaapse Morawiese sendingstasies, 1808–1919. Universiteit van Stellenbosch, 1992. B. 61, 62. https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-diskpublic%3A%2F%2FJXPWl2asdb0zq3OrW3FmzC4pgQvIoim5BO1ndZ58jAJwmQrMnf%2BclH6EErp0IVSDq%2FJ6bpmRyOJonT3VoXnDag%3D%3D&name=balie_kultuurhistoriese_1992.pdf&nosw=1*

** Известно, что бучу горное обладает массой полезных свойств. Это растение, активно используемое традиционной медициной коренных народов Южной Африки в лечении, к примеру, артрита и инфекций мочевыводящих путей, имеет замечательные противовоспалительные, болеутоляющие свойства и при этом не имеет никаких побочных эффектов, в отличие от других препаратов подобного действия. Койсанские народы предпочитали просто использовать его листья вместо жвачки, в настоящее время оно повсеместно в Южной Африке употребляется в чае. Интересно, что сейчас аутентичными бурскими народными средствами считаются уксус и бренди, приготовленные на основе бучу горного. Снадобье на его основе изготавливается путем замачивания нескольких веток куста с листочками прямо в бутылке с алкогольным напитком на срок не менее пяти дней. *Lotter E. Buchu. South Africa's "miracle herb" // News 24. 2015. <https://news24.com/amp/health24/natural/herbs/Is-buchu-South-Africas-miracle-herb-20150811> (дата обращения 07.09.2022)*

Поскольку этот кустарник с душистыми цветами произрастает только в отдельных районах Западно-Капской провинции, территория его сбора – вблизи горного массива Седерберг (*Cederberg*) и реки Эландсклуф (*Elands Kloof*) – ограничена лишь двумя

гда в 1831 г. на территории миссионерской станции в Эноне ребенок получил серьезные ожоги; его лечили необычным, на наш взгляд, способом – пометом гиены. Считалось, что это средство способно охладить раны и предупредить воспалительные процессы. Стоит отметить, что миссионеры не только не препятствовали использованию традиционной медицины, но и поощряли обращение к ее методам⁵⁷. Логично предположить, что не в последнюю очередь такое благосклонное отношение к непривычным, с точки зрения европейца, методам избавления от недугов обуславливалось катастрофической нехваткой врачебного персонала в миссионерских станах. Впрочем, была и несколько другая причина. Так, еще служащие Голландской Ост-Индской компании настолько доверяли обширным познаниям коренных народов в области траволечения (фитотерапии), что веряли им лечение своих больных подопечных. Например, предки современных койкой использовали уксус на основе горного бучу для заживления ран; растение, известное как *dawidsworteljies* (яз. африканс, букв. «корешки Давида»), в качестве слабительного; *boschjesstroop* – сироп от кашля, приготовленный из нектара цветов густого кустарника-эндемика Южной Африки (*Protea repens* – лат.)⁵⁸.

Хотя обычно миссионеры имели при себе определенный запас лекарственных препаратов, который расходовался на всех без исключения жителей станций, квалифицированных медиков катастрофически не хватало. Нигде, кроме Хенадендала, таковых не было и в помине. Более того, в самом Хенадендале был всего один врач – доктор Эдвард Леес, периодически оказывавший медицинскую помощь местному населению в Элиме. Если же больным, проживавшим на территории других миссионерских пунктов, все же требовалась помощь знающего доктора, проповедники Моравской церкви обращались за советом к врачам из близлежащих поселений (или даже вызывали их на станции). Например, в Энон звали врачей из Эйтенхахе (*Uiten-*

деревенскими общинами, жители которых с давних пор не только используют данное растение в повседневной практике, но и ведут им активную торговлю. Сейчас бучу горное принимают в виде капсул, чаев и лосьонов для лечения ревматизма, артрита, подагры, при проблемах с почками и мочевым пузырем. *Muller C.* A glimpse into the buchu industry // Bio-economy. 2015. <https://bio-economy.org.za/buchu-industry/> (дата обращения 05.09.2022); *Dean T.* A short history of SA's miracle herb: buchu // News24. 2015. <https://news24.com/amp/health24/natural/herbs/Buchu-the-famous-herb-20150826> (дата обращения 05.09.2022)

Также, настой на основе этого южноафриканского кустарникового растения активно употребляется африканерами при похмелье. *Le Roux A.* 100 redes om mal te wees oor Suid-Afrika // Lekkeslaap. 2020. <https://lekkeslaap.co.za/blog/100-redes-sa> (дата обращения 07.09.2022)

hage) или Грахамстада (*Grahamstad*), а в Мамре приглашали докторов из Каапстада⁵⁹.

В контексте заботы о местном населении интересным фактом может послужить то, что миссионеры приучали родителей бегавших босиком детей, непривычных к ношению обуви, к мысли о необходимости пошива для них сандалий. Данная мера объяснялась стремлением уберечь детей от укусов горных гадюк, в изобилии водившихся в округе. Прочную подошву выделывали из слоновьей кожи⁶⁰.

Представители Моравской церкви не изнуряли население постами. Более того, подаваемая на стол пища была разнообразной и отвечала высоким вкусовым стандартам. С самого начала она состояла из дичи, меда, ягод, молока и т.д. В пределах миссионерского стана разбивали сады и огороды. Впоследствии на станциях начали выпекать в печах (вместо примитивных сооружений) и хлеб из ржаной и пшеничной муки. С возведением мельниц на собственной территории злаки вошли в повседневный рацион жителей. Охотились на фазанов, антилоп, дикобразов, трубокзубов, буйволов и слонов. Мясо последних пользовалось особой популярностью у койкой и почиталось ими за деликатес. В округе в изобилии собирали страусиные яйца. Впоследствии стали охотиться на китов. Китовое сало толщиной 12 дюймов шло на мыловарение и изготовление свечей⁶¹.

* * *

Моравская церковь продолжает с успехом функционировать в ЮАР и сегодня. Она имеет пусть и не столь многочисленную, однако преданную «армию поклонников», в значительной степени из числа т.н. «цветных», к категории которых относятся потомки автохтонного населения Южной Африки – готтентотов и бушменов (в настоящем койкой и сан соответственно). Ее присутствие в стране по-прежнему играет довольно заметную роль⁶². Так, по состоянию на конец 2022 г. данная протестантская деноминация насчитывает 100 000 членов в 84 приходах⁶³.

В настоящее время Голландская реформаторская церковь Южной Африки (НГК), признаваемая старейшим церковным учреждением в регионе, активно соперничает за паству и пожертвования с Моравскими братьями, все более усердно привлекающими в лоно своей Церкви новых прихожан, завладевая их вниманием и, что немало важно, доходами. Именно Моравская церковь является одним из крупнейших землевладельцев среди всех ныне существующих южноафриканских христианских общин. К исходу XX в. она уже владела 30% всех церковных земель ЮАР, ненамного уступая лишь Люте-

ранской церкви (по данным на 1998 г., 31,5%), в то время как во владении голландских реформатских церквей находились лишь 8%⁶⁴.

Кроме того, весомую роль играют столкновения на почве расовых предрассудков, например между приходами Моравской церкви в г. Хенадендал и Голландской реформатской церковью Южной Африки в г. Стелленбош. В то время как гернгутеры изначально были настроены на ведение проповеднической деятельности среди африканцев и коренного населения, пасторы ГРЦЮА были призваны окормлять паству практически исключительно из числа белых поселенцев; такая сохраняющаяся диспропорция не может не оказывать существенного влияния на напряженные отношения между двумя ответвлениями протестантской церкви⁶⁵. В перспективе сложившиеся противоречия могут дополнительно осложнить и без того крайне непростую социально-политическую обстановку в ЮАР, в значительной мере отягощенную конфликтами на расовой почве.

Жесткий антагонизм двух противоборствующих церковных деноминаций – Моравской и ГРЦЮА – разгорелся с новой силой начиная со времени претворения в жизнь политики раздельного проживания (с 1948 г.). Две этих Церкви занимали противоположные позиции касательно расового вопроса⁶⁶. В то время как ГРЦЮА принимала активное участие в пропаганде африканерского национализма и выработке теоретических положений доктрины апартхейда⁶⁷, моравцы придерживались кардинально иного подхода, распространяя свое влияние среди койкой и коса. Таким образом, противоборство проходило внутри самих приходов – между теми, чью паству составляли выходцы из числа автохтонных народов (койкой/сан), и теми, кто ориентировался на представителей черного африканского населения. Оплот моравцев, ориентировавшихся на койкой (*District Six*), базировался в районе Каапстада. К началу 1970-х годов свыше 60 000 жителей из-за «неугодного происхождения» были выселены оттуда в другие места. Их дома и предприятия были демонтированы, а саму Моравскую церковь закрыли⁶⁸.

Несмотря на конкуренцию как между партийными, так и между церковными структурами, сопернические отношения периодически перерастают если не в доверительные, то в партнерские. Так, в сентябре 2022 г., в День наследия*, в г. Хенадендал состоялась торжест-

---

* Государственный праздник ЮАР, отмечаемый 24 сентября. В этот день принято обращаться к традиционным ремеслам, костюмам, песням, памятуя о разнообразии южноафриканских культур разных рас и этносов, объединенных под единым флагом «радужной нации».

венная встреча между представителями ГРЦЮА и Моравской церкви Юга Африки. Место проведения мероприятия, разумеется, было выбрано неслучайно. Мартин Абрахамс, глава Моравской церкви Юга Африки (цветной) и Янсе фан Ренсбург, глава ГРЦЮА (белый), вознамерились установить прочный контакт между своими церковными деноминациями, простить друг другу прежние прегрешения и наметить контуры дальнейшего сотрудничества⁶⁹. Во время общей службы Мартин Абрахамс и Янсе фан Ренсбург отдали дань памяти женщинам, внесшим, каждая по-своему, вклад в служение Божественным истинам⁷⁰, среди них – Фехеттхе Тиккёйе и Вильгельмина Стомпис.

Учение Моравской церкви не предполагает подчиненного положения женщины по отношению к мужчине. Напротив, их совместная слаженная работа на равных считается угодной Богу. Этим и объясняется столь выдающаяся роль, которую Моравские братья и на Юге Африки отводили женщинам. Никакая другая Церковь в этом регионе и в отдельно взятой стране – Южной Африке – не делала этого. Кроме того, именно Моравской церкви удалось снискать феноменальную популярность среди автохтонного южноафриканского населения⁷¹. Церковь остается открытой для верующих из разных расовых и этнических групп, начисто отвергает дихотомию «свой – чужой» по какому бы то ни было признаку⁷² и, напротив, пропагандирует открытость по отношению к любому страннику, постучавшемуся в незапертую дверь.

---

¹ Овчинников В.Г. Католическая церковь в Западной Африке / Институт всеобщей истории. Академия наук СССР. М.: Наука, 1982. С. 57.

² Там же. С. 45.

³ Moravians in the Eastern Cape 1828–1928 // Historiese publikasies Suider-Afrika. 24.07.2004. <https://hipsa.org.za/publication/moravians-in-the-eastern-cape-128-1928/?lang=af> (дата обращения 23.03.2024)

⁴ De Wet T., Teugels J.L., van Deventer P. Historic bells in Moravian Missions in South Africa's Western Cape // Historia. November 2014. Vol. 59. No. 2. P. 96. <https://scholar.sun.ac.za/server/api/core/bitstreams/e7d4a322-5cc0-4e11-b551-9ea3836ecd83/content> (дата обращения 03.11.2023)

⁵ Южно-Африканская Республика. Справочник. М.: Институт Африки РАН, 2014. С. 21, 22.

⁶ Esterhuizen Z. SA se sendingstasies. 07.11.2022 // Weet.co.za. <https://weet.co.za/geskiedenis/sa-se-sendingstasies/> (дата обращения 12.07.2024)

⁷ Воронина Н.А. Протестантские церкви в общественно-политической жизни ЮАР. М.: Институт Африки РАН, 2022. С. 17, 18.

⁸ Ibid. P. 94.

⁹ Ibid.

---

¹⁰ *Воеводский А.В.* Создание первой поселенческой колонии // Черная Африка: прошлое и настоящее. Учебное пособие по Новой и Новейшей истории Тропической и Южной Африки / под ред. А.С. Балежина, С.В. Мазова, И.И. Филатовой. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С. 91.

¹¹ George Schmidt (1709–1785). First Protestant Missionary to Africa // GFA Missions. 25.05.1998. <https://gfamissions.org/george-schmidt/> (дата обращения 03.10.2023)

¹² George Schmidt, Moravian Missionary in South Africa // This Month in Moravian History. September, 2009. No. 46. <http://moravianchurcharchives.org/thismonth/09%20sept%20schmidt.pdf> (дата обращения 10.10.2023)

¹³ *Meissenheimer H.* Video: Belydenis, vergifnis en versoening tydens Erfenisdag op Genadendal // Kerkbode christians. 27.09.2022. <https://kerkbode.christians.co.za/2022/09/27/erfenisdag-belydenis-vergifnis-en-versoening-op-genadendal/> (дата обращения 02.10.2023)

¹⁴ *Landman C.* Die Susters van die broederkerk – ‘n Verhaal van vrouens in die Morawiese kerk in Suid-Afrika // Skrif en Kerk. Jrg 16. No. 2. 1995. B. 363. https://researchgate.net/publication/265352875_Die_susters_van_die_broederkerk_-'n_Verhaal_van_vrouens_in_die_Morawiese_kerk_in_Suid-Afrika (дата обращения 03.12.2023)

¹⁵ George Schmidt (1709–1785). First Protestant Missionary to Africa // GFA missions. 25.05.1998. <https://gfamissions.org/george-schmidt/> (дата обращения 03.10.2023)

¹⁶ George Schmidt, Moravian Missionary in South Africa...

¹⁷ *Landman C.* Op. cit. B. 363.

¹⁸ *Balie I.H.Th.* ‘n Kultureurhistoriese beeld van Kaapse Morawiese sendingstasies, 1808–1919. Universiteit van Stellenbosch. 1992. B. 60. https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public%3A%2F%2FJXPW12asdb0zq3OrW3FmzC4pgQvIoim5BO1ndZ58jAJwmQrMnf%2BclH6EErp0IVSDq%2FJ6bpmRyOJonT3VoXnDag%3D%3D&name=balie_kultuurhistoriese_1992.pdf&nosw=1 (дата обращения 06.10.2023)

¹⁹ *Landman C.* Op. cit. B. 363.

²⁰ *Brederkamp H. C.* Geogde Schmidt se poging tot transformasie van ‘n overbergse Khoikhoi-gemeenskap, 1737–1743. Instituut vir Historiese Navorsing. Universiteit van Wes-Kaapland. 2009. B. 21.

²¹ *Landman C.* Op. cit. B. 363, 364.

²² Ibid. B. 372.

²³ George Schmidt, Moravian Missionary in South Africa...

²⁴ *Landman C.* Op. cit. B. 364.

²⁵ Ibid. B. 367.

²⁶ Ibid. B. 364.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid. B. 365.

³² Ibid.

³³ *De Wet T., Teugels J.L., van Deventer P.* Op. cit. P. 96.

³⁴ *Воеводский А.В.* Указ. соч. С. 90, 91.

³⁵ Южно-Африканская Республика. Справочник... С. 21.

³⁶ *De Wet T., Teugels J.L., van Deventer P.* Op. cit. P. 96.

³⁷ George Schmidt (1709–1785). First Protestant Missionary to Africa...

-
- ³⁸ *Brederkamp H.C.* Op. cit. B. 22.
- ³⁹ Georg Schmidt, Moravian Missionary in South Africa...
- ⁴⁰ *Ibid.* B. 366.
- ⁴¹ *Ibid.*
- ⁴² *Ibid.*
- ⁴³ *Ibid.* B. 367.
- ⁴⁴ *Schalkwijk Rev.R.* Mandela & Moravians // Speakers Academy. 2013. https://speakersacademy.com/wp-content/uploads/2018/06/publication_3054.pdf
- ⁴⁵ *Viljoen R.* Jan Paerl, a Khoikhoi in Cape Colonial Society 1761–1851. TANAP Monographs on the History of Asian-European Interaction / Eds. L. Blussé, H.E. Niemeijer. Vol. 1. Brill, Leiden, 2006. P. 198, 202. 203.
- ⁴⁶ *Ibid.*
- ⁴⁷ *Landman C.* Op. cit. B. 369.
- ⁴⁸ *Ibid.*
- ⁴⁹ *Ibid.*
- ⁵⁰ *Viljoen R.* Op. cit. P. 197–207.
- ⁵¹ *Schalkwijk Rev.R.* Op. cit.
- ⁵² *Ibid.*
- ⁵³ *Ibid.*
- ⁵⁴ *Balie I.H.Th.* Op. cit. B. 58.
- ⁵⁵ *Ibid.*
- ⁵⁶ *Ibid.*
- ⁵⁷ *Ibid.* B. 61.
- ⁵⁸ *Boegoebandewyn, boschjesstroop en dawidsworteltjies* // Taalmuseum. <https://taalmuseum.co.za/boegoebandewyn-boschjesstroop-en-dawidsworteltjies/> (дата обращения 07.09.2022)
- ⁵⁹ *Balie I.H.Th.* Op. cit. B. 61.
- ⁶⁰ *Ibid.* B. 60.
- ⁶¹ *Ibid.* B. 59, 60.
- ⁶² *Van Breda M.J.* Contributions by Reverend Johannes Jacobus Ulster to the development of the Moravian Mission Station, Elim, 1965–1974. New Contree, No. 75, July 2016. Researchgate.net. P. 45, 41–65. https://researchgate.net/publication/311065681_Contributions_by_Reverend_Johannes_Jacobus_Ulster_to_the_development_of_the_Moravian_Mission_Station_Elim_1965-1974 (дата обращения 14.07.2024)
- ⁶³ Sinode van Wes-Kaapland // Kaapkerk. 25.09.2022. <https://kaapkerk.co.za/pilgrimage-of-grace-23-25-september-2022/> (дата обращения 04.10.2023)
- ⁶⁴ *Воронина Н.А.* Указ. соч. С. 135.
- ⁶⁵ *Schalkwijk Rev.R.* Op. cit.
- ⁶⁶ *Hoey R.* MWA Home and Overseas Paper. April 2023 // Moravian. <http://moravian.org.uk/attachments/article/191/H%20and%20O%20Apr%202023.pdf> (дата обращения 25.03.2024)
- ⁶⁷ Южно-Африканская Республика. Справочник... С. 23.
- ⁶⁸ *Hoey R.* Op. cit.
- ⁶⁹ *Meissenheimer H.* Video: Belydenis...
- ⁷⁰ *Meissenheimer H.* Video: Belydenis...
- ⁷¹ Также ей удалось снижать популярность у коса. Более того, несмотря на то, что официальным языком Моравской церкви в ЮАР является английский, широкое распространение получили также африкаанс и коса. *Karel Th.A.* The unity of the

---

church: a South African denominational experience and witness // *Studia Historiae Ecclesiasticae*. Stellenbosch University, South Africa. 2012. Vol. 38. No. 2. P. 12. <https://uir.unisa.ac.za/bitstream/handle/10500/8118/August.pdf?sequence=1>

⁷² Не секрет, что в современной ЮАР крайне остро воспринимается проблема ксенофобии. По утверждению исследователя из Стелленбошского Университета Карела Тх. Августа (*Karel Th. August*), именно Моравская церковь является стойкой приверженкой идеи *ксенофилии*.

ЕВРОПЕЙСКАЯ МЕДИЦИНА В АФРИКАНСКИХ КОЛОНИЯХ (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ)

Экспансия европейских государств в регионы с жарким климатом открыла новую страницу в теории и практике медицинского знания, ранее не существовавшую – тропическую медицину. Пионерами западной медицины и общественного здравоохранения в осваиваемых европейцами африканских землях были сотрудники протестантских и римско-католических миссий, но научные исследования они не проводили.

Вначале тропическая медицина развивалась в области военной медицины, поскольку именно моряки и первые колонисты, захватывавшие и осваивавшие территории в Африке и других жарких регионах мира, стали первыми жертвами тропических инфекций среди европейцев. Наибольшее число жертв вызывали малярия и желтая лихорадка; опасными и частыми болезнями были туберкулез, дизентерия, цинга, оспа и лепра. Серьезные опасности, угрожавшие здоровью европейского населения колонизируемых африканских территорий, дали импульс ряду научных исследований, и в середине XVIII в. в Англии вышли в свет первые книги по тропической медицине – «О наиболее эффективных средствах сохранения здоровья моряков» (*«On the Most Effectual Means of Preserving the Health of Seamen»*, 1757) и «О болезнях, случающихся с европейцами в жарком климате» (*«An Essay on Diseases Incidental to Europeans in Hot Climates»*, 1768). Их автор, врач британского флота Джеймс Линд, предложил свод правил по гигиене, соблюдение которых способствовало бы значительному уменьшению количества инфекционных заболеваний и смертности от них, а также доказал, что употребление в пищу цитрусовых защищает от цинги¹. В XIX в. для европейцев самым опасным по вероятности заражения тропическими болезнями регионом континента считалась Западная Африка. Англичанам, выезжающим в этот регион, рекомендовалось иметь при себе специальное руководство «Как добраться до Западной Африки и как вернуться» (*«How to Reach West Africa and How to Return»*), о чем упоминает в своей монографии российский эпидемиолог А.М. Бронштейн².

Широкий видовой спектр возбудителей-паразитозов, жаркий климат в совокупности с низким социально-экономическим развитием и бедностью населения зависимых территорий были основными при-

чинами массового распространения тропических заболеваний. Их вспышки в колониальных армиях разных стран мира побуждали военных врачей не только лечить болезни, оттапливаясь от собственных знаний и накопленного опыта, но и изучать их, используя опыт местного населения. Так появился стимул к развитию медицинской науки в области гигиены, эпидемиологии, диагностики и лечения тропических патологий. Сделанные в этот период открытия позволили колонистам из Европы обустроить свою жизнь в тропиках, создавать инфраструктуру и реализовывать проекты, оказавшие существенное влияние на развитие мировой экономики. Примером может служить строительство Суэцкого и Панамского каналов, заметно ожививших экономические связи между континентами³.

В имевших колонии странах – Великобритании, Франции, Бельгии, Германии – были созданы лаборатории по изучению тропических болезней; в ведении европейских медиков находилось здоровье не только белых поселенцев, но и местного населения.

В конце XIX в. население долины реки Конго поразил трипаномоз, более известный неспециалистам как сонная болезнь. Симптомы трипаномоза – повышенная усталость, боль в суставах, приступы лихорадочных состояний, нарушение временных промежутков сна и бодрствования, угнетенное состояние; затем развивался паралич и больные умирали. Причину заболевания в 1903 г. установил шотландский микробиолог Д. Брюс: трипаномоз вызывают паразиты, принадлежащие к роду *Trypanosoma*, переносчиком которых является муха цеце. В результате исследований в 1910 г. Брюс выделил два подвида болезни: западноафриканский трипаномоз (*Trypanosoma brucei gambiense*), распространенный в Западной и Центральной Африке, и восточноафриканский трипаномоз (*Trypanosoma brucei rhodesiense*) – возбудитель, встречающийся в восточных и южных регионах континента.

В те же годы от обоих видов этого заболевания были разработаны лекарства, основанные на органических соединениях мышьяка (арсфенамин, сальварсан, меларсопрол). Однако панацеи от трипаномоза создать не удалось: побочным эффектом применения этих препаратов оказалась слепота у большинства больных. Кроме того, названные лекарственные средства плохо переносились пациентами и требовали неукоснительного соблюдения определенных процедур, что не представлялось возможным в слоях беднейшего населения⁴.

Изучая проблемы колониальной медицины, нельзя обойти вниманием факты, опровергающие широко распространенное мнение, что колонизация принесла на подчиненные территории исключительно

отрицательные последствия. В колониальные времена в большинстве современных стран Тропической Африки была заложена и довольно успешно работала система первичного здравоохранения – сельские медицинские пункты. Именно на это первичное звено сегодня опирается национальное здравоохранение в Кении, Сенегале, Руанде, Намибии, Гвинее и многих других государствах континента⁵.

К концу XIX в. профессиональное медицинское сообщество все более объединялось: ученые из разных стран сотрудничали в разработке стандартов обследования и лечения больных, стратегий эффективной борьбы с эпидемическими заболеваниями, и это должны были учитывать власти колоний⁶. В 1904 г. был подготовлен план работы Туземной медицинской службы – первой в Африке службы здравоохранения, созданной по образцу существовавшей в то время во Франции и в скором времени распространенной по всей Французской Западной Африке. С 1905 г. началась организация сети пунктов бесплатной медицинской помощи для местного населения.

У многих поколений африканцев, проживавших на территории сегодняшней Демократической Республики Конго (ДРК, до 1960 г. – Бельгийского Конго), память о колониальном прошлом связана с настоящими зверствами в отношении местного населения. Однако параллельно бельгийские власти в 1950-х годах сформировали широкую сеть больничной инфраструктуры в рамках плана социально-экономического развития колонии (1949–1959). Основой службы здравоохранения стали больницы, родильные дома, амбулатории и медицинские центры, а также мобильные медицинские бригады, базировавшиеся в городах и в сельской местности. Медицинская инфраструктура включала в себя 332 больницы и родильных дома на 51 248 коек; 2483 сельских амбулатории с 20 051 койками; 99 специальных помещений для больных туберкулезом, проказой, сонной болезнью, психическими заболеваниями с предоставлением 14 293 коек.

Всего к 1960 г. в Бельгийском Конго насчитывалось 3041 медицинское учреждение на 86 599 коек, или 6,2 койки на 1000 человек, в то время как в середине 1990-х в ДРК этот показатель составлял 0,8 койки на 1000 человек. В 1959 г. общий бюджет здравоохранения равнялся 2 млрд 754 млн 924 тыс. конголезских франков (по номиналу с бельгийским франком), или примерно \$55 млн; более 50% этого бюджета покрывалось правительством. Все население Бельгийского Конго – и европейцы, и конголезцы – подлежало обязательным прививкам от полиомиелита, кори и желтой лихорадки. Разворачивались обширные мероприятия по противодействию распространению полиомиелита, проказы и туберкулеза. В начальных

школах занятия по профилактике заболеваний были частью учебной программы⁷.

С 1920-х годов формировалась система здравоохранения в Кении, основой которой стало распространение основных норм гигиены и раннее предупреждение заболеваний. Если до 1920 г. в районах проживания кенийцев государственные медицинские учреждения отсутствовали, то к 1932 г. было открыто 14 госпиталей и свыше 100 амбулаторий, в которых работали европейцы: 17 врачей, 9 медсестер, 6 санитарных инспекторов. Амбулатории представляли собой отделения ближайшей региональной больницы, руководство которой подчинялось директору департамента здравоохранения в г. Найроби. С конца 1920-х годов в рамках борьбы с тропическими болезнями колониальное правительство реализовывало широкомасштабные прививочные кампании и программы по обследованию здоровья африканского населения. Постепенно росло количество профессиональных медицинских работников (медсестер, сиделок, лаборантов, помощников лаборантов) среди африканцев, чему способствовало открытие в 1931 г. в Найроби двухгодичной школы с учебной программой по этим специальностям. С конца 1940-х годов в учебном центре *Mary Griffin Nurses Home* проходили подготовку профессиональные медсестры и сиделки⁸.

В качестве младшего медицинского персонала и акушерок в Кении работало немало женщин из числа местного населения. В 1935 г. при одном из роддомов в Найроби были открыты акушерские курсы. Занятость в этой сфере давала возможность африканкам повысить свой социальный статус и иметь собственный заработок.

Государственная система здравоохранения Кении сформировалась к 1950-м годам и представляла собой сеть первичных медпунктов в сельских районах, амбулаторий и больниц – в городах. Несмотря на то, что руководящие должности занимали европейцы, к различным видам вспомогательных работ широко привлекались и африканцы, получившие необходимые навыки⁹.

По мнению отечественного историка Г.А. Карпова, «ограниченность (а в годы мировых войн – откровенная нехватка) человеческих и финансовых ресурсов не помешала британским властям добиться в данной области огромных успехов. К концу колониальной эпохи в Кении практически полностью были искоренены чума, оспа, холера, онхоцеркоз, желтая лихорадка и возвратный тиф, распространение туберкулеза, проказы и сонной болезни – локализовано. Прививки стали нормой для коренного населения, снижены риски заболевания новорожденных столбняком и полиомиелитом. Велась планомерная

агитационная работа по распространению санитарных норм и основ личной гигиены. Удалось выявить прямую взаимосвязь между недоеданием, паразитарными инфекциями и анемией. Открытие медицинских школ позволило наладить процесс подготовки кадров из числа местных жителей. Накопленный за этот период базис впоследствии был успешно использован кенийскими властями для развития сферы здравоохранения в эпоху независимости»¹⁰.

Заметное улучшение здоровья африканцев было связано и с введением в 1904 г. обязательной прививки против оспы. В Сенегале, например, число случаев этого заболевания значительно уменьшилось, и с 1925 по 1958 г. было отмечено лишь 4 года, когда оспой болело более 400 человек. Ощутимую пользу приносили вакцинации против желтой лихорадки; борьба с малярией оказалась успешной благодаря осушению болот, госпитализации больных и бесплатной раздаче хинина. Лечение препаратами на основе хинина положило конец эпидемии в Руанде-Урунди в 1934–1935 гг., позже нашло применение в неэпидемической терапии в колонии Золотой Берег и в Нигерии в годы Второй мировой войны¹¹.

Для формирования медицинских кадров из числа туземцев в 1918 г. в Дакаре была открыта Африканская школа медицины, готовившая медсестер, акушерок и фельдшеров; в 1919 г. там появились отделения фармацевтики и ветеринарии. В 1950 г. в Дакаре открылось медицинское училище для подготовки государственных врачей; в 1955 г. – комитет по борьбе с алкоголизмом и центр социальной реабилитации, занимавшийся подготовкой профессиональных кадров для работы в местах заключения по узкоспециализированным отраслям медицины (отоларингология; офтальмология; стоматология).

В первые десятилетия XX в. во Французской Западной Африке формировалась централизованная система здравоохранения, в состав которой входили Дирекция медицинской службы, Инспекция здравоохранения и Совет по здравоохранению. В сферу деятельности этих структур входили: медицинское обслуживание колониальных войск, налаживание госпитальной службы и управление здравоохранением морского флота, а также контроль над эпидемиями и инфекционными заболеваниями и надзор за работой учреждений общественного здравоохранения, предназначенных для европейского населения колоний.

С 1921 по 1945 г. во французских колониях проводилась «политика массового здравоохранения», сопровождавшаяся различными нововведениями (основаны вспомогательная психиатрическая служба, служба борьбы с трипаносомозом). После 1946 г. модернизация здра-

воохранения заморских территорий, особенно западноафриканских, стала частью государственной политической программы: на основе четырехлетних планов предполагалось совершенствование лечебно-профилактической медицины (поддержка матери и ребенка, охрана здоровья личного состава авиации) и медицинских исследований, обучение медперсонала, улучшение административного управления. В то же время шла активная кампания по недопущению к лечению пациентов представителей традиционной медицины, что отразилось на работе Туземного департамента медицинской помощи. Эта организация занималась охраной здоровья местного населения, по сути, насильственно насаждая европейские методы лечения, исключив всякое сотрудничество с традиционными знахарями.

Профессиональные врачи-африканцы были признаны в научном мире задолго до обретения независимости их странами. Так, уроженец Сьерра-Леоне Джеймс Африканус Хортон (1835–1883) после окончания медицинского факультета Эдинбургского университета был назначен помощником военного хирурга в колонии Золотой Берег (современная Гана). Его перу принадлежат не только исследования по тропической медицине и отечественной истории, но и множество политических статей полемического характера; велика его заслуга и в развитии школьного образования. Однако преимущество в получении образования и дальнейшем карьерном росте было у мужчин. Лишь очень немногим африканкам из знатных и состоятельных кланов удалось получить высшее медицинское образование в университетах метрополий. К их числу относится Сюзан Барбара Гьянкорам Офори-Атта (1917–1985), внесшая значительный вклад в национальное здравоохранение Ганы. Получив дипломы Кембриджского и Эдинбургского университетов, она специализировалась на акушерстве и педиатрии. Помимо активной работы на медицинском поприще, Б.Г. Офори-Атта проявила себя как общественный деятель и защитница прав женщин и детей в вопросах наследования. Но как правило, роль африканок сводилась к выполнению в медицинских учреждениях вспомогательных работ по уходу за больными (сиделки, санитарки, уборщицы).

Приоритетность лечения тропических заболеваний для представителей колониальной администрации была неодинакова. Хотя малярия оставалась одной из главных причин смертности в Тропической Африке, правительства колоний уделяли основное внимание сонной болезни из-за ее большей экономической значимости. По рекомендации Организации здравоохранения Лиги Наций в начале 1920-х годов началось изучение сонной болезни; в начале 1930-х годов дирек-

тор этой организации Людвик Райчман предложил включить в сферу исследований Африку¹².

В ноябре 1932 г. и в ноябре 1935 г. в Кейптауне по инициативе правительства Южно-Африканского Союза состоялись научные конференции, посвященные актуальным вопросам здравоохранения в сельских районах континента. На обеих присутствовали официальные лица африканских колоний и представители международных организаций, включая Организацию здравоохранения Лиги Наций и Фонд Рокфеллера. Участники конференций 1932 и 1935 гг. подчеркнули необходимость широкого подхода к здравоохранению, основанного на экономическом прогрессе. В отношении малярии было отмечено, что необходимы дополнительные исследования, но «...не следует забывать, что без повышения экономического статуса подавляющей части населения Африки в целом не может быть надежды на успешное применение результатов исследований в континентальном масштабе или на заметное улучшение положения больших групп населения в отношении малярии как болезни»¹³.

Созданная в мае 1948 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) подчеркивала важность комплексного подхода к сельскому здравоохранению. В 1950 г. в Кампале (Уганда) состоялась конференция по изучению вариантов борьбы с малярией в Тропической Африке, участники которой рекомендовали использовать все возможные современные методы и создать международную организацию по противодействию этому заболеванию¹⁴. В 1953 г. Марколино Кандау, возглавлявший ВОЗ, предложил изучить проблемы санитарии в небольших общинах слаборазвитых стран и методы решения этих проблем, отметив, что программа санитарии в сельской местности не может быть успешной без активного вовлечения представителей местных сообществ. «Необходимо, – подчеркнул он, – чтобы все работники здравоохранения на всех уровнях участвовали в хорошо разработанных программах санитарного просвещения сельского населения»¹⁵. Основой формирования безопасной среды в сельских районах стали действия по обеспечению достаточных запасов питьевой воды; безопасной утилизации человеческих экскрементов; а также меры по борьбе с насекомыми и животными – переносчиками болезней.

Специалисты в области тропической медицины считали необходимым выйти за рамки борьбы с болезнями в отдельных странах, призывали к формированию международной системы здравоохранения. Географическими районами, представлявшими наибольший интерес для тропической медицины, были, в частности, различные климатические пояса Африканского континента.

В мае 1955 г. в странах Тропической Африки началась реализация Глобальной кампании по искоренению малярии, основанной на широком использовании противомаларийных препаратов. Но, несмотря на некоторое улучшение ситуации, кампания не могла проводиться на постоянной основе, поскольку централизованные программы были ограничены по времени; кроме того, требовалось ее бессрочное финансирование. В ходе работы с населением была выявлена устойчивость переносчиков инфекции к хлорохину, безопасному и доступному лекарственному средству, что отрицательно сказалось на результативности кампании¹⁶.

На территориях африканских колоний возникали фармацевтические производства, постепенно росла аптечная сеть. Так, появление первых аптек в Нигерии относится к 1887 г. Цены в них были очень высокими, и вследствие этого клиентская база ограничивалась состоятельными людьми – как белыми, так и африканцами. В 1922 г. в Лагосе была открыта первая фармацевтическая школа, в 1924 г. была основана Западноафриканская фармацевтическая компания, открывшая первые нигерийские промышленные предприятия по производству медикаментов. В 1940-е годы в стране появились аптечные склады, открылись розничные аптеки, доступные широкому слою населения. Однако не обходилось без ограничений: аптекари-африканцы имели возможность получить не высшее, а только среднее профессиональное образование. Спектр возложенных на аптекарей обязанностей был значительно шире, чем собственно работа по специальности: параллельно они были заняты в больницах, консультировали местных жителей по связанным со здоровьем вопросам, проводили научные исследования¹⁷. Весьма активно небольшие фармпроизводства развивались в ЮАС, Кении, странах Северной Африки, в Бельгийском Конго.

Но, несмотря на определенные достижения, преувеличивать успехи колониальной медицины все же не следует: у Франции, например, не хватало ресурсов, квалифицированных кадров и медикаментов для отправки в отдаленные районы своих колоний. К 1914 г. в сельских медпунктах Сенегала работало менее 100 врачей, к 1946 г. во Французской Западной Африке действовало всего 152 здравпункта. Проблемы с финансированием не могли не отразиться на качестве оказываемой медицинской помощи: так, медпункту в Стэнли-Пуле (позднее Браззавиль) во Французском Конго, предназначенном для обслуживания 80 тыс. человек, ежегодно выделяли лишь 200 франков.

Кроме того, западные научно-исследовательские институты охотнее занимались изучением болезней, которым в первую очередь бы-

ли подвержены европейцы (например, малярии и желтой лихорадки), а не холеры и сонной болезни, от которых страдали африканцы.

Система здравоохранения, внедрявшаяся в колониях, нанесла серьезный удар по традиционной медицине, основанной на самолечении и представляющей совокупность передаваемых из поколения в поколение знаний и практических методов для распознавания, лечения и предотвращения нарушений физического и психического здоровья. Колониальные власти часто обвиняли африканских знахарей в колдовстве и запрещали проводить обряды, поскольку врачи в африканской традиции – это жрецы, гадалки, травники, нередко получавшие посвящение в тайных обществах. Так, на территории Французской Западной Африки деятельность знахарей была объявлена вне закона в 1897 г. На долгие годы народная медицина, будучи частью традиционной культуры, оказалась «в подполье». Ситуация изменилась только в период независимого развития, когда во многих странах деятельность целителей стала официально признанной¹⁸.

Поддержанием здоровья африканцев и борьбой с тропическими заболеваниями в колониальное время занимались многие талантливые врачи-европейцы – Ж. Леклезю в Нигерии, А. Швейцер во Французской Экваториальной Африке, Л. Кюльц в Камеруне и др. Более 35 лет жизни отдал Африке русский эмигрант Петр Константинович Дылёв (1888–1978), выпускник Петербургской военно-медицинской академии. Работая в Бельгийском Конго, он, помимо широкой медицинской помощи местному населению, занимался благоустройством вверенных ему больниц и строительством новых, организовывал школу фельдшеров и санитаров из числа африканцев, а самым способным лично оплачивал обучение за границей. Во многом благодаря усилиям таких подвижников как П.К. Дылёв появилась прослойка европейски образованных конголезцев, резко уменьшилась детская смертность, прекратилось людоедство¹⁹. Деятельность П.К. Дылева – яркое свидетельство того, что и в условиях колониальной системы, нанесшей тяжелый удар по традиционному образу жизни местного населения, можно было принести существенную пользу.

Следует особо отметить, что в колониальные времена были заложены основы официальной статистики – главного источника информации о состоянии здоровья населения. Однако в наши дни не во всех странах Африки налажена работа по сбору статистических данных, что существенно усложняет оценку различных показателей национального здравоохранения на международном уровне.

После обращения африканскими странами независимости в СССР вышел целый ряд публикаций, дающих бескомпромиссно отрица-

тельную оценку колониальному здравоохранению. Так, В.С. Гражуль и Ю.П. Лисицын в книге «Колониализм и здравоохранение в Африке» (Медгиз, 1961 г.) пишут: «...последствия колониализма и его влияние в странах, которые еще стонут под игом колониальной эксплуатации, тяжелы, мрачны и опустошительны. Но напрасно пытаются колонизаторы и их приспешники уйти от ответственности за плачевное состояние жизни и за низкий уровень здоровья африканских народов. Никакие податки империалистов не в состоянии искупить зло, причиненное Африке»²⁰.

Но в последние 30 лет многими историками, социологами, культурологами поставлен под сомнение постулат о том, что все действия колониальной администрации состояли лишь в ущемлении интересов местного населения и жестком насаждении своих правил существования. Как показал ряд исследований, недостаток медицинской помощи и эффективности санитарно-гигиенических мероприятий во многом был результатом нежелания африканцев принимать чуждые медицинские практики. Как правило, управленческий аппарат колоний не имел достаточных ресурсов для искоренения традиционной медицины и внедрения западных медицинских стандартов и не обладал политической волей, позволявшей пренебрегать опасностью потенциальных беспорядков²¹.

В научном сообществе существуют различные точки зрения – от сугубо прагматических до философских – на сосуществование европейских методов лечения и традиционных африканских практик. Как пишет в одном из своих исследований современный французский историк и социолог Даниэль Домерж-Клорик, колониальный режим насильственно насаждал европейский тип здравоохранения, что приводило к резкому сопротивлению населения и незначительному положительному эффекту только среди проживавших в городах образованных и зажиточных африканцев. Поскольку европейская медицина была доступна большинству белого населения и лишь немногим африканцам, она не могла конкурировать с медициной традиционной, к которой продолжало обращаться в случае необходимости большинство местного населения. Однако благодаря своей эффективности европейская медицина со временем стала неотъемлемым элементом в структуре колониального общества, сосуществуя с традиционной медициной и превосходя ее на административном уровне²². Это сосуществование и превосходство Д. Домерж-Клорик объясняет тем, что западная медицина не имеет корней в африканской культуре, однако, по ее мнению, «следует признать, что каждый из этих видов медицины обладает своими собственными достоинствами»²³.

Тем не менее социологи отмечают глобальную оппозицию научных и традиционных методов лечения, не исчезнувшую до наших дней. Так, представители этноса лоби, проживающего в Кот-д'Ивуаре, Буркина-Фасо и Гане, не доверяют современным специалистам, продолжая обращаться в случае болезни к целителям-прорицателям. Этот пример не единичен: в разных регионах континента неприятие современной медицины находится в широком диапазоне – от отказа пользоваться учреждениями здравоохранения до нападений на работников медслужб.

По мнению социолога из Кот-д'Ивуара Харрис Мемель-Фоте (1930–2008), конфликт в целом специфичен, он носит выборочный характер и отличается целенаправленностью. Некоторые ученые видят оппозицию в противоположности методик, одна из которых универсальная и экспериментальная, а другая основана на «приобщении к тайне» и символах. Возможно, разница заключается в технике лечения: в одном случае это точный диагноз и дозировка лекарств, в другом – их произвольное назначение. За пределами этих противостояний пролегает огромное пространство, в котором традиционная медицина продолжает свое существование без ограничений, еще раз доказывая, что вековая культура включает величины любой давности, когда один слой лежит на другом вплоть до глубин, которые невозможно измерить²⁴.

Таким образом, дать однозначную оценку колониальной медицине в целом не представляется возможным. Она формировалась и существовала много десятилетий в результате взаимодействия африканских традиционных культурно-бытовых практик и экономико-политических интересов колониальных администраций. Это взаимодействие, нередко имевшее конфликтный характер, после обретения африканскими странами независимости стало основой формирования национальных структур здравоохранения. Сегодня во многих бывших колониях европейская и традиционная медицина успешно дополняют возможности друг друга. Например, в ЮАР, Кении, Танзании, на Мадагаскаре эти два вида медицинского знания законодательно уравниены. Однако население, особенно в сельской местности, в лечении недугов по-прежнему отдает предпочтение испытанным народным методам. Кроме того, в приготовленных знахарями снадобьях используются, как правило, минеральные и растительные компоненты, доступные в той или иной местности, в то время как медучреждения европейского образца практически постоянно испытывают дефицит специалистов, лекарств, вакцин, перевязочных материалов – проблема, оставшаяся в наследство африканским государ-

ствам с колониальных времен. Важную роль играет и фактор доступности: если сельские медпункты оказываются малодоступными, особенно для жителей горных и лесных районов, то к услугам знахаря обратиться значительно проще. Услуги народного целителя могут по договоренности вознаграждаться натуральными продуктами, а посещение медучреждения, за исключением страховых случаев, оплачивается деньгами. Таким образом, экономическая привлекательность народной медицины очевидна.

Но было бы ошибочным полагать, что традиционная медицина повсюду в постколониальной Африке имеет поддержку властных структур. В Руанде, например, запрещена реклама традиционных методов лечения и деятельности знахарей в средствах массовой информации. По всей видимости, в своем развитии эта страна ориентируется в первую очередь на западные стандарты, что нашло отражение и в запретах подобного рода²⁵.

Учитывая многовекторность социальных, экономических, политических и культурных процессов, происходящих на Африканском континенте, можно предположить, что сосуществование обоих видов медицинской практики продолжится и впредь; при этом сейчас очевидно преимущество традиционных методов борьбы с недугами.

---

¹ *Талантов П.В.* 0,05. Доказательная медицина от магии до поисков бессмертия. М.: Изд-во Corpus, 2019. 560 с.

² *Бронштейн А.М.* Тропические болезни и медицина болезней путешественников. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014. 528 с.

³ *Бронштейн А.М., Лобзин Ю.В., Козлов С.С., Бург А.Б.* От примитивной медицины джунглей – к современной тропической медицине: история прогресса и современные проблемы в борьбе с тропическими болезнями // Журнал инфектологии. 2022. Т. 14. № 2. С. 5–11. DOI: 10.22625/2072-6732-2022-14-2-5-13

⁴ *Ge Kennedy P.* Clinical features, diagnosis, and treatment of human African trypanosomiasis (sleeping sickness) // *The Lancet. Neurology.* 2013. No. 2. P. 186–194. DOI: 10.1016/S1474-4422(12)70296-X

⁵ *Гришина Н.В.* Деколонизация здравоохранения // Африка: постколониальный дискурс. М.: Институт Африки РАН, 2020. С. 195.

⁶ *Neill D.* Networks in Tropical Medicine: Internationalism, Colonialism, and the Rise of a Medical Specialty, 1890–1930. Stanford, California: Stanford Univ. Press, 2012.

⁷ *Lyons M.* Public health in colonial Africa: the Belgian Congo // *Clio Medica.* 1994. No. 26. P. 356–384.

⁸ *Chaiken M.S.* Primary Health Care Initiatives in Colonial Kenya // *World Development.* 1998. Vol. 26. No. 9. P. 1701–1717.

⁹ *Kanogo T.* African womanhood in colonial Kenya, 1900–50. Oxford: James Currey; Athens, Ohio: Ohio University Press, 2005. 268 p.

¹⁰ *Карнов Г.А.* Система здравоохранения колониальной Кении // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 2. С. 127–139. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.2.40520

---

¹¹ *Webb James L.A., Jr.* The Long Struggle against Malaria in Tropical Africa. Cambridge University Press, 2014.

¹² *Borowy I.* Coming to Terms with World Health: The League of Nations Health Organization 1921–1946. Frankfurt: Peter Lang, 2009.

¹³ Report of the Pan-African Health Conference, Johannesburg. November 10th to 30th, 1935 // Quarterly Bulletin of the Health Organization. 1936. No. 5. P. 1–209.

¹⁴ *Litsios S.* Re-imagining the control of malaria in Tropical Africa during the early years of the World Health Organization // Malaria Journal. 2015. No. 14. Article 178. <https://doi.org/10.1186/s12936-015-0700-9> (дата обращения 27.11.2023)

¹⁵ Expert Committee on Environmental Sanitation. Third Report. Geneva: World Health Organization, Technical Report Series. 1953. No. 77.

¹⁶ *Mendis K., Rietveld A., Warsame M., Bosman A.* From malaria control to eradication: the WHO perspective // Tropical Medicine and International Health. July 2009. No. 14 (7). P. 802–809. DOI: 10.1111/j.1365-3156.2009.02287.x

¹⁷ *Ben-Ajepe T., Nwogu I.B., Olaoye D.Q., Ayodele A., Uwizeyimana T.* Pharmaco-economics in Africa: needs, prospects and challenges // Journal of Pharmaceutical Policy and Practice. 2021. No. 14. <https://doi.org/10.1186/s40545-021-00328-5> (дата обращения 27.11.2023)

¹⁸ *Гришина Н.В.* Здравоохранение в странах Тропической Африки (социальные аспекты) // Ученые записки Института Африки РАН. 2010. Вып. 29. С. 56–57.

¹⁹ См. подробнее: *Ронин В.К.* Врач из России в Бельгийском Конго: Петр Дылёв // История медицины. 2014. № 2 (2). С. 76–87.

²⁰ *Гражуль В.С., Лисицын Ю.П.* Колониализм и здравоохранение в Африке. М.: Медгиз, 1961. С. 139.

²¹ *Harrison M.* Medicine in an Age of Commerce and Empire: Britain and Its Tropical Colonies, 1660–1830. Oxford: Oxford University Press, 2010. 384 p.

²² *Domergue-Cloarec D.* La sante en Cote-d'Ivoire 1905–1958. Toulouse: Le Mirail, 1986. P. 1193–1198.

²³ *Ibid.* P. 1199.

²⁴ *Memel-Fote H.* Les représentations de la santé et de la maladie chez les Ivoiriens. Paris: L'Harmattan, 1998. P. 77–86.

²⁵ В Руанде запретили упоминать нетрадиционную медицину в СМИ. 22.01.2019. Информационное агентство «Регнум». <https://regnum.ru/news/2556763?ysclid=lzlvb1xtj49627576>

Глава 15

«СБИТЬ СПЕСЬ С АНГЛИЧАН». БЕГСТВО РОССИЙСКИХ ПОДРОСТКОВ НА АНГЛО-БУРСКУЮ ВОЙНУ 1899–1902 гг.*

Изнеженный десятилетний мальчик-гимназист мечтает бежать в Америку или Африку совершать подвиги. Это слабые симптомы той доброкачественной заразы, которая неминуемо распространяется по земле от подвига.

А.П. Чехов¹

Во время англо-бурской войны 1899–1902 гг. жители двух стран на Юге Африки сопротивлялись британской колониальной экспансии. Отстаивая независимость, вооруженные формирования Южно-Африканской Республики (Трансвааля) и Оранжевого Свободного Государства бросили вызов сильнейшей армии мира. Почти три года защитники бурских республик сопротивлялись натиску империи, которая тогда была крупнейшей в мире.

Этот конфликт привлек внимание общественности в России. «Еще недавно, очень недавно названия “Трансвааль”, “Оранжевая республика”, “Наталь” были для нас мертвыми звуками, ничего или почти ничего не говорившими нашему уму и сердцу. Теперь эти самые слова стали нам сразу понятны, близки, чуть ли не родственны! – отмечалось в петербургском журнале для подростков. – Мы с лихорадочной поспешностью берем утреннюю газету и первый вопрос, который нас занимает, это – что принесла телеграфная проволока из Трансвааля, чем закончился вчерашний день в охваченном пожаром войны уголке далекой Африки?»².

С начала южноафриканской войны сотни российских подданных разных возрастов и сословий, с военным опытом или без, желали воевать за буров. Молодые офицеры отправлялись в Трансвааль, чтобы отвлечься от рутины и получить практический опыт на современной войне, в столкновении с державой, считавшейся наиболее вероятным противником России – Британской империей. Добровольцев

---

* Автор благодарит за предоставленные материалы Л. Фентера, библиотекаря Военного музея бурских республик (Блумфонтейн, ЮАР), а также историка и литературоведа Б.А. Равдина (Рига, Латвия).

также воодушевлял романтизм пробурской кампании, возможность помочь борцам за независимость.

Крайней формой солидарности с антиколониальной борьбой буров стало бегство в Южную Африку несовершеннолетних россиян, желавших сражаться против британской армии. Сегодня трудно понять горячее желание десятков, если не сотен, мальчиков из Российской империи присоединиться к защитникам бурских республик в далекой Южной Африке и их настойчивые попытки осуществить свое намерение.

В других странах подростки тоже старались уехать в Африку, чтобы воевать за независимость Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства, хотя эти сведения пока не отражены в историографии*. Кроме того, некоторые западноевропейцы в подростковом возрасте эмигрировали в Южную Африку и годы спустя участвовали в англо-бурской войне³. Но, в отличие от них, российские школьники намеревались попасть в Южную Африку специально, чтобы поступить в бурские отряды и отправиться на фронт.

Сообщения о бегстве подростков печатались в российской прессе и широко обсуждались до конца англо-бурской войны⁴. При этом мотивация беглецов не подвергалась анализу. Журналисты не пытались выяснить причины у самих мальчиков; их высказывания почти никогда не воспроизводились в печати. Казалось очевидным, что подростками движут исключительно симпатия к бурам и желание помочь им сражаться за свободу с ненавистными англичанами. Попытки школьников уехать на юг Африки считались лишь крайним проявлением «буромании», охватившей Россию.

Те из беглецов, кто уже во взрослом возрасте написал воспоминания, не вдаются в подробности при изложении причин своего ухода из дома без достаточных денежных средств и снаряжения в надежде добраться до африканской страны, о которой у них были смутные и обычно неверные представления. Вот лаконичный рассказ о побеге из мемуаров советского писателя И.Г. Эренбурга, который в начале южноафриканской войны был девятилетним московским гимназистом:

«Наслушавшись разговоров о героизме буров, я сначала написал письмо бородатому президенту [Трансвааля] Крюгеру, а потом, ста-

---

* Венгерский историк Г. Сабо-Жолдос, доцент Университета Ньиредьхаза, сообщил мне, что школьники в Австро-Венгрии во время англо-бурской войны также мечтали участвовать в боевых действиях на стороне республиканских вооруженных формирований.

щив у матери десять рублей, отправился на театр военных действий. Ночью меня поймали, и я не любил вспоминать о злополучном начинании»⁵.

Все же мотивация подростков заслуживает внимания. В наше время бегство несовершеннолетнего из дома считается тревожным сигналом. Свойственное началу XX в. представление о юных беглецах как о любознательных романтиках, искателях приключений радикально пересмотрено. Психологи установили, что беглецы часто страдают психическими и поведенческими расстройствами⁶. В определенной степени эти факторы влияют на их склонность к побегу. Решение бежать принимается под влиянием сильных эмоций, например гнева и разочарования. Подростков не устраивает их низкий социальный статус или отношение к ним людей или коллективов, которое они считают жестким и несправедливым. Не желая мириться со своим положением, они бегут из неприятной или опасной среды⁷.

Поэтому нельзя довольствоваться представлениями о мотивации российских подростков к побегу, бытовавшими в годы англо-бурской войны. Мальчики могли принимать решения о бегстве под влиянием психологических или даже психических проблем. Но почему они стремились именно на юг Африки? Для ответа на этот вопрос нужно обратиться к культурным факторам. Рассмотрим намерение подростков отправиться на помощь к бурам в контексте установок и стереотипов по отношению к Южной Африке, бытовавших в России на рубеже XIX–XX вв.

Обстоятельства побега

Сообщения об отъезде подростков к бурам и их принудительном возвращении появились в российской прессе того времени вскоре после начала южноафриканской войны. Едва русский читатель узнал о начале боевых действий, на помощь трансваальцам отправился калужский гимназист, сын прокурора окружного суда⁸. Газеты писали о юных беглецах из Петербурга, Минска, Москвы.

Попытки подростков достичь бурских республик участились в конце 1899 – начале 1900 г. на фоне побед республиканских отрядов, о которых с энтузиазмом сообщала российская пресса. Польская газета опубликовала заметку о тринадцатилетнем варшавянине: его обнаружили одного на лугу в 120 км от родного города. Замерзший и оголодавший мальчик собирался вместе с друзьями попасть в Трансвааль. На деньги, полученные от родителей для оплаты обучения, он

приобрел консервы и снаряжение. Мальчик добрался до условленного места встречи, но друзья не приехали⁹.

Большинство российских подростков, желавших попасть в Трансвааль, пускались в путь в одиночку или с парой друзей. Иногда уезжали целыми группами, до десяти человек. Ехали городские жители европейской части Российской империи, в том числе с нынешней территории Польши, Молдавии, Украины и Белоруссии. Причем не только из крупных, но и из уездных городов. Среди них были сыновья представителей разных сословий: дворянства, духовенства и, главным образом, мещанства.

Экипировка была явно недостаточной для путешествия на юг Африки: несколько предметов одежды, немного еды, иногда отцовский револьвер или охотничье ружье. Не умея обращаться с оружием, мальчики ранили себя. Обычно удавалось застись совсем небольшими суммами, до десяти рублей. Но были и более предусмотрительные ребята. Один беглец вез украденные у родителей 200 руб.; этого хватило бы, чтобы на грузовом пароходе добраться из Гамбурга до ближайшего к Трансваалю океанского порта¹⁰.

Психологи установили, что подростки принимают решение о побеге импульсивно, не заботясь о личной безопасности и не продумывая маршрут¹¹. У тех, кто хотел добраться до Трансвааля во время англо-бурской войны, план состоял в том, чтобы попасть на корабль, шедший к африканским берегам. Для этого нужно было сначала доехать на поезде до западной границы или до черноморских портов. Речь о легальном пересечении границы не шла, поскольку у юных путешественников не было загранпаспортов. Мальчики предполагали устроиться на судно юнгой, как в приключенческих романах.

Узнав об исчезновении сыновей, родители обращались в полицию, а также предупреждали власти городов, куда могли направиться мальчики. В течение 1–2 суток беглецов находили и возвращали домой. За это время некоторым из них удавалось проехать сотни километров. Зимой 1900 г. сыновья приходского священника и дьякона в Смоленской губернии проехали около 600 км от своего дома, прежде чем в Киеве их задержала полиция, когда они пытались без билета попасть на поезд, идущий в Одессу¹².

Яркое описание неудавшегося бегства в Африку оставил поэт и мемуарист Дон-Аминадо (А.П. Шполянский). Когда началась война, ему было одиннадцать лет и он жил в уездном Елисаветграде Херсонской губернии. Вместе с одноклассниками он задумал отправиться воевать за свободу буров.

«В отряде было десять человек, – писал Дон-Аминадо. – Стрижка бобриком. В глазах сумасшедшинка. Фуражки на бок. Штаны со штрипками... В одной версте от города, как раз за казенным садом – шорох, враги, засада! два городских, невидимая тьма родителей, и во главе – Василий Касьянович Дубовский, классный надзиратель, по прозвищу Козел. И сказал нам Козел несколько слов, о которых лучше не вспоминать»¹³.

Шестнадцатилетний самарский школьник Алексей Толстой, будущий известный писатель, тоже стремился в Африку. В октябре 1899 г., узнав о побеге столичных гимназистов в Трансвааль, он объявил, что тоже поедет «сражаться с англичанами за независимость буров»¹⁴. Только увлечение писательством отвлекло его от исполнения своего намерения.

В историю вошел матрос Железняк – А.Г. Железняков, начальник караула Таврического дворца, участвовавший в разгоне Всероссийского учредительного собрания в 1917 г. Когда началась англо-бурская война, Анатолий был еще ребенком. Ему запомнилось, как его четырнадцатилетний брат Николай, тоже будущий матрос и анархист, ночью сбежал из дома с отцовским ружьем. Через день Николая с товарищами высадили из поезда, шедшего к границе, и вернули в Москву¹⁵.

И все же нескольким россиянам позднего подросткового возраста удалось достичь Африки и повоевать за буров.

В мемуарах добровольцев и переписке отечественных дипломатов упоминается семнадцатилетний Николай Кравченко. В отличие от других подростков, московский гимназист отправился в Трансвааль с согласия матери и с действующим загранпаспортом. Он стал одним из первых добровольцев, прибывших в Южную Африку из России. Говоривший только по-русски, Кравченко в начале 1900 г. состоял в отрядах под началом генерала Л. Мейера на Натальском фронте, а позднее – в Русском отряде под командованием штабс-ротмистра А.Н. Ганецкого. В составе бурских формирований Кравченко оборонял Йоханнесбург и отступил к границе, прежде чем вернуться в Россию через Мозамбик¹⁶.

Старшие не поощряли стремление подростков отправиться на южноафриканскую войну. Отъезд взрослых добровольцев в Трансвааль вызывал в обществе одобрение и даже восхищение, но такой поступок считался неподобающим для подростков. Хотя родители, учителя и чиновники были тронуты «впечатлительностью отзывчивой детской души», удалось найти лишь одно упоминание о побуждении подростков к побегу со стороны взрослого¹⁷.

Отношение взрослых

Школьники уходили из дома втайне от взрослых, потому что их стремление уехать к бурам осуждалось. Проправительственные «Московские ведомости» относили попытки мальчиков отправиться в Южную Африку «к числу прискорбных способов выражения симпатий к бурам со стороны молодого поколения»¹⁸. Эренбург считал бегство в Трансвааль одним из своих юношеских проступков: «Я кинулся с ножом на дворника Илью; я пытался поджечь дачу моего деда; я пробовал убежать к бурам»¹⁹.

Родители и учителя пресекали попытки к бегству, а пойманных наказывали. По воспоминаниям Дон-Аминадо, после провала «экспедиции» в Трансвааль его ждали в гимназии темный карцер, а также особое унижительное наказание, придуманное директором. Две недели беглецы на большой перемене заполняли страницы тетради латинской фразой: «*Ego sum asinus magnus*» («Я большой осел»)²⁰.

Взрослые считали такой побег сумасбродством, вызванным жадой приключений. Даже Б. Прус, автор популярных рассказов о детях, с сарказмом отзывался о том, как гимназисты поспешили на помощь «храбрым бурам»²¹. Литераторы иронизировали над поступками мальчиков. В юмористической пьесе, опубликованной в начале войны, желание уехать в Трансвааль объясняется просто: подросткам не хочется учить уроки. Прочитав в местной газете о бегстве к бурам школьников из Рязани, провинциальные гимназисты решают взять немного денег и старое охотничье ружье и срочно отправиться в Африку. Внезапное появление репетитора по географии расстраивает их планы²².

Рассказывая о неудачном побеге, журналисты пародировали высокопарные повествования о воинской доблести. Подростки именуется «юными героями», восплаившими ненавистью к англичанам. Когда воинственность «ярких бурофилов» достигла предела, они отправились в Трансвааль, но по дороге были остановлены и «водворены к домашнему очагу»²³.

Даже карикатуристы насмеялись над неудачливыми защитниками буров. В варшавском юмористическом журнале изобразили юного беглеца в таком виде: мальчик в матроске, бурской шляпе, с ранцем, флягой на поясе и с игрушечной саблей. На деревянной лошадке он «приискакал» к железнодорожной кассе и просит билет до Трансвааля²⁴.

Ироничные отзывы о подростках контрастировали с серьезными сообщениями о взрослых, также готовых рискнуть здоровьем и даже

жизнью ради бурских республик. Журналисты сетовали, что у большинства добровольцев не хватает денег, чтобы проделать долгий путь до Трансвааля²⁵.

Несмотря на колкости, порицание и угрозу сурового наказания, подростки пытались уехать к бурам в течение всей войны. Пресса общала о юных беглецах и после прекращения боевых действий на юге Африки. Так, в июне 1902 г. в 60 км от столицы был задержан двенадцатилетний петербуржец, который отправился воевать в Трансвааль. При нем нашли перочинный нож и полтора рубля. Мальчику объяснили, что англо-бурская война уже окончилась, и вернули к родителям²⁶.

Бегство в «экзотические» страны из России в XIX в.

Еще задолго до южноафриканской войны российские подростки стали стремиться в заморские края, ассоциировавшиеся с романтикой и приключениями. С 1860–1870-х годов мальчики хотели отправиться в США. «Как большинство моих сверстников, я мечтал о победе в Америку», – вспоминал друг детства Николая II великий князь Александр Михайлович²⁷.

Предшественниками этих беглецов были подростки из Западной Европы, которые в XVII–XVIII вв. переселялись на атлантическое побережье Северной Америки в поисках приключений или, чаще, благоприятных условий труда и возможностей для восходящей социальной мобильности²⁸. Кроме того, российских подростков вдохновляли истории об американском фронтире в популярной художественной литературе XIX в.

Еще в 1830-х годах россияне познакомились с нашумевшими в Европе приключенческими романами Ф. Купера. А в середине столетия были опубликованы первые русские переводы книг Т. Майн Рида о Диком Западе, о коренных жителях и белых переселенцах в Северной Америке. Школьники разных возрастов и сословий в Российской империи конца XIX в. мечтали об участии в схватках между ковбоями и индейцами. Эти мальчики были знакомы и с юными искателями приключений из американской художественной прозы. В 1890-е годы вышло несколько русских переводов романов Марка Твена о Томе Сойере и Гекльберри Финне.

Чтение художественной прозы о Диком Западе подготовило отечественную читающую публику к восприятию сюжетов и антуража колониальных романов, действие которых разворачивалось в Африке²⁹. В российской культуре рубежа XIX–XX вв. далекая и малозна-

комая Африка с ее огромными территориями, не заселенными европейцами, оставалась прибежищем свободолюбивых романтиков³⁰.

Юг Африки был далек от сферы государственных интересов России. Прямых культурных и экономических контактов с этим регионом у россиян не было. И если Африка казалась большинству из них недоступной, то что говорить о самой отдаленной части этого континента, где находились бурские республики?!

Для своего собрания сочинений А.П. Чехов кардинально переработал рассказ «Мальчики» (1887). Этот том вышел через полгода после начала южноафриканской войны, весной 1900 г., когда в газетах часто сообщалось о попытках русских школьников отправиться на помощь к бурам³¹. Герои рассказа – два гимназиста, любители Майн Рида – хотят сбежать в Америку, чтобы сражаться с индейцами, охотиться, добывать золото, жениться на красавицах и завести плантацию в Калифорнии. Но в первый же день мальчиков останавливают и возвращают домой.

Гимназисты, в понимании писателя, стремятся туда, где осталось место приключениям и свершениям. Мальчики движимы благородным порывом. Они томятся в мире рутины и мещанства. Чехову было знакомо это чувство, и он признавался в личном письме: «Будь деньги, я уехал бы в Южную Африку, о которой читаю теперь очень интересные письма. Надо иметь цель в жизни, а когда путешествуешь, то имеешь цель»³².

В сознании многих школьников второй половины XIX в. фантазии о поездке на юг Африки или в Северную Америку были взаимозаменяемы. А.Т. Аверченко в автобиографическом рассказе «Смерть африканского охотника» вспоминал, как он, десятилетний сын крымского купца в конце 1880-х годов, зачитывался Майн Ридом и Буссенаром и мечтал о дальних странах. Мальчик не понимал, «как можно было жить в Севастополе, когда существуют [...] южный берег Африки, пограничные города Мексики, громадные прерии Северной Америки, Мыс Доброй Надежды, реки Оранжевая, Амазонка, Миссисипи и Замбези?»³³ Ему хотелось купить фургон и вместе с бурами отправиться на поиски южноафриканских алмазов. А если не получится добраться до Африки, то поехать в Америку охотиться на бизонов.

Из Северной Америки в Южную Африку и обратно переносится в воображении тринадцатилетний фантазер из другого рассказа Аверченко, «Предводитель Лохмачев». Он уверяет сверстников, что два года странствовал по Капской колонии с отцом, «торговцем невольниками»³⁴. В рассказе В.М. Дорошевича «Горе и радости маленького человека» гимназист представляет себя то предводителем команчей,

то бурским генералом Х.Р. Деветом³⁵. А в мемуарах Дон-Аминадо школьники из Херсонской губернии, отчаявшись сбежать в Трансвааль, увлекаются американскими романами Купера и Майн Рида. Мальчики изображают «охотников за черепами» в городском саду, где раньше разыгрывали сражения между «бурами» и «англичанами»³⁶.

Бывало, что, стремясь в Америку, юный мечтатель оказывался в Африке. Под впечатлением от приключенческих романов сын преуспевающего купца из Ливавы по фамилии Грюнштейн бежал из дома в США в трюме английского парохода. Прослужив несколько лет на океанском судне, он поселился в Трансваале. С началом англо-бурской войны Грюнштейн присоединился к немецким добровольцам, а весной 1900 г. стал одним из основателей Русского отряда³⁷.

Российский читатель впервые познакомился с приключенческой литературой о бурах в 1860-е годы, когда вышел русский перевод одного из ранних романов Майн Рида. В оригинале книга называлась «*The Bush Boys: History and Adventures of a Cape Farmer and His Family*» (1856), а в России была известна как «Дети лесов». Плодовитый британский автор создал четыре приключенческих романа о южноафриканских фермерах и охотниках. Особенно часто эти произведения Майн Рида издавались в России в середине 1890-х годов, незадолго до Второй англо-бурской войны.

О юношеском увлечении его книгами рассказывали русские добровольцы, участвовавшие в этом вооруженном конфликте. Подпоручик Е.Ф. Августус уподоблял свое решение отправиться на юг Африки стремлению гимназистов, начитавшихся Майн Рида, убежать в далекие страны³⁸.

Образы, созданные воображением литератора, воспринимались массовым сознанием как достоверные. Вот почему философ В.В. Розанов в начале англо-бурской войны связывал симпатии русского общества к бурам с сопереживанием героям приключенческих романов о них. По его мнению, южноафриканские охотники стали ближе и понятнее русским читателям, чем многие соотечественники: «Да, мы любим буров, потому что мы любили Майн-Рида. [...] Мы все ненавидим англичан, потому что они смеют обижать друзей нашего детства [...]»³⁹

Солидарность с бурами

Англо-бурская война взволновала российское общество. Впервые в массовом сознании жителей Российской империи отразились акту-

альные события на юге Африки. За один 1900 г. в Российской империи вышли десятки специализированных и популярных книг и брошюр об этом конфликте на разных языках, а также сотни статей в газетах и популярных журналах. Подростки слышали, как события в Трансваале и Оранжевом Свободном Государстве обсуждают старшие.

В семье крупного книгоиздателя Гебетнера в Варшаве тоже часто говорили о войне. Его сын Ян вспоминал, что сочувствие родителей бурам побуждало солидаризироваться с малознакомым народом в Африке: «Я внимательно прислушивался к разговорам на эту тему, стараясь уловить любую хорошую новость, словно сам был буром»⁴⁰.

Многие российские подростки так же, как взрослые, принимали близко к сердцу триумфы и поражения вооруженных формирований африканеров. В автобиографическом романе И.В. Евдокимова деревенский школьник плачет из-за победы британской армии. Он горько разочаровывается в бурских военачальниках, когда узнает, что они стали британскими подданными и сотрудничают с колониальными властями: «Изменники! – рыдал мальчик. – Продажные шкуры! А мы за них стояли!»⁴¹

Во время южноафриканской войны мальчики отождествляли себя с бурами в фантазиях и играх. Часто сообщалось о детской игре в «буров и англичан». Большинство подростков хотели воевать за республики, и приходилось определять, кому быть «британцем», по жребии или по очереди. Иногда старшие ребята заставляли младших выступать в этой роли. На вопрос журналиста, почему так мало желающих изображать солдат королевы Виктории, школьники ответили, что англичане «противные, убивают добрых и честных буров»⁴².

Подростки были склонны ассоциировать себя с бурами также потому, что в российской массовой культуре этот народ и его республики представлялись юными и маленькими. (И это несмотря на то, что Трансвааль по площади немногим уступал Великобритании). Войну бурских государств с Британской империей уподобляли поединку Давида, будущего царя Иудеи, с великаном Голиафом. Эта метафора использовалась и в литературе для школьников. Буров называли «маленьким народом», оказывающим неожиданно мощное сопротивление сильному противнику. Даже если огромная британская армия уничтожит «крошечные республики», правда на их стороне⁴³. Писатель В.Б. Шкловский, которому к началу войны исполнилось шесть лет, вспоминал, что большинство россиян считали, что на юге Африки «большое государство обижает маленькое»⁴⁴. Слово «обижает», встречавшееся в характеристиках этого конфликта, ука-

зывает на взаимоотношения между старшим и младшим, и даже между взрослым и ребенком.

Мальчики завидовали соотечественникам, которые участвовали в англо-бурской войне на стороне республиканских армий. Некоторым детям и подросткам казалось недостаточным сопереживать жителям далеких республик. Хотелось наказать их врагов. Тринадцатилетний киевский гимназист, перехваченный в Севастополе на пути в Трансвааль, сожалел, что у него не получилось «сбить спесь с англичан»⁴⁵.

«Когда вырасту и буду большой, непременно сделаю так, чтоб противные англичане не смели притеснять бедных буров», – решает главный герой автобиографической повести Ю.К. Смолича, выросшего в украинской деревне⁴⁶.

Стремление к независимости

По современным данным, подростки бегут из дома, чтобы в том числе самоутвердиться и проявить независимость. Их воодушевляет возможность принимать судьбоносные решения. Они заявляют о желании освободиться от диктата и несправедливых ограничений. Психологи трактуют побег из дома как бунт против бессилия изменить свое положение, вызванный гневом, обидой и разочарованием⁴⁷.

Желание доказать свою самостоятельность, обрести независимость и восстановить справедливость – это лейтмотив высказываний подростков, убежавших из дома. Тот же мотив постоянно присутствовал в подростковой литературе о бурах. Все ведущие российские журналы для юных читателей симпатизировали бурам, идеализируя их уклад жизни. Предки этого народа, утверждали журналисты, переселились на юг Африки в поисках свободы и справедливости⁴⁸. Представление о том, что буры воюют исключительно за правое дело, было свойственно детям, которые не могли знать нюансов военно-политического противостояния на юге Африки.

Школьникам рассказывали, что войну развязала Британская империя, чтобы завладеть месторождениями полезных ископаемых. В брошюре для подростков, выпущенной большим для того времени тиражом (20 000 экземпляров), сообщалось, что граждане республик «жили себе тихо да мирно, а англичане позавидовали, что у них страна привольная, всякого добра и лесов, и полей и лугов много, а больше всего прельстило их золото и бриллианты, которые добываются в земле буров»⁴⁹. Жители Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства защищают свою свободу и независимость в противоборстве с могущественной империей. Весь мир восторгается героизмом буров

в их справедливой борьбе⁵⁰. Этот посыл усваивался подростками и вызывал эмоциональный отклик.

Бегство – импульсивный поступок подростка, изначально направленный на разрыв социальных связей. Но мальчик по-прежнему нуждается в них: он хочет состоять в комфортном и безопасном коллективе, а также пользоваться защитой справедливых взрослых, учитывающих его потребности и интересы. Покинув дом, беглец обычно пытается восстановить прежние социальные связи (на своих условиях) или установить новые⁵¹.

Подростки рассматривали отъезд на англо-бурскую войну как шанс доказать свою самостоятельность и стать причастными к чему-то захватывающему и заслуживающему восхищения. Вероятно, они рассматривали буров как сообщество, которое разделяет их стремление к свободе и будет относиться к ним справедливо.

Несовершеннолетние в бурских отрядах

Подросткам сообщали, что на юге Африки против большого врага сражались не только взрослые, но и маленькие бойцы. В журнале «Задушевное слово» ошибочно утверждалось, что буры «вооружились все поголовно, от юнцов, способных носить оружие, до старцев преклонных лет. Правитель их, дедушка Крюгер, с 7 сыновьями и 32 внуками, стал сам в ряды»⁵². А на лекции для школьников в здании Петербургской городской думы весной 1900 г. говорилось, что в многодетных бурских семьях большинство сыновей, включая подростков, ушли на войну⁵³.

В Южно-Африканской Республике (Трансваале) подростки начиная с шестнадцати лет могли быть призваны на военную службу. Но в начале войны в трансваальских вооруженных формированиях насчитывалось лишь несколько сотен человек в возрасте до восемнадцати лет⁵⁴. Кроме того, в республиканских формированиях состояли мальчики, следовавшие на фронт за отцами и братьями и присутствовавшие при сражениях. Иногда они получали ранения, помогая старшим на поле боя. В бурских формированиях стало больше подростков после перехода к партизанской борьбе, когда британские вооруженные силы оккупировали республики. Мальчики присоединялись к партизанам, действовавшим в той местности, где проживали их семьи. Самые младшие из них (8–12 лет) не носили оружия, а следили за животными и выполняли поручения по снабжению⁵⁵.

Российские журналы для подростков публиковали материалы о юных южноафриканских героях: например, о мальчике-проводнике,

который привел потерявшихся английских солдат в бурский плен. Рассказывалось и о двенадцатилетнем буре, после сражения попавшем к англичанам. Отец и дед подростка, участвовавшие в бою вместе с ним, были убиты, а у него было прострелено плечо и раздроблены ноги. В другом номере журнала – фотография «Бурские мальчишки, упражняющиеся в стрельбе». На ней подростки целятся в мишени из ружей под руководством мужчин в широкополых шляпах. «И стар, и млад ведут у них борьбу», – поясняет редакция⁵⁶.

Чтобы удовлетворить интерес подростков к событиям на юге Африки, в 1900 г. один из журналов напечатал приключенческий роман А. Нимана о юном разведчике, сражавшемся на стороне республиканских формирований в Первой англо-бурской войне. Через несколько месяцев роман вышел отдельным иллюстрированным изданием, под названием «Питер Мариц, молодой бур из Трансвааля»⁵⁷. Рекламируя книгу, издатель заявлял, что это правдивое, «исторически верное изображение» боевых действий. Роман продавался в крупнейших книжных магазинах губернских и уездных городов. В Варшаве в том же году вышло еще одно издание, в переводе на польский язык⁵⁸.

Роман Нимана и другие книги для юношества о сопротивлении буров, выходявшие в годы войны, запомнились школьникам. В.Б. Шкловский, прочитавший «Питера Марица» в начале 1900-х, вспоминал, что это был роман, «очень любимый всеми детьми того времени»⁵⁹. К.Г. Паустовский тоже зачитывался «Питером Марицем»⁶⁰.

И это была не единственная иллюстрированная книга о подростках, сражавшихся на стороне буров, которая вышла в Российской империи в 1900 г. Тогда же на русском и польском языках была опубликована повесть К. Вальденштейна «Дольф – герой бур. Приключения и опасности молодого немца во время последней войны».⁶¹ Немецкий автор рассказал о мальчике из Гамбурга, который приезжает в Трансвааль накануне войны. Когда начинаются боевые действия, подросток присоединяется к отряду добровольцев и наравне со взрослыми защищает независимость республик, удивляя буров своей отвагой.

А в последние месяцы войны в русском и польском переводах была опубликована новая книга Л. Буссенара – роман «Капитан Сорвиголова»⁶². В нем повествуется о французском подростке, который приезжает на юг Африки с отрядом сверстников и участвует в партизанской борьбе на стороне буров.

Так у российских школьников сложилось представление, что даже подросткам найдется место в рядах защитников независимости бурских республик.

Заключение

Отправившись в Трансвааль, российские подростки были готовы к самопожертвованию. Буры боролись за независимость, что находило отклик у подростков, склонных к побегу, которые обычно стремятся к освобождению от неоправданных ограничений или, в более общем случае, от неприемлемых для них условий существования.

Подросткам казалось возможным присоединиться к бурам, которые, в отличие от многих других героев романтической литературы для подростков, были реальными. Об их успехах и поражениях в борьбе против британских захватчиков постоянно писали в изданиях для юношества. Их действия сочувственно обсуждали взрослые, а некоторые даже ехали к ним на выручку, и это вызывало одобрение. Подростки отождествляли себя с бурами в играх и фантазиях. В русском обществе преобладало мнение о культурной близости между бурами и русскими, а значит, мальчики могли надеяться, что их примет новый коллектив. Тем более школьникам было известно, что в рядах буров уже сражались подростки, которые пользовались защитой и уважением старших.

Бурам, как постоянно утверждалось в России, нужна была помощь. Даже у подростков был шанс стать объектом восхищения, как капитан Сорви-голова из романа Буссенара. Кроме того, бегство в Южную Африку было шансом посетить экзотические места, о которых с увлечением читали мальчики. Юные беглецы из России не были готовы к долгому, опасному и затратному путешествию, поэтому никто из них не достиг Трансвааля. Но их отчаянные попытки были обусловлены представлениями о справедливости антиколониальной борьбы жителей бурских республик, которые разделялись большинством россиян.

---

¹ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения. Т. 16. М.: Наука, 1979. С. 236.

² Трансвааль // Восток. 1899. 1 ноября. С. 759.

³ Pretorius F. The A to Z of the Anglo-Boer War. Lanham, Md: Scarecrow Press, 2010. P. 183.

⁴ Gebethner J. Młodość wydawcy. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1977. S. 76.

⁵ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Воспоминания. Т. 1. М.: Советский писатель, 1990. С. 57.

⁶ Holliday S.B., Edelen M.O., Tucker J.S. Family functioning and predictors of runaway behavior among at-risk youth // Child and Adolescent Social Work Journal. 2017. Vol. 34. No. 3. P. 247; Martínez R.J. Understanding runaway teens // Journal of Child and Adolescent Psychiatric Nursing. 2006. Vol. 19. No. 2. P. 79.

---

⁷ Tucker. J.S., Edelen M.A., Ellickson P.L., Klein D.J. Running away from home: A longitudinal study of adolescent risk factors and young adult outcomes // Journal of Youth and Adolescence. 2011. Vol. 40. No. 5. P. 508.

⁸ Разные разности // Неделея. 1899. № 41. 10 октября. С. 1356.

⁹ Szlanta P. Long distance solidarity: Polish public opinion and the Boer War 1899–1902 // Werkwinkel. 2017. Vol. 12. No. 1. P. 56–57.

¹⁰ О дорожных расходах см.: Рязанец [Половцов А.В.] Условия поездки в Трансвааль // Московские ведомости. 1899. № 293. 24 октября (5 ноября).

¹¹ Martinez R.J. Op. cit. P. 85.

¹² А.М. Воспоминания об англо-бурской войне // На переломе. 1943. № 3. С. 26–27.

¹³ Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 11.

¹⁴ Алексей Толстой и Самара. Из архива писателя. Куйбышев: Книжное издательство, 1982. С. 172.

¹⁵ Мар Е. Человек из песни. Рассказы о герое гражданской войны Анатолии Железнякове. М.: Детгиз, 1963. С. 11.

¹⁶ Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. Т. 7. М.: Издатель И.Б. Белый, 2012. С. 232–233, 241, 383.

¹⁷ Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. Т. 11. М.: Издатель И.Б. Белый, 2012. С. 104; Провинциальный дневник // Россия. 1900. № 290. 14 (26) февраля. С. 4.

¹⁸ Рязанец [Половцов А.В.] Сочувствие детей бурам // Московские ведомости. 1900. № 95. 5 (18) апреля.

¹⁹ Эренбург И.Г. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Художественная литература, 1991. С. 445.

²⁰ Дон-Аминадо. Указ. соч. С. 11–12.

²¹ Szlanta P. Op. cit. P. 56–57.

²² Адельгейм Г.Я. В Трансвааль, к бурам! Оригинальная шутка в 1-м действии. Киев, 1900.

²³ См., например: Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. Т. 11... С. 104; Провинциальный дневник... С. 4.

²⁴ Kolse. 1899. No. 49. 27 November. S. 4.

²⁵ Разные разности... С. 1356.

²⁶ Известия // Московский листок. 1902. 21 июня.

²⁷ Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 31.

²⁸ Liberto K. The runaway child in America: A social history // Journal of Family Issues. 1980. Vol. 1. No. 2. P. 151–152.

²⁹ Давидсон. А.Б. ... Иже именуется Африка. Взгляд из русской старины. М.: Принципиум, 2017. С. 423.

³⁰ Кувишинов Ф.В. Тема Африки в русской литературе первой трети XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 2. С. 45.

³¹ Чехов А.П. Сочинения. Т. 1. СПб.: А. Ф. Маркс, 1899. Книга вышла в свет в марте 1900 г. См. Список изданий, вышедших в России в 1900 году. СПб.: Министерство внутренних дел, 1901. С. 78.

³² Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 5. М.: Наука, 1977. С. 224.

³³ Аверченко А.Т. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Дмитрий Сечин, 2012. С. 207–208.

³⁴ Аверченко А.Т. Собрание сочинений. Т. 6... С. 265.

-
- ³⁵ *Дорошевич В.М.* Рассказы и очерки. М.: Современник, 1987. С. 24–25.
- ³⁶ *Дон-Аминадо.* Указ. соч. С. 13.
- ³⁷ *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. // Варшавский военный журнал. 1901. Т. 3. № 9. С. 884–885; 1902. Т. 4. № 1. С. 11–16.
- ³⁸ Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных... С. 23.
- ³⁹ *Р[озано]в В.* Попутные заметки // Новое время. 1899. № 8519. 14 (26) ноября. С. 4.
- ⁴⁰ *Gebethner J.* Op. cit. S. 82.
- ⁴¹ *Евдокимов И.* Портрет Василия Мещерина. М.: ГИХЛ, 1934. С. 224.
- ⁴² Буры – в детской // Задушевное слово. 1900. № 16. С. 63.
- ⁴³ Буры и англичане. СПб.: Типография Дома призрения малолетних бедных, 1900. С. 22; Пименова Э. Война бозров с англичанами // Юный читатель. 1899. № 42. 6 ноября. С. 1262; Трансвааль // Родник. 1899. № 11. С. 461.
- ⁴⁴ *Шкловский В.* Питер Мариц – юный бур из Трансвааля // Детская литература. 1940. № 10. С. 52.
- ⁴⁵ Юный бурофил // Забайкалье. 1902. № 61. С. 3.
- ⁴⁶ *Смолч Ю.* Детство. М.: ГИХЛ, 1937. С. 7.
- ⁴⁷ *Martinez R.J.* Op. cit. P. 77, 80, 141; *Schaffner L.* Teenage Runaways: Broken Hearts and “Bad Attitudes”. Abingdon; N.Y.: Routledge, 2013. P. 142, 147.
- ⁴⁸ Трансвааль // Родник... С. 461.
- ⁴⁹ Буры и англичане... С. 5.
- ⁵⁰ Война в Трансваале // Задушевное слово. 1901. № 33. С. 129; *Пименова Э.* Природа и люди Африки // Юный читатель. 1900. № 19. 1 октября. С. 150–151.
- ⁵¹ *Schaffner L.* Op. cit. P. 95, 140.
- ⁵² Война англичан с бурами // Задушевное слово. 1900. № 2. С. 2.
- ⁵³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 1376 Б. Л. 17.
- ⁵⁴ *Pretorius F.* Life on Commando during the Anglo-Boer War 1899-1902. Cape Town: Human & Rousseau, 1999. P. 237.
- ⁵⁵ *Ibid.* P. 237–238.
- ⁵⁶ Буры-мальчики на войне // Задушевное слово. 1900. № 15. С. 63.
- ⁵⁷ *Ниман А.* Питер Мариц, молодой бур из Трансвааля. Исторический рассказ. СПб.: А. Ф. Девриен, 1900.
- ⁵⁸ *Niemann A.* Pieter Maritz: Opowiadanie z dziejów walki o niepodległość Transwalu. Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa, 1900.
- ⁵⁹ *Шкловский В.* Указ. соч. С. 52.
- ⁶⁰ *Паустовский К.* Собрание сочинений. Т. 4. М.: Художественная литература, 1982. С. 44.
- ⁶¹ *Вильденштейн К.* Дольф – герой бур. Приключения и опасности молодого немца во время последней войны. СПб.: Ф. Битепаж, 1900; *Wildenstein K.* Bohater z pod Spionskopu. Powieść osnuta na tle ostatniej wojny burów z anglikami. Warszawa: M. Arct, 1900.
- ⁶² *Boussenard L.* Kapitan Łamigłowa, wódz Boerów: Niezwykłe przygody młodego ochotnika w wojnie południowo-afrykańskiej. Warszawa, 1902.

«ПОСЛЕДНЯЯ ПРОБА ПЕРА»: НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ИСТОРИЯ ВТОРОЙ АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНЫ 1899–1902 гг. ПОЛКОВНИКА ДЖОРДЖА ХЕНДЕРСОНА

В течение последней трети XIX – начала XX в. «владычица морей» и «мастерская мира» – Британская империя – на фоне сплетения узлов международных противоречий и постепенного спада темпов развития собственной экономики активно проводила курс, по выражению историка Б. Бонда, на «экспорт британской цивилизации»¹ в менее развитые страны Азии и Африки. Этот курс выражался в широкой военной экспансии, опирался на распространенные и культивируемые в британском социуме утверждения о превосходстве англичан как самой цивилизованной нации в мире и предполагал, что военная мощь и индустриальная экономика являются наиболее важными компонентами имперского могущества. Американский историк Б. Феруэлл справедливо отмечал, что «за все время правления королевы Виктории не было ни одного года, когда бы где-то в мире ее солдаты не сражались за нее и за ее империю»². Апофеозом длительного правления королевы Виктории стала Вторая англо-бурская война 1899–1902 гг., ознаменовавшая собой начало нового столетия – столетия мировых войн.

В связи с активной экспансионистской политикой Великобритании в позднюю Викторианскую эпоху сложилась практика публикаций официальных исторических описаний колониальных войн, в которых принимали участие британские войска³. В немалой степени это было обусловлено широким общественным резонансом, сопровождавшим подобные вооруженные конфликты. С одной стороны, британские налогоплательщики имели право знать, каким образом и насколько эффективно действующее правительство расходует государственный бюджет при проведении военных кампаний. С другой – «малые войны» нередко сопровождались громкими военными катастрофами, которые в эпоху доминирования дарвинистской эволюционной теории, служившей обоснованием расового превосходства англичан, вызывали резкое недовольство в британском социуме. После знаменитого Изандлванского сражения 22 января 1879 г., когда 20-тысячная зулусская армия уничтожила британский отряд численностью около 2 тыс. чел.⁴, российский военный агент в Лондоне ге-

нерал-майор А.П. Горлов писал, что «унизительные неудачи в Капе <...> произвели раздражение, напоминающие отчасти то, которое вспыхнуло в Англии при неудачах Севастопольской осады»⁵. В этой связи официальное историческое описание англо-зулусской войны 1879 г. подверглось цензуре по идеологическим причинам, чтобы отвести критические выпады в адрес главнокомандующего экспедицией лорда Челмсфорда, назначенного на ответственный пост консервативным правительством Б. Дизраэли, и тем самым перевести всю вину за поражение при Изандлване на отдельно взятых британских командиров⁶.

В ряду официальных исторических описаний британских колониальных кампаний Вторая англо-бурская война не стала исключением. Она была издана в 4 томах офицерами Военного министерства Великобритании под общим руководством генерал-майора Фредерика Мориса⁷. Вторая англо-бурская война 1899–1902 гг. послужила настоящей «шоковой терапией» для жителей Туманного Альбиона. На ее ведение было затрачено около 250 млн ф.ст., при этом огромная и могущественная Британская империя в течение нескольких лет не могла окончательно подавить сопротивление двух небольших бурских республик на юге Африки⁸. Широкая британская общественность желала знать причины стольких неудач в ходе конфликта.

Еще до полного окончания войны стали появляться труды, посвященные боевым действиям на юге Африки. В первую очередь в этом ряду необходимо выделить книгу «Англо-бурская война» знаменитого британского писателя Артура Конан Дойла. Несмотря на публицистический характер работы, автор ставил своей целью, как гласит предисловие, «дать ясное и правдивое изложение событий» Второй англо-бурской войны⁹. Однако стоит признать, что в действительности из-под его пера вышел труд, в котором отражению конфликта под правильным – «патриотическим» – углом зрения уделено гораздо больше внимания чем «ясности и правдивости».

Также следует упомянуть соответствующую работу американского военно-морского теоретика капитана Альфреда Тайера Мэхана, автора знаменитой концепции «морской силы»¹⁰. Хотя его публикация охватывает только первый «джентельменский» период конфликта до взятия британцами 5 июня 1900 г. столицы Трансвааля Претории, во Второй англо-бурской войне А. Мэхан явственно видел подтверждение своих взглядов, поскольку господство на морских просторах позволило Великобритании обеспечить численное превосходство над противником на суше, достигнув тем самым победы над бурами.

Кроме того, действующее юнионистское правительство Великобритании также желало представить официальную точку зрения на произошедший вооруженный конфликт. Первоначально за написание официальной истории Второй англо-бурской войны взялся ее участник, полковник Джордж Френсис Роберт Хендерсон, занимавший пост начальника разведки в штабе фельдмаршала Ф. Робертса и генерала Г. Китченера. С 1890 г. он являлся инструктором по тактике и военному праву в Королевском военном колледже в Сэндхерсте, а в 1892–1899 гг. – профессором военного искусства и военной истории в Штабном колледже в Кэмберли. На этом поприще Дж. Хендерсон заработал огромный авторитет среди современников и приобрел славу блестящего военного теоретика, в связи с чем его даже сравнивали с великим германским военачальником Гельмутом фон Мольтке Старшим. Хендерсон зарекомендовал себя и как военный историк. Он опубликовал целый ряд статей, посвященных разбору сражений гражданской войны в Северной Америке 1861–1865 гг. и франко-германской войны 1870–1871 гг. Высшей точкой военно-исторического творчества Хендерсона считается труд, изданный в 1898 г., «Каменная стена» Джексона и Гражданская война в Америке», который представлял собой не только историческое повествование, но и фактически учебник по военному искусству¹¹. Например, фельдмаршал Ф. Робертс после Второй англо-бурской войны признавался, что черпал идеи для своего плана кампании против бурских республик именно в указанной работе полковника Хендерсона¹².

По контракту, заключенному с военным ведомством, полковник Дж. Хендерсон намеревался описать историю Второй англо-бурской войны в 7 томах, которые должны были содержать не только «комментарии к стратегии, тактике и [военной] организации» противоборствовавших сторон, но и глубокое погружение вооруженного конфликта в политический контекст¹³. Из этого следует, что работа британского офицера, как и его предыдущий труд «Каменная стена» Джексона..., должна была носить не столько описательный, сколько прикладной характер с целью изучения неудач британского оружия и извлечения соответствующих уроков как для будущих поколений британских офицеров, так и для высшего политического руководства страны. Однако в связи со скорострительной смертью полковника Хендерсона 5 марта 1903 г. на 49-м году жизни его фундаментальный труд по истории Второй англо-бурской войны оказался незаконченным – автору удалось завершить работу лишь над первым томом.

Правительство решило отдельно не издавать первый том «Войны в Южной Африке» полковника Хендерсона, в связи с чем в британ-

ской печати появлялись *конспирологические* теории относительно судьбы его рукописи. В мартовском номере за 1906 г. журнала «Спектейтор» утверждалось: «Ходят слухи, что предварительные главы [официальной истории], написанные полковником Хендерсоном, показали, что неискаженная правда настолько неприятна, что предыдущее правительство (Бальфура. – А. А.) категорически запретило их публикацию и дошло до того, что сожгло всю рукопись»¹⁴. Черновой вариант официальной истории Второй англо-бурской войны за авторством полковника Хендерсона действительно так и не был опубликован, но его экземпляр сохранился в личном фонде Джозефа Чемберлена в библиотеке Бирмингемского университета¹⁵. Однако, говоря о «запрете» этой работы британским правительством, колумнисты были недалеки от истины. Отвечая на запросы парламентариев об участии первого тома, военный министр Х. Арнольд-Форстер в Палате общин заявил, что «фрагмент полковника Хендерсона невозможно включить в (последующую. – А. А.) работу в том масштабе, в котором ее предлагается выпустить сейчас», поскольку «без полной переработки этот фрагмент не может быть использован»¹⁶. Впоследствии за написание официальной истории Второй англо-бурской войны взялся генерал-майор Ф. Морис, имевший ранее опыт составления подобных трудов, например официальной истории египетской кампании 1882 г.¹⁷ Тем не менее он предпочел переписать текст своего предшественника и опустить всю политическую подоплеку конфликта, из-за чего в новом варианте остался лишь сухой выхолощенный статистический отчет, полностью лишенный критического взгляда на события 1899–1902 гг.¹⁸

В отличие от официально изданной истории Второй англо-бурской войны под руководством генерала Мориса, повествование в которой начинается непосредственно с момента передачи бурского ультиматума британскому агенту в Претории 9 октября 1899 г., первый том работы полковника Хендерсона охватывает более широкий политический и исторический контекст англо-бурского конфликта. Он попытался дать представление о предыстории англо-бурского противостояния с момента завоевания Капской колонии Великобританией в конце XVIII в. и в целом о процессе колонизации Южной Африки европейскими переселенцами начиная с открытия мыса Доброй Надежды в 1488 г. Также полковник Хендерсон стремился проанализировать с точки зрения военной теории, актуальной на начало XX в., историю вооруженного противостояния буров и англичан с местным африканским населением, а также буров и англичан между собой. В частности, первый том содержит чрезвычайно ценную воен-

ную аналитику ключевых сражений англо-зулусской войны 1879 г. и Первой англо-бурской войны 1880–1881 гг., последняя из которых так и не удостоилась официального исторического описания военным ведомством Великобритании. Поэтому сохранившийся до наших дней первый том «Войны в Южной Африке» позволяет, во-первых, оценить творческие замыслы автора и его взгляды на имперскую стратегию Великобритании в регионе и ее военную политику в целом, а также на историю англо-бурских отношений на протяжении всего XIX столетия, а во-вторых, выяснить причины забвения «последней пробы пера» полковника Дж. Хендерсона.

В контексте освещения предыстории Второй англо-бурской войны Дж. Хендерсон не выходил за рамки общих имперских представлений, сложившихся в британском социуме к началу XX в., во многом повторяя штампы официальной британской пропаганды. Например, он, как и А. Конан Дойл, пытался представить буров как невежественных людей, находившихся в плену своих религиозных убеждений, заменявших им позитивистскую картину миру. Так, Хендерсон писал, что буры «жили в царстве теней, магии и чудес. Они видели сверхъестественное даже в самых обычных явлениях равнин, в громе и буре, в полете саранчи, в болезнях, сметавших их стада, а также в самых тривиальных человеческих делах. Трактовка личных или национальных судеб, которая могла быть достигнута с помощью обычных причинно-следственных связей, не было для религиозного голландца объяснением»¹⁹. Поэтому автор, подобно многим своим современникам, рассматривал англо-бурский конфликт в первую очередь сквозь призму цивилизационных противоречий. Вся история взаимоотношений британцев с голландскими колонистами на страницах его неопубликованного труда представляется как непрерывное вековое противостояние «за Южную Африку между Великобританией и бурами»²⁰. Естественно, что Британская империя в этом конфликте выступала исключительно как сторона «просвещения и прогресса», а ее политика в регионе «находилась в полном соответствии с принципами, которые цивилизация выработала для поддержания хорошего порядка и рациональной безопасности»²¹. При этом для британцев, по Хендерсону, были характерны «широкая и бескорыстная гуманность, особая забота о самых беспомощных и презираемых расах», ставшие «фундаментальными принципами британской [имперской] политики»²².

В то же время, со слов автора, буры являлись «поборниками политической анархии», «идеалами которых были идеалы социального контраста»²³. Как указывал Хендерсон, голландские переселенцы

стремились к дальнейшей рабской эксплуатации местного африканского населения, что претило представлениям британцев о «бремени белого человека», в задачу которого входило «цивилизировать» покоряемые им народы, а не притеснять и угнетать их. По личному убеждению автора, «именно антагонистические представления о долге белого человека, и только они, разделили две расы и сделали войну неизбежной»²⁴.

В свою очередь, Хендерсон положительно оценивал действия имперского правительства по созданию британского доминиона из колоний белых переселенцев на юге Африке²⁵. По его мнению, «несколько государств Южной Африки, объединенных в Федеральный союз, задолго до конца XIX столетия стали бы неотъемлемой и процветающей частью Британской империи». Поэтому аннексию Трансвааля, осуществленную в 1877 г., он называл «делкой, за которую Англии нет причин стыдиться»²⁶, а последующую англо-зулусскую войну 1879 г. считал неизбежной и оправданной с имперской точки зрения: «Белые общины были так разбросаны и так малы, а территория, которую нужно было защищать, была так велика, что наступление было единственной разумной политикой. Гораздо лучше было сражаться с зулусами на их собственной территории, чем позволить им приблизиться на расстояние удара к женщинам и детям (колонистов. – *А. А.*)»²⁷. Последовавший провал инициативы британских кабинетов в 70–80-х годах XIX в. по созданию Южно-Африканской Конфедерации Хендерсон в первую очередь обосновывал сепаратистскими настроениями среди буров, поскольку «ни Оранжевое Свободное Государство, ни Южно-Африканская Республика не проявили ни малейшего желания прийти к соглашению. Фактически только колонист британского происхождения соизволил рассмотреть предложения, выдвинутые правительством метрополии»²⁸.

Учитывая взгляды полковника Хендерсона на имперскую политику Великобритании в Южной Африке, вполне естественно, что на страницах своей неопубликованной работы он проводил апологетику действий высокопоставленных британских колониальных чиновников, таких как Бартл Фрер и Сесил Родс, на мысе Доброй Надежды в отношении ближайших соседей британцев. Как уже указывалось выше, Дж. Хендерсон поддерживал решительные меры Б. Фрера по развязыванию превентивной войны против зулусов. Также он считал С. Родса «добросовестным» политиком, задачей которого было лишь «объединение людей всех оттенков мнений в одну великую партию с одной великой целью – процветание Южной Африки и консолидация Британской империи»²⁹. В этой связи автор прямо противопоставлял

политику премьер-министра Капской колонии С. Родса позиции президента Южно-Африканской Республики Пола Крюгера, со слов Хендерсона, впитавшего «ненависть к Англии с молоком матери»³⁰. Как указывал британский офицер, первый желал «слияния двух белых рас и постепенного улучшения положения туземцев, другой – уничтожения англичан, подчинения чужеземцев и неизменного рабства ненавистных кафров»³¹. По этой причине Хендерсон, вероятно, осознанно стремился дегуманизировать буров, чтобы обосновать «праведность» последующей войны и правомерность радикальных действий британского правительства, а именно – применение тактики «выжженной земли» и формирование концентрационных лагерей для гражданского населения бурских республик. Обосновывая с «расовой» точки зрения моральное и культурное превосходство британцев над своими противниками, автор писал, что «хитрость буров – это расовый атрибут, глубина которого непостижима <...>, когда оппозиция сильна и на кону стоит его независимость, он (бур. – А. А.) настолько беспринципен, настолько совершенно не обращает внимания даже на личную честь, что это можно принять как неопровержимую максимум»³².

Из изложенного выше следует, что полковник Дж. Хендерсон полностью разделял идею «мессианства» британцев и их особой роли в распространении благ европейской цивилизации на народы Африки, что составляло основу концепции «бремени белого человека», противопоставляя ее дискриминационной политике бурских республик по отношению к туземцам. Именно в этом противоречии автор видел ключевую предпосылку последовавшей затем Второй англо-бурской войны, фактически подменяя прагматичные расчеты британского правительства на идеалистическое видение конфликта как борьбы «добра со злом», что в целом отражало релевантные настроения значительной части британского социума. В связи с этим первый том «Войны в Южной Африке» полковника Дж. Хендерсона полностью соответствовал официальной позиции Лондона, и причина «забвения» данного труда не кроется в освещении конкретно политической и идеологической предыстории англо-бурского конфликта.

Наиболее интересный и ценный пласт неизданной исторической работы полковника Дж. Хендерсона содержится в критике правящих британских кабинетов, политика которых в отношении армии, по его мнению, привела к катастрофическому началу для Великобритании первого вооруженного конфликта в истории XX столетия. Прежде всего, автор придерживался точки зрения, что численность британских вооруженных сил и затраты на их содержание не соответствова-

ли фактическим потребностям империи. Этим обстоятельством он частично обосновывал причины поражения британского оружия в Первой англо-бурской войне 1880–1881 гг. Хендерсон указывал, что «увеличение размеров империи очень редко сопровождалось увеличением численности армии»³³, приводя в качестве примера аннексию Трансвааля в 1877 г. После этого события не последовало увеличения численности военного гарнизона в Южной Африке в целом и в Трансваале в частности, и даже наоборот, кабинеты Дизраэли и Гладстона последовательно проводили политику сокращения британского военного присутствия в регионе. В этой связи автор констатировал: «18 небольших рот пехоты, несколько инженеров и единственная артиллерийская батарея, совершенно не обеспеченные транспортом, были рассредоточены крошечными отрядами по стране размером с Пруссию. <...> Если бы трансваальцы намеревались прибегнуть к оружию, они не могли бы надеяться на более благоприятную возможность»³⁴.

Рассматривая дальнейший ход событий Первой англо-бурской войны 1880–1881 гг., полковник Хендерсон значительную часть работы посвятил состоянию британской армии в последней трети XIX в. и несоответствию ее тактической подготовки требованиям времени, обусловленным прогрессом науки и техники. Он заявлял, что британских солдат в мирное время обучали не боевым навыкам, «а тому, чтобы изображать совершенных машин на переднем плане публичных зрелищ»³⁵. Огромным недостатком системы британской воинской подготовки Хендерсон считал полное лишение нижних чинов какой-либо инициативы, что в условиях широкого применения казнозарядного стрелкового оружия, по его мнению, было совершенно недопустимо. Он писал: «Солдат вообще никогда не призывали думать; в случае сомнения или опасности они обращались к своим командирам; и если их командиры погибали, они приходили в замешательство. Бур, напротив, привык полагаться на себя и даже без намека со стороны своего начальства наилучшим образом использовать свою винтовку, свое чутье на местности и свое охотничье ремесло. Таким образом, хорошо дисциплинированная и хорошо организованная масса, всегда ожидающая приказов, тактически уступала и была более медлительным, более уязвимым и менее смертоносным орудием войны, чем совокупность сообразительных и находчивых личностей, составлявших бурские команды»³⁶.

Разбирая различные тактические промахи и ошибки генерала Джорджа Колли, командовавшего британскими войсками во время Первой англо-бурской войны, Хендерсон тем не менее пришел к вы-

воду, что в череде поражений британского оружия «был виноват не генерал Колли, а различные министры, ответственные перед Англией за боеспособность армии»³⁷. Далее он писал: «Либо военное министерство так и не поняло, в чем заключается эффективность армии, либо, полностью осознавая, что полевая подготовка абсолютно необходима, пренебрегло ее обеспечением. В одном случае это профнепригодность, в другом – преступность. Коммерческое предприятие, управляемое по тем же принципам, было бы насмешкой для каждого торговца в империи»³⁸.

На последующих страницах своего труда полковник Дж. Хендерсон стремился изобличить «манчестерских демагогов», которые «красноречиво доказывали зло, исходившее от милитаризма», и всячески продвигали «блага мирной политики и экономии, полученную за счет сокращения раздутых вооружений»³⁹. В противовес официальной позиции Лондона, традиционно избегавшего увеличения расходов на военные нужды империи, автор утверждал, что «постепенное увеличение ее защитной мощи являлась обязанностью, которая была абсолютно необходима. Необходимость этого увеличения британское правительство на протяжении многих лет решительно игнорировало...»⁴⁰. В этом вопросе полковник Хендерсон шел еще дальше, подвергая резкой критике правительственный курс кабинета министров лорда Солсбери, который не решился на своевременное увеличение численности британского военного гарнизона в Южной Африке, что привело к тяжелым последствиям на первых этапах Второй англо-бурской войны, когда за счет временного численного превосходства буры смогли добиться решительных успехов в дебютных столкновениях с британцами. «Это была их ошибка; и их нельзя оправдать, потому что они не решились возложить дополнительное бремя на налогоплательщиков. Колебаться означало лишь отсрочивать этот вопрос, а отсрочка означала гораздо более тяжелое бремя для будущих поколений. Недостаточные оборонительные силы – это не что иное, как приглашение врага к нападению»⁴¹. В то же время Хендерсон упрекал высшие политические круги Великобритании в игнорировании сведений Разведывательного департамента Военного министерства, специалисты которого в конце 90-х годов XIX в. достаточно верно подсчитали военные расходы бурских республик и оценили численность их вооруженных сил, на основании чего спрогнозировали вероятность войны в самом ближайшем будущем. «Поскольку Трансвааль почти полностью окружен британской территорией, эти большие расходы не могли иметь другого объяснения, кроме как ожидания войны или намерения агрессии против этой страны

(Великобритании. – А. А.) и ее господства в Южной Африке»⁴². Как заключал полковник Хендерсон, «против 45 000 буров, при поддержке нескольких полевых батарей новейшего и наиболее разрушительного типа, а также неопределенного числа колониальных повстанцев, Великобритания не могла в начале войны противостоять более чем 4000 или 5000 чел. пехоты, от 600 до 800 кавалеристов и нескольким устаревшим пушкам малой дальности и малого калибра. Пока войска не придут из-за границы, а это несколько недель, колонии могли оказаться во власти врага, и масштабы вреда, который он мог причинить за это время, были неисчислимы»⁴³.

Учитывая шквал критики, который обрушивался со страниц «Войны в Южной Африке» на головы британских министров, совершенно не вызывает удивления факт полного забвения последнего труда полковника Хендерсона, поскольку он не только затрагивал предысторию англо-бурского конфликта, но и фактически призывал к полной ревизии прежней военной политики Британской империи. Ознакомившись с черновиком первого тома, министр иностранных дел маркиз Лансдаун, занимавший накануне Второй англо-бурской войны пост военного министра, посчитал, что «сухое повествование о реальных событиях войны было бы предпочтительнее политической истории». Новый глава военного ведомства Х. Арнольд-Форстер согласился с замечанием Лансдауна и поручил генералу Ф. Морису полностью переработать труд полковника Хендерсона и написать «строго официальный отчет о войне», лишенный пространных рассуждений о предыстории конфликта и британской военной политике последних двух десятилетий⁴⁴.

Несмотря на то, что «последняя проба пера» полковника Дж. Хендерсона по решению юнионистского кабинета подверглась забвению, эта неопубликованная работа до сих пор представляет значительную ценность для исследования Второй англо-бурской войны сразу с нескольких точек зрения. Во-первых, первый том «Войны в Южной Африке» отражает общеимперские взгляды британской элиты, в том числе военной, на ситуацию в Южной Африке накануне эскалации англо-бурского конфликта сквозь призму цивилизационных противоречий, которые в сознании многих современников носили преобладающий характер в сравнении с другими чисто политическими и экономическими факторами. Во-вторых, неопубликованный труд полковника Хендерсона вскрывал язвы британской военной организации и бескомпромиссно указывал на грубейшие просчеты правительства в области военной политики. В-третьих, работа британского офицера содержит важную военно-теоретическую аналитику англо-зулусской

кампании 1879 г. и Первой англо-бурской войны 1880–1881 гг., раскрывая недостатки британской системы воинской подготовки в конце XIX в., повлиявшие на первоначальный ход второй войны с бурами в 1899–1902 гг.

---

¹ Victorian Military Campaigns: the Sikh Wars, the Third China War 1860, the Expedition to Abyssinia 1867–8, the Ashanti campaign 1873–4, the South African War 1880–1, the Egyptian campaign 1882, the Reconquest of the Sudan. N.Y., 1967. P. 6.

² *Farwell B.* Queen Victoria's Little Wars. N.Y., 1972. P. 1.

³ Например, *Colville H.E.* History of Sudan Campaign 1884–1885, Vol. 1–2. L., 1889; *Macgregor C.M.* The Second Afghan war, 1878–80: Official Account. L., 1908; *Maurice J.F.* Military History of Campaign of 1882 in Egypt. L., 1887; Narrative of the Field Operations connected with The Zulu War of 1879. L., 1881.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 401. Оп. 3. 1879. Д. 1. Л. 44–44/об.

⁵ Там же. Л. 146/об.

⁶ Narrative of the Field Operations connected with The Zulu War of 1879. L., 1881.

⁷ *Maurice F.* History of the War in South Africa 1899–1902. Vol. 1–4. London, 1906–1910.

⁸ Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. В 13 т. Т. 1. М., 2012. С. 255; *Pakenham T.* The Boer War. N.Y., 1993.

⁹ *Конан Дойл А.* Англо-Бурская война (1899–1902). М., 2004. С. 7.

¹⁰ *Mahan A.T.* The Story of the War in South Africa, 1899–1900. L., 1901.

¹¹ Oxford Dictionary of National Biography: in association with the British Academy: from the earliest times to the year 2000. Vol. 26. Oxford. P. 316–317.

¹² *Henderson G.F.R.* The Science of War: A Collection of Essays and Lectures 1892–1903. L., 1905. P. XXXV.

¹³ *Donaldson P.* Remembering the South African War: Britain and the Memory of the Anglo-Boer War, from 1899 to the Present. Liverpool, 2013. P. 145.

¹⁴ *Ibid.* P. 149.

¹⁵ University of Birmingham, Cadbury Research Library: Special Collections. Joseph Chamberlain Collection (UB CRLSC. JC) 32/6/1/1–3. Colonel Henderson's the War in South Africa. Поскольку неизданный том «Войны в Южной Африке» полковника Хендерсона не имеет сквозной нумерации, в последующих ссылках будут указываться номер конкретной главы и соответствующие страницы в ней.

¹⁶ Hansard's Parliamentary Debates (HPD). 4th series. 1904. Vol. 133. Col. 1041–1042.

¹⁷ *Maurice J.F.* Military History of Campaign of 1882...

¹⁸ *Donaldson P.* Op. cit. P. 145.

¹⁹ UB CRLSC. JC 32/6/1/1–3. Colonel Henderson's the War in South Africa. Chap. XII. P. 26.

²⁰ *Ibid.* Chap. I. P. 1.

²¹ *Ibid.* P. 2.

²² *Ibid.* P. 5.

²³ *Ibid.*

²⁴ *Ibid.* P. 6.

²⁵ Подробнее о британских проектах Южно-Африканской Конфедерации см.: *Жуков Д.С.* Империя и власть: Южная Африка в 70-е гг. XIX в. М., 2006.

-
- ²⁶ UB CRLSC. JC 32/6/1/1–3. Colonel Henderson's the War in South Africa. Chap. V. P. 12.
- ²⁷ Ibid. Chap. VI. P. 7.
- ²⁸ Ibid. Chap. V. P. 8.
- ²⁹ Ibid. Chap. X. P. 3.
- ³⁰ Ibid. Chap. IV. P. 30.
- ³¹ Ibid. Chap. X. P. 3.
- ³² Ibid. Chap. V. P. 16.
- ³³ Ibid. Chap. VI. P. 6.
- ³⁴ Ibid. Chap. VII. P. 7.
- ³⁵ Ibid. Chap. VIII. P. 7.
- ³⁶ Ibid. P. 9.
- ³⁷ Ibid. P. 11.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ Ibid. Chap. III. P. 13.
- ⁴⁰ Ibid. Chap. IX. P. 23.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² Ibid. Chap. XIII. P. 6.
- ⁴³ Ibid. P. 19.
- ⁴⁴ *Donaldson D.* Op. cit. P. 146–147.

Раздел III

НЕОКОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В АФРИКЕ: ПОСЛЕДСТВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ И ВЛИЯНИЕ НА ПРОДОЛЖЕНИЕ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ

Глава 17

ПАНАФРИКАНИЗМ И БОРЬБА С НЕОКОЛОНИАЛИЗМОМ В ИСТОРИИ ГВИНЕЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Приверженность идеям panaфриканизма и курс на противостояние неоколониализму были заложены в основу внешней политики Гвинейской Республики ее первым президентом Ахмедом Секу Туре. Несмотря на смену политических режимов, поколения гвинейцев воспитывались с осознанием буквально мессианского значения референдума 28 сентября 1958 г. В этот день Гвинея первой сказала «нет» неоколониалистскому проекту Французского сообщества, когда более 95% проголосовавших жителей страны выступили за национальную независимость, и вскоре ее примеру последовали другие франкофонные страны Черного континента. Одной из наиболее сложных задач, которую пришлось решать руководству Первой республики (1958–1984), стала защита национального суверенитета при одновременном курсе на построение Объединенной Африки.

На уровне государственного руководства обращение к историческому опыту эпохи Секу Туре в целях решения задач текущей внешней политики началось, как это ни парадоксально, после прихода к власти в 2010 г. давнего идеологического оппонента основателя независимой Гвинеи, на тот момент бывшего эмигранта, профессора Сорбонны Альфы Конде. Дальнейшее развитие данный процесс получил уже при нынешнем главе государства (в статусе президента переходного периода) генерале армии (с ноября 2024 г.) Мамади Думбуйе. Показательно, что его выступление на 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 21 сентября 2023 г., т.е. в преддверии 65-й годовщины

исторического референдума, было выдержано в антинеоколониалистском духе. В первую очередь это касалось тезиса о навязывании странам Черного континента западных моделей государственного устройства и политического развития¹.

Панафриканизм, независимость и угроза «балканизации»

Ситуацию, которая сложилась в Гвинее к началу 1958 г., можно без преувеличения назвать беспрецедентной. Де-юре Гвинея оставалась заморской территорией в составе Французского союза с правами ограниченного самоуправления, согласно Конституции 1946 г.* Де-факто же она начала превращаться во все более самостоятельное квазигосударственное образование. Общественная жизнь страны оказалась под контролем возглавляемой А. Секу Туре Демократической партии Гвинеи (ДПГ), что было обусловлено ее победами на муниципальных выборах (1956) и выборах в Территориальное собрание (1957), в котором она завоевала 56 мест из 60. В течение нескольких месяцев лидер ДПГ был избран депутатом парламента Франции, мэром Конакри и вице-председателем Правительственного совета Гвинеи (затем стал и председателем, сменив на этом посту французского губернатора)². Кроме того, в 1957 г. он занял должность генерального секретаря «Всеобщего союза трудящихся Черной Африки», объединявшего основные профцентры Французской Западной Африки (ФЗА)³.

Все это вызывало возрастающее беспокойство не только в Париже, но и в колониальных администрациях сопредельных с Гвинеей франкофонных стран. Тем более что к тому времени была уже очевидной нежизнеспособность Французского союза, особенно учитывая продолжавшуюся войну за независимость Алжира и ее влияние на другие африканские владения Четвертой республики. Как следствие, после того как в июне 1958 г. французское правительство снова возглавил Шарль де Голль, настаивавший на необходимости реформы государственных институтов в целях усиления исполнительной власти и дальнейшей модернизации колониальной империи, гвинейского лидера не допустили к работе в Конституционном консультативном комитете Франции (КККФ)⁴.

---

* Французский союз был создан в целях трансформации колониальной империи – без отказа от централизованного управления ею – в «ассоциацию» между метрополией и ее владениями. Жители колоний обрели статус граждан (подавляющее большинство из них ранее считались «подданными»), участники союза получили представительство в парламенте Франции.

По инициативе председателя Африканского демократического объединения (АДО)*, представителя Кот-д'Ивуара Феликса Уфуэ-Буањи (который в 1957–1959 гг. занимал посты государственного министра в нескольких правительственных кабинетах Франции) вместо Секу Туре членом КККФ был назначен один из наиболее активных африканских сторонников деголлевской конституционной реформы вице-председатель Правительственного совета Чада Габриэль Лизетт⁵. Как отмечает французский историк Гиа Мигани (Университет Франсуа Рабле, Тур), это значительно подогрело антиколониальные настроения в Гвинее и повлияло на самого Секу Туре, «уязвленного в своей гордости отношением к нему де Голля»⁶.

Что касается Ф. Уфуэ-Буањи, то идейно-политическое противостояние между ним и Секу Туре было предопределено курсом ивуарского лидера на срыв решений 3-го Конгресса АДО в Бамако (25–30 сентября 1957 г.) о трансформации ФЗА в Западноафриканскую Федерацию. Планы подобной реформы затрагивали и Французскую Экваториальную Африку (ФЭА). Поскольку, согласно Рамочному закону о предоставлении внутренней автономии заморским территориям, принятому парламентом Франции 23 июня 1956 г., решение этого вопроса было передано под юрисдикцию Территориальных ассамблей (ТА) колоний, ивуарская ТА проголосовала за отдельную автономию в составе Французского сообщества. Сторонники Уфуэ-Буањи мотивировали это тем, что в случае формирования региональной федерации Кот-д'Ивуар, по динамике экономического развития занимавший лидирующие позиции в ФЗА, станет дойной коровой для соседних франкофонных стран⁷. Заметим, что Гвинея, являющаяся одним из мировых лидеров по запасам бокситов, а также обладающая богатыми месторождениями других полезных ископаемых, не относилась к числу подобных «нахлебников» и рассматривалась колониальными властями как перспективная в плане экономического развития территория. Например, влиятельная французская газета «Монд» в 1958 г. даже характеризовала ее в качестве единственной франкофонной страны в Африке южнее Сахары, «у которой есть реальное индустриальное будущее»⁸.

---

* Межтерриториальная политическая партия, созданная в 1946 г. и имевшая секции во всех французских колониях в Западной и Экваториальной Африке. Одной из таких секций была ДПП, официально называвшаяся Демократической партией – Африканским демократическим объединением (ДПП – АДО). До 1950 г. АДО действовала в союзе с Французской коммунистической партией (ФКП), который распался после общего ослабления позиций ФКП и массовых арестов левых активистов объединения в конце 1940-х годов.

Париж, как отмечает Г. Мигани, не стал учитывать новый баланс сил в АДО, укрепивший позиции оппонентов ивуарского лидера, хотя panaфриканист Секу Туре был одним из четырех вице-президентов объединения⁹. Среди глав 10 участвовавших в конгрессе в Бамако территориальных организаций АДО Ф. Уфуэ-Буаньи заручился поддержкой лишь Леона М'Ба (Габон). В свою очередь, лидер ДПГ тогда выступал солидарно со своим будущим политическим противником Леопольдом Седаром Сенгором (руководителем сенегальской секции ДОА). Как и Уфуэ-Буаньи, Л. Сенгор участвовал в работе правительства метрополии, в частности на посту государственного секретаря (март 1955 – февраль 1956 г.), но затем подверг резкой критике Рамочный закон, предусматривавший расширение полномочий Территориальных ассамблей. По мнению сенегальского лидера, он угрожал «балканизацией» ФЗА и ФЭА, т.е. распадом основных франкофонных регионов Африки на отдельные национально-государственные субъекты¹⁰. Позиция Сенгора напрямую перекликалась с критикой Рамочного закона со стороны Секу Туре, считавшего, что подобные законодательные акты способствуют фрагментации единого территориального пространства ФЗА ввиду заинтересованности Франции в разрыве «единого фронта» африканских народов и «погружении их во внутренние противоречия и противостояния»¹¹.

В то же время, как отмечали партийные соратники Секу Туре, лидер ДПГ прагматично использовал открывшиеся благодаря Рамочному закону возможности для проведения внутренних антифеодальных и одновременно антиколониальных по своей сути реформ. Гвинейский историк Ибраима Баба Каке (1936–1994) приводил, например, мнение активиста ДПГ, будущего дипломата Дина Омара Камары (партийная кличка Шокер): «Мы были советниками по территориям в то время, когда Территориальная ассамблея обладала большей властью, чем Национальные собрания, избранные после обретения независимости [французскими колониями в Западной и Центральной Африке. – А. А.]». По словам Д.О. Камары, предоставленные Рамочным законом полномочия помогли организовать комитеты ДПГ во всех районах и населенных пунктах страны и декретом от 31 декабря 1957 г. ликвидировать институт этноплеменных вождей. Последние рассматривались как одно из основных препятствий для достижения национальной независимости, так как, контролируя практически все регионы Гвинеи, они действовали в интересах колониальной администрации¹².

Придерживаясь идей континентального, а применительно к Западной Африке – регионального единства, Секу Туре поначалу не пред-

полагал борьбы за полную независимость Гвинеи. Дальнейшую радикализацию его взглядов ряд исследователей, в частности Элизабет Шмидт (Университет Лойолы в Мэриленде, США), объясняют влиянием массовых выступлений, организованных левой общественностью, группировавшейся вокруг ДПГ. В связи с этим Э. Шмидт напоминает о репрессиях против поддерживаемых компартией Франции активистов АДО, которые последовали за исключением министров-коммунистов из коалиционного правительства метрополии в 1947 г. Произошедший в 1950 г. разрыв АДО во главе с Уфуэ-Буаньи с коммунистами вызвал резкое недовольство в гвинейской секции объединения, которое на время, по тактическим соображениям, было приглушено руководством ДПГ¹³.

По воспоминаниям участников тех событий, в том числе будущих политических противников репрессивного режима, позже сформированного Секу Туре, ключевую роль в отказе гвинейцев поддержать деголлевский проект конституции сыграл эмоциональный фон, созданный сторонниками предоставления стране немедленной независимости, прежде всего работниками сферы образования и учащимися, как в самой Гвинее, так и в метрополии, включая активистов Федерации чернокожих африканских студентов во Франции (ФЕАНФ – *Fédération des étudiants d'Afrique noire en France, FEANF*). В этой организации начинал свою политическую карьеру Альфа Конде, будущий идейный антипод, а спустя много лет политический наследник С. Туре на посту главы государства. «ФЕАНФ являлась очень заметным левым движением, которое с момента своего создания проводило кампанию за немедленную независимость и африканское единство. Это была школа panaфриканизма», – вспоминает Конде. При этом он уточняет, что в самой федерации шла острая борьба между разными идеологическими течениями, включая ориентировавшиеся на Москву или Пекин, поскольку большинство членов ФЕАНФ участвовали в деятельности марксистско-ленинской Партии независимости Африки (ПНА). Конде также акцентирует внимание на том, что после провозглашения независимости Гвинеи часть деятелей ПНА поддерживала гвинейское правительство вплоть до «драматических событий» 1961 г. – забастовки учителей, которую власти объявили «заговором против Секу Туре», вследствие чего последовал разрыв левых panaфриканистов с правящим режимом¹⁴.

В работах как западных, так и африканских исследователей отмечается неоднозначный характер решения С. Туре о том, что Гвинея должна сказать «нет» на референдуме 28 сентября 1958 г. В частности, в 1959 г., т.е. по свежим следам рассматриваемых событий,

франко-американский автор Поль-Марк Анри (Северо-Западный университет, США), в недавнем прошлом – французский правительственный чиновник, охарактеризовал гвинейское «нет» как «тактический шаг, направленный на то, чтобы занять лучшую позицию на будущих переговорах с Францией и африканскими соседями Гвинеи» в надежде на создание, в конечном счете, Федерации Западной Африки на собственных условиях¹⁵. И.Б. Каке также делал акцент на прагматизме Секу Туре, рассчитывавшего, в частности, на поддержку Сенегала или по крайней мере Нигера в этом вопросе¹⁶. То есть, учитывая нарастающую угрозу «балканизации» ФЗА, panaфриканский проект оставался приоритетным для гвинейского руководства.

Если принять доводы Каке, следует согласиться, что в данном случае в Конакри переоценили возможности союзников ДПГ в Сенегале и Нигере, а также значение разногласий между Сенгором и Уфуэ-Буаьи. Кроме того, согласно обнародованным в 2000-е годы архивным источникам (как африканским, так и французским) и воспоминаниям участников событий, Париж пошел на прямое вмешательство и манипулирование результатами референдума в Нигере, чтобы удержать его под своим контролем. Причем даже по официальным данным среди жителей именно этой заморской территории оказалось наибольшее после Гвинеи число сторонников независимости во Французской Западной Африке¹⁷.

Наказание Гвинеи – от блокады к «организации заговоров»

В данном контексте представляется особенно важным то, что в Конакри не ожидали категорично отрицательной реакции де Голля, который ранее обещал принять голосование против его конституционного проекта как данность. Однако премьер-министр Франции, который 8 января 1959 г. станет президентом республики, ответил полным разрывом с теперь уже бывшей колонией вплоть до ее экономической блокады.

В связи с этим французский дипломат (в 1975–1979 гг. – посол в Конакри), исследователь-африканист и биограф первого президента Гвинеи Андре Левин сравнивает два «нет»: Секу Туре в октябре 1958 г. и самого де Голля в июне 1940 г., когда после разгрома Третьей республики гитлеровской Германией он тоже «предпочел свободу», и задается вопросом, почему же этот политик не понял смысла гвинейского демарша? А. Левин приходит к выводу, что на французского лидера повлияла «интерпретация происходящего, которую давали его сотрудники, его министры, его секретные службы»¹⁸.

Представляется, что в данном случае ветеран французской дипломатической службы несколько лукавил, рассуждая о влиянии на де Голля президентского окружения. Скорее можно говорить о том, что правительство Франции разрабатывало новую, неокOLONиалистскую политику в Африке, для обозначения которой в дальнейшем в широкий оборот войдет фразеологизм «Франсафрик» (*Françafrique*), и действия гвинейцев явно не устраивали Париж. Последующие попытки Конакри нормализовать отношения с бывшей метрополией, несмотря на первоначально заявленное желание остаться в зоне франка КФА и подписание 7 января 1959 г. (после достаточно нелегких переговоров) меморандумов о взаимопонимании с Францией¹⁹, успехом не увенчались.

По мнению А. Левина, деголлевское «наказание» Гвинеи крайне негативно повлияло на ее лидера, сыграв катализирующую роль в дальнейшей эволюции характера режима Первой республики – от революционного к репрессивному²⁰. Однако даже зарубежные оппоненты гвинейских властей признавали, что в то время «антигосударственные заговоры» возникали не только в «воображении Секу Туре». Так, серия арестов в апреле 1960 г. последовала за выдвинутыми против французской разведки, а также Сенегала и Кот-д’Ивуара обвинениями в подготовке диверсионных групп для переворота в Конакри. Их обоснованность признал в своих воспоминаниях (изданных в 1986 г.) тогдашний сенегальский премьер-министр Мамаду Диа. В ходе инициированного им расследования в районе сенегальско-гвинейской границы были обнаружены склады боеприпасов и листовок, предназначавшихся для гвинейских эмигрантов. Выяснилось, что заговорщиков возглавлял некий французский военный, имя которого не афишировалось. Сенегальские власти сначала его интернировали, а затем дали ему возможность бежать (видимо, чтобы избежать осложнений в отношениях с Парижем). По мнению гвинейских исследователей, все это выглядело симптоматично, поскольку в то время Франция не могла смириться с усилением гвинейско-советского сближения и влиянием примера своей бывшей колонии на другие франкофонные страны Африки. На этом фоне еще большую тревогу в Париже вызывали такие шаги Конакри, как объявление первых французских ядерных испытаний в Алжире (февраль 1960 г.) «агрессивным и преступным актом против целого континента»²¹.

Как и М. Диа, министр национальной обороны Франции в 1960–1969 гг. Пьер Мессмер признал попытки спецслужб своей страны в 1959–1960 гг. свергнуть правительство С. Туре, склонив к сотрудничеству руководителей автономных Сенегала и Кот-д’Ивуара, а

также лояльную Парижу часть гвинейской оппозиции²². Это совпадает с воспоминаниями Мориса Робера, главы африканского сектора французской внешней разведки, именованной в 1946–1982 г. Службой внешней документации и контршпионажа (*Service de documentation extérieure et de contre-espionnage, SDECES*). Робер, в частности, подтвердил правоту гвинейской стороны, заявлявшей, что после введения республикой в 1961 г. собственной валюты на ее территории распространялись фальшивые гвинейские франки (операция *Persil*, названная так в честь одноименной популярной марки моющих средств). Это должно было дестабилизировать финансовую ситуацию в стране²³.

Проблема единства как источник разногласий

Гвинейский лидер, отвергнутый Францией после референдума 28 сентября 1958 г., по выражению П.-М. Анри, «оказался в водовороте panaфриканской политики». Именно в это время премьер-министр Ганы Кваме Нкрума искал союзников во франкофонных странах для реализации своего проекта общеконтинентальной федерации²⁴. Здесь следует заметить, что первая встреча руководителей Гвинеи и Ганы состоялась еще в апреле 1957 г., т.е. после того как 6 марта британская колония Золотой Берег стала независимым государством Гана (хотя и оставшимся в Содружестве), а Нкрума – его первым премьер-министром. Более того, руководитель Ганы вынашивал грандиозный замысел создания Соединенных Штатов Африки в качестве новой великой державы на мировой арене, политически и экономически независимой и неприсоединившейся. Эта позиция, очевидно, произвела впечатление на Секу Туре, даже если сразу и не повлияла на его краткосрочные планы²⁵.

23 ноября 1958 г. в ходе визита в Гану С. Туре подписал с К. Нкрумой Декларацию о союзе. Хотя речь шла о создании основы для формирования регионального федеративного объединения – Соединенных Штатов Западной Африки (или Союза западноафриканских государств) при условии ратификации этого проекта национальными парламентами, лидеры Ганы и Гвинеи видели его частью более широкого объединения. Они призывали руководителей других стран континента присоединиться к создаваемому союзу и всячески укреплять контакты между участвующими в нем государствами, «особенно в вопросах обороны, международных отношений и экономики»²⁶. Логично, что в мае 1959 г. во время ответной поездки Нкрумы в Гвинею последовало переименование Союза Ганы и Гвинеи в Союз неза-

висимых африканских государств (СНАГ). При этом Секу Туре счел нужным подчеркнуть антинеоколониалистский характер СНАГ, заявив, что когда «мы требуем, чтобы европейцы покинули Африку, мы обращаемся только к тем из них, которые хотели бы сохранить или восстановить там колониальный режим»²⁷.

В то же время П.-М. Анри ссылается на циркулировавшие в то время слухи, что, когда гвинейскому президенту представили первый проект декларации, провозглашавшей союз с Ганой, он воспринял его как предложение о слиянии под руководством укреплявшей свою независимость Ганы*. В результате этот документ был «сильно смягчен», после чего появилось заявление о намерениях, а не акт фактического объединения. В своих более поздних выступлениях Кваме Нкрума и Секу Туре делали упор на новых перспективах в области развития коммуникаций, совместной внешней политике, денежно-кредитных, финансовых и экономических вопросах. Помимо Декларации, был подписан договор о том, что Гана предоставляет Гвинее из своих собственных резервов заем в размере 10 млн фунтов стерлингов, а также о готовности ганской стороны оказать гвинейцам техническую и административную помощь. При этом оба лидера подчеркивали стремление сохранить самостоятельность своих стран, особенно в отношениях с Содружеством наций и Французским сообществом. По словам Нкрумы, они решили «руководствоваться существующими реалиями»²⁸.

В том же ключе стоит рассматривать попытку Гвинее и Ганы вовлечь в свой союз старейшее независимое государство Западной Африки – Либерию. Посвященная этому встреча С. Туре и К. Нкрумы с ее президентом Уильямом Табмэном состоялась 15–19 июля 1959 г. в либерийском городе Санникелли (близ границы с Гвинеей). Согласно официальному объяснению, опубликованному правительством Либерии спустя 20 лет и приуроченному к проведению в Монровии саммита Организации африканского единства (ОАЕ) 1979 г., гвинейский и ганский лидеры предложили Табмэну, который занимал пост главы государства с 1944 г., статус «дуайна» в СНАГ. «Как и ожидалось», Нкрума и Табмэн разошлись во взглядах на африканское единство. «Нкрума хотел немедленного политического союза, а Табмэн – практического сотрудничества по вопросам, представляющим взаимный интерес, постепенно ведущего к политическому союзу». Согласно трактовке представителей Либерии, Секу Туре, который сначала под-

---

* 28 ноября 1958 г. Национальное собрание Гвинее единогласно одобрило Декларацию о союзе с Ганой.

держивал точку зрения Нкрумы, в итоге согласился с Табмэном. В результате была принята декларация трех лидеров, предлагающая создание Сообщества независимых африканских государств»²⁹. В ОАЕ Декларация Санникелли и сама конференция 1959 г. традиционно рассматривались как прелюдия к созданию общеконтинентальной организации. Как подчеркивают авторы издающегося в Лондоне панафриканского журнала *New African*, аргументация правительства Либерии, опубликованная к саммиту в Монровии, должна была объяснить, почему «постепенность» президента Табмэна «поставила под угрозу» прогресс африканского единства³⁰.

Как, на наш взгляд справедливо, отмечалось в 1962 г. в журнале *International Organization* (Кембриджский университет, Великобритания), многочисленные усилия по объединению африканских стран представляют собой одно из наиболее значительных явлений короткого на тот момент постколониального периода. Свобода привела к растущему признанию в общественных кругах континента взаимозависимости государств Африки и необходимости единых подходов к общим проблемам. Вместе с горсткой «старых независимых стран» почти все они оказались вовлечены в одну или несколько активных попыток реализовать ту или иную форму континентальной интеграции. Парадоксально, но вопрос о том, как достичь единства, становился одним из основных разногласий между африканскими государствами³¹.

В качестве очередного подтверждения данного тезиса можно рассматривать создание Союза африканских государств (САГ), к которому Секу Туре и Кваме Нкрума привлекли идеологически близкого президента Республики Мали социалиста Модибо Кейту на встрече трех лидеров в Конакри 24 декабря 1960 г. В апреле 1961 г. они подписали Хартию об учреждении САГ, которая вступила в силу 1 июля того же года после ее одновременной публикации в трех странах. В этом документе предусматривалось общее дипломатическое представительство и создание комитетов по разработке механизмов гармонизации экономической и денежно-кредитной политики. Статья 34 первой гвинейской Конституции (1958) гласила: «Республика может заключать соглашения об ассоциации или сообществе с любым африканским государством, включая частичный или полный отказ от суверенитета, с целью достижения африканского единства»³². Аналогичные положения содержались в конституциях Ганы и Мали.

Предполагавшееся формирование Экономического совета САГ ограничилось лишь несколькими встречами между тремя лидерами. Создание единого экономического пространства в любом случае за-

труднялось отсутствием общих границ Гвинеи и Мали с Ганой. В то же время даже наличие общей границы между Гвинеей и Мали не могло в достаточной мере способствовать их экономической интеграции. Они не были связаны значимыми объектами транспортной инфраструктуры, так как в колониальный период в гораздо большей мере взаимодействовали с Сенегалом (где располагались центральные органы управления Французской Западной Африки во главе с ее генерал-губернатором), чем между собой.

От локальных союзов – к континентальному сообществу

Как отмечал в конце 1961 г. заместитель председателя правления Агентства печати «Новости» С.И. Беглов в отчете для Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС о поездке по странам Африки, «наиболее активные усилия в сторону ликвидации суверенных перегородок между этими государствами и образования в будущем федерации» предпринимала Гана. «Однако на вопрос, почему дело с федерацией продвигается так слабо, посол Ганы в Тунисе (в беседе с нашим послом) ответил: «Руководители Гвинеи и Мали боятся, что Гана как более богатый и сильный союзник использует создание федерации для подчинения других стран»³³.

Данная оценка коррелирует с выводом Т.С. Денисовой об «одиночестве Нкрумы как мирового лидера, который защищал – в теории и на практике – новые политические концепции, отличные от схемы «нация – государство»». По мнению отечественного исследователя, идея «наднациональности» Нкрумы не имела поддержки ни у национальных элит, ни у широких масс африканцев³⁴. Что касается Секу Туре, то «возможно, он даже превзошел Нкруму с точки зрения формирования прежде всего во франкофонном мире образа бескомпромиссного борца с неокOLONIALИЗМОМ»³⁵.

В начале 1960-х годов этот образ работал на формирование антинеколонIALИСТСКОЙ коалиции африканских стран – Касабланкской группы, получившей название по месту проведения 3–7 января 1961 г. конференции с участием Ганы, Гвинеи, Мали, ОАР, Марокко, временного правительства Алжира и Ливии (последняя в дальнейшем не участвовала во встречах группы). Основным документом конференции стала Касабланкская хартия, в которой отражалась решимость участников конференции добиться свободы и единства для всей Африки, бороться за освобождение всех африканских территорий, находящихся под иностранным господством, за ликвидацию колониализма и неокOLONIALИЗМА во всех его формах и проявлениях.

В хартии заявлялось о необходимости ликвидации иностранных военных баз, провозглашалась политика неприсоединения и неучастия в блоках. Конференция высказалась также против политики апартеида и расовой дискриминации, против французских ядерных испытаний в Африке. Участники конференции одобрили идею создания африканского общего рынка³⁶.

Ответной реакцией стало активно поддерживаемое западными державами стремление «умеренно-консервативных» африканских режимов нейтрализовать революционизирующее влияние Касабланкской хартии. Это привело к появлению другой группировки независимых африканских стран, известной под названием «Монровийская группа». В конференции, состоявшейся в либерийской столице в мае 1961 г., участвовали 14 бывших французских колоний (включая Кот-д'Ивуар и Сенегал), сама Либерия, а также Нигерия, Сомали, Эфиопия, Ливия и Сьерра-Леоне.

Разногласия между двумя лагерями были столь велики, что грозили сорвать планы создания общеконтинентального объединения – Организации африканского единства, о поддержке которых заявляли все получившие к тому времени независимость страны Африки. Как африканские, так и отечественные исследователи отмечают роль Секу Туре, выступавшего от имени Касабланкской группы, в преодолении четко обозначившегося раскола. Со стороны Монровийской группы аналогичные усилия предпринимал император Эфиопии Хайле Селайссие I³⁷. Таким образом, Секу Туре, действуя в тандеме с очередным главой африканского монархического режима (среди партнеров гвинейского президента по Касабланкской группе были короли Марокко Мухаммед V и Хасан II), как и прежде, отдавал приоритет общеафриканским интересам перед собственными «революционно-демократическими» идеологемами.

Главной задачей С. Туре было убедить участников своей группы, включая наиболее радикального из них – К. Нкруму, в необходимости поиска компромиссов. Одновременно президент Гвинеи ставил перед собой более амбициозную цель – добиться американской поддержки проекта создания общеафриканского межгосударственного объединения. Эта тема оказалась в центре внимания во время поездки Секу Туре в США 9–12 октября 1961 г. Как отмечает Майри Стюарт Макдоналд (Университет Торонто, Канада), президент Джон Кеннеди мог быть доволен уже тем, что гвинейский лидер не стал поднимать вопрос о действиях США и их союзников в Конго (Киншаса), которые в ходе развития кризиса в данной стране неизменно осуждались Конакри. Более того, он уверял президента Соединенных

Штатов в том, что американцам нечего бояться создания panaфриканского объединения, поскольку речь идет об интеграции стран Черного континента главным образом в сфере экономики и культуры. В условиях продолжавшейся конфронтации между Гвинеей и Францией Секу Туре стремился продемонстрировать Дж. Кеннеди близость позиции своей страны по вопросам африканского единства с позицией «умеренно-консервативных» режимов франкофонных стран³⁸. Он также пытался сыграть на изменении отношения Белого дома к Движению неприсоединения, к которому предшественники администрации Кеннеди относились с большим подозрением, постоянно усматривая в его деятельности «руку Москвы».

Дипломатические маневры гвинейской стороны совпали по времени с обострением карибского кризиса. Спустя две недели после поездки Секу Туре в Америку, в конце октября 1961 г., Госдепартамент США провел зондаж Мали и Гвинеи, формально все еще объединенных в САГ, по поводу того, окажут ли они содействие СССР в организации воздушного моста через Атлантику в целях военной-технической поддержки Кубы (речь шла в первую очередь о дозаправке советских самолетов в аэропорту Конакри, функционирование которого в то время оплачивалось, по сути, за счет советской помощи). Если М. Кейта просто отклонил американский запрос, то С. Туре, с учетом личных контактов между ним и президентом Кеннеди и особого внимания последнего к странам Африки, пошел навстречу Вашингтону. В итоге он отказал советскому руководству в сотрудничестве по критически важному для него вопросу³⁹. В исторической литературе, в том числе отечественной⁴⁰, нашла отражение «проамериканская» на тот момент позиция гвинейского лидера. Отмечались и возникшие после «заговора учителей» (в поддержке которого С. Туре обвинил посольство СССР) проблемы в гвинейско-советских отношениях. Однако в данном случае, думается, не менее важен общеафриканский контекст, в котором развивались рассматриваемые события.

В целом инцидент с несостоявшимся воздушным мостом стал первым и наиболее ярким проявлением политики лавирования между СССР и США, которой гвинейское руководство придерживалось в условиях глобальной холодной войны⁴¹. В связи с этим отметим, что спустя 15 лет события развивались уже с точностью до наоборот: вопреки давлению США, во второй половине 1970-х годов Конакри использовался как ключевой объект воздушной и морской логистики по оказанию советской и кубинской военной помощи Анголе для отражения агрессии ЮАР. Помощь Анголе полностью соответствовала

антиколониалистским и panaфриканским приоритетам, провозглашенным Гвинейской Республикой.

Дипломатические усилия С. Туре в итоге способствовали созданию ОАЕ. Была создана общеконтинентальная структура, действующая в соответствии со своей хартией и имеющая постоянный секретариат. Декларируемые принципы развития сотрудничества в области экономики и социального обеспечения, образования, культуры и коллективной обороны, планы борьбы за окончательное искоренение колониальной системы, против расовой дискриминации и апартеида, за создание региональных экономических групп вряд ли могли удовлетворить радикальное крыло panaфриканского движения, включая самого С. Туре. Однако в условиях уязвимости стран – участниц ОАЕ (большинство из которых были суверенными на протяжении всего лишь 3 лет) перед бывшими колониальными державами и США даже формальное единство можно было считать значимым достижением.

При решении вопроса о том, где будет находиться штаб-квартира организации, Гвинея поддержала вариант Аддис-Абебы (среди ее конкурентов фигурировали Дакар, Лагос и даже Киншаса). В этом случае С. Туре вновь пошел на дипломатический размен, добившись ответной поддержки Эфиопией кандидатуры постоянного представителя Гвинеи в ООН Бубакара Диалло Телли на пост генерального секретаря ОАЕ, который он занимал в 1964–1972 гг.⁴²

* * *

Последнее десятилетие руководители Гвинеи демонстрировали историческую преемственность в отношении внешней политики Первой республики, когда защита суверенитета страны сочеталась с отстаиванием общеконтинентальных интересов. Президент А. Конде (2010–2021) неоднократно подчеркивал, что государства франкофонной Африки должны выстраивать новую схему взаимоотношений с Западом, особенно с бывшей метрополией, на основе невмешательства Парижа и его союзников в их внутренние дела⁴³.

В марте 2017 г., выступая на проходившей в Абиджане конференции, которая была посвящена экономическому развитию Африки, Конде в образной форме призвал «перерезать пуповину, связывающую нас с Францией»⁴⁴. Его антинеоколониалистская риторика усилилась накануне отмечаемого в 2018 г. 60-летия независимости республики, когда он напомнил об ответственности Франции за наложенный на Гвинею в 1958 г. «карантин». Французские СМИ тогда проводили прямые параллели между его выступлениями и речами Секу Туре⁴⁵.

Спустя пять лет действующий глава государства М. Думбуйя поднял вопрос о том, что «сегодня африканцы вновь решают взять свою судьбу в свои руки». Он обозначил угрозу очередных планов раздела континента на сферы влияния, рассматривая попытки поставить африканцев «под контроль той или иной силы как оскорбление, презрение, расизм по отношению к континенту с населением более одного миллиарда трехсот миллионов человек». Гвинейский военный лидер подчеркнул, обращаясь к Генассамблее ООН: «На этом престижном и влиятельном собрании важно, чтобы мы ясно и окончательно поняли, что папина⁴⁶ Африка, старая Африка, закончилась»⁴⁷.

Таким образом, в условиях необходимости выработки новых внешнеполитических концепций самой Гвинеей и реализации интеграционных программ на уровне Африканского союза как преемника ОАЕ исторический опыт республики и ее первого президента приобретают для гвинейцев особое значение. Символическим актом в этом контексте можно считать присвоение в декабре 2021 г. международному аэропорту Конакри имени Ахмеда Секу Туре.

---

¹ 78ème Assemblée Générale de l'ONU – New York 2023 le Colonel Mamadi Doumbouya a dévoilé son programme a travers son discours // Guinée Info. 21.09.2023. <https://guinee-info.com/78eme-assemblee-generale-de-lonu-new-york-2023-le-colonel-mamadi-doumbouya-a-devoile-son-programme-a-travers-son-discours/> (дата обращения 22.02.2024)

² Калинина Л.П. Гвинея. Справочник. М.: Наука: Изд. фирма «Вост. лит.», 1994. С. 60.

³ Migani G. Sékou Touré et la contestation de l'ordre colonial en Afrique subsaharienne, 1958–1963 // Monde(s), 2012. Vol. 2. No. 2. P. 259. DOI: 10.3917/mond.122.0257

⁴ Ibid. P. 260.

⁵ Assouanga K.L. L'antagonisme entre Houphouët-Boigny et Sékou Touré à l'épreuve des contorsions politiques sur l'émancipation de l'Afrique et des rixes diplomatiques entre la Côte d'Ivoire et la Guinée (1956–1972) // Revue Gabonaise d'Histoire et Archéologie. 2021. No. 7. Vol. 2. P. 63.

⁶ Migani G. Op. cit.

⁷ Debré J.-L., Diuf A.M. Léopold Sédar Senghor: la pensée et l'action politique. Actes du colloque. Paris: Assemblée nationale. 2006. P. 97. https://assemblee-nationale.fr/international/colloque_senghor.pdf (дата обращения 22.02.2024)

⁸ Milcent E. Le voyage de M. Sekou Touré au Ghana suscite un vif intérêt au Sénégal // Le Monde. 24.11.1958. https://lemonde.fr/archives/article/1958/11/24/le-voyage-de-m-sekou-toure-au-ghana-suscite-un-vif-interet-au-senegal_2310770_1819218.html (дата обращения 22.02.2024)

⁹ Ibid.

¹⁰ Debré J.-L., Diuf A.M. Op. cit.

---

¹¹ Цит. по: *Sandouno M.* Une histoire des frontières guinéennes (années 1880–2010): héritage colonial, négociation et conflictualité. Université Toulouse le Mirail – Toulouse II. 2014. P. 329. <https://theses.hal.science/tel-01140352/document> (дата обращения 21.02.2024)

¹² *Kaké I.B.* Sékou Touré: Le Héros et le Tyran. Collection Jeune Afrique Livres. Vol. 3. Paris: Group Jeune Afrique, 1987. P. 54.

¹³ *Schmidt E.* Cold War in Guinea: The Rassemblement Démocratique Africain and the Struggle Over Communism, 1950–1958 // *The Journal of African History*. 2007. Vol. 48. No. 1. P. 95–121. DOI: 10.1017/S0021853707002551

¹⁴ *Barry D.* « Une certaine idée de la Guinée » : Alpha Condé se raconte, de la Sorbonne à Sékhoutouréya // *Jeune Afrique*. 05.06.2019. <https://jeuneafrique.com/784567/politique/une-certaine-idee-de-la-guinee-alpha-conde-se-raconte-de-la-sorbonne-a-sekhoutourea/> (дата обращения 21.02.2024)

¹⁵ *Henry P.-M.* Pan-Africanism: a Dream Come True // *Foreign Affairs*. 01.04.1959. <https://foreignaffairs.com/articles/africa/1959-04-01/pan-africanism-dream-come-true> (дата обращения 15.02.2024)

¹⁶ *Kaké I.B.* P. 69–90.

¹⁷ См., например: *Van Walraven K.* Decolonization by referendum: the anomaly of Niger and the Fall of Sawaba, 1958–1959 // *The Journal of African History*. 2009. Vol. 50. No. 2. Pp. 269–292. DOI: 10.1017/S0021853709990053

¹⁸ *Lewin A.* Ahmed Sékou Touré. Président de la Guinée. T. 1: 1922 – février 1955. Paris: L’Harmattan, 2009. P. 18.

¹⁹ *Fischer G.* L’indépendance de la Guinée et les accords franco-guinéens // *Annuaire Français de Droit International* / 1958. Vol. 4. P. 711–722. https://persee.fr/doc/afdi_0066-3085_1958_num_4_1_1410 (дата обращения 22.02.2024)

²⁰ Ibid.

²¹ *Kaké I.B.* Op. cit. P. 91–113.

²² *Lewin A.* Jacques Foccart et Ahmed Sékou Touré // *Les Cahiers du Centre de Recherches Historiques*. 2002. No. 30. DOI: <https://doi.org/10.4000/ccrh.712>

²³ Opération «Persil» // *Monde diplomatique*. 2018. Avril – mai. No. 158. <https://monde-diplomatique.fr/mav/158/A/58507> (дата обращения 22.02.2024)

²⁴ *Henry P.-M.* Op. cit.

²⁵ *Kaké I.B.* Op. cit. P. 68.

²⁶ Совместная декларация Премьер-министра Ганы и Председателя Правительства Гвинейской Республики по случаю официального визита последнего в Гану. 20–24 ноября 1958 г. // Секу Туре А. Независимая Гвинея. Статьи и речи. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 148–149.

²⁷ *Henry P.-M.* Op. cit.

²⁸ Ibid.

²⁹ OAU and Western penetration efforts // *New African*. 03.05.2013. <https://newafricanmagazine.com/3719/> (дата обращения 21.02.2024)

³⁰ Ibid.

³¹ *Kloman E.H., Erasmus H.* African Unification Movements // *International Organization*. 1962. Vol. 16. No. 2. P. 387–404. DOI: 10.1017/S0020818300011127

³² République de Guinée. Constitution du 10 novembre 1958 // *Digitheque MJP*. <https://mjp.univ-perp.fr/constit/gn1958.htm> (дата обращения 26.02.2024)

³³ № 7. С.И. Беглов – Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС. Отчет о служебной поездке по странам Африки (1 ноября – 12 декабря 1961 г.). 22 декабря 1961 г. //

Россия и Африка. Документы и материалы. 1961 – начало 1970-х. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 43.

³⁴ Денисова Т.С. Кваме Нкрума – первый президент независимой Ганы // Гана: 60 лет независимости. Сборник статей. М.: Институт Африки РАН, 2017. С. 27.

³⁵ Денисова Т.С. Первый президент Гвинеи Ахмед Секу Туре // Гвинея: вчера и сегодня. Сборник статей. М.: Институт Африки РАН, 2019. С. 9.

³⁶ См. Брыкин В.А. Дипломатия новой Африки. М.: Изд-во «Международные отношения», 1970. С. 67.

³⁷ Ныгуссие Кассе В.М. Император Хайле Селассие I и Организация Африканского Единства (к 50-летию Африканского Союза) // Вестник РУДН. 2013. № 3. С. 65–68.

³⁸ MacDonald M.S. The Challenge of Guinean Independence, 1958–1971. University of Toronto, 2009. P. 167–168. https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/19287/1/MacDonald_Mairi_S_200911_PhD_Thesis.pdf (дата обращения 26.02.2024)

³⁹ Ibid.

⁴⁰ См., напр.: Мазов С.В. Политика СССР в Западной Африке, 1954–1964: неизвестные страницы истории холодной войны. М.: Наука, 2008. 335 с.

⁴¹ Хазанов А.М., Гомаа Хамди. Политика СССР в «третьем мире» (Азия и Африка) в годы «холодной войны». М.: ИВ РАН, АСМАН, 1997. 84 с.

⁴² Ныгуссие Кассе В.М. Указ. соч. С. 68.

⁴³ Андреев А.В. Внешняя политика президента Гвинеи Альфы Конде // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 3 (60). С. 144–166.

⁴⁴ Alpha Condé: «Je vous invite à couper le cordon ombilical avec la France» // Le Monde. 2017.30.03. https://lemonde.fr/afrique/video/2017/03/30/alpha-conde-je-vous-invite-a-couper-le-cordon-ombilical-avec-la-france_5103483_3212.html (дата обращения 30.01.2020)

⁴⁵ См. Андреев А.В. Указ. соч. С. 148.

⁴⁶ «L’Afrique de papa» – популярный во франкофонных странах Африки фразеологизм, в данном контексте обозначающий патерналистское отношение к африканцам со стороны бывших колонизаторов.

⁴⁷ Цит. по: 78ème Assemblée Générale de l’ONU – New York 2023 le Colonel Mamadi Doumbouya a dévoilé son programme a travers son discours...

ЮАР И НЕОКОЛОНИАЛИЗМ: ОТ КОЛОНИАЛИЗМА ОСОБОГО ТИПА К ЗАВИСИМОМУ КАПИТАЛИЗМУ

В советской и российской африканистике южноафриканская модель развития эпохи правления белого меньшинства определялась как колониализм особого типа. В работах А.Б. Давидсона, И.И. Филатовой, В.П. Городнова и других отмечались такие особенности, как сочетание метрополии и колонии в одних границах, уникальный симбиоз первого и третьего миров¹.

Основанное в 1910 г., южноафриканское государство (доминион, а с 1961 г. – республика) представляло собой уникальный симбиоз страны с европейски развитыми политическими, экономическими и научно-технологическими институтами и стандартами и продвигаемым белым меньшинством быстрым индустриальным развитием и отсталой бесправной внутренней колонии с черным большинством в тауншипах и бантустанах, вовлеченным в производство, но жестоко эксплуатируемым и сегрегированным. Заметим, что внутренний колониализм и апартеид в ЮАР не были исключительным достоянием только этой страны. В 50–60-х годах XX в., т.е. в период наиболее жесткого апартеида в Южной Африке, примерно такие же внутренний колониализм, расизм и апартеид по отношению к черному населению существовали в южных штатах США с подобным сегрегационным набором в сфере образования, проживания, услуг и одиозными табличками «только для белых». Борьбу с этим злом возглавил проповедник Мартин Лютер Кинг, удостоенный в 1964 г. Нобелевской премии мира за ненасильственное сопротивление расовому угнетению, но погибший в 1968 г. от рук расистов.

Отметим, что южноафриканское государство, созданное пассионарным бурско-африканерским этносом (большинство белого меньшинства страны), наследником боровшихся с британским империализмом бурских республик, отличал колониализм особого типа, заключавшийся в том, что внутренняя метрополия строила свою страну здесь и для себя, а не выкачивала ресурсы в интересах заморских хозяев, и буры эту задачу успешно решили, сделав ЮАР единственной развитой страной Африки с передовой наукой и технологиями, компенсируя до определенной поры издержки расистской политики апартеида приемом сотен тысяч квалифицированных кадров из ра-

зоренной послевоенной Европы и предлагая им высокий уровень жизни.

Декolonизация Африки, национально-освободительная борьба при поддержке СССР, международные санкции против ЮАР, изменение геополитической ситуации в мире с окончанием холодной войны привели к ликвидации режима апартеида и переходу к нерасовой демократии в результате мирного компромисса (за этот успешный мирный переход лидер АНК Нельсон Мандела и президент ЮАР Фредерик де Клерк были удостоены Нобелевской премии мира в 1993 г.).

Переход к нерасовой демократии и отмена международных санкций открывали путь для превращения ЮАР в локомотив развития континента и образец общества расовой гармонии, как об этом мечтал Мандела, но этого, увы, не произошло как по внутренним, так и по внешним геополитическим причинам. В южноафриканском симбиозе первого и третьего миров все же доминировал первый, двигавшийся по пути модернизации и НТР, хотя и с «обременением» в виде расово-дискриминационной политики апартеида. Включение нового руководства страны в неколонизальную парадигму «Вашингтонского консенсуса» привело к переходу из «первосортности» в «третьесортность». Сегодня мы имеем в ЮАР стагнирующую экономику, разгул коррупции и преступности, рекордно высокий уровень безработицы и социального неравенства как из-за политических просчетов власти и издержек наследия апартеида, так и ввиду выбора руководством страны (во многом вынужденного после распада СССР) нелиберальной неколонизальной модели социально-экономического развития, «опускающей» страну в слаборазвитость, выдавливающей ее на зависимую периферию мировой капиталистической экономики.

Наиболее серьезным политическим просчетом руководства страны представляется замена расовой дискриминации и сегрегации эпохи апартеида на «позитивную» дискриминацию в пользу черного населения вместо обещанной меритократии, т.е. выдвижения лучших независимо от цвета кожи. Бенефициарами этой политики фактически стали представители черного бизнеса, имеющие поддержку функционеров правящей партии. Между тем союз лучших представителей всех расово-этнических групп во имя развития и процветания страны вполне мог бы, особенно учитывая африканский патриотизм и пассионарность буров-африканеров, породить новое «южноафриканское чудо», воплотив мечту, изложенную в Хартии свободы АНК: «Южная Африка должна принадлежать всем, кто ее населяет».

Увы, эти мечты основоположников южноафриканской демократии – Нельсона Манделы, Уолтера Сисулу и других – не сбылись. Аппарат власти постепенно переродился и разложился. Бессменно правящий в стране с 1994 г. АНК политически неоднороден, в нем есть здоровые силы, но кризис аппарата власти, погрязшего в коррупции и межфракционной борьбе, зашел уже очень далеко. После вынужденной отставки в 2018 г. Джейкоба Зумы (президент ЮАР в 2009–2018 гг.)*, обвиненного в коррупционном «захвате государства», новое руководство страны попыталось взять курс на очищение и обновление, но явно не справилось с этой задачей, а после кратковременного ареста Зумы в 2021 г. в ЮАР вспыхнули самые значительные, далеко не первые, но самые масштабные и кровопролитные в постапартеидный период массовые беспорядки. Быстро переросшие в грабежи и погромы, они были совсем в стиле одиозного американского движения *BLM*².

Современную ЮАР через 30 лет после ликвидации апартеида характеризуют управленческая дисфункция и широкомасштабная коррупция, стагнация экономики и перманентный энергетический кризис, обвал коммунальных услуг и ключевой инфраструктуры, деиндустриализация страны и утрата (через эмиграцию) значительной части драгоценного человеческого капитала, что является вполне закономерным результатом следования рецептам «Вашингтонского консенсуса» для неокOLONиальной периферии.

Вот уже свыше 15 лет страну сотрясает все углубляющийся кризис энергоснабжения (веерные отключения электричества по 10–12 часов в день), который руководство страны, развалившее доставшуюся ему в наследство первоклассную энергосистему, не в состоянии разрешить³.

В период правления белого меньшинства внутренняя метрополия Южной Африки, на две трети бурско-африканерская, оказалась удивительно пассионарной, что подогревалось огнем религиозного мессианства кальвинистов. Если же рассуждать рационально, то, скорее всего, ключом к успеху индустриального и технологического рывка ЮАС-ЮАР было то обстоятельство, что взявшие в свои руки власть свободолюбивые и целеустремленные буры (с 1924 г. правительства страны возглавлялись именно ими), наследники формально проигравших, но по существу победивших в англо-бурской войне 1899–1902 гг. бурских республик, не выкачивали ресурсы страны на потребу отдаленной метрополии, как это было в случаях классического ко-

---

* Годы правления Дж. Зумы в стране называют «потерянным десятилетием».

лониализма, а обустроивали свою страну для себя, будучи искренними патриотами своей африканской родины. И они преуспели в этом, конечно, при использовании ресурсов страны и труда своих угнетаемых соотечественников.

Переход от апартеида к нерасовой демократии в 1994 г. открыл возможности превращения ЮАР во флагман развития континента, как на это надеялись отцы-основатели демократической ЮАР во главе с ее первым президентом Нельсоном Манделой. Но, увы, отмена международных санкций и ликвидация расовой сегрегации не привели к подлинному подъему и расцвету многонациональной страны, а сопровождались переходом к реализации навязанной коллективным Западом неокOLONиальной модели развития, деиндустриализации и сползанию в периферийность. Страна, создававшая собственные вакцины (Нобелевская премия 1951 г. за вакцину от желтой лихорадки), смогла в эпоху ковида лишь паковать импортные препараты.

В ситуации с ЮАР можно увидеть много параллелей с Россией и странами постсоветского пространства в свете перемен 1990-х годов. Недаром президент нашей страны В.В. Путин, выступая в центре «Сириус», заявил: «Мир постепенно избавляется от диктатуры такой финансово-экономической модели, целью которой является только загнать в долги, кабалу, превратить в экономические колонии, лишит ресурсы для развития целые регионы мира»⁴. Как отмечается в недавно опубликованной коллективной монографии Института Африки РАН «Африка: неоплаченный долг колонизаторов»: «Россия, как и Африка, оказалась в экономическом смысле частью эксплуатируемой мировой периферии, безвозмездно подпитывающей Запад своими ресурсами в ущерб благосостоянию собственного народа... Значительная часть валютной выручки, получаемой от... экспорта, в Россию не возвращалась»⁵. Точно так же можно сказать и про ЮАР.

Следует в этой связи упомянуть и международные санкции. И для ЮАР эпохи апартеида, и для современной России они оказались в каком-то смысле *blessing in disguise* (скрытым благом), стимулируя импортозамещение и развитие собственного научно-технологического потенциала, тогда как без них в условиях нерегулируемого капиталистического рынка проще и дешевле сокращать свои НИОКР и закрывать менее рентабельное собственное производство в пользу часто второсортного импорта.

НеокOLONиальное внешнее управление со стороны структур «Вашингтонского консенсуса», таких как МВФ, последовательно задвигало единственную индустриально развитую страну Африки на роль периферийного сырьевого придатка мировой капиталистической эко-

номики. Как и принявшая в 1990-е годы неолиберальную модель развития Россия, ЮАР столкнулась с проблемой деиндустриализации. Как заявил недавно министр финансов страны Енох Годонгвана, «за прошедшие годы Южная Африка пережила значительную деиндустриализацию», отметив, что вклад обрабатывающей промышленности в ВВП сократился с 22% в начале 1990-х годов до 12% в 2020⁶.

Доля расходов на НИОКР в ВВП ЮАР составила в 2022 г. 0,8% – чуть выше, чем в пандемийные 2020–2021 гг. (0,6%)⁷, и выше, чем в других странах континента, но лишь сравнялась с допандемийным уровнем, оставаясь значительно ниже плановых 1,5% и ниже показателей страны при апартеиде (1,1% в 1991 г.). Не говоря уже о том, что планы последних лет были скорректированы в сторону понижения после провала инновационной десятилетки, когда намечалось повышение этого показателя до 2% к 2018 г., т.е. до уровня развитых стран⁸.

Научный потенциал ЮАР сосредоточен прежде всего в ее ведущих университетах. Университет Кейптауна – старейший в стране и лучший на Африканском континенте. В нем обучался медицине будущий создатель вакцины от желтой лихорадки Макс Тейлер, получивший за это Нобелевскую премию 1951 г.; в конце 1920-х годов открыл школу искусств родившийся в Петербурге скульптор-эмигрант Владимир Мейерович; в 1967–1968 гг. в университетской клинике «Грооте Схюр» сделал первые в мире успешные пересадки донорского сердца доктор Кристиан Барнард; в 1994 г. профессор, ныне академик РАН А.Б. Давидсон создал тут Центр российских исследований, к сожалению, просуществовавший недолго.

В ЮАР еще недавно была первоклассная наука мирового уровня, о чем свидетельствовал просто фейерверк Нобелевских премий, завидный даже для многих европейских стран, не говоря уже об Африке: еще в эпоху апартеида, кроме упомянутого выше М. Тейлера, их получили Аллан МакЛеод Кормак, первым использовавший рентгеновскую компьютерную томографию, и Аарон Клюг, разработавший кристаллографический метод электронной микроскопии. В 2002 г. ею был отмечен Сидней Бреннер за выдающиеся достижения в области молекулярной биологии (при участии знаменитого русского эмбриолога-эмигранта Бориса Балинского). Стоит отметить, что самый известный в наши дни инновационный бизнесмен Илон Маск родился и вырос в Претории (ЮАР).

Судьбы науки и образования в современной ЮАР наглядно характеризуют, с одной стороны, снижение уровня неграмотности населения в постапартеидный период (с 19 до 12%), а с другой – недофи-

нансирование науки, свертывание программ развития НИОКР и инноваций и такие одиозные проявления, как борьба с памятниками прошлого. Ярким примером этому стал снос 19 апреля 2015 г. в университете Кейптауна памятника Сесилу Родсу, знаменитому британскому колонизатору Южной Африки. Сесил Родс – создатель британской Родезии, премьер Капской колонии в конце XIX в., предприниматель (основатель алмазной ТНК «Де Бирс») и спонсор науки и образования. Помимо вклада в создание Кейптаунского университета надо также отметить учреждение стипендии Родса.

Вообще, войну с памятниками, как элемент псевдодеколонизации (наряду с борьбой за африканизацию науки, призванной в том числе если не отменить, то уменьшить значение «колонизаторских» физики и математики), возможно, следует рассматривать как идеологический инструмент неокOLONиального манипулирования массами. Памятник, украшавший кампус университета Кейптауна, построенного на земле, подаренной Родсом, был свергнут с постамента под крики одобрения толпы студентов-африканцев. Власти страны поддержали снос памятника, который был осуществлен после того, как «борцы с прошлым» несколько месяцев обливали его фекалиями, вынудив преимущественно белый Совет университета проголосовать «за». Последовали и другие акции: вскоре еще один памятник Родсу обезглавили в национальном парке. «Это значительный шаг вперед. Так наша страна борется с уродливым прошлым в позитивном и конструктивном ключе», – сказала Сэндайл Мемела, пресс-секретарь министерства культуры страны⁹.

Стоит отметить, что университет Кейптауна никогда не был заповедником расизма – этот и другие ведущие «белые» университеты, пользуясь академической автономией, принимали цветных и черных студентов и в годы апартеида, а сегодня они составляют в этих вузах большинство*.

Движение «Родс должен быть повергнут!» (*Rhods must fall*) хорошо отразило инспирируемые глобалистами «веяния времени», и успешно перекинулось на другие памятники отцам-основателям южноафриканской государственности (не всегда успешно: памятник президенту Трансвааля Паулю Крюгеру студенты-африканеры сумели отстоять) в полном соответствии с аналогичным трендом «войны с памятниками» в США и Великобритании. Из «веяний времени», до-

---

* Надо сказать и об удивительном прогрессе индийского этноса в ЮАР: к концу эпохи апартеида, несмотря на все расово дискриминационные законы, многие индийцы поднялись практически на один уровень с белыми по уровню образования.

шедших до ЮАР из европейского мира, можно отметить легализацию однополых браков – едва ли не единственный случай в Африке, пока сопротивляющейся культуре ЛГБТ-извращений. ЮАР также находится в неколониальной юрисдикции Международного уголовного суда в Гааге (МУС) (в отличие от не только РФ и Китая, но и США), выдавшего в начале 2023 г. ордер на арест В.В. Путина. В этой связи южноафриканскому руководству пришлось лавировать и просить нашего президента не приезжать на саммит БРИКС в Йоханнесбурге в августе 2023 г.

Что касается проблемы создания и внедрения новых технологий, то сравнение ЮАР с такими странами БРИКС, как Бразилия и Китай, и даже с Малайзией по некоторым ключевым показателям НИОКР и технологий, показывает, что Южная Африка заняла худшее место по всем семи из этих показателей, как и по ВВП на душу населения. ЮАР опустилась с первого места среди этих стран, которое она занимала в 1970-е годы, на последнее в настоящее время. Сегодня в Южной Африке на миллион жителей приходится примерно в три раза меньше персонала, чем занято в НИОКР в Китае и Малайзии; она также тратит на НИОКР гораздо меньше (как в процентах от ВВП, так и на душу населения), чем в этих странах¹⁰.

На Южную Африку приходится низкая доля высокотехнологичного экспорта в общем объеме экспорта продукции обрабатывающей промышленности. Очевидно, что страна отстает как по затратам на технологическую модернизацию, так и по результатам в области наукоемкости экономического роста. Поскольку навязанный ЮАР глобальными структурами неокolonизаторов выбор «ресурсного пути» (в качестве сырьевого придатка мировой экономики) вместо создания собственных технологий и наукоемкого производства не позволяет избежать тупика затяжной стагнации, о чем свидетельствуют и эти сравнения, не сулит ничего хорошего для перспектив Южной Африки в намерении упущенного¹¹.

Доля промышленности в совокупной занятости в ЮАР снизилась в 2005–2015 гг. с 14 до 11%, что также свидетельствует о прогрессирующей деиндустриализации страны. Экономический застой в Южной Африке и ослабление поддержки правящей партии будут продолжать сдерживать проведение структурных экономических реформ, предвещая устойчиво низкий рост до выборов 2024 г. и в последующий период. ЮАР, самая развитая страна в Африке к югу от Сахары, находится в состоянии долгосрочной экономической стагнации. Прогнозируется, что рост реального ВВП страны снизится до 0,1% в 2023 г. с 2% в 2022 г., составив в среднем 1,4% в период с

2010 по 2022 г., т.е. на уровне статистической погрешности, отставая от темпов прироста населения и увеличивая бедность в стране¹². Для наиболее развитой экономики в странах Африки к югу от Сахары такая длящаяся десятилетиями тенденция вызывает тревогу, тем более что среднегодовые темпы роста реального ВВП стран с формирующимся рынком в тот же период составляли 3–4%¹³.

Своеобразным диагнозом постапартеидного перерождения и коррупционного разложения аппарата власти стала печальная участь энергосистемы ЮАР во главе с государственной корпорацией ЭСКОМ, некогда одной из лучших в мире электроэнергетических компаний, обеспечивавшей индустриализацию страны обильными и бесперебойными поставками дешевой электроэнергии. Сегодня ЮАР вот уже второе десятилетие в тупике стагнации и перманентном энергетическом кризисе. Подрывают экономику и отравляют жизнь граждан практически ежедневные многочасовые веерные отключения электроснабжения, новые электростанции останавливаются из-за бесхозяйственности и поломок, а старые критически изношены. ЭСКОМ сегодня – разворованный преступными группировками банкрот. Перспективное развитие ядерной энергетики остановлено «гринписовским» лобби¹⁴. Продвигаемая одним из инструментов глобализации – МВФ – декарбонизация грозит новым обвалом экономики и еще более массовой безработицей, а партия власти с каждым выборами теряет голоса и пришла к потере парламентского большинства на выборах 2024 г. Наряду с деиндустриализацией и утратой технологического суверенитета для современной ЮАР характерны управленческая дисфункция, усугубляемая «позитивной дискриминацией» в пользу узкого слоя «привластных» черных капиталистов, коммерциализация и криминализация едва ли не всех сфер жизни, колоссальная утечка квалифицированных кадров (не только белых, в последние годы отмечался, в частности, массовый выезд в Великобританию квалифицированных черных медсестер) и наплыв мигрантов из еще менее благополучных соседних стран, таких как Зимбабве и Мозамбик.

В 2014 г. Южная Африка подписала с Россией соглашение о стратегическом партнерстве в атомной энергетике, предусматривавшее строительство в ЮАР нескольких АЭС общей мощностью 9,6 ГВт, но это соглашение было атаковано по всему фронту силами южноафриканско-транснационального монополистического капитала и обслуживающего его экологического лобби. В апреле 2017 г. Высокий суд ЮАР (филиал в провинции Западный Кейп) вынес решение по иску двух экологических организаций, фактически останавливающее

программу развития атомной энергетики ЮАР. Было не только признано незаконным соглашение Министерства энергетики ЮАР с Росатомом от 2014 г. как якобы секретное, хотя оно было открыто размещено на сайте Росатома, и коррупционное, что не исключено ввиду тотальной коррумпированности администрации бывшего президента Дж. Зумы, но и приостановлены проекты в этой области, предложенные конкурентами Росатома из других стран (Франции, Китая, Южной Кореи)¹⁵.

Успехом завершилась многолетняя борьба финансируемого в том числе фондом Сороса «гринписовского лобби» по срыву амбициозной программы развития атомной энергетики ЮАР, на которую, согласно прежним правительственным планам, должно было к 2025 г. приходиться не менее четверти производства электроэнергии страны. За свою работу по срыву программы строительства АЭС в ЮАР две экологические активистки, Макома Лекалакала и Лиз Макдейд, были удостоены экологической премии Голдмана в Сан-Франциско в 2018 г. Успешное развитие атомной энергетики ЮАР, видимо, не вписывалось в навязанную самой развитой стране Африки «Вашингтонским консенсусом» неокOLONиальную модель зависимого периферийного капитализма (сами США от ядерной энергетики отнюдь не отказались)¹⁶. После смещения президента Дж. Зумы новое руководство страны заявило, что у него нет денег на оплату данного проекта, хотя можно было воспользоваться российским кредитом, как сделал, например, Египет – российский кредит в \$25 млрд покрывает 85% стоимости 4 энергоблоков, которые строятся там с 2022 г. и должны быть введены в эксплуатацию в 2028–2030 гг.¹⁷

Так может ли сегодня «своих Платонов и быстрых разумом Невтонов» земля южноафриканская рождать? Большой вопрос. Постпартеидная Южная Африка попала в ловушку периферийного капитализма и медленно опускается в слаборазвитость. Наука и создание собственных технологий ушли из приоритетов новых хозяев жизни, а при прежней власти, при всех ее минусах, становиться ученым и инженером было хоть и трудно, но престижно и выгодно... На рубеже 1920-х годов талантливый южноафриканский ученый Хендрик Ван дер Бийл, родившийся в Претории, уехал в Америку делать профессиональную карьеру, но по призыву правительства строивших свою страну буров вернулся, создал и возглавил электроэнергетическую компанию ЭСКОМ (1923), ставшую одной из лучших в мире в своем классе и обеспечившую индустриализацию страны обильными и надежными поставками дешевой электроэнергии. Затем он создал горнометаллургическую корпорацию ИСКОР (1927), успевая одновре-

менно совершать научные открытия... В нашу эпоху талантливого ученому, инженеру и организатору производства южноафриканцу Илону Маску просто некуда и незачем было бы возвращаться в ЮАР из Америки, даже будь у него побольше южноафриканского патриотизма. Впрочем, у Маска масштаб мировой и создание глобальной сети спутникового интернета *Starlink*, не говоря уже о планируемых полетах на Марс, южноафриканская экономика едва ли осилила бы даже при самом успешном своем развитии.

Последняя надежда отцов-основателей демократической ЮАР сделать страну лидером экономического и научно-технического развития континента рухнула с провалом провозглашенной в 2007 г. инновационной десятилетки («От инноваций к экономике знаний. 2008–2018») с ее амбициозными проектами в атомной энергетике, фармацевтике, космическом ракетостроении и др. Думаю, что во многом из-за провала межрасового сотрудничества¹⁸.

Включение ЮАР в неокOLONиальную парадигму «Вашингтонского консенсуса» означало не только настройку экономики в соответствии с диктатом таких структур, как МВФ и американская ФРС, но и идеологическую, социально-культурную экспансию. В условиях крайне неблагоприятного положения традиционной семьи (например, свыше половины детей в школах – из неполных семей) в информационном пространстве ЮАР просто доминирует инспирируемая извне агрессивная ЛГБТ-пропаганда. Сегодня ЮАР – самая «радужная нация» континента именно в этом ключе¹⁹. В 2006 г. ЮАР, как уже отмечалось, стала первой и единственной африканской страной, легализовавшей однополые браки, а в 2020 г. президент Сирил Рамапоса утвердил поправки в законодательство о браке, которые запрещают уполномоченным чиновникам отказывать в регистрации однополых браков – еще один гвоздь в гроб нормальной семьи и немало важный фактор роста насилия и инфицирования ВИЧ/СПИДом²⁰.

Непрекращающийся десятилетиями кризис в энергетике ЮАР является важным индикатором снижения технологического уровня южноафриканской экономики и управленческих компетенций в новейшее время, неокOLONиального выдавливания страны на сырьевые задворки «золотого миллиарда». При всей необходимости структурных реформ и внутренних преобразований нельзя не учитывать, что ЮАР – небольшая страна, активно вовлеченная в мировой рынок, и поэтому выход из тупика зависимого капитализма видится прежде всего в рамках нового, более справедливого мироустройства, чему может поспособствовать происходящее в настоящее время расширение БРИКС.

---

¹ См., напр.: *Давидсон А.Б., Филатова И.И.* Россия и Южная Африка: наведение мостов. М.: ВШЭ, 2019.

² См., напр.: *Воронина Н.А.* Беспорядки в ЮАР: причины и влияние на результаты муниципальных выборов 2012 года // Ученые записки Института Африки РАН. 2022. № 1. С. 70–78.

³ Подробнее об энергетическом кризисе в ЮАР см.: *Скубко Ю.С.* «ЭСКОМ» и проблемы южноафриканской энергетики // Ученые записки Института Африки РАН. 2023. № 4. С. 31–41.

⁴ *Бузлаев П.* Путин: мир избавляется от диктатуры, загоняющей страны в экономическую кабалу // Коммерсант. 04.10.23. <https://kommersant.ru/doc/6253301?Yscclid=lnbxas584h557356259> (дата обращения 15.11.2023)

⁵ Африка: неоплаченный долг колонизаторов. М.: ИАФР РАН, 2023. С. 107.

⁶ *Smit S.* With its industrial base decimated, SA's economy needs real change – Godongwana // Mail&Guardian. 21.09.2021. <https://mg.co.za/business/2021-09-21-with-its-industrial-base-decimated-sas-economy-needs-real-change-godongwana/> (дата обращения 10.08.2024)

⁷ R&D Statistical Report 2020–21. SA National survey of research and experimental development, 2023. <https://dst.gov.za/index.php/documents/r-d-reports/13-rd-statistical-report-2020-21> (дата обращения 01.07.2024)

⁸ Gross domestic expenditure on research and development (GERD) as a share of GDP in South Africa from 2020 to 2022 // Statista. <https://statista.com/statistics/1345212/gross-domestic-expenditure-on-randd-as-percentage-of-gdp-in-south-> (дата обращения 10.11.2023)

⁹ Научно-технологический потенциал современной Африки. Колл. монография. М.: Институт Африки РАН, 2022. С. 111.

¹⁰ A New Pathway 2030: Catalysing South Africa's NSI for Urgent Scaled Social and Economic Impact. A Review of South Africa's Higher Education, Science, Technology and Innovation Institutional Landscape (HESTITIL). Report by the HESTIIL Ministerial Committee. 2020. <https://dst.gov.za/images/2021/Higher%20Education,%20Science,%20Technology%20and%20Innovation%20Institutional%20Landscape%20Review%20Report.pdf> (дата обращения 12.07.2023)

¹¹ *Andreoni A., Tregenna F.* The Middle-Income Trap and Premature Deindustrialization in South Africa // Structural Transformation in South Africa: The Challenges of Inclusive Industrial Development in a Middle-Income Country / A. Andreoni, P. Mondliwa, et al. (eds.) Oxford University Press, 2023. P. 237–260. <https://academic.oup.com/book/39853/chapter/340015873?login=false> (дата обращения 12.05.2024)

¹² No End in Sight to South Africa's Economic Stagnation // RANE. 12.06.2023. <https://worldview.stratfor.com/article/no-end-sight-south-africas-economic-stagnation> (дата обращения 05.06.2024)

¹³ Ibid.

¹⁴ *Kassides J.* The decline and fall of Eskom: A South African Tragedy. Report 45, The Global Warming Policy Foundation. <https://thegwpf.org/content/uploads/2020/06/Decline-Fall-Eskom.pdf> (дата обращения 22.02.2023)

¹⁵ Nuclear Power in South Africa. Country profiles // World nuclear association. 25.04.2024. <https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-o-s/south-africa> (дата обращения 10.11.2024)

¹⁶ *Nayar J.* Anti-Nuclear Energy Activism in South Africa: Interview with Makoma Lekalakala // HIR. 26.01.2022. <https://hir.harvard.edu/makoma-lekalakala-interview/> (дата обращения 10.12.2023)

---

¹⁷ *Lorenzini M.* Why Egypt's new nuclear plant is a long-term win for Russia // Bulletin of the Atomic Scientists. 20.12.2023. <https://thebulletin.org/2023/12/why-egypts-new-nuclear-plant-is-a-long-term-win-forrussia/#:~:text=In%202015%2C%20Russia%20and%20Egypt,170%20kilometers%20west%20of%20Alexandria> (дата обращения 01.02.2024)

¹⁸ *Skelly L.* The Success and Failure of South Africa's Ten-Year Innovation Plan (2008) As Measured by Research Output // Mousaion: South African Journal of Information Studies. 2021. Vol. 39. No. 1. https://repository.lboro.ac.uk/articles/journal_contribution/The_success_and_failure_of_South_Africa_s_ten-year_innovation_plan_2008_as_measured_by_research_output/21989399?file=39040370 (дата обращения 10.12.2023)

¹⁹ South Africa targets rainbow // Eng News. 19.05.2021. <https://eng-news.ru/South-Africa-targets-rainbow-tourists/?ysclid=ml1rga2qam357219091> (дата обращения 05.07.2024)

²⁰ *Maritz J.* Is it or is it not LGBTIQ-pride month in South Africa // CSA&G. 03.06.2020. <https://csagup.org/2020/06/03/is-it-or-is-it-not-lgbtq-pride-month-in-south-africa/> (дата обращения 03.07.2023)

ЭФИОПИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ НЕОКОЛОНИАЛИЗМ США

Неоколониализм в современном мире продолжает проявлять себя в экономике, политике, культуре, военной сфере, идеологии. Запад (в широком смысле) навязывает африканским государствам либеральные культурные стандарты под видом универсальных, пытается объявить традиционные нравственные ценности вне закона, размыть нормы морали и общественные устои. Наиболее активную роль в этих процессах играют Соединенные Штаты Америки, претендующие на глобальное лидерство.

В последние годы значительно усилился интерес США к Африке. 19 ноября 2021 г., находясь в Нигерии, государственный секретарь США Энтони Блинкен выступил с программной речью «Соединенные Штаты и Африка: строительство партнерства в 21 веке»¹. В его речи были обозначены пять сфер общих интересов, в которых США и Африке предстоит сотрудничать: глобальное здравоохранение, климатический кризис, строительство более стабильной и инклюзивной экономики, укрепление демократии, продвижение прочного мира и безопасности. Позже госсекретарь внес в текст изменения. На первое место была поставлена демократия, на второе – мир и безопасность, далее – экономика, климат и глобальное здравоохранение².

23–24 июня 2025 г. произошло знаменательное событие: в Луанде (Ангола) состоялся представительный Бизнес-саммит США – Африка. В работе саммита приняли участие свыше 1500 представителей, в том числе презденты стран, главы правительств, высокопоставленные чиновники, крупные компании. Проведенное мероприятие свидетельствует о существенном изменении политики нового президента США Дональда Трампа в Африке. Прежняя концепция оказания всесторонней помощи заменена на новую модель, в которой предусмотрены инвестиции, создание инфраструктуры и торговое партнерство в соответствии с новым фокусом внешней политики США – «*America First*»³.

* * *

Отношения США и Эфиопии имеют давнюю историю. Дипломатические отношения между странами были установлены еще в 1903 г. В июне 1952 г. между двумя странами было подписано Согла-

шение о техническом сотрудничестве из четырех пунктов (*Point Four Agreement for Technical Cooperation*)⁴. Оно заложило основы сотрудничества в области сельского хозяйства, здравоохранения, образования и инфраструктуры. Данное соглашение открыло новый этап в двусторонних отношениях между странами*.

8 мая 2024 г. посол США в Эфиопии Эрвин Массинге совместно с государственным министром по туризму Силеши Гирмой официально открыл в Национальном музее Аддис-Абебы фотовыставку, посвященную 120-летию установления дипотношений между двумя странами под названием «Наглядное проявление двустороннего сотрудничества». Она охватывала различную тематику: здравоохранение, образование, сельское хозяйство, экономику. С 8 по 26 мая выставка была открыта в нескольких университетских кампусах⁵.

Широкая пропагандистская кампания, развернутая США в последние годы, призвана подчеркнуть их важную роль в развитии Эфиопии. В настоящее время США заинтересованы в Эфиопии, поскольку она является стратегическим партнером в глобальной войне против терроризма и играет немаловажную роль на Африканском Роге.

Для Эфиопии же Соединенные Штаты являются глобальным донором. С 2020 г. *USAID* предоставило \$3,6 млрд в качестве гуманитарной помощи. В 2022 г. она составила \$1,93 млрд (сельское хозяйство, продовольствие, водоснабжение и др.). США инвестировали \$154 млн в здравоохранение и медицинское обслуживание. Ежегодно инвестируется \$14,5 млн в систему образования. В 2022 г. США вложили почти \$100 млн в качестве помощи беженцам⁶. Их число ныне составляет почти 1 млн. С начала 2024 г. гуманитарная помощь составила \$243 млн⁷. Между двумя странами существуют активные экономические связи. В 2020 г. торговый оборот между ними составил \$1,8 млрд⁸. В экспорте США доминируют самолеты и сопутствующие товары, Эфиопия экспортирует кофе, кожу и кожаные изделия.

Тем не менее в политической сфере США активно и зачастую бесцеремонно вмешиваются в сложные и трагические события, определяющие жизнь народов Эфиопии. Опираясь на свое экономическое доминирование, Соединенные Штаты продолжают вмешиваться в политический процесс этой африканской страны с целью полностью

---

* 3 октября 2024 г. в университете Аддис-Абебы состоялся совместный с посольством США семинар на тему: «Непреходящее наследие и влияние на Эфиопию “Программы Соединенных штатов Америки из четырех пунктов”».

подчинить ее правящие элиты своему влиянию. Роль политического неокOLONиализма США в Эфиопии наиболее полно проявилась во время двухлетней войны, развязанной политической элитой тиграй под руководством Фронта освобождения народа тиграй (*Tigray People's Liberation Front – TPLF*, ТПЛФ)* в 2020–2022 гг. против федерального правительства.

ТПЛФ господствовал в Эфиопии 27 лет – с 1991 г. по апрель 2018 г., когда в стране в результате протестных движений произошел бескровный переворот и был установлен новый режим во главе с премьер-министром Абием Ахмедом. Начавшийся в стране политический кризис после смерти премьер-министра Мелеса Зенауи в 2012 г., авторитарный режим, растущее недовольство существующим господством тиграй привели к возникновению в ноябре 2015 г. протестных движений, продолжавшихся несколько лет. Протестующие выступали против коррупции, плохого управления, земельных грабежей и главное – доминирования тиграй и партии ТПЛФ, занимавших господствующее положение в политике, экономике, вооруженных силах и спецслужбах. 2 апреля 2018 г. кандидатура Абия Ахмеда на пост премьер-министра была одобрена Палатой народных представителей.

Абий Ахмед, оромо по своей этнической принадлежности, родился 15 августа 1976 г. в г. Джимма. Отец – оромо-мусульманин, мать – амхара-христианка. Абий Ахмед – протестант по своей религиозной принадлежности. Впервые в истории страны этот пост занял представитель оромо – самого многочисленного этноса, составляющего более трети населения страны (численность населения Эфиопии в 2023 г. составляла более 117 млн человек). Премьер-министр начал проводить реформы в разных сферах.

Действия нового премьера не оставили у лидеров ТПЛФ сомнений в том, что Абий Ахмед представляет серьезную угрозу их влиянию в политике, экономике и вооруженных силах. И они начали действовать, рассчитывая вернуть былое могущество. Недовольство среди политической элиты тиграй стало причиной противостояния на последующие годы между федеральными властями и ТПЛФ. Политическая элита ТПЛФ перешла в оппозицию правительству.

9 сентября 2020 г. власти штата Тиграй провели выборы в парламент страны. Правительство объявило голосование незаконным, так

---

* Правильное название ТПЛФ – Фронт освобождения народа тиграй. В науке утвердилось вышеприведенное наименование. Однако ныне благодаря СМИ распространено неправильное название: не народа тиграй, а территории – Тиграя.

как в остальной части страны оно было отменено из-за пандемии *COVID-19* и перенесено с 29 августа 2020 г. на 2021 г. Это еще более осложнило отношения с руководством ТПЛФ. Все это время США активно поддерживали руководство ТПЛФ.

3 ноября 2020 г. в 4 часа утра произошло нападение боевиков тиграй под руководством ТПЛФ на северный командный пункт Национальных сил обороны, охранявших государственную границу, совпадающую с границей штата Тиграй. На спящих солдат обрушился шквал огня. Огромное их число было зверски убито, захвачена тяжелая техника. По словам экспертов, особенно жестоко расправлялись с солдатами-женщинами: им отрезали груди и насильовали. Так началась жестокая двухлетняя война, в которой погибли, по данным ООН и ученых, около 1 млн человек⁹. Стране был нанесен огромный урон.

Поддержка США Фронта еще более усилилась: ставилась задача всеми силами спасти ТПЛФ¹⁰. Начались челночные поездки госсекретаря Э. Блинкена и официального представителя США на Африканском Роге Майка Хаммера в столицу штата Тиграй и встречи с представителями обеих воюющих сторон.

Африканский союз выступил инициатором мирных переговоров между федеральным правительством и ТПЛФ. Была создана группа медиаторов во главе с бывшим президентом Нигерии Олусегуном Обасанджо. Посредниками выступили бывший президент Нигерии Олусегун Обасанджо, бывший президент Кении Ухуру Кениатта и бывший вице-президент ЮАР г-жа Фумзиле Мламбо-Нгкука. Непосредственное участие в переговорах приняла министр иностранных дел ЮАР Наледи Пандор. Наблюдателем стал постоянный представитель США в странах Африканского Рога М. Хаммер.

В результате долгих переговоров 2 ноября 2022 г. в Претории под эгидой Африканского союза было подписано важное соглашение между эфиопским правительством и ТПЛФ – *The Agreement for Lasting Peace and Permanent Cessation of Hostilities between the Government of the Federal Democratic Republic of Ethiopia and the Tigray People's Liberation Front (TPLF)*¹¹. Соглашение предусматривает прекращение военных действий и разоружение вооруженных сил ТПЛФ.

В совместном заявлении правительства Эфиопии и ТПЛФ подробно излагались пункты Соглашения: прекращение боевых действий и окончание двухлетнего конфликта в северной Эфиопии; подтверждена приверженность к суверенитету и территориальной целостности Эфиопии и соблюдению Конституции Эфиопии; подчеркнуто, что Эфиопия имеет только национальные силы обороны; предусмотрена детальная программа разоружения, демобилизации и интеграции

бойцов ТПДФ; отмечается, что будут приняты меры для восстановления конституционного порядка в штате Тиграй, с тем чтобы обеспечить урегулирование политических разногласий. С целью выполнения поставленных задач было принято решение прекратить любые формы конфликта и пропаганду ненависти. В Соглашении подчеркивалось, что правительство Эфиопии будет продолжать делать все для восстановления правопорядка и инфраструктуры в затронутых войной районах, а также организует беспрепятственный доступ населения к гуманитарной помощи. Отмечалось, что будет сделано все, чтобы студенты могли учиться, фермеры и скотоводы – заниматься своими делами, государственные и общественные служащие – исполнять свои обязанности. Стороны призывали всех поддержать данное Соглашение и способствовать претворению его в жизнь.

В Заявлении выражается благодарность председателю Африканского союза Муссе Факи Махамату, непосредственным участникам переговоров во главе с Олосегуном Обасанджо и другим деятелям, принявшим активное участие в переговорах.

Соглашение подписали со стороны правительства Эфиопии советник премьер-министра по вопросам безопасности Редван Хуссейн Рамето, со стороны ТПДФ – член Исполкома ТПДФ Гетачеу Реда.

В эксклюзивном полуторачасовом интервью, данном национальному телевидению 12 февраля 2023 г., президент Эритреи Исаяс Афеверки заявил, что за Соглашением стоят США, преследующие цель сохранить ТПДФ и не дать его окончательно разгромить. Комментируя Соглашение, президент подчеркнул, что «власти Тиграя летели из столицы штата Мэкэле в Джибути на борту самолета США, а затем в Преторию, где им дали документы для подписания. Все было сделано Вашингтоном. Обасанджо, Ухуру, Африканский союз все были шарегонс. Документ был подготовлен и вручен им... Это хорошо, что они подписали, но мы не можем ничего сказать, пока он не будет воплощен в жизнь»¹².

Таким образом, президент Эритреи четко указал, что руководящую роль в переговорном процессе сыграли США. Они же подготовили текст договора, а миротворческая группа лишь присутствовала при его подписании.

15 марта 2023 г. в Эфиопию с официальным визитом прибыл госсекретарь США Энтони Блинкен. На следующий день он встретился с вице-премьером и министром иностранных дел Эфиопии Демеке Мэконненом с целью дальнейшего укрепления отношений. На встрече присутствовали также другие официальные лица. Стороны обсудили создание Временной администрации в штате Тиграй. Э. Блин-

кен встретился также с руководством ТПЛФ с целью обсуждения хода выполнения Соглашения о прекращении огня. Обращает на себя внимание, что сразу после визита Э. Блинкена главой Временной администрации был назначен Гетачеу Реда.

Выборы главы Временной региональной администрации усилили раскол в партии между сторонниками жесткой линии и «реформистами». В результате жарких споров в ЦК ТПЛФ 17 марта 2023 г. победу одержал выдвинутый представителями молодого поколения Гетачеу Реда одним голосом против предложенного Исполкомом д-ра Фиссеха Хавтэтсиона (он получил 18 голосов из 41).

Гетачеу Реда – представитель молодого поколения (родился в июне 1974 г.), окончил Аддис-Абебский университет и университет в Алабаме (США), профессор права в университете Мэкэле. До 2018 г. занимал важные посты в прежнем правительстве Революционно-демократического фронта эфиопского народа, высокопоставленный член Фронта освобождения народа тиграй – член Исполкома. У него нет опыта 17-летней борьбы ТПЛФ за власть с 1974 по 1991 г., как у ветеранов. Он активно выступает в СМИ, прекрасный оратор. Все это импонирует молодому образованному поколению тиграй. Его политические взгляды далеки от идеологии марксизма-ленинизма и «революционной демократии». Временная региональная администрация тиграй заменила правительство, сформированное 2 сентября 2020 г. после проведения ТПЛФ выборов, объявленных федеральными властями незаконными. Абий Ахмед назначил Гетачеу Реду главой ТИРА. Решение премьер-министра отклонить предложение ТПФЛ выдвинуть кандидатуру Дэбрециона в качестве главы ТИРА усилило напряженность между федеральным правительством и ядром руководства Фронта.

Э. Блинкен приехал не с пустыми руками: он объявил о предоставлении Эфиопии в 2023 г. \$331 млн. По его словам, общая сумма финансовой помощи должна была составить в 2023 г. \$780 млн¹³. Всего же с 2020 г. США предоставили Эфиопии \$3,6 млрд¹⁴. Как отмечалось выше, США являются основным донором Эфиопии. Только несколько цифр. Так, в 2022 г., по данным Госдепа, США предоставили \$1,93 млрд на оказание гуманитарной помощи, \$140 млн на оказание помощи беженцам и жертвам конфликта в лице внутренне перемещенных лиц и \$379 млн на нужды здравоохранения, обеспечение продовольствием и др.¹⁵

По возвращении госсекретарь выступил с официальным заявлением, в котором вину за преступления во время военных действий возложил на Эфиопские национальные силы обороны, Эритрейские си-

лы обороны и вооруженные амхарские подразделения¹⁶. Это заявление вызвало крайне негативную реакцию со стороны эфиопского правительства. Президент Эритреи считал, что своим заявлением после возвращения в марте из Эфиопии госсекретарь США ободрил и придал смелости ТПДФ. Руководство ТПДФ, чувствуя за собой мощную поддержку США, пытается диктовать свои условия. США всеми силами не только стремятся сохранить Фронт, но и способствовали активизации действий его лидеров. После окончания войны некоторые активисты прозвали ТПДФ «испорченным ребенком США» (*Spoiled child of the US*)¹⁷.

Правительство США в лице госсекретаря Э. Блинкена и специального посланника США по Африканскому Рогу М. Хаммера совершенно беззастенчиво вмешивались в дела официальных властей суверенного государства, одобряя или порицая их политику и действия. В 2023 г. Госдеп США опубликовал отчет о правах человека в Эфиопии¹⁸. В нем говорилось о многочисленных нарушениях прав граждан, массовых убийствах, незаконных задержаниях, дискриминации этнических меньшинств.

30 ноября 2023 г. в США в Комитете по международным делам состоялись открытые слушания под названием «Эфиопия: обещания или опасности» (*Ethiopia: Promise or Perils*). Майк Хаммер доложил о ситуации в Эфиопии с точки зрения интересов США. Помимо переговоров с руководством ТПДФ, он старался уладить существующие сложности между странами в связи со строительством плотины «Возрождение». Слушания показали, что правительство США недовольно политикой Абия Ахмеда. Было сказано, что премьер-министр активно не хочет мира, поскольку ведет войну в штатах Амхара и Оромия и осложнил отношения с Эритреей в связи с планами выхода к морю. Было высказано недовольство по поводу сближения Эфиопии с Россией. Вступление Эфиопии в БРИКС может надолго повредить интересам США. Было подчеркнуто, что Эфиопия нуждается в Западе, только когда нужны деньги. Задача политики США – объединить лидеров Партии процветания и ТПДФ и обеспечить их совместное управление страной. Было сказано также, что Абий Ахмед зависит от ОАЕ значительно больше, чем от США¹⁹.

13 мая 2024 г. Майк Хаммер встретился с двумя видными оппозиционными деятелями: председателем Конгресса федералистов оромо Мерерой Гудиной и главой Фронта освобождения оромо (ФОО) Давудом Ибсой²⁰. В интервью газете *Addis Standard* Мерера подчеркнул, что беседа касалась политической стабильности в Эфиопии и в штате Оромия особенно. Речь шла прежде всего о национальном диа-

логе, который, по мнению Гудины, совершенно бесполезен, поскольку не поддерживается широкими массами. В опубликованном партией заявлении Мерера считает необходимым оказание воздействия международного сообщества, включая правительство Соединенных Штатов, на федеральные власти во главе с Абием Ахмедом, чтобы обеспечить безопасность граждан в условиях все новых войн и закончить с политической нестабильностью²¹.

Давуд Исса проинформировал Хаммера о политической ситуации в Эфиопии и обратился с просьбой содействовать немедленному освобождению лидеров ФОО, незаконно томящихся в тюрьмах, открытию офисов организации в штате Оромия и освобождению всех политзаключенных в стране. Хаммер согласился с наличием трудностей, испытываемых Фронтом освобождения оромо, и заверил Давуда Ибсу, что правительство США занимается разрешением существующих в Эфиопии многосторонних конфликтов. Майк Хаммер встретился также с эфиопскими официальными лицами и с Временной региональной администрацией Тиграя для обсуждения претворения в жизнь заключенного в Претории Соглашения. Госдеп подчеркнул, что Хаммер будет обсуждать меры по ликвидации насилия в штатах Оромия и Амхара, а также отчеты о нарушении прав человека в данных штатах. «Еще со времени правления Мелеса Зенауи Соединенные Штаты ввели практику приглашать лидеров оппозиции в американское посольство для обсуждения политических проблем, касающихся Эфиопии. При Абие Ахмеде США все больше обращаются с Эфиопией как с вассалом, влияя на политику по многим проблемам, включая вооруженные силы», – пишет оппозиционное издание «Боркена»²².

15 мая 2024 г. посол США в Эфиопии Эрвин Массинга выступил в американском центре Гибби в Аддис-Абебе с заявлением «Политическое выступление по поводу прав человека и диалога» («*Policy Speech on Human Rights and Dialogue*»)²³. В своем выступлении посол допустил грубейшую ошибку, резко пренебрежительно отозвавшись о борцах Фано. Он сказал следующее: «...те, которые борются в штате Амхара, те, которые называют себя фано». В то же время, говоря о других воюющих сторонах – Армии освобождения оромо (*Oromo Liberation Army – OLA*, ОЛА) и Фронте освобождения народа тиграй, он признал их как значительные силы²⁴. В этом проявилось глубокое неуважение к амхара и борьбе, которую они ведут против федерального правительства за свое освобождение.

Выступление американского посла вызвало протест со стороны эфиопского правительства. В заявлении от 16 мая представитель Ми-

нистерство иностранных дел Небийю Тедла назвал выступление посла опрометчивым (*ill-advised*) и вмешательством во внутренние дела суверенного государства²⁵. Оно противоречит исторически сложившимся дружественным отношениям между двумя странами. МИД выразил озабоченность по поводу того, что посол похвалил ОЛА, организацию, борющуюся за свержение законного правительства и известную своим многочисленными убийствами мирных граждан и похищением детей²⁶. В то время как многие деятели выступили с критикой выступления посла, нашлись и те, кто похвалил его за критику политики эфиопского правительства, касающуюся нарушения прав человека и политической ситуации в стране. Большинство оппозиционных партий посоветовали правительству прислушаться к советам посла по поводу необходимости диалога и переговоров с ОЛА²⁷. Свое возмущение выступлением посла выразили также командования Фано в Шева, Гондэре, Уолло и Годжаме²⁸.

В ТПДФ в последние полгода значительно ухудшились отношения между фракциями: руководимой председателем Фронта Дебрецином Гебрэмикаэлем и фракцией во главе с главой Временной администрации штата Тиграй Гетачью Редой. Дебрецион не признает власти Гетачью и пытается занять его место. Это обстоятельство обеспокоило США. 26 августа 2024 г. американский посол Эрвин Массинга посетил Мэкэле с целью уменьшить напряженность между фракциями²⁹. Были обсуждены также вопросы, касающиеся воплощения в жизнь решений Соглашения, подписанного в Претории.

США постоянно помогают ТПДФ начиная со времен его борьбы против марксистского режима Менгисту Хайле Мариаме после 1991 г., когда вся полнота власти принадлежала Фронту, и в период войны 2020–2022 гг. 9 августа 2024 г. Майк Хаммер, спецпредставитель США в странах Африканского Рога посетил штаты Оромия и Амхара. На пресс-конференции он подчеркнул стремление США сделать все возможное для урегулирования ситуации в этих штатах, где ведутся боевые действия. Он подчеркнул, что конфронтация между мятежниками и правительственными войсками приносит огромные разрушения, отметил необходимость обратить внимание на случаи насилия против гражданских лиц и готовность США содействовать переговорам между Фано и Армией освобождения оромо. В заключение Хаммер повторно заявил о приверженности США к дальнейшему сотрудничеству с правительством Эфиопии³⁰.

В начале 2025 г. отношения между Дебрецином и Гетачью Редой еще больше ухудшились. Похоже, что премьер-министр поддержал главу ТПДФ: он сменил руководство ТИРА и в начале апреля 2025 г.

вместо Реды назначил генерала Тадессе Вореду. Гетачью Реда был переведен на должность советника по отношениям со странами Восточной Африки. В мае 2025 г. Гетачью Реда объявил о создании партии Симрет (*Simret Party*). В ее состав вошли члены ТПДФ, несогласные с политикой Дебрециона. Новая партия активно сотрудничает с правящей партией Процветания.

Ситуация в Эфиопии все более ухудшается. Налицо политический кризис. В штате Оромия 6 лет боевики Армии освобождения оромо – военного крыла Фронта освобождения оромо – бесчинствуют в западных регионах штата: атакуют мирное население, преимущественно амхара, убивают, грабят, поджигают посевы, угоняют скот. Второй год идет война в штате Амхара между федеральными вооруженными силами и борцами фано. Причиной стал отказ амхара разоружиться, который они мотивировали тем, что в соседнем штате Тиграй под ружьем все еще находятся 200 тыс. боевиков тиграй, представляющих реальную угрозу для амхара. За эти 2 года повстанческое движение фано превратилось в мощную силу, выступающую против федерального правительства. К июлю 2025 г. фано овладели большей частью территории штата. Сложная ситуация существует и в штате Тиграй. В ТПДФ в последний год значительно ухудшились отношения между фракциями. Это обстоятельство обеспокоило США. 26 августа 2024 г. американский посол Эрвин Массинга посетил Мэкэле с целью уменьшить эту напряженность³¹.

США в лице американского посла продолжают вмешиваться в дела Эфиопии. В июне 2025 г. посол выступил с заявлением, в котором призвал правительство прекратить использовать дроны против мирного населения в штате Амхара. Однако буквально на следующий день он дезавуировал это заявление, сославшись на то, что СМИ ошибочно его интерпретировали. Похоже, такой «совет» посол получил от новой американской администрации, не желающей портить отношения с правительством Эфиопии. Но заявлением воспользовались борцы фано и широко его растиражировали, к ноябрю 2025 г. силы фано овладели большей частью штата Амхара.

Несмотря на то, что вмешательство США в политику эфиопского правительства продолжается, следует подчеркнуть, что США не удалось подчинить внешнюю политику Эфиопии своим целям. Официальные власти Эфиопии на всех международных площадках традиционно выступают против антироссийских резолюций, либо воздерживаются от голосования. Так, например, они не поддержали санкции США против России и их критику спецоперации.

---

¹ The United States and Africa: Building a 21st Century Partnership. Speech. Anthony J. Blinken, Secretary of State. Economic Community of West African States. Abija. Nigeria. November 19, 2021. https://state.gov/the-united-states-and-africa-building-21st-century-partnership/ (дата обращения 14.01.2024)

² Secretary Anthony J. Blinken with AU Commission Chairperson Moussa Faki Mahamat at the Signing of a Memorandum of Cooperation between the United States and the African Union. Washington D.C. March 11, 2022. <https://state.gov/secretary-anthony-j-blinken-with-au-commission-chairperson-moussa-faki-mahamat-at-the-signing-of-a-memorandum-of-cooperation-between-the-united-state-and-the-african-union/> (дата обращения 14.01.2024)

³ *Mesafint Brlie*. High-level delegation Led by President Taye Arrives in Luanda to Attend the U.S.–Africa Business Summit. Jun 22, 2025. <https://fanamc.com/english/high-level-ethiopian-delegation-led-by-president-taye-arrives-in-luanda-to-attend-the-u-s-africa-business-summit/> (дата обращения 25.06.2025)

⁴ “Point Four program” Legacy U.S. Embassy – Addis Ababa University joint event. <https://borkena.com/2024/10/04/point-four-program-legacy-u-s-embassy-addis-ababa-university-joint-event/> (дата обращения 08.10.2024)

⁵ US Embassy Addis Ababa Presents: a Visual Journey of 120 Years of Bilateral Relations. <https://borkena.com/2024/05/09/us-embassy-addis-ababa-presents-a-visual-journey-of-120-years-of-bilateral-relations/> (дата обращения 08.05.2024)

⁶ U.S. Relations with Ethiopia. United States Department of State. Bilateral Relations Fact Sheet. Bureau of African Affairs. November 20, 2023. <https://2021-2025.state.gov/u-s-relations-with-ethiopia/> (дата обращения 14.10.2024)

⁷ United States Provides Nearly \$154 Million for Humanitarian Assistance in Ethiopia. U.S. Department of State. Office of the Spokesperson. April 16, 2024. <https://2021-2025.state.gov/united-states-provides-nearly-154-million-for-humanitarian-assistance-in-ethiopia/> (дата обращения 14.10.2024)

⁸ U.S. Relations with Ethiopia...

⁹ *Yonas Biru*. The Int’l Community’s Moral Imperative to Avert a Dangerous Showdown in Ethiopia. February 9, 2023. <https://borkena.com/2023/02/09/ethiopia-the-intl-communitys-moral-imperative-to-avert-a-dangerous-showdown-in-ethiopia/> (дата обращения 15.06.2023)

¹⁰ Making Sense of Blinken. Abiy talks of November 22, 2022. The Habesha. November 28, 2022. <https://zehabesha.com/making-sense-of-blinken-abiy-talks-of-november-22-2022/> (дата обращения 30.01.2024)

¹¹ The Agreement for Lasting Peace and Permanent Cessation of Hostilities between the Government of the Federal Democratic Republic of Ethiopia and The Tigray People’s Liberation Front (TPLF) // UN Peacemaker. 02.11.2022. <https://peacemaker.un.org/en/node/10038> (дата обращения 18.06.2023)

¹² Addis Standard. Addis Ababa. 13.02.2023.

¹³ U.S. Announces 331 million dol. in New Humanitarian Assistance for Ethiopia. <https://fanabc/english/2023/03/15/> (дата обращения 19.09.2023)

¹⁴ The United States and Ethiopia – a Long-Term Partnership. <https://allafrica.com/stories/202303140719.html> (дата обращения 18.03.2023)

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Declaration of a Humanitarian Truce by the Government of Ethiopia. Press Statement. Anthony Blinken. Secrerly of State. March 24, 2022. <https://stste.gov/declaration-of-a-humanitarian-truss--by-the-government-of-ethiopia/> (дата обращения 16.09.2023)

---

¹⁷ US Special Envoy to the Horn of Africa Mike Hammer meets Oromo politicians. <https://borkena.com/2024/05/14/ethiopia-us-special-envoy-to-the-horn-of-africa-mike-hammer-meets-oromo-politicians/> (дата обращения 09.10.2024)

¹⁸ 2023 Country Reports on Human Rights Practices: Ethiopia. U.S. Department of State. <https://state.gov/reports/2023-country-reports-on-human-rights-practices/Ethiopia/>

¹⁹ Lessons from The US House on Foreign Affairs Hearing on Ethiopia: It is All about US Interest. December 2, 2023. <https://borkena.com/2023/12/02/lesson-from-the-us-house-committee-on-foreign-affairs-hearing-on-ethiopia-it-is-all-about-us-interest/> (дата обращения 12.05.2024)

²⁰ Ethiopia: U.S. Envoy Mike Hammer Meets with Oromo Opposition Leaders, Discusses Political Challenges. Addis Standard. 14 May 2024 (дата обращения 09.10.2024)

²¹ US Special Envoy to the Horn of Africa Mike Hammer meets Oromo politicians...

²² Ibid.

²³ *Sisay Mulu (Amoraw)*. Mr. Ambassador, Say our Name: We are the Amhara Fanos. May 16, 2024. <https://borkena.com/2024/05/16/mr-ambassador-say-our-name-we-are-the-ethiopia-fanos/> (дата обращения 07.10.2024)

²⁴ Ibid.

²⁵ *Makong B.* Ethiopia Protests ‘Ill-Advised’ Rights Assessment By U.S. Diplomat. 17 May 2024. <https://allafrica.com/stories/202405170336.html> (дата обращения 7.10.2024)

²⁶ Ethiopia slams US Ambassador’s recent remarks as ‘ill-advised’ and ‘uninformed’. May 17, 2024. <https://addisstandard.com/ethiopia-slams-us-ambassadors-recent-remarks-as-ill-advised-and-uninformed/> (дата обращения 07.10.2024)

²⁷ Ethio-US relation “not Problematic”, “could not be said not strong”. May 23, 2024. <https://borkena.com/2024/05/23/ethio-us-relation-not-problematic-not-strong/> (дата обращения 14.10.2024)

²⁸ Press Statement: Response from Amhara Fano Leaders to Ambassador Ervin J. Massinga’s Policy Address on Human Rights and Dialogue. May 24, 2024. <https://borkena.com/2024/05/24/fano-forces-respond-to-u-s-ambassador-to-ethiopia-policy-speech/> (дата обращения 15.06.2024)

²⁹ United States working to mend risky political crack within TPLF. <https://borkena.com/2024/08/26/united-states-working-to-mend-risky-political-crack-within-tplf/> (дата обращения 12.12.2024)

³⁰ Travel Alert: US Shares Concerns in Amhara, Oromia Visit. The Habesha. September 14, 2024. <https://zehabesha.com/travel-alert-us-envoy-shares-concerns-in-amhara-oromia-visit/> (дата обращения 26.12.2024)

³¹ United States working to mend risky political crack within TPLF...

Глава 20

ПОСЛЕДСТВИЯ СОБЫТИЙ В НИГЕРЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ В АФРИКЕ

Африка наша,
империя знойного солнца,
наша земля,
напоенная светом и тенью,
ты рождена для свободы,
как сердце мое – для любви!

*Гауссу Диавара (Мали)
«Голос свободы»*

События, происходящие сегодня в зоне Сахеля в целом и в Нигере в частности¹, уже называют новым витком антиколониальной борьбы на Африканском континенте, «второй деколонизацией Черного континента»² и даже «антиколониальной революцией»³.

Происходящие процессы, которые можно охарактеризовать как протестные, начались не сегодня и имеют под собой серьезные основания, связанные с колониальным прошлым Африканского континента. По мнению Ш. Айзенштадта, начиная с XIX в. и по сей день протестные движения и протестные настроения незападных обществ «пропагандируют откровенно агрессивное отношение к Западу и стремятся приспособить современность и глобальную систему под свои незападные, а часто антизападные представления. Такое крайне агрессивное отношение к Западу, ко всему, что считается западным, тесно связано с попытками полностью отделить современность от вестернизации или забрать у Запада монополию на современность, а также приспособить современное общество, современность под свои представления, основанные на собственных традициях»⁴. Вероятно, это можно считать не единственной, но одной из актуальных современных тенденций.

Начало событий*

Нигер в переводе с языка юго-восточных туарегов *тамашек* означает «великая река», или «река рек». Нигер – одна из беднейших

---

* При подготовке главы использованы материалы интервью автора ведущим российским СМИ (ТАСС, Известия) в связи с событиями в Нигере.

стран мира, западноафриканская страна, входящая в так называемую «сахельскую пятерку». Это бывшая французская колония, не имеющая выхода к морю, большая часть ее территории расположена в пустыне Сахара. И, наконец, Нигер – это страна, которая обеспечивала около 40% урана для атомной промышленности Франции. Именно Нигер сегодня оказался центром пересечения стратегических интересов целого ряда глобальных игроков⁵.

26 июля 2023 г. стало известно о государственном перевороте в Нигере, где группа солдат президентской гвардии под руководством генерала Омара Тчиани в столице государства Ниамее заблокировала офис действующего главы государства. События в Нигере развивались стремительно. 27 июля военные президентской гвардии сообщили об отстранении президента страны Мохамеда Базума, о закрытии государственных границ, о введении в стране комендантского часа, о приостановке работы всех учреждений в стране и о запрете любой деятельности политических партий. Было сделано заявление, предостерегающее от попыток иностранного военного вмешательства.

На смену прозападному правительству Мохамеда Базума к власти в Нигере пришло правительство генерала Абдурахмана Тчиани, который объявил себя председателем Национального совета спасения Родины. Ведущая оппозиционная партия Нигера поддержала новое правительство, а тысячи протестующих граждан вышли к французскому посольству в Ниамее с требованием закрыть иностранные – американские и французские – военные базы. Новое правительство сразу заявило о своей антизападной позиции, о своей антиколониальной направленности, об ориентации на экономический суверенитет и о пророссийских настроениях в стране*. После отстранения с поста президента Базум попросил США вернуть ему власть, заявив о своей приверженности демократическим ценностям.

В первый период после переворота в Нигере оценка событий отличалась разнообразием. На пленарном заседании Саммита Россия – Африка, который открывался на следующий день после переворота, председатель Африканского союза, президент Союза Коморских Островов Азали Ассумани заявил: «Мы решительно осуждаем события в Нигере и требуем немедленного освобождения президента Республики Нигер и его семьи».

Данную позицию поддержал ЭКОВАС (Экономическое сообщество стран Западной Африки), известный своей прозападной ориента-

---

* Заметим, что Мохамед Базум не планировал участвовать в саммите Россия – Африка, придерживаясь прозападной позиции.

цией. ЭКОВАС приостановил все коммерческие операции с Нигером, пригрозил заморозить активы причастных к перевороту военных и закрыл для них границы. Как сообщали источники, представители ряда стран ЭКОВАС заявили о готовности предоставить войска для проведения военной операции в Нигере. По сути, ЭКОВАС выступил опорой европейского влияния в регионе. 4 августа стало известно, что главы оборонных ведомств стран Западной Африки приняли план интервенции в Нигере. Новому правительству дали время до 6 августа, чтобы восстановить конституционный порядок и вернуть прежнего президента. Иначе, как сообщало агентство *Reuters*, в Нигер могут быть введены войска⁶.

Однако это мнение отражало точку зрения не всех африканских стран. Мали, Буркина-Фасо, Гвинея дали другую оценку событиям в Нигере, подчеркнув, что Африка освобождается от западного диктата и неокOLONиального ограбления континента бывшими метрополиями. Они выступили с заявлением, что будут считать любое военное вмешательство во внутренние дела Нигера объявлением войны в их адрес. Соответствующую позицию занял Алжир, что могло стать серьезной поддержкой для Нигера. Однако, по мнению ряда аналитиков, поддержка Алжиром переворота в Нигере имела для него серьезные последствия.

Известно, что Алжир подавал заявку на присоединение республики к группе БРИКС⁷, однако Индия не дала Алжиру вступить в эту организацию, о чем сообщило издание «Голос арабов». Алжирские СМИ обвиняли Индию в намеренном препятствовании вступлению Алжира в БРИКС. По их информации, этому способствовал визит премьер-министра Индии во Францию в июле 2023 г., когда Эммануэль Макрон попросил Нарендру Моди не поддерживать вступление Алжира, главного оппонента Франции в арабском и африканском мире, и индийцы согласились преградить дорогу Алжиру в БРИКС, применив против него право вето⁸. Таким образом, ситуация вокруг вступления Алжира в БРИКС также является продолжением колониальной политики Запада, и это еще больше объединяет страны, ведущие антиколониальную борьбу.

С осуждением переворота в Нигере выступили европейские страны. Так, представитель МИД ФРГ Себастьян Фишер заявил, что Германия в сложившихся обстоятельствах приостанавливает финансовую поддержку Нигера («Мы приостановили все прямые выплаты поддержки правительству Нигера»), а также прекращает всяческую помощь стране, которая оказывалась «в целях ее развития»⁹. Испания, по сообщению МИД королевства, также призвала Нигер к вос-

становлению конституционного строя и приняла решение о приостановке двустороннего сотрудничества¹⁰.

Сразу после военного переворота Нигер и Франция «обменялись любезностями»: Франция, которая получала 40% урана для своей атомной промышленности из Нигера, приостановила действие программ финансовой поддержки Нигера до восстановления конституционного строя в стране. Новые власти Нигера, в свою очередь, приостановили экспорт урана и золота во Францию¹¹.

Европейские страны призвали к «восстановлению конституционного строя» и «освобождению демократически избранного президента Мохамеда Базума». Такая консолидированная реакция европейских стран свидетельствует о чрезвычайной заинтересованности Европы в восстановлении *status-quo* в Нигере, а также в сопряженных с Нигером африканских государствах, которые выступили единым фронтом за новое правительство Нигера и его антизападную и антиколониальную политику, а также против Европы, которая, несмотря на формальную независимость африканских стран, продолжает проводить неоколониальную экономическую политику в Африке.

Ситуация в регионе продолжает меняться, практически ежедневно происходят новые события, поэтому обратимся к устойчивым тенденциям.

О блокировке проекта создания многополярного мира в начале 2000-х годов (небольшой исторический экскурс)

Крупнейшие европейские лидеры – Жак Ширак во Франции, Герхард Шредер в Германии и Сильвио Берлускони в Италии – в начале 2000-х годов следовали цели развития Европы с опорой на ресурсную базу России. Идея Большой Европы – Европы «от Лиссабона до Владивостока» – объединяла европейских лидеров. Первоначально эта идея принадлежала Шарлю де Голлю. «Да, вся Европа от Атлантики до Урала будет решать судьбы мира!» – заявил он в своей исторической речи 1959 г. в Страсбурге¹². В 1999 г. была введена единая европейская валюта евро, и это была альтернатива американскому доллару. В целом Россия поддерживала проект «Большая Европа».

В 2003 г. упомянутые лидеры европейских государств выступили против вторжения США в Ирак, продемонстрировав в этом вопросе политическое единство, при том что Италия отправила в Ирак свой контингент – около 3 тыс. человек. Успешное развитие проекта «Большая Европа» – сочетание дешевых российских ресурсов и за-

падных технологий, независимость проводимой политики и единство в политических решениях представляло собой угрозу для мировой гегемонии США, и Америка предприняла ряд действий для нейтрализации этой угрозы.

В 2013 г. в результате показаний Эдварда Сноудена стало известно о существовании американской программы слежения *Prism* и ее британского аналога *Tempora*¹³. Сноуден заявил, что с середины 1990-х годов весь поток информации, проходящей по мировым коммуникационным системам, контролировался этими программами. Контролировались и переговоры первых лиц европейских стран. В отношении европейских лидеров была организована утечка информации в СМИ, которая компрометировала С. Берлускони, Ж. Ширака и Г. Шредера с целью подрыва их репутации. Впоследствии к власти в европейских странах были приведены политики, лояльные США: Николя Саркози во Франции, Ангела Меркель в Германии. Дольше всех продержался Сильвио Берлускони, но его политическая репутация была безнадежно подорвана.

Главным ударом по блокированию проекта «Большая Европа» было разрушение экономических и политических связей между Россией и Евросоюзом. Предполагалось, что к моменту разрыва этих связей США обеспечат замену российских углеводородов. Особую роль в этом процессе должен был сыграть американский сжиженный природный газ (СПГ), который доставляется танкерами, несмотря на то что он обходится Европе гораздо дороже, чем российский газ, поступающий по газопроводам.

“Cui bono?”*

Американская стратегия по устранению конкурента и ослаблению Европы, по блокированию проекта «Большая Европа», имела долгосрочный характер и горизонт планирования на десятилетия вперед. Рост добычи углеводородов в США, лоббирование поставок американского сжиженного природного газа, нарастающее обострение обстановки между РФ, Евросоюзом и блоком НАТО – звенья одной цепи.

Каков итог? В каком положении сегодня находится Европа? Поставки энергоносителей из России резко сокращены. Стоимость 1 кВт·ч электроэнергии в Германии примерно в 4 раза выше, чем стоимость 1 кВт·ч в США. Вследствие этого экономика Германии (а это технологический, экономический локомотив Евросоюза) не

---

* Кому это выгодно? – лат.

может конкурировать с экономикой США, и немецкие компании вынуждены переводить свои производственные мощности из Европы в Америку. Фактически Европа лишилась статуса геополитического субъекта, принимающего самостоятельные решения.

Можно сказать, что стратегический план США по ослаблению Европы, старт которому был дан в начале 2000-х годов, выполняется успешно¹⁴. Позиции в Африке Франции и Европы в целом, участвовавших в колонизации стран Африканского континента, ослабевают, и в этих процессах можно заметить совпадение внутренних африканских, антиколониальных по своей сути, решений и стратегических интересов США. При этом, как это нередко бывало в истории, заинтересованная сторона может оставаться в тени, не всегда действуя своими руками, а также сталкивая других участников с целью их взаимного ослабления.

Тем не менее Франция в значительной степени сохранила свои экономические позиции и преимущества, поскольку генерирование электроэнергии для нее не так жестко связано с потреблением углеводородов, как в ряде других стран Европы. Франция имеет свои собственные атомные электростанции, но это создает большую потребность в уране. И это обстоятельство, если учесть стратегию США по ослаблению Европы и фактическому устранению конкурентов, делает Францию очередной мишенью для США.

Напомним, что Нигер обеспечивает 25% всех поставок урана в страны Евросоюза и более 35% урана для атомной промышленности Франции. Сейчас Франция фактически оказалась в безвыходном положении. Для нее прекращение поставок урана новым правительством Нигера равносильно объявлению войны, это своего рода казус белли. Без урана из Нигера Францию ожидает энергетический кризис и спад экономического развития, что приведет к ситуации, аналогичной тому, что происходит сейчас с экономикой Германии, и может создать предпосылки для прямого вооруженного конфликта на территории Африки. Или заставит Францию искать альтернативные варианты спасения своей экономики.

Итак, Европа в результате переворота и прихода к власти в Нигере антиевропейского правительства теряет свои позиции в данном африканском регионе. Ситуация не ограничивается только прекращением поставок полезных ископаемых, прежде всего урана, без которого атомную промышленность Франции может ждать кризис. В результате переворота в Нигере вероятна блокировка еще одного проекта, с которым Европа после отказа от российских углеводородов связывала большие надежды. Речь идет о газопроводе *NMGP* (проект

Nigeria–Morocco Gas Pipeline) протяженностью 5660 км – самом длинном подводном газопроводе в мире. Летом 2018 г. Национальная нефтяная корпорация (*NNPC*) Нигерии и Национальное управление по углеводородам и горнорудной промышленности (*ONHYM*) Марокко подписали соглашение о партнерстве. Газопровод Нигерия – Марокко – Европа, который должен проходить через территорию Нигера, представляет собой альтернативу поставкам газа из России и призван поддержать европейскую экономику. Европа торопила Нигерию, понимая, что от относительно дешевого природного газа зависит ее экономическое благополучие. Разрешит ли новое правительство Нигера строить газопровод в Европу через территорию своего государства, учитывая выраженную антиевропейскую направленность его политики? Это может стать очередной проблемой.

Итак, с какой геометрической фигурой, символизирующей количество заинтересованных сторон, мы имеем дело? Каковы отношения между ними, какие связи и противоречия мы можем наблюдать в ситуации с военным переворотом в Нигере? Посмотрим на примере строительства газопровода *NMGP*.

Кто проиграет, если строительство газопровода будет отложено или он вообще не будет построен? Безусловно, Европа, экономика которой и так испытывает спад без российских углеводородов, а теперь и в условиях ограничения поставок урана. А кто выигрывает? Вспомним американский сжиженный природный газ (*LNG – liquefied natural gas*). Укрепление Европы противоречит интересам «новой метрополии» – США, которые заинтересованы в блокировке любых альтернативных проектов, способных составить им экономическую и/или политическую конкуренцию.

Африка, как показала ситуация с переворотом в Нигере, неоднородна. Для той ее части, которая заинтересована в получении прибыли от продажи и транзита газа через свои территории в Европу, ситуация, при которой газопровод не будет построен, невыгодна. А для тех африканских стран, для которых приоритетом и безусловной ценностью является борьба с неокOLONИализмом, свобода и суверенитет, эта ситуация выгодна.

Если бы в Нигере мирным или военным путем (что было очень вероятно, но не произошло) было восстановлено прежнее правительство с его проевропейской политикой, вероятность строительства газопровода возросла бы, и это, безусловно, было бы выгодно Европе. Но невыгодно Америке.

А Африка? Той ее части, которая сделала ставку на сотрудничество с Европой ценой своего суверенитета, – выгодно. Тем странам

континента, которые стремятся отстаивать свой суверенитет, хотя противостоять неокOLONиальным стратегиям, – нет. *Ценность свободы и суверенитета в Африке сегодня очень высока*¹⁵.

С какой же геометрической фигурой мы имеем дело? Европа, США, проевропейские страны Африки, Африка, отстаивающая свой суверенитет и вступившая в очередной виток антинеокOLONиальной борьбы*, создают 4 стороны. Но есть еще одна сторона, и это Россия. Получается, что мы имеем дело с пятиугольником, с пересечением интересов пяти сторон.

Выгодно ли России укрепление позиций Европы в Африке? Нет. Тем более в ситуации жесточайшей санкционной политики Евросоюза, в условиях антироссийских военно-политических решений, агрессивный характер которых продолжает нарастать. Так же, как и Америка не заинтересована в усилении Европы в целом и в укреплении европейских позиций в Африке в частности. Америка в сложившейся ситуации ведет себя в какой-то степени как сторонний наблюдатель, хотя именно она является основным бенефициаром происходящих событий. Энтони Блинкен, находившийся в то время на посту госсекретаря США, 4 августа 2023 г. заявил о частичном сокращении финансовой поддержки Нигера, однако данная мера не касалась гуманитарных и продовольственных инициатив. Совпадение интересов России и США в ослаблении позиций Европы в Африке выглядит парадоксальным. Тем не менее не должно быть иллюзий, что это может стать основой партнерства, во всяком случае, несмотря на некоторое изменение тенденций, говорить об этом преждевременно. Не надо забывать, что в глобальном масштабе Россия в представлениях США – та же взбунтовавшаяся «периферия», которая заявляет о своих претензиях на суверенитет. Америка заинтересована в ослаблении позиций России в Африке, и в сложившейся ситуации с Нигером от нас потребуется воля и мудрость, чтобы сохранить и укрепить их.

Антиколониальная борьба: мультиуровневый подход

Напомним, что войны, особенно войны информационной эпохи, могут быть рассмотрены на 3 иерархически организованных уровнях, среди которых собственно военные операции с применением оружия физического уничтожения являются лишь одной из составляющих¹⁶.

---

* В разделении африканских стран на прозападные (проевропейские) и антизападные, безусловно, есть упрощение. Поэтому мы подчеркиваем, что имеем в виду только конкретную ситуацию с Нигером и политику по отношению к ней.

Эти уровни, с одной стороны, могут быть мишенями недружественного воздействия со стороны потенциального противника; с другой стороны, они являются факторами силы системы, которые делают ее жизнеспособной и способной противостоять агрессии в различных ее проявлениях.

И, наконец, мы можем предложить рассматривать эти уровни как составляющие антиколониальной борьбы. Рассмотрим эти 3 уровня¹⁷.

I. Мировоззренческий уровень включает в себя реформирование традиционных представлений о мире, этику, мораль, модель будущего, сценарии развития государств и мировой цивилизации. «Война» на этом уровне формирует вектор развития, соответствующий стратегическим целям Запада. К этому уровню можно отнести искажение фактов истории, дискредитацию героев, лидеров и побед. Одно из проявлений использования мировоззренческого уровня «войны» – расчеловечивание противника, лишение его статуса Человека (как это было, например, во время геноцида в Руанде).

II. Финансово-экономический уровень. Против противника применяются различные санкции (против России, Белоруссии, Ирана, КНДР, в Африке в свое время против Зимбабве, а в наши дни – против Альянса государств Сахеля (Нигера, Мали, Буркина-Фасо), вставшего на путь борьбы против неокolonизма и за обретение суверенитета), навязывается использование единой резервной валюты (доллара США), использование регламентирующих и контролирующих организаций (таких как ВТО, МВФ), создание общественных фондов и некоммерческих организаций (НКО), как правило связанных с оппозиционными движениями в подконтрольных государствах.

III. Военно-политический уровень включает технологии, связанные с использованием военной силы и вооружений, а также с организацией политического давления, вплоть до государственных переворотов. Это применение оккупационных войск, миротворческих сил, инициация военных и государственных переворотов, «цветных революций». Известно активное участие Запада в организации «цветных революций», в частности в Ливии в период «арабской весны».

Сегодня, на современном этапе антиколониальной борьбы в странах, входящих в Альянс государств Сахеля, можно обнаружить процессы на всех 3 уровнях: на мировоззренческом и имиджевом уровне антиколониальная борьба принимает формы духовной, ментальной и информационной деколонизации. На финансово-экономическом

уровне африканские страны предпринимают попытки освобождения от власти доллара*, стремятся к преодолению колониальной модели экономики (вывоз непереработанных ресурсов из стран Африканского континента и ввоз готовой продукции по завышенным ценам). Африканские экономики заинтересованы (и говорят об этом практически на всех российско-африканских переговорах) в получении добавленной стоимости.

* * *

Мы уже говорили о том, что для стран Африканского континента свобода, независимость, собственный путь развития являются безусловными ценностями, исторически и ментально связанными с национально-освободительной борьбой африканских стран за независимость, против колониализма и апартеида. Африка исторически была территорией межкультурного взаимодействия и инокультурного влияния, и перед африканцами стояли две основные задачи: сохранение своей культурной идентичности и приспособление к чужой культуре. В Африке эти процессы всегда принимали острую и болезненную форму. Ценность свободы, независимости, национальной гордости отражается и в народных песнях стран Африканского континента, и в литературе, в т.ч. в произведениях африканских поэтов, и в политических и экономических решениях.

Так, 12 февраля 2024 г. глава правящего в Нигере Национального совета по защите отечества генерал Абдурахман Тчиани заявил о планах создания единой валюты Альянса государств Сахеля, куда входят Нигер, Буркина-Фасо и Мали, подчеркнув, что своя валюта является признаком суверенитета. А. Тчиани отметил, что эти государства в настоящее время вовлечены в процесс восстановления полного суверенитета: «Больше не может быть и речи о том, чтобы наши страны были дойной коровой Франции!»¹⁸. Официальный представитель БРИКС в Западной и Центральной Африке Ахуа Дон Мелло заявил информационному агентству *Sputnik* Африка, что Альянс государств Сахеля может ввести свою валюту и отказаться от доллара, и дал этой тенденции положительную оценку: «Страны должны снабдить себя средствами, которые могут позволить им торговать в местной валюте [без использования доллара], потому что все эти [западные] финансовые институты стали палками в руках Запада». Ахуа Дон Мелло считает, что использование местных валют необходимо

---

* В свое время такую попытку предпринял Муаммар Каддафи, который планировал ввести в Ливии золотой динар.

для построения многополярного мира, поэтому страны должны «использовать механизм расчетов в местной валюте»¹⁹.

Ценность свободы – непреходящая, традиционная ценность колониальной и постколониальной Африки. После антиевропейских, антифранцузских, а, по сути, антинеоколониальных выступлений последнего времени страны Африки, вошедшие в Альянс государств Сахеля*, вступили в период неопределенности, возникла вероятность военного вторжения стран ЭКОВАС при поддержке Запада. Можно сказать, что в зоне Сахеля на какое-то время повысилась степень рисков и угроз безопасности, степень угрозы жизни, но возрос уровень свободы, независимости и суверенитета. Это был сознательный выбор африканских стран. На пленарном заседании саммита Россия – Африка 2023 г. с речью против западных колонизаторов выступил президент Буркина-Фасо капитан Ибрагим Траоре. Траоре не является выходцем из африканской политической или финансовой элиты, и гражданами Буркина-Фасо он воспринимается как народный президент**. Он подчеркнул, что Буркина-Фасо вот уже 8 лет сталкивается с варварским колониализмом, что Запад навязывает Африке современное рабство, поэтому его народ взял в руки оружие и начал сражаться. И. Траоре поклялся бороться с империализмом и неоколониализмом, он ссылается на революционного лидера Томаса Санкару и цитирует Че Гевару, его правительство вступило в союз с Никарагуа, Венесуэлой и Кубой²⁰. Свою речь на саммите лидер Буркина-Фасо закончил пожеланием победы и фразой «Родина или смерть!», как когда-то в XX веке говорили борцы за свободу Кубы***, продемонстрировав верховенство глубинной африканской ценности Родины и Свободы над ценностью жизни²¹. Таким образом, события в Нигере и в зоне Сахеля в целом можно рассматривать и как процессы культурно-цивилизационного характера, и как геополитические процессы, которые являются неотъемлемой частью формирования нового многополярного мира.

---

* Альянс государств Сахеля – это Межгосударственный военный альянс, созданный 17 сентября 2023 г. для обеспечения архитектуры коллективной обороны государств Нигер, Буркина-Фасо и Мали.

** Новый президент Буркина-Фасо Ибрагим Траоре пришел к власти в январе 2022 г., когда группа офицеров-националистов в Буркина-Фасо свергла президента Роша Каборе, богатого банкира, который поддерживал тесные связи с бывшим колонизатором страны, Францией.

*** *Patria o Muerte, Venceremos* - Официальный национальный девиз Кубы, принятый в 1960 г. Происхождение девиза взято из речи лидера кубинской революции Фиделя Кастро.

Вот строки из стихотворения малийского поэта, писателя, историка Гауссу Диавары (р. 1940) «Голос свободы»:

Африка!...Завтра, да, завтра ты выгонишь прочь навсегда
всех – до последнего! – бывших хозяев,
как выметает буря жалкие клочья старых вороньих гнезд²².

В соответствии с глубинной африканской ценностью свободы, события в Нигере и в целом последовавшие за ними трансформации в зоне Сахеля, можно рассматривать именно как новый этап антиколониальной борьбы на всех 3 обозначенных нами уровнях – на уровне мировоззренческом в разнообразных формах духовной, ментальной и информационной деколонизации, с приоритетом ценности свободы над ценностью безопасности; на уровне финансово-экономическом в различных вариантах экономических и финансовых решений, например в форме решения о выходе из ЭКОВАС²³; на военно-политическом уровне, в частности в форме решений о выводе иностранных военных контингентов – французского²⁴ и американского²⁵ – из Нигера и затем из стран Альянса государств Сахеля, а также в виде антитеррористических операций, поскольку степень террористических угроз с участием как внутренних, так и внешних акторов резко возросла в ответ на стремление стран Альянса государств Сахеля освободиться от неокolonиального влияния и обрести ментальный, информационный, финансово-экономический и военно-политический суверенитет.

---

¹ Харитоновна Е. Глобальные стратегические проблемы в зеркале событий в Нигере. <https://iarex.ru/articles/106166.html>. (дата обращения 10.04.2025)

² Шевцов О. Нигер: вторая деколонизация Чёрного континента продолжается. <https://zvezdaweeekly.ru/news/2023871019-Esl9k.html> (дата обращения 15.04.2025)

³ Запад готовится задушить антиколониальную революцию в Нигере. <https://dzen.ru/a/ZNCA1yZ7ajH0qi4a> (дата обращения 15.04.2025)

⁴ Айзенштадт Ш.Н. Современная глобализация и новые цивилизационные модели. С. 491. <https://socionauki.ru>; <https://socionauki.ru/book/files/ygi/486-492.pdf> (дата обращения 15.04.2025)

⁵ Харитоновна Е. Опасная развязка. <https://iz.ru/1555487/elena-kharitonova/opasnaia-gazviazka> (дата обращения 15.03.2025)

⁶ Военное вмешательство западноафриканского блока ЭКОВАС. Агентство Reuters. 04.08.2023. <https://reuters.com/world/africa/military-interventions-by-west-african-ecowas-bloc-2023-08-04/> (дата обращения 28.04.2025)

⁷ Меркулов А. Вступление Алжира в БРИКС: Какое будущее ждет усиливающее свое влияние в мире объединение. <https://rg.ru/2022/11/08/vstuplenie-alzhira-v-briks-kakoe-budushchee-zhdet-usilivaiushchee-svoe-vliianie-v-mire-obedinenie.html> (дата обращения 01.05.2025)

---

⁸ Тайное становится явным: кто заблокировал вступление Алжира в БРИКС? <https://eadaily.com/ru/news/2023/08/28/taynoe-stanovitsya-yavnym-cto-zablokiroval-vstuplenie-alzhira-v-briks> (дата обращения 01.05.2025)

⁹ Германия приостановила бюджетную поддержку Нигера. ТАСС. 31.07.2023. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18412513>. (дата обращения 28.04.2025)

¹⁰ Испания приостановила сотрудничество с Нигером после переворота. ТАСС. 31.07.2023. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18409455> (дата обращения 28.04.2025)

¹¹ Захватившие власть в Нигере военные приостановили экспорт урана и золота во Францию. Коммерсантъ. 31.07.2023. <https://kommersant.ru/doc/6135988> (дата обращения 28.04.2025)

¹² *Арсакон М.* Европа от Атлантики до Урала: какие цели преследовал де Голль. https://rusday.com/articles_new/2020-11-23/deGaulle/10866/ (дата обращения 28.04.2025)

¹³ *Акбаров О.* Икона эпохи: О чем Эдвард Сноуден рассказал нам. <http://lookatme.ru/mag/people/icon/200129-edward-snowden> (дата обращения 28.04.2025)

¹⁴ *Харитонова Е.* Эксперт указала на незаинтересованность США в возвращении прежнего правительства Нигера. <https://tass.ru/politika/18492721> (дата обращения 15.04.2025)

¹⁵ *Харитонова Е.В.* Свобода как ценность в контексте антиколониальной борьбы Африки и реализации первого 10-летнего плана «Повестки дня 2063». Конференция Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки «Африка в современной структуре международных отношений». 26 марта 2024 г. https://inafran.ru/sites/default/files/event_file/programma_konferencii_28.03_0.pdf (дата обращения 01.05.2025)

¹⁶ *Харитонова Е.В.* Российско-африканские отношения в контексте глобальной конкуренции, гибридных войн и формирования нового мирового порядка (препятствия и возможности). XXII Международные Лихачевские научные чтения. СПГУП, 12–13 апреля 2024 г. https://lihachev.ru/chten/2024/sec5/Kharitonova_EV_d2_2024.pdf (дата обращения 30.04.2025)

¹⁷ *Харитонова Е.В.* Блокировка альтернативных проектов в системе понятий «метрополия – периферия» на примере Ливии и российско-африканского сотрудничества // В сб. Африка – восходящий центр формирующегося многополярного мира. М.: Институт Африки РАН, 2024. 252 с.

¹⁸ В Нигере заявили, что не хотят быть дойной коровой Франции. РИА Новости. 12.02.2024. <https://ria.ru/20240212/niger-1926793733.html> (дата обращения 15.04.2025)

¹⁹ *Сердечнова Е.* Представитель БРИКС Ахуа Дон Мелло: Нигер, Мали, Буркина-Фасо введут свою валюту. https://africa.tsargrad.tv/news/predstavitel-briks-ahua-don-mello-niger-mali-burkina-faso-vvedut-svoju-valjutu_957380 (дата обращения 01.05.2025)

²⁰ *Norton Ben.* Burkina Faso's new president condemns imperialism, quotes Che Guevara, allies with Nicaragua, Venezuela, Cuba. <https://geopoliticeconomy.com/2023/07/30/burkina-faso-ibrahim-traore-sankara-imperialism/> (дата обращения 01.05.2025)

²¹ *Иванов А.* «Родина или смерть»: капитан Траоре, яркий представитель нового поколения африканских лидеров. https://zavtra.ru/events/rodina_ili_smert_kapitan_traore_yarkij_predstavitel_novogo_pokoleniya_afrikanskih_liderov (дата обращения 30.04.2025)

²² *Гауссу Диаара.* «Голос свободы» / Поэзия Африки. Серия «Библиотека всемирной литературы». М.: Художественная литература, 1973. С. 329–330.

²³ Выход Буркина-Фасо, Мали и Нигера из ЭКОВАС. Контуры нового регионального порядка в Западной Африке. РСМД. 26.03.2025. <https://russiancouncil.ru/>

---

analytics-and-comments/columns/sandbox/vykhod-burkina-faso-mali-i-nigera-iz-ekovas-kontury-novogo-regionalnogo-poryadka-v-zapadnoy-afrike/?sphrase_id=203154567 (дата обращения 01.05.2025)

²⁴ Франция выводит из Нигера последний военный контингент. RIA.RU. 22.12.2023. <https://ria.ru/20231222/niger-1917374846.html> (дата обращения 01.05.2025)

²⁵ США закончили вывод военного контингента из Нигера. Интерфакс. 05.08.2024. <https://interfax.ru/world/975097> (дата обращения 01.05.2025)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАРОЖДЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ

Африканский союз (АС) как крупнейшая на сегодня региональная международная межправительственная организация является одним из важных субъектов современных международных отношений. С тех пор как во второй половине XX в. африканские страны и народы освободились от колониальной зависимости, вышли на мировую арену в качестве активной силы, их положение и тенденции развития приобрели большое значение для решения многих практических задач мировой политики с учетом перспектив завтрашнего дня. Ведущую роль в их прогрессе играет в настоящее время Африканский союз, который представляет собой континентальную организацию, созданную в 2002 г. в качестве правопреемника Организации африканского единства (ОАЕ), начавшей свою деятельность еще в 1963 г. В связи с этим к концу первой четверти XXI в. АС имеет уже достаточно большой опыт в деле интеграции африканских государств, что способствует повышению их международного веса на мировой арене и заставляет прислушиваться к их мнению других членов международного сообщества. Сбросив ярмо колониализма, Африка перестала быть объектом международного права, превратившись в его субъекта, и молодые африканские государства достаточно активно включились в борьбу мировых сил, которой определяется будущее всего человечества. Владея большими демографическими и материальными ресурсами, Африка в перспективе обладает значительным потенциалом в плане влияния на будущее мироустройство. Однако реализация данного потенциала возможна только при условии успешной интеграции африканских стран, координирующими центрами которой в разных сферах выступают органы и учреждения АС.

Интеграционные процессы на Африканском континенте после слома колониальной системы

Национально-освободительное движение в Африке показало, что идея объединения сил и действий стран и народов в борьбе против колониализма с середины XX в. приобрела на этом континенте мощную опору в лице молодых государств. В 1961 г. республики Гана,

Гвинея и Мали объединились в Союз африканских государств и вместе с арабскими странами Алжиром, ОАР и Марокко (входившими в Лигу арабских государств) образовали Касабланкскую группу. В 1959 г. Берег Слоновой Кости (современный Кот-д'Ивуар), Верхняя Вольта (с 1984 г. – Республика Буркина-Фасо), Дагомея и Нигер образовали политико-экономическую коалицию – т.н. Совет Согласия (позже в него вошла также Республика Того). В 1960 г. эти страны вместе с еще восемью бывшими французскими колониями (Габон, Камерун, Конго (Браззавиль), Мавритания, Мадагаскар, Сенегал, ЦАР и Чад) создали т.н. Браззавильскую группу, преобразованную в 1961 г. в политико-экономический и военный Африкано-Мальгашский союз (АМС), сильно зависевший от Франции и ее политики (позднее к АМС присоединились также Того и Руанда).

Однако существование на континенте отдельных, как правило субрегиональных, организаций сделало актуальным вопрос об отношениях между ними, а также о двусторонних отношениях государств, входивших в различные группы, то есть вопрос о дальнейших путях развития континентальной африканской интеграции¹.

В пользу установления и развития более тесных связей между всеми государствами континента во второй половине XX в. действовал целый ряд объективных, исторически обусловленных факторов, объединяемых понятием «необходимость».

Незавершенность процесса деколонизации стран Африки в 1960-е годы, сохранение колониально-расистских режимов на некоторых территориях континента (Мозамбик, Ангола, Родезия (с 1980 г. – Зимбабве), Юго-Западная Африка (с 1990 г. согласно конституции независимого государства – Республика Намибия), ЮАР), невозможность одолеть колониализм и неоколониализм в одиночку, силами одной страны или даже небольшой группы малых стран побуждали народы Африки продолжать совместную борьбу за окончательную ликвидацию колониальной системы на континенте еще более четверти века².

Но в отличие от предыдущих этапов panaфриканского движения, у народов континента, уже добившихся независимости, появились и другие, не менее важные причины для объединения своих сил и действий. Как отмечала сенегальская газета «Африк нувель», «африканцы думают о единстве континента потому, что он разделен плохо»³.

Многочисленные, но в своем большинстве небольшие по площади и количеству населения государства со слабой экономикой оказались крайне заинтересованы в том или ином объединении своих средств и ресурсов, установлении между собой экономических, торговых и

транспортных связей, сотрудничестве в области культуры, образования и здравоохранения⁴. Сознвая, что образование самостоятельных государств в границах бывших колониальных владений само по себе не решило и не могло решить национального вопроса в Африке, что многие родственные племена и народности оказались разделенными между двумя-тремя и более соседними странами, африканские лидеры возлагали большие надежды на организацию постоянного политического сотрудничества всех государств континента в целях мирного решения существующих и потенциальных пограничных споров.

Необходимость выработки коллективной позиции по международным проблемам и совместной защиты своих общих интересов в ООН, где африканские государства заняли около трети мест, также стала для них одним из важных стимулов к объединению⁵.

В принципе основные группы стран и отдельные государства Африки довольно рано, еще до 1963 г., высказались в пользу общеконтинентального единства. Некоторые африканские лидеры, и особенно первый президент Ганы Кваме Нкрума, активно выступали с идеей скорейшего объединения всех африканских государств в союз с общим правительством, парламентом, вооруженными силами, органами планирования экономики. Нкрума и другие лидеры настаивали на немедленной подготовке к созданию африканского общего рынка. Кваме Нкрума считал политическую и экономическую интеграцию Африки, создание общеконтинентальных законодательных и исполнительных органов абсолютно необходимым условием «быстрейшего и наиболее полного развития не только всего континента в целом, но и отдельных стран, которые войдут в Союз»⁶.

В конституцию Ганы была включена статья, предусматривавшая возможность полной или частичной передачи суверенитета страны Союзу африканских государств и территорий. Соответствующие статьи о возможном отказе от суверенитета в целях осуществления африканского единства появились также в конституциях Гвинеи, Мали и некоторых других государств.

Значение создания и деятельности ОАЕ для развития африканских стран

Конференция в Аддис-Абебе 22–23 мая 1963 г., положившая начало созданию Организации африканского единства (ОАЕ), стала международным форумом всей Африки. На ней было представлено 31 из 32 независимых африканских государств, существовавших к тому времени на континенте. В ней активно участвовали также руководи-

тели более 20 крупнейших политических партий и национально-освободительных организаций из стран, еще остававшихся на тот момент в колониальной зависимости.

Данная международная конференция единогласно приняла ряд важных политических решений по вопросам организации совместной борьбы против колониализма и расовой дискриминации. Участники конференции потребовали от колониальных держав безусловного предоставления независимости всем африканским территориям и наметили конкретные меры по оказанию помощи борцам за освобождение. Из международных проблем общемирового значения конференция особо выделила вопрос о всеобщем разоружении и сохранении мира на земле. В резолюции о всеобщем разоружении этот вопрос был тесно связан с конкретной задачей «добиться путем переговоров окончания военной оккупации Африканского континента, ликвидации иностранных военных баз и прекращения ядерных испытаний»⁷. В резолюции подчеркивалось, что выполнение этой задачи «является важнейшим элементом независимости и единства Африки»⁸.

Конференция приняла также ряд резолюций о развитии сотрудничества между африканскими государствами в социально-экономической области, а также о координации их позиций в ООН по вопросам, представляющим общий интерес. Было решено, в частности, создать в ООН более эффективную африканскую группу с постоянным секретариатом и добиваться более справедливого представительства Африки как региона в основных органах ООН.

Эта резолюция явилась как бы прелюдией к принятию конференцией исторического решения об учреждении Организации африканского единства и утверждению ее Хартии, которая стала важнейшим документом конференции. День 25 мая, когда были приняты эти важные решения, отмечается во всех африканских странах как праздник единства Африки – День Африки.

Государства, подписавшие Хартию, обязывались проявлять «абсолютную приверженность делу полного освобождения африканских территорий, все еще находившихся в зависимости», «вести борьбу против неоколониализма во всех его формах», «поддерживать условия мира и безопасности». Организация была открыта для присоединения к ней любого суверенного и независимого африканского государства⁹.

Постепенно укреплял свой аппарат Генеральный секретариат организации (постоянный административный орган) со штаб-квартирой в г. Аддис-Абебе (Эфиопия). С декабря 1967 г. начала свою работу

Комиссия по посредничеству, примирению и арбитражу, что позволило считать действующими все 4 основных уставных органа ОАЕ. Комиссия по посредничеству, примирению и арбитражу в составе 21 члена, а также ее председатель и его заместители избирались непосредственно Ассамблеей. При этом все члены комиссии должны были быть гражданами одного и того же государства и избирались сроком на 5 лет. Председатель и его заместители образовывали штатное Бюро Комиссии.

Важную роль в осуществлении антиколониальных целей ОАЕ играл Комитет по координации помощи независимых африканских государств национально-освободительному движению на зависимых территориях, проводивший свои сессии по 2–3 раза в год. Этот комитет чаще кратко назывался «Комитетом освобождения» или «Координационным комитетом»¹⁰.

Кроме того, Хартией ОАЕ было предусмотрено образование системы специализированных комиссий по вопросам обороны и сотрудничества в социально-экономической области. Однако по различным причинам деятельность таких комиссий не всегда была налажена должным образом.

Под эгидой ОАЕ начал свою работу Высший научный совет Африки. По решению Ассамблеи ОАЕ созданная еще в колониальные времена Комиссия по научно-техническому сотрудничеству в Африке южнее Сахары с центральным секретариатом в Лагосе (Нигерия) в 1965 г. была включена в состав ОАЕ, а ее учреждения, находившиеся ранее в Европе, были переведены в Африку. Из Лондона в Ниамей (Нигерия) было переведено Бюро публикаций и в Яунде (Камерун) – Фитосанитарное бюро; из Парижа в Банги (ЦАР) – Межафриканское бюро почвоведения. В Мугуге (Кения) продолжило свою работу Ветеринарное бюро.

Специализированные комиссии состояли из министров или других представителей государств – членов ОАЕ и собирались на свои сессии раз в два года. В последующие годы участие на сессиях Ассамблеи ОАЕ регулярно принимал Генеральный секретарь ООН.

Материальную основу деятельности ОАЕ составляли ежегодные взносы государств-членов в ее бюджет. Кроме того, Генеральный секретарь ОАЕ был уполномочен принимать для Организации дары и пожертвования при условии их одобрения Советом министров. Размеры взносов определялись в зависимости от валового национального продукта каждого из государств-членов. Комитет освобождения имел свой особый бюджет, т.н. Специальный фонд освобождения, который также образовывался из ежегодных взносов африканских

государств. Свой бюджет был сформирован и у Комиссии по посредничеству, примирению и арбитражу. Однако ограниченность финансовых средств постоянно сказывалась на размахе деятельности ОАЕ. Совет министров ОАЕ включал министров иностранных дел или других министров, назначенных государствами-участниками. Именно на него была возложена обязанность по подготовке к Ассамблеям ОАЕ.

Вместе с тем задача укрепления политического единства Африки и повышения его эффективности оказалась неотделимой от проблемы развития общеконтинентальных экономических, социальных и культурных связей между государствами – членами ОАЕ¹¹.

Характерно, что, как правило, в осуществлении тех или иных общеконтинентальных социально-экономических проектов ОАЕ стремилась опираться на соответствующие органы ООН и использовать материальную помощь международных организаций. В свою очередь, ООН и другие международные организации расценивали сотрудничество с ОАЕ как важное условие для своей успешной работы в Африке. Различные международные конференции по социально-экономическим вопросам развития Африки (например, конференция в Найроби в июле 1968 г. по вопросам образования и профессиональной подготовки в Африке) проводились совместно органами ООН и ОАЕ.

По линии ЭКА и при поддержке ОАЕ в Дакаре (Сенегал) с 1963 г. начал функционировать Институт экономического развития и планирования как всеафриканский учебный, научно-исследовательский и консультационный центр. При поддержке ЭКА и ОАЕ в Абиджане (Кот-д'Ивуар) в 1964 г. был открыт Африканский банк развития. Банк является всеафриканской кредитной организацией и выполняет операции по финансированию проектов и программ, направленных на ускорение экономического и социального развития африканских стран. Под эгидой ОАЕ и ЭКА в 1969 г. была учреждена Африканская комиссия гражданской авиации, имеющая своей целью содействие развитию авиации и авиасообщений на континенте.

По инициативе ОАЕ в июле 1969 г. в Алжире впервые в истории народов Африки был успешно проведен I Всеафриканский фестиваль культуры, в котором участвовали музыкальные, песенные, танцевальные и другие художественные коллективы более чем из половины арабских и неарабских стран континента. ОАЕ способствовала созданию в 1967 г. Ассоциации африканских университетов. В сентябре 1968 г. ОАЕ предоставила статус наблюдателя Всеафриканской конференции женщин, а также Высшему африканскому совету

по делам спорта. ОАЕ также активно содействовала созданию обще-континентального профсоюзного объединения на базе Всеафриканской федерации профсоюзов и Африканской профсоюзной конфедерации.

Таким образом, очевидно, что деятельность ОАЕ в области социально-экономического сближения стран и народов Африки способствовала налаживанию всеафриканских связей и контактов, которых не было в колониальную эпоху¹². При этом трудности выполнения планов экономической интеграции всего континента и невозможность быстрого преодоления отсталости в одиночку побуждали африканские страны к установлению все более тесных связей в отдельных географических районах Африки.

С сентября 1968 г. ОАЕ предоставила статус наблюдателя Таможенному и экономическому союзу Центральной Африки (Габон, Камерун, Конго (Браззавиль), ЦАР), Комиссии стран бассейна реки Нигер и Организации государств бассейна реки Сенегал. Статус наблюдателя был предоставлен даже Афро-малагасийской общей организации, хотя она и не имела статуса полноценной экономической и региональной организации. В качестве несущих конструкций указанных интеграционных процессов выступили ведущие организации соответствующих субрегионов континента: Общий рынок стран Восточной и Южной Африки (КОМЕСА), Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС) и Экономическое сообщество стран Центральной Африки (ЭККАС)¹³.

Их дальнейшее развитие можно объяснить влиянием и международных факторов, и общего соотношения сил, сложившихся в мире после распада СССР и социалистического лагеря, а также усилением интеграционных процессов в Западной Европе и в других регионах, в том числе развивающегося мира. Большое значение для последующего развития интеграционных процессов на Африканском континенте имело решение проблемы апартеида в ЮАР¹⁴.

После падения этого режима ЮАР – самая высокоразвитая страна континента – в 1994 г. вступила в Сообщество по развитию стран Южной Африки – САДК (*South African Development Community – SADC*), что сразу повысило потенциальные возможности его участников по дальнейшей интеграции и региональному экономическому сотрудничеству¹⁵.

Еще один формат развития экономических и финансовых связей между отдельными африканскими странами был предложен в связи с разработкой концепции под названием «Новое партнерство для развития Африки», или т.н. НЕПАД (*NEPAD – New Partnership for Africa's*

Development). Основу НЕПАД составляют две программы: Программа партнерства по оживлению экономического развития Африки в новом тысячелетии (*Millenium Partnership for the African Recovery Programe – MAP*) и План Омега (*Omega Plan*). Первая из данных программ направлена на разрешение межафриканских конфликтов, привлечение инвестиций, финансовой помощи и решение проблемы внешнего долга. План Омега исходит из приоритета развития сельского хозяйства, образования, здравоохранения и инфраструктуры. Слияние двух указанных программ привело к созданию единой программы под названием Новая африканская инициатива (*New African Initiative – NAI*), одобренной на саммите глав государств и правительств стран – членов Организации африканского единства в Лусаке в 2001 г. Доработанный в октябре 2002 г. вариант Новой африканской инициативы и получил в конечном итоге название НЕПАД¹⁶.

Таким образом, в деятельности ОАЕ впервые в континентальном масштабе аккумулировались общность и различия в социально-экономической ориентации и внешнеполитических позициях африканских государств, отношение континента в целом как к важнейшим внутриафриканским событиям, так и ко многим международным вопросам.

От Организации африканского единства к Африканскому союзу

Вероятно, успехи и неудачи Организации африканского единства (ОАЕ) следует воспринимать не столько как проявление ее внутренней силы или слабости, сколько как зеркальное отражение реальных возможностей panaфриканизма – движения за объединение африканских стран, которое именно в рамках ОАЕ получило свое первое общеконтинентальное воплощение.

В целом ОАЕ сыграла очень важную роль в решении проблемы колониализма и дальнейшего развития народов Африки. Однако после достижения главной цели своего создания – полного освобождения континента от колонизаторов – активная деятельность ОАЕ приостановилась. В новых условиях организация становилась все менее эффективной. И к началу XXI в. ОАЕ в своей изначальной форме во многом изжила себя, превратившись, по некоторым оценкам, в своеобразный «клуб президентов», что в конечном итоге привело к решению о ее реорганизации в новое, более соответствующее интеграционным потребностям стран континента объединение – Африканский союз.

9 июля 2002 г. на 38-й сессии Ассамблеи глав государств и правительств стран Организации африканского единства в г. Дурбане

(ЮАР) было официально провозглашено создание ее преемника – Африканского союза. Нормативно-правовым актом, юридически оформившим создание Африканского союза, служит специальный Учредительный акт АС, состоящий так же, как и предшествовавший ему Устав ОАЕ, из 33 статей, но отличающийся от него по содержанию некоторыми принципиальными нововведениями, которые будут рассмотрены ниже.

В целом организация Африканского союза (АС) и фактически, и юридически стала новым этапом на пути дальнейшей интеграции стран континента. Основные цели и задачи его деятельности закреплены в ст. 3 Учредительного акта АС:

- достижение большего единства и сплоченности между африканскими странами и народами;

- защита суверенитета, территориальной целостности и независимости его государств-членов; ускорение политической и социально-экономической интеграции континента;

- поддержание общих африканских позиций по интересующим континент и его народы вопросам;

- поощрение международного сотрудничества с должным вниманием к Уставу ООН и Всеобщей декларации прав человека; поддержание мира, безопасности и стабильности на Африканском континенте;

- поддержание демократических принципов и учреждений; участие народа и хорошее управление;

- поддержание и защита прав человека и народов в соответствии с Африканской хартией прав человека и народов и другими соответствующими документами по правам человека;

- создание необходимых условий, которые позволят континенту по праву играть соответствующую ему роль в глобальной экономике и в международных переговорах.

Специальные положения ст. 3 Учредительного акта АС посвящены задачам социально-экономической интеграции и защите интересов африканских стран, развитию их научно-технического потенциала, а также охране здоровья населения. Эти направления работы Африканского союза вытекают из нескольких официально заявленных им целей своей деятельности:

- устойчивое развитие Африканского континента на экономическом, социальном и культурном уровнях;

- поддержание сотрудничества во всех гуманитарных сферах жизнедеятельности для повышения жизненного уровня африканских народов;

– сотрудничество со специализированными международными институтами в интересах обеспечения здоровья населения и искоренения опасных болезней, которые поддаются профилактике;

– содействие научным исследованиям, способствующим прогрессу африканской цивилизации¹⁷.

Следует иметь в виду, что трансформация Организации африканского единства в Африканский союз была обусловлена серьезными изменениями в системе международных отношений конца XX – начала XXI в.

ОАЕ, выполнив свою главную задачу по консолидации африканских стран в борьбе с колониализмом, оказалась не в полной мере приспособлена для их дальнейшей интеграции в условиях современной реальности. В течение последовавшего после распада СССР десятилетия африканские страны в своей деятельности начали чрезмерно зависеть от ведущих стран Запада, Европейского союза и Всемирного банка. Африканские лидеры сознавали, что не могут препятствовать указанному процессу поодиночке¹⁸. В этих условиях ливийский лидер Муаммар Каддафи на саммите ОАЕ 1999 г. в Алжире выступил с инициативой создания Африканского союза.

Процесс перехода от Организации африканского единства к Африканскому союзу проводился в несколько этапов. На первом в сентябре 1999 г. собравшиеся по приглашению Каддафи на чрезвычайную встречу в г. Сирте (Ливия) главы африканских государств – членов ОАЕ приняли декларацию, предусматривавшую трансформацию ОАЕ в более тесный Африканский союз¹⁹.

На втором этапе 12 июля 2000 г. главы 53 африканских государств приняли в Ломе (Того) специальный Учредительный акт, подтвердивший их решение сформировать обновленный Африканский союз²⁰.

Третьим этапом можно считать решения 37-й сессии Ассамблеи ОАЕ, проводившей свои заседания в Лусаке (Замбия) в июле 2001 г. На этой встрече был принят пакет базовых документов, зафиксировавших будущую структуру и правовые принципы новой союзной организации. Комплексный план по реформированию ОАЕ в АС, важную роль в доработке которого сыграли африканские экономические лидеры – ЮАР и Нигерия, был окончательно оформлен к концу 2001 г.

Уже к 2003 г. членами Африканского союза стали все государства континента, за исключением Марокко, которое еще в 1984 г. вышло из ОАЕ после принятия в члены данной организации Сахарской Арабской Демократической Республики (восточной части Западной

Сахары, на территорию которой претендует Марокко). Однако 30 января 2017 г. Марокко также присоединилось к Африканскому союзу. В результате АС включает в свой состав все государства, участвовавшие до этого в деятельности ОАЕ с момента образования данной организации, а общая площадь территории Африканского союза составляет более 29 888 300 кв. км.

В определенной мере в качестве образца для обновленной конструкции Африканского союза использовалась структура Европейского союза (ЕС), фундаментальной установкой которого провозглашалась, прежде всего, экономическая интеграция вовлеченных в его организацию государств²¹. Исходя из идеи, что Африка «не должна вновь изобретать колесо», инициаторы реорганизации ОАЕ тем не менее отмечали, что АС обязан учитывать африканскую специфику в своей работе. В противоположность, возможно, чрезмерно идеологизированной ОАЕ, внимание новой континентальной организации было обращено на создание предпосылок для повышения эффективности экономического взаимодействия между африканскими странами.

Африканский союз призван урегулировать споры между государствами континента, защищать их общие интересы и потребности на международной арене, следить за соблюдением прав и свобод человека, противодействовать распространению экстремизма и деятельности радикальных террористических группировок, способствовать созданию благоприятных условий для социально-экономического и культурного подъема стран-участниц. Демографический рост на континенте в 6 раз превышает его темпы в Китае. Если Африка сможет в перспективе решить проблему голода, то ее большое население может превратиться в дополнительный движущий фактор для быстрого роста экономики.

При этом в настоящее время деятельность АС демонстрирует заметные сложности, связанные с финансированием, слабой политической волей его участников и внутренними конфликтами. Многие его члены, испытывая значительные трудности в развитии, нуждаются во внешних донорах и не платят членские взносы в нужном для организации объеме. Проблема во многом кроется в борьбе за ресурсы Африканского континента, который является одной из самых богатых природных кладовых. Однако наличие залежей полезных ископаемых, особенно в пограничных районах, нередко превращается в повод для территориальных претензий, внутренних конфликтов и сепаратистских тенденций, подогреваемых ТНК и конкурирующими местными политическими группировками. Многочисленные военные перевороты и столкновения в Гамбии, Кот-д'Ивуаре, Нигере, Цен-

тральноафриканской республике, Конго (Заир), Руанде, Сьерра-Леоне, Судане и других африканских странах, приводящие к негативным трансграничным последствиям для их соседей, являются практическим подтверждением данного тезиса.

Представляется, что период наиболее интенсивных интеграционных процессов в Африке был связан с первым десятилетием XXI в., когда значительная часть инфраструктурных проектов АС, включая строительство современных транспортных магистралей и промышленных предприятий, финансировалась за счет нефтяных денег Ливии. Однако после осуществленного в 2011 г. вторжения в эту страну со стороны НАТО и гибели Муамара Каддафи страны континента лишились значительной доли внутреннего финансирования, что повлияло на замедление интеграционных процессов в масштабах всего континента.

Одним из основополагающих условий обеспечения интеграции в рамках АС остается проблема суверенитета, независимости, делимитации и демаркации границ между его участниками. С этой проблемой тесно связан вопрос о беженцах в Африке, который также имеет большое значение для развития межгосударственных и международных отношений на континенте. Межплеменная вражда, вооруженные конфликты и другие причины гонят тысячи людей из одного государства в другое. Проблема беженцев, как и повсюду в мире, имеет для Африки и Африканского союза экономический и политический аспект. Экономический, поскольку страны, предоставившие убежище, не в состоянии сами обеспечить массы беженцев всем необходимым. Политический, поскольку из-за беженцев и их деятельности в Африке нередко возникают острые политические конфликты между соседними государствами. Время от времени обостряются, например, такие конфликты между Бурунди и Руандой, Конго (Киншаса) и Суданом.

Поэтому одной из важнейших задач обновленного Африканского союза его учредители провозгласили «содействие поддержанию мира, безопасности и стабильности на континенте». При этом речь идет не столько о коллективных действиях в случае внешней агрессии, как это было в период существования ОАЕ, сколько о предотвращении угрозы дестабилизации в результате внутренних конфликтов.

При этом в противоположность Уставу ОАЕ Учредительный акт АС содержит принципиально новые положения политического характера. В ст. 4 данного акта наряду с ранее прописанными принципами суверенного равенства, взаимозависимости и уважения границ, сложившихся на момент получения независимости, провозглашается

принцип проведения общей оборонной политики государств – участников АС²².

Помимо прочего, он подразумевает право Африканского союза вмешиваться в их внутренние дела для «восстановления мира и безопасности» либо по решению Ассамблеи АС, либо по просьбе самого государства-члена, на территории которого происходят чрезвычайные происшествия, сопровождающиеся вооруженными столкновениями, военными преступлениями, геноцидом или преступлениями против человечности²³.

Включение в Учредительный акт положения о возможных коллективных действиях Африканского союза на территории отдельных его членов обусловлено перманентной внутренней нестабильностью во многих африканских странах, сопровождающейся периодическими военными переворотами и междоусобными столкновениями. В ст. 4 Учредительного акта АС предусматривается, что подобное коллективное вмешательство со стороны Африканского союза допустимо при согласии 2/3 его участников. В ст. 30 того же акта содержится норма, осуждающая неконституционную смену власти в государствах – членах АС и препятствующая участию представителей таких неконституционных правительств в его деятельности²⁴.

Принципиально новым положением стала возможность введения по решению Ассамблеи АС санкций в отношении тех государств-членов, позиция которых противоречит политике Африканского союза и его решениям. Подобные же меры предусмотрены в отношении государств, уклоняющихся по неуважительным причинам от уплаты установленных финансовых взносов в бюджет организации.

Африканский союз пытается использовать в своих интересах одобренную еще в 2001 г. в рамках ОАЕ масштабную программу стратегии экономического развития стран континента²⁵. Однако на практике реализация целей, сформулированных в документах НЕПАД, происходит медленно, и программа подвергается критике, в частности со стороны самих африканцев. В планах АС также предусмотрено создание к 2028 г. Африканского центрального банка, а кроме того – Африканского валютного фонда и Африканского инвестиционного банка²⁶.

Серьезным препятствием на пути социально-экономической интеграции стран Африки продолжает оставаться внутренняя политическая нестабильность многих из них. Отличительной особенностью африканского экстремизма является его перманентность и крайняя жестокость участников, зачастую усугубляемая конкуренций и столкновениями между отдельными частями силового блока внутри

самого государственного механизма, призванного поддерживать общественный порядок и безопасность²⁷ (как произошло, например, весной 2023 г. в Судане).

Вооруженные конфликты, мятежи и перевороты, террористические акты и сепаратизм, с новой силой начавшие сотрясать Африканский континент в последние три десятилетия побудили руководство АС дополнить первоначальную модель этой организации новыми структурными элементами, позволяющими оперативно реагировать на подобные угрозы объединительным тенденциям.

* * *

Несмотря на многочисленные внутренние проблемы африканских государств, заключенный между ними союз (АС) обеспечивает своим членам определенные гарантии для коллективной защиты их интересов в международных делах, включая формирование более справедливого мироустройства и механизмов противостояния глобальным и региональным вызовам и угрозам, а также создает некоторые перспективы для стабилизации и менее кризисного развития.

Факты свидетельствуют, что интеграционные процессы в Африке не являются абстрактной идеей без будущего. Они представляют собой выражение объективной необходимости, исторический процесс, который нельзя считать кратковременным явлением в жизни африканских народов. Так, например, 17 июля 2016 г. на одном из заседаний АС был даже представлен макет единого паспорта для государств-членов, который в перспективе может обеспечить введение безвизового режима для свободного перемещения их граждан практически на всей территории континента. Взятый АС курс на обеспечение свободного перемещения его граждан был подтвержден специальным дополнительным протоколом к договору об Африканском экономическом сообществе, который был принят в январе 2018 г.²⁸ Другое соглашение, заключенное в марте того же года, предусматривает учреждение Африканской континентальной зоны свободной торговли²⁹.

Конечно, изменение конкретных условий дальнейшей интеграции в рамках АС предполагает изменения в существующих формах, масштабах и темпах объединительных тенденций, хотя, как нам представляется, динамика последних будет сохраняться в обозримом будущем и по-прежнему влиять на развитие как отдельных африканских государств, так и всего континента в целом.

В последнее время в АС усилились поиски реальных путей к повышению его эффективности, к повышению уровня интеграции Африки. На конференциях органов АС обсуждаются предложения о

дальнейшем усовершенствовании его структуры, развитии сотрудничества прежде всего в экономической, культурной и других гуманитарных сферах, а также в вопросах поддержания региональной безопасности и стабильности, решение которых не может не вызвать острых политических разногласий между государствами-членами.

Редко деятельность АС пытаются оценивать по меркам других международных союзов, объединяющих более развитые страны, например европейские, приходя при этом к пессимистическим выводам об эффективности африканского объединения. Однако механизм АС постепенно совершенствуется и, что особенно важно, играет прогрессивную роль в развитии международных отношений как внутри Африки, так и на мировой арене.

Разумеется, при анализе интеграционных процессов в рамках АС невозможно не учитывать, что наряду с объединительным интеграционным движением африканских стран создаются, порой при участии других субъектов международных отношений вне пределов континента, определенные стимулы для социально-экономической и политической дифференциации африканских государств. Существование подобных факторов ограничивает и тормозит интеграционные процессы в рамках АС, что, конечно, отражается на итогах его деятельности. Соотношение сил между отдельными африканскими странами способно серьезно влиять на интеграционные тенденции в Африке и АС.

Тем не менее практически у всех африканских государств, участвующих в работе АС, имеется достаточно оснований для сотрудничества и совместного решения многих проблем, представляющих общий интерес. Вот почему африканские страны, какой бы политической линии они ни придерживались и как бы недовольны они ни были тем или иным конкретным решением АС или его отдельных органов, проявляют, в конечном счете, немалую заинтересованность в сохранении интеграционных программ для всего континента. Более того, как показывает опыт последних десятилетий, несмотря на все свои разногласия, они не заинтересованы в отказе от тех политических преимуществ, которые всем им дает участие в межгосударственной континентальной организации, представленной в настоящее время Африканским союзом.

---

¹ *Ткаченко А.А.* Перспективы развития интеграционных процессов в Африке в свете формирования Африканского союза // Страны Ближнего, Среднего Востока и Африки в начале нового века: сборник статей / отв. ред.: Прозорова Г.К. Вып. 2. М.:

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2005. С. 124.

² Международно-правовые проблемы стран Африки. М.: Наука, 1989. С. 22.

³ Чернышева Л. А. Проблемы интеграционных процессов на Африканском континенте // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых: сборник научных статей 2-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок в 5 т. Курск, 1 декабря 2021 г. Т. 4. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 22.

⁴ Свечникова С.В. Интеграционные процессы в современном мире // Евразийский союз ученых. 2016. № 31. С. 12–13.

⁵ Костюнина Г.М. Интеграционные процессы в Африке: история и современный этап // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 4. С. 36.

⁶ Нкрума К. Африка должна объединиться. М.: Прогресс, 1964. С. 233–234.

⁷ Международно-правовые проблемы стран Африки. М.: Наука, 1989. С. 73.

⁸ Костюнина Г.М. Указ. соч. С. 42.

⁹ OAU Charter, Addis Ababa, 25 May 1963. https://au.int/sites/default/files/treaties/7759-file-oau_charter_1963.pdf (дата обращения 06.03.2023)

¹⁰ Крюков С.Н. «Наше партнерство с Африкой набирает обороты». Организации Африканского Единства/Африканскому Союзу – 50 лет // Азия и Африка сегодня. 2013. № 9. С. 3.

¹¹ Мильто А.В. Интеграционные процессы на Африканском континенте: от Организации африканского единства к Африканскому союзу // Экономика и управление: теория и практика: Сборник научных трудов V Национальной научно-практической конференции научно-педагогических и практических работников с международным участием в 2 т. Ярославль, 12 июня 2022 г. Т. 1. Ярославль: Союз-Пресс, 2022. С. 368.

¹² Крассов О.И. Земельное право в странах Африки. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 9.

¹³ Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование. М.: Проспект, 2022. С. 112.

¹⁴ Филатова И.И., Давидсон А.Б. Россия и Южная Африка: наведение мостов. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 388.

¹⁵ Шитов В.Н. ЮАР в экономике Африки южнее Сахары. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 72.

¹⁶ Апараджита Бисвас. Африка: стремление к восстановлению в XXI веке // Азия и Африка сегодня. 2004. № 1. С. 50.

¹⁷ Учредительный акт Африканского Союза // Московский журнал международного права. 2003. № 3. С. 241–255.

¹⁸ Ананских И.А., Остроумов С.В., Остроумов Н.В., Журу К.И. От Организации Африканского единства к Африканскому Союзу: международно-правовые аспекты // Мир политики и социологии. 2016. № 5. С. 141–145.

¹⁹ Transition from the OUA to the African Union. <https://dfa.gov.za/AU2002>. P. 2.

²⁰ Constitutive Act of the African Union (EN), July 11, 2000. https://au.int/sites/default/files/pages/34873-file-constitutiveact_en.pdf (дата обращения 06.03.2023)

²¹ Богатырев В.В., Волкова Е.А. Региональная интеграция в современной Африке // Вестник Владимирского юридического института ФСИН России. 2009. № 6. С. 203.

²² The African Union Non-Aggression and Common Defence Pact, January 01, 2005. <https://au.int/en/treaties/african-union-non-aggression-and-common-defence-pact> (дата обращения 06.03.2023)

---

²³ *Киоко Б.* Право на вмешательство в соответствии с Учредительным актом Африканского союза // Международный журнал Красного Креста. Сборник статей. 2003. С. 407.

²⁴ Constitutive Act of the African Union (EN), July 11, 2000...

²⁵ Protocol to the Treaty Establishing the African Economic Community Relating to the Pan-African Parliament, March 02, 2001. <https://au.int/en/treaties/protocol-treaty-establishing-african-economic-community-relating-pan-african-parliament> (дата обращения 11.03.2023)

²⁶ Protocol on the African Investment Bank, June 30, 2009. <https://au.int/en/treaties/protocol-african-investment-bank> (дата обращения 05.03.2023)

²⁷ Африка: политическое развитие и армия. М.: Институт Африки РАН, 2020. С. 24.

²⁸ Protocol to the Treaty Establishing the African Economic Community Relating to Free Movement of Persons, Right of Residence and Right of Establishment, January 29, 2018. <https://au.int/en/treaties/protocol-treaty-establishing-african-economic-community-relating-free-movement-persons> (дата обращения 20.03.2023)

²⁹ Agreement Establishing the African Continental Free Trade Area, March 21, 2018. <https://au.int/en/treaties/agreement-establishing-african-continental-free-trade-area> (дата обращения 20.03.2023)

«УТЕЧКА УМОВ» ИЗ АФРИКИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НЕКОЛОНИАЛИЗМА

Миграция трудовых ресурсов нередко рассматривается в контексте глобализации как естественный процесс, который можно было бы проиллюстрировать русской пословицей: «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше». Однако подобный подход отражает лишь одну сторону описываемого явления, поскольку привлечение трудовых ресурсов – это одно из ключевых направлений миграционной политики государств.

Идея «мира без границ», при всей своей привлекательности, разбивается о суровую реальность, при которой въезд в страны с высоким уровнем дохода на душу населения требует прохождения сложных бюрократических процедур: желающему требуется оформить визу и пройти несколько проверок при пересечении границы. Еще более затруднителен переезд на длительный срок с возможностью трудоустройства. В этих условиях обладание нужной для страны специальности нередко служит ключевым фактором для успешной эмиграции. Однако в ситуации, когда одни страны приобретают квалифицированные кадры, другие их лишаются. Этот феномен получил название «утечки умов» (или в буквальном переводе «утечки мозгов», от английского – *brain drain*).

Как сообщает камерунский исследователь Люк Нгве, массовая эмиграция квалифицированных специалистов в развитые страны стала острой долгосрочной проблемой для Африки в 80-е и 90-е годы XX в., когда эйфория от получения независимости сменилась экономическими трудностями и разочарованием молодежи в перспективах развития молодых независимых государств¹. Именно с тех пор переезд в развитые страны на постоянное место жительства стал рассматриваться значительным числом африканских студентов как главная цель получения высшего образования.

По оценкам Африканского союза, ежегодно Африку покидают 70 тыс. квалифицированных специалистов². В рамочном документе Афросоюза по миграции также отмечается, что «утечка умов» из Африки негативно сказывается на развитии промышленности и сферы услуг в странах, из которых эмигрируют образованные кадры. По данным Люка Нгве, опубликованным на сайте ЮНЕСКО, речь идет о профессиях в сферах здравоохранения, информационных и

коммуникационных технологий, финансов, а также в инженерно-технологических отраслях, которые характеризуются сравнительно более высокой международной мобильностью³.

В аналитической статье ганского исследователя Ричарда Квейтсу, размещенной на сайте фонда Мо Ибрагима, отмечается, что «утечка мозгов» наносит самый непосредственный финансовый ущерб странам, из которых эмигрируют специалисты. В качестве примера рассматривается здравоохранение, критически важная отрасль сферы услуг, которая в наибольшей степени страдает от переманивания Западом квалифицированных кадров. По его подсчетам, подготовка одного врача обходится странам Африки в сумму от \$21 тыс. до \$59 тыс. Ежегодные убытки Африки в целом от «утечки умов» из сферы здравоохранения оцениваются в сумму \$2 млрд⁴.

Выводы Ричарда Квейтсу подтверждает статья английского издания «Гардиан», в которой также содержится информация о массовой эмиграции из стран Африки среднего медицинского персонала. Из Нигерии ежегодно уезжают более 10 тыс. медсестер, из Ганы – около 4 тыс., из Зимбабве – 1,3 тыс., сообщают компетентные органы этих государств⁵. В результате страдают простые африканцы, нуждающиеся в медицинской помощи, которые вынуждены часами просиживать в очередях. Ситуация усугубляется тем, что оставшиеся на родине врачи и медсестры вынуждены работать сверхурочно и переносить повышенные нагрузки, что в условиях ответственности за жизнь пациентов приводит к профессиональному выгоранию и стрессовым расстройствам. Естественно, африканские государства не в состоянии предложить своим медицинским кадрам такой же уровень оплаты труда, как в Великобритании и США, поэтому вынуждены искать способы удержать работников системы здравоохранения.

В Нигерии прошел второе чтение законопроект, согласно которому врачи и стоматологи должны проработать минимум пять лет на родине до получения полноценной лицензии⁶, которая позволит им трудоустроиться за границей. Цель законопроекта – прекратить исход из страны медицинских кадров. Министр здравоохранения Нигерии Осаджие Эханире отмечает, что бремя финансирования медицинского образования почти полностью лежит на государстве, а стоимость полного курса обучения по медицинским специальностям в государственных университетах страны для студента составляет от 1/10 до 1/20 от реальных затрат на подготовку врача⁷.

По оценке Ричарда Квейтсу, основными бенефициарами от эмиграции из Африки медицинских кадров являются Великобритания, США, Канада и Австралия, которые выигрывают от экономии на

подготовке специалистов⁸. Однако приведенный в его исследовании анализ затрагивает в первую очередь англоязычные страны. Между тем проблема эмиграции касается и франкоязычных государств Африки. Французское издание *Libération* оценивает проводимую Парижем политику «выборочной миграции», согласно которой поощряется привлечение из Африки квалифицированных специалистов, как полностью безответственную⁹. Журналисты вышеупомянутого издания характеризуют политику европейских государств, проводящих «выборочную миграцию» и оказывающих помощь африканским странам, как противоречивую или даже шизофреническую¹⁰, поскольку «утечка умов» из стран Африки подрывает их социально-экономическое развитие.

«Утечка умов» в области здравоохранения попала в поле зрения Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), которая в 2020 г. составила список стран для поддержки работников этой сферы и предоставления им гарантий (также известен как «красный список»). Страны вносятся в список на основании двух критериев: численность медицинского персонала составляет менее 49 на 10 тыс. чел., а индекс охвата услугами здравоохранения – менее 55 (рассчитывается по шкале от 0 до 100). «Красный список» предназначен для определения стран, нуждающихся в целевой помощи в подготовке медицинских кадров. В текущей, обновленной версии списка содержатся 55 стран, 40 из которых находятся в Африке¹¹.

ВОЗ не налагает запретов на трудовую миграцию врачей и медсестер из стран, входящих в «красный список», однако рекомендует государствам заключать двусторонние соглашения, регламентирующие порядок переезда медиков¹². При этом, согласно Глобальному кодексу о практике международного найма медперсонала, ВОЗ придерживается принципа свободного трудоустройства врачей и медсестер, право которых жить и работать за рубежом не должно ограничиваться¹³.

Таблица 1. Число врачей и среднего медицинского персонала (СМП) на 10 тыс. чел.; детская смертность (до 5 лет) на 1 тыс. живорожденных в странах Африки

Страна	Врачей	СМП	Сумма	Детская смертность
Алжир	17,32	15,59	32,91	22,34
Ангола	2,11	4,01	6,12	69,42
Бенин	0,62	2,91	3,53	83,52

Страна	Врачей	СМП	Сумма	Детская смертность
Ботсвана	3,48	50,18	53,66	34,87
Буркина-Фасо	0,91	8,99	9,9	82,61
Бурунди	0,65	7,58	8,23	52,6
Габон	5,94	26,8	32,74	39,75
Гамбия	0,77	8,88	9,65	47,89
Гана	1,64	34,96	36,6	43,97
Гвинея	2,2	5,73	7,93	98,73
Гвинея-Бисау	2,22	10,53	12,75	74,31
Джибути	2,03	6,62	8,65	54,14
ДРК	3,62	10,72	14,34	78,96
Египет	7,09	18,72	25,81	18,96
Замбия	2,97	18,64	21,61	57,69
Зимбабве	1,89	20,29	22,18	49,52
Кабо-Верде	7,91	12,36	20,27	13,55
Камерун	1,24	1,93	3,17	69,79
Кения	2,26	11,99	14,25	37,15
Коморские Острова	2,83	15,9	18,73	49,72
Кот-д'Ивуар	1,6	6,45	8,05	74,79
Лесото	4,54	31,24	35,78	72,93
Либерия	0,5	19,26	19,76	76,04
Ливия	21,57	67,38	88,95	10,77
Маврикий	26,58	38,49	65,07	16,62
Мавритания	1,92	9,54	11,46	40,5
Мадагаскар	1,95	2,92	4,87	66
Малави	0,49	7	7,49	41,9
Мали	1,23	4,22	5,45	97,07
Марокко	7,32	13,91	21,23	18
Мозамбик	0,81	5,68	6,49	69,56
Намибия	6,01	19,89	25,9	39,04
Нигер	0,34	2,22	2,56	115,2
Нигерия	3,95	15,64	19,59	110,8
Республика Конго	1	9,34	10,34	42,97
Руанда	1,16	9,33	10,49	39,44

Страна	Врачей	СМП	Сумма	Детская смертность
Сан-Томе и Принсипи	4,89	21,53	26,42	15,43
Сенегал	0,84	3,57	4,41	38,6
Сейшельские острова	21,07	92,24	113,31	13,91
Сомали	0,23	1,13	1,36	111,8
Судан	2,63	11,4	14,03	54,9
Сьерра-Леоне	0,7	2,04	2,74	104,7
Танзания	0,5	5,5	6	47,12
Того	0,59	3,97	4,56	62,6
Тунис	12,61	24,33	36,94	16,32
Уганда	1,58	16,86	18,44	42,13
ЦАР	0,66	2,35	3,01	99,92
Чад	0,58	1,98	2,56	107,1
Экваториальная Гвинея	3,5	2,7	6,2	76,78
Эритрея	0,82	14,43	15,25	38,09
Эсватини	1,4	24,71	26,11	52,63
Эфиопия	1,04	7,7	8,74	46,81
ЮАР	8,09	50,13	58,22	32,85
Южный Судан	0,4	3,58	3,98	98,69

* Жирным шрифтом выделены страны из «красного списка» ВОЗ.

Источники: Medical doctors (per 10 000 population). *World Health Organisation*. [https://who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/medical-doctors-\(per-10-000-population\)](https://who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/medical-doctors-(per-10-000-population)) (дата обращения 02.10.2023); Nursing and midwifery personnel (per 10 000 population). *World Health Organisation*. [https://who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/nursing-and-midwifery-personnel-\(per-10-000-population\)](https://who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/nursing-and-midwifery-personnel-(per-10-000-population)) (дата обращения 02.10.2023); Mortality rate, under-5 (per 1,000 live births), 2021. *World Bank Group*. <https://genderdata.worldbank.org/en/indicator/sh-dyn-mort?gender=total&year=2021> (дата обращения 02.10.2023)

Приведенные в табл. 1 данные, хотя и несколько устаревшие, свидетельствуют о нехватке врачей и медсестер в большинстве стран континента. Более благоприятная ситуация наблюдается в Северной Африке, на Юге Африки и в архипелаговых государствах. Следует также отметить, что большинство африканских стран, испытывающих дефицит врачей и среднего медперсонала, находятся в зонах повышенного риска по инфекционным и паразитарным заболеваниям: малярии, менингиту, гепатитам В и С, тифу и дизентерии. В некоторых районах Западной и Центральной Африки существует риск эпи-

демий тропических лихорадок с высоким уровнем смертности: Эбола, Ласса, Марбург и др. На Юге Африки широко распространен ВИЧ/СПИД. В этих условиях очевидно, что страны Африки остро нуждаются во врачах и медсестрах, которые эмигрировали в развитые страны.

Данные, приведенные в *табл. 1*, свидетельствуют о взаимосвязи между численностью врачей и среднего медперсонала и смертностью детей в возрасте до пяти лет. Снижение детской смертности является одной из целей устойчивого развития, установленных ООН¹⁴. Миграционная политика ряда развитых стран, привлекающих медицинские кадры из стран Африки, мешает достижению этой цели.

Характерно, что численность врачей и среднего медперсонала на 10 тыс. чел. в Австралии, Великобритании, Канаде, США и Франции в разы выше, чем в самых благополучных странах Африканского континента, при этом детская смертность – в десятки раз ниже. Санитарно-эпидемиологическая обстановка в странах – бенефициарах от миграции медицинских кадров вполне благоприятная, их население не страдает от малярии и других болезней, эндемичных для большинства стран Африки.

Таблица 2. Число врачей и СМП на 10 тыс. чел., детская смертность (до 5 лет) на 1 тыс. живорожденных в некоторых странах – бенефициарах от миграции медицинских кадров

Страна	Врачей	СМП	Сумма	Детская смертность
Австралия	41,02	148,2	189,22	3,71
Великобритания	31,71	91,67	123,38	4,19
Канада	24,64	102,7	127,34	5,04
США	35,55	124,7	160,25	6,24
Франция	33,24	122,2	155,44	4,35

Источники: Medical doctors (per 10 000 population)...; Nursing and midwifery personnel (per 10 000 population)...; Mortality rate, under-5 (per 1,000 live births), 2021...

Без преувеличения трагическая ситуация с «утечкой» медицинских кадров из Африки наглядно демонстрирует неокOLONиальный подход Великобритании, США, Канады и Австралии, проводящих жесткую миграционную политику, при этом активно переманивающих нужные им кадры, в первую очередь из англоязычных стран Африки, обрекая население этих стран на отсутствие медицинской помощи. Не отрицая, что «англо-американская четверка» оказывает

странам Африки содействие в различных отраслях, следует отметить ее эгоистичное поведение в сфере миграции. Прикрываясь либеральными лозунгами о свободе выбора места проживания, страны Запада лишают африканские государства ценных, необходимых для развития кадров и наиболее способных талантливых людей.

Ситуация в сфере здравоохранения – лишь верхушка айсберга, так как миграция медицинских кадров попала в фокус внимания ВОЗ и СМИ в силу своей чувствительности. Положение с переездом из Африки в развитые страны программистов, специалистов в области информационно-коммуникационных технологий, инженерно-технических кадров отследить гораздо сложнее.

По данным, собранным камерунским Институтом политики Нкафу, «утечка умов» препятствует реализации Африканской континентальной зоны свободной торговли. Для наращивания торговли между странами Африки необходимо увеличивать производство промышленных товаров для удовлетворения спроса на континенте, а эмиграция квалифицированных кадров тормозит развитие обрабатывающей промышленности и научной сферы¹⁵. Это, в свою очередь, способствует закреплению за африканскими странами роли поставщика сырьевых товаров для нужд «золотого миллиарда».

Существует еще один аспект проблемы неокOLONиального влияния коллективного Запада на страны Африканского континента. Представляется, что изучение вопроса «утечки умов» из Африки будет неполным без рассмотрения политики ряда западных стран в области предоставления стипендий и подготовки национальных кадров.

О подготовке «нужных» для Африки кадров на Западе

В США стипендии на получение высшего образования предоставляются различными благотворительными фондами или отдельными университетами, то есть отбор иностранных студентов проводится децентрализованно. Одной из наиболее известных является программа Фулбрайта, в рамках которой, в частности, осуществляется набор студентов из стран Африки, но не из всех*, как следует из информации на сайте программы (без пояснений на этот счет). Отбор осуще-

---

* Не принимаются заявки из 24 стран Африки: Анголы, Буркина-Фасо, Бурунди, Габона, Гамбии, Гвинеи-Бисау, Джибути, ДРК, Кабо-Верде, Коморских Островов, Либерии, Ливии, Мавритании, Мали, Нигера, Сан-Томе и Принсипи, Сейшельских Островов, Сомали, Судана, Южного Судана, ЦАР, Чада, Экваториальной Гвинеи и Эритреи.

ствляется на основе «личных качеств» кандидатов, без учета потребностей стран Африки в специалистах (за исключением ЮАР, для которой выделена страновая квота). Ключевыми критериями являются знание английского языка, а также содержание мотивационного письма¹⁶. Таким образом, очевидно, что американцы при наборе кандидатов на обучение руководствуются исключительно собственными интересами, игнорируя потребности стран Африки.

Зато подготовка африканских студентов на коммерческой основе приносит США немалые выгоды. Например, по состоянию на 2020 г. в американских университетах и колледжах обучалось 14 тыс. нигерийцев. Сообществам, где расположены эти учебные заведения, это приносит \$501 млн. Американские консультанты по вопросам обучения в США зарабатывают \$28 млн¹⁷. Приведенные показатели свидетельствуют о том, что на обучение в США направляются, прежде всего, дети состоятельных африканцев, которые могут оплачивать как их обучение, так и расходы на проживание, питание и т.п.

В Великобритании набор иностранных студентов курирует Британский совет*. На его официальном сайте имеется информация о трех программах стипендий. Первая, под названием *GREAT*, направлена на ежегодный набор 200 студентов из «целевых» стран (в Африке таких четыре: Гана, Египет, Кения и Нигерия); вторая предназначена для 800 граждан Британского Содружества; третья, именуемая *Chevening*, нацелена на обучение иностранных студентов, которые обладают лидерскими качествами¹⁸. Все вышеупомянутые программы предназначены для набора студентов магистратуры, которая выступает как дополнение к уже имеющемуся высшему образованию. В качестве преимущества английских стипендий позиционируется короткий срок обучения (один год для большинства программ)¹⁹, что на самом деле выгодно принимающей стороне с точки зрения экономии бюджетных средств.

---

* В ответ на провокационные действия британской стороны и бездоказательные обвинения Российской Федерации в связи с происшествием в г. Солсбери (Великобритания) 4 марта 2018 г., а также в связи с неурегулированностью статуса Британского совета в Российской Федерации 17 марта 2018 г. МИД России объявил о прекращении его деятельности на территории нашей страны. Источник: Сообщение для СМИ. МИД России. https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3126746 (дата обращения 02.10.2023)

5 июня 2025 г. Генпрокуратура России приняла решение о признании деятельности Британского совета в Российской Федерации нежелательной. Источник: В РФ признали нежелательной деятельность Британского совета. ТАСС. 05.06.2025. <https://tass.ru/politika/24142665?ysclid=mbo0yl719f505513128> (дата обращения 08.06.2025)

Характерно, что в списке обязательных требований для получения стипендии в Великобритании фигурируют «готовность поддерживать контакты с Британским советом и своим вузом и служить “послом” своей программы стипендий»²⁰ в будущем. Итак, подобно американцам, англичане ограничивают предоставление стипендий определенным списком стран без выделения страновых квот, оставляя за бортом большую часть Африки. Изначально предусмотрено взаимодействие выпускников-стипендиатов с Британским советом, что имеет очевидную цель – продвижение интересов Великобритании за рубежом.

Руководитель секретариата Форума партнерства Россия – Африка, посол по особым поручениям Олег Борисович Озеров в ходе круглого стола, посвященного российско-африканскому сотрудничеству в медиапространстве, отметил, что в структуре кадров, которые готовят западные страны для Африки, катастрофически мало специалистов по естественно-научным дисциплинам: физике, химии, биологии. Зачастую эти специалисты так и остаются на Западе, что также можно назвать «утечкой мозгов». По его словам, это еще и одна из форм неокOLONIALИЗМА – эксплуатация Африки, которая шла веками за счет работорговли и выкачивания ресурсов, а сейчас она превратилась в «выкачивание мозгов»²¹.

Особого внимания заслуживают продвигаемые странами Запада программы «подготовки молодых лидеров». Например, служба академического обмена Германии предлагает обучение в магистратуре в рамках программы «Лидерство для Африки», финансируемой МИД ФРГ. Целевая аудитория – граждане ДРК, Республики Конго, Нигера, Нигерии, Сомали, Танзании, Того, Уганды, Чада, Эфиопии и Южного Судана, проживающие в стране гражданской принадлежности или признанные в ФРГ беженцами. Все стипендиаты должны пройти курс обучения на тему надлежащего управления, гражданского общества и развития карьеры²². Важная деталь – подготовка врачей в рамках программы не предусмотрена, обладателям диплома бакалавра по специальности «Медицина» предлагается обучение по программам «Общественное здравоохранение» или «Биомедицинские науки»²³. Не вызывает сомнений, что главная цель подобно рода программ – продвижение «прогрессивных» западных ценностей, а не подготовка национальных кадров, в которых страны Африки действительно нуждаются.

При децентрализованном подходе к предоставлению стипендий для иностранных студентов к «обучению» молодых африканских лидеров в США подходят централизованно и вполне серьезно. Инициация

тива «Молодые африканские лидеры» (*Young African Leaders Initiative, YALI*) совместно курируется Белым домом и Государственным департаментом США²⁴. С 2014 г. 35 американских вузов проводят шестинедельные курсы для молодых африканцев по ведению бизнеса, гражданскому активизму* и государственному управлению²⁵. Доступны и онлайн-курсы, которые позволяют составить представление, чему конкретно американцы «обучают» молодых африканских лидеров. Помимо сугубо прикладных курсов по ведению предпринимательства и личностному росту, в выгодном для США свете продвигаются климатическая повестка, журналистика и защита прав женщин²⁶. Однако наиболее политизированным является курс под названием «Понимание и противодействие дезинформации», в котором на нашу страну обрушивается поток голословных обвинений в проведении неких «кампаний дезинформации» посредством распространения сообщений в соцсетях в ряде стран Африки²⁷. Такой подход свидетельствует, что под видом курсов повышения квалификации американцы проводят идеологическую индоктринацию молодых африканцев.

Масштабы *YALI* значительны. К 2021 г., по заявлению госсекретаря США, в рамках Инициативы было подготовлено 24 тыс. лидеров в самых разных областях, включая политику, бизнес и культуру²⁸. Ежегодный объем финансирования *YALI* составляет \$20 млн²⁹.

Вышеизложенные примеры наглядно свидетельствуют о том, что страны Запада, претендующие на «глобальное лидерство», а также некоторые из их сателлитов проявляют сугубо прагматичный подход, предпочитая не тратить на подготовку специалистов, действительно нужных странам Африки. Именно поэтому на получение стипендий, как правило, выбираются бакалавры наук, то есть молодые люди, уже имеющие высшее образование, которым затем, по сути, повышают квалификацию, попутно закладывая им прозападные политические установки. Ставка делается именно на подбор молодых амбициозных людей, которых готовят на роль будущей элиты – «профессиональных» политиков и предпринимателей.

Иной подход: содействие Африке в подготовке кадров со стороны России и стран Глобального Юга

С конца 50-х годов XX в. с момента получения независимости африканскими государствами СССР активно осуществлял подготовку

---

* *Civil engagement.*

национальных кадров для них. Россия стала преемницей этой политики после сокращения двусторонних связей со странами Африки в 90-е годы XX в. В ходе второго саммита Россия – Африка 27–28 июля 2023 г. министр науки и высшего образования Российской Федерации Валерий Николаевич Фальков озвучил общее число специалистов, подготовленных в СССР/России для африканских государств: 310 тыс. чел.³⁰ Речь, по всей видимости, идет о выпускниках как высших, так и средних специальных учебных заведений, в которых остро нуждались страны Африканского континента в первые годы после провозглашения независимости. Курс нашей страны на укрепление сотрудничества со странами Африки подтверждается кратным увеличением квоты Правительства Российской Федерации для африканских студентов: с 1700 чел. в 2020 г. до 4700 чел. в 2023 г.³¹ Их обучение оплачивается за счет средств федерального бюджета, они обладают рядом прав и привилегий наравне с российскими студентами, обучающимися на бюджетной основе.

Общее число африканцев, обучающихся в российских вузах, составляет 34 тыс. чел.³² В их число входят как стипендиаты, так и обучающиеся на коммерческой основе. Квота распределяется между странами Африки исходя из межправительственных договоренностей, то есть на основании потребностей партнеров, а также с учетом их способности ее «выбрать». Последнее вряд ли актуально в свете возросшего спроса африканцев на российское образование. По сведениям Россотрудничества, курирующего отбор иностранных студентов, в 2022/2023 учебном году конкурс на получение стипендий по квоте в среднем по Африке составил 4,8 человека на место³³. При этом руководитель Россотрудничества Евгений Александрович Примаков отмечает, что в некоторых странах Африки на 1 стипендию Правительства Российской Федерации было подано 8 заявок³⁴.

Обучение в наших вузах на коммерческой основе также крайне востребовано у абитуриентов из стран Африки в силу оптимального соотношения цены и качества образования. Об этом свидетельствуют данные опросов африканских студентов, проведенные сотрудниками Института Африки РАН³⁵, а также сведения международных агентств, занимающихся набором иностранных студентов для приема в вузы³⁶.

Важной особенностью российско-африканского сотрудничества в сфере образования являются направления подготовки африканцев. Наибольшей популярностью пользуются медицинские, инженерно-технические и экономические специальности³⁷. Такая традиция сло-

жила с советских времен, когда наша страна на системной основе осуществляла подготовку национальных кадров для стран Африки, в первую очередь врачей, инженеров и агрономов, которые и по сей день остро необходимы африканскими государствами: первые оказывают медицинскую помощь, вторые обеспечивают экономическое развитие, третьи поддерживают сельское хозяйство.

Для российской стратегии содействия странам Африки в области образования немаловажно, что в России остается крайне малый процент выпускников-африканцев. Большинство из них возвращаются на родину, кто-то эмигрирует в третьи страны. Руководитель секретариата Форума партнерства Россия – Африка, посол по особым поручениям О.Б. Озеров акцентировал, что Россия заинтересована в высококвалифицированных кадрах из Африки, но не собирается способствовать «утечке мозгов», как это делает Запад³⁸.

По сведениям ректора РУДН имени Патриса Лумумбы Олега Александровича Ястребова, в России остаются всего 7–8% африканцев – выпускников этого вуза. При этом целевой показатель по стране еще ниже – 5%³⁹. До внесения поправок в миграционное законодательство Российской Федерации в 2021 г.⁴⁰ получение разрешения на временное проживание африканским студентам было крайне затруднительным, что на практике означало возвращение большинства из них в страны гражданской принадлежности по окончании обучения.

Следует отметить содействие африканским государствам в сфере образования со стороны Глобального Юга. Бесспорным лидером в этой области является Китай, предоставляющий странам Африки 12 тыс. стипендий ежегодно. По сведениям *Financial Times*, это превосходит число стипендий, предоставляемых африканцам всеми странами Запада, вместе взятыми⁴¹. Из стран Глобального Юга активно наращивают число стипендий для Африки ЮАР, Турция и Индия⁴².

Особого упоминания в контексте помощи странам Африки заслуживает Куба. По состоянию на 2020 г., на Острове свободы по программе стипендий обучалось 9 тыс. африканцев⁴³, значительное число из них – по медицинским специальностям. В Африке трудятся тысячи кубинских врачей и медсестер. В начале пандемии новой коронавирусной инфекции в 37 стран мира, в т.ч. и на Африканский континент, были направлены 3700 кубинских врачей и медицинских работников. В благодарность за помощь президент ЮАР Сирил Рамапоса в 2021 г. призвал наградить кубинский международный контингент врачей имени Генри Рива Нобелевской премией⁴⁴.

Основоположник понятия «неоколониализм» первый президент Ганы Кваме Нкрума изложил свою концепцию в книге «Неоколониализм как последняя стадия империализма», изданной в 1965 г. Данный труд не содержит прямых отсылок к «утечке умов», так как это явление еще не было характерно для Африки. Однако в заключении Кваме Нкрума отмечал, что, создав «государство всеобщего благоденствия» и используя регулируемый государством капитализм, развитые страны перенесли конфликт между бедными и богатыми с национального уровня на международную арену⁴⁵. Представляется, что «утечка умов» из Африки, порожденная миграционной политикой ряда западных стран, точно вписывается в эту парадигму. Выкачивая высококвалифицированные кадры из стран Африки, коллективный Запад решает две задачи: поддерживает собственную экономику и социальную сферу в интересах обеспечения высокого уровня жизни в своих государствах, обрекая африканские (и не только) развивающиеся страны на консервацию отсталости.

В своей книге о неоколониализме Кваме Нкрума акцентировал, что «хотя целью неоколониалистов является экономическое доминирование, они не ограничивают свою деятельность сферой экономики. Они используют старые колониальные методы “культурного проникновения”. В независимых государствах многие преподаватели-экспатриаты и “послы культуры” оказывают влияние на умы молодежи, настраивая ее против своего государства и народа. Они подрывают доверие к национальным системам управления и социального обеспечения, превознося свои представления о том, как нужно управлять государством»⁴⁶. Полвека спустя тактика западных стран с глобальными амбициями изменилась: идеи о «правильном» государственном строительстве теперь распространяются посредством «курсов подготовки молодых лидеров» и предоставления целевых стипендий.

Разительно отличается политика подготовки национальных кадров для Африки, проводимая Россией и рядом стран Глобального Юга. В нашей стране традиционно обучаются действительно нужные странам Африки специалисты, подавляющее большинство которых возвращается на родину после получения образования.

---

¹ Ngwé L. La circulation des cerveaux africains : une alternative à leur exode? Courrier UNESCO, 28.01.2018. <https://courrier.unesco.org/fr/articles/la-circulation-des-cerveaux-africains-une-alternative-leur-exode> (дата обращения 09.09.2023)

² The Revised Migration Policy Framework for Africa and Plan of Action (2018–2027). African Union. <https://au.int/sites/default/files/newsevents/workingdocuments/32718-wd-en>

---

glish_revised_au_migration_policy_framework_for_africa.pdf (дата обращения 09.09.2023)

³ Ngwé L. Op cit.

⁴ Kweitsu R. Brain drain: a bane to Africa's potential. Mo Ibrahim Foundation, 09.08.2018. <https://mo.ibrahim.foundation/news/2018/brain-drain-bane-africas-potential> (дата обращения 09.09.2023)

⁵ 'There won't be enough people left': Africa struggles to stop brain drain of doctors and nurses. The Guardian, 14.08.2023. <https://theguardian.com/global-development/2023/aug/14/africa-health-worker-brain-drain-acc> (дата обращения 09.09.2023)

⁶ Four reasons lawmakers proposed compulsory five-year service for medical workers. Punch Nigeria, 07.04.2023. <https://punchng.com/why-lawmakers-proposed-compulsory-five-year-service-for-medical-workers/> (дата обращения 09.09.2023)

⁷ Proposed bill on compulsory 5-year service for doctors has good intention – Minister. The Guardian Nigeria, 14.04.2023. <https://guardian.ng/news/proposed-bill-on-compulsory-5-year-service-for-doctors-has-good-intention-minister/> (дата обращения 12.09.2023)

⁸ Kweitsu R. Op. cit.

⁹ L'Afrique, une fuite subie. Libération, 10.01.2006. https://liberation.fr/tribune/2006/10/10/l-afrique-une-fuite-subie_25938/ (дата обращения 05.10.2023)

¹⁰ Ibid.

¹¹ WHO health workforce support and safeguards list 2023. World Health Organisation. <https://www.apps.who.int/iris/rest/bitstreams/1493584/retrieve> (дата обращения 09.09.2023)

¹² WHO renews alert on safeguards for health worker recruitment. World Health Organisation, 14.03.2023. <https://who.int/news/item/14-03-2023-who-renews-alert-on-safeguards-for-health-worker-recruitment> (дата обращения 06.10.2023)

¹³ WHO Global Code of Practice on the International Recruitment of Health Personnel. World Health Organisation Institutional Repository for Information Sharing. https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/3090/A63_R16-en.pdf?sequence=1 (дата обращения 06.10.2023)

¹⁴ Goal 3. Ensure healthy lives and promote well-being for all at all ages. United Nations Department of Social and Economic Affairs, Sustainable Development. <https://sdgs.un.org/goals/goal3> (дата обращения 02.10.2023)

¹⁵ Kouam J.C. African Brain Drain Hampers the Implementation of the African Continental Free Trade Area. Nkafu Policy Institute. <https://nkafu.org/african-brain-drain-hampers-the-implementation-of-the-african-continental-free-trade-area/> (дата обращения 05.10.2023)

¹⁶ Sub-Saharan Africa. Fulbright US Student Program. <https://us.fulbrightonline.org/countries/sub-saharan-africa> (дата обращения 12.09.2023)

¹⁷ Урнов А.Ю. Американо-африканские отношения и президентские выборы в США в 2020 г. М.: Институт Африки РАН, 2021. С. 177.

¹⁸ Scholarships and Funding. British Council. <https://study-uk.britishcouncil.org/scholarships-funding> (дата обращения 12.09.2023)

¹⁹ Short, Flexible Courses. British Council. <https://study-uk.britishcouncil.org/why-study/short-flexible-courses> (дата обращения 12.09.2023)

²⁰ Nigeria. British Council. <https://study-uk.britishcouncil.org/scholarships-funding/great-scholarships/nigeria> (дата обращения 12.09.2023)

²¹ МИД РФ заявил, что не пытается способствовать «утечке мозгов» из Африки. ТАСС, 12.07.2023. <https://tass.ru/politika/18257127> (дата обращения 05.10.2023)

---

²² “Leadership for Africa” Programme for Chad, DR Congo, Niger, Nigeria, and Togo: Master’s Degree Scholarships in Germany. The DAAD. <https://www2.daad.de/deutschland/stipendium/datenbank/en/21148-scholarship-database/?origin=180&status=3&subjectGrps=&daad=&q=&page=1&detail=57596552#bewerbung> (дата обращения 12.09.2023)

²³ Ibid.

²⁴ About YALI. Young African Leaders Initiative. <https://yali.state.gov/about/> (дата обращения 12.09.2023)

²⁵ Ibid.

²⁶ Online Courses. Young African Leaders Initiative. <https://yali.state.gov/courses/> (дата обращения 12.09.2023)

²⁷ Course: Understanding and Countering Disinformation. Young African Leaders Initiative. <https://yali.state.gov/courses/course-5115/#/> (дата обращения 12.09.2023)

²⁸ Урнов А.Ю. Американско-африканские отношения и президентские выборы в США в 2020 г. М.: Институт Африки РАН, 2021. С. 178.

²⁹ Там же. С. 198.

³⁰ Кооперация в сфере высшего образования в современных геополитических условиях. Второй саммит, экономический и гуманитарный форум Россия – Африка. Росконгресс, 27.07.2023. <https://roscongress.org/sessions/africa-2023-kooperatsiya-v-sfere-vysshego-obrazovaniya-v-sovremennykh-geopoliticheskikh-usloviyakh/participants/> (дата обращения 02.10.2023)

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Квоту на обучение африканских студентов в РФ увеличили вдвое. Известия, 07.11.2022. <https://iz.ru/1421585/2022-11-07/kvotu-na-obuchenie-afrikanskikh-studentov-v-rf-uvlechili-vdvoe> (дата обращения 02.10.2023)

³⁴ Евгений Примаков: В некоторых странах Африки конкурс заявок на обучение в России – восемь человек на место. Парламентская газета, 20.03.2023. <https://pnp.ru/social/evgeniy-primakov-v-nekotorykh-stranakh-afriki-konkurs-zayavok-na-obuchenie-v-rossii-vosem-chelovek-na-mesto.html> (дата обращения 02.10.2023)

³⁵ Гуревич Е.Л., Сапрохина Г.И. Плюсы и минусы России как участника рынка образовательных услуг (на основе опроса студентов-африканцев ряда российских вузов). Африканцы в России: образование, брак, судьба. М.: Институт Африки РАН, 2009. С. 69.

³⁶ Study in Russia. Eastern European Universities Association. https://eeua.ru/articles/article_layout/id/131 (дата обращения 02.10.2023)

³⁷ Что изучают в России студенты из стран Африки. Ведомости, 16.06.2023. <https://vedomosti.ru/society/articles/2023/06/16/980633-cto-izuchayut-v-rossii-studenti-iz-stran-afriki> (дата обращения 02.10.2023)

³⁸ МИД РФ заявил, что не пытается способствовать «утечке мозгов» из Африки. ТАСС, 12.07.2023. <https://tass.ru/politika/18257127> (дата обращения 05.10.2023)

³⁹ Олег Ястребов: «Для Москвы важно становиться мультикультурным, толерантным городом». Ведомости, 18.09.2023. <https://vedomosti.ru/society/characters/2023/09/18/995652-dlya-moskvi-vazhno-stanovitsya-multikulturnim-tolerantnim-gorodom> (дата обращения 02.10.2023)

⁴⁰ Госдума упрощает получение разрешения на проживание для иностранных студентов. Российская газета, 17.11.2021. <https://rg.ru/2021/11/17/gosduma-uproschaet-poluchenie-razresheniia-na-prozhivanie-dlia-inostrannyh-studentov.html> (дата обращения 02.10.2023)

---

⁴¹ China surpasses western government African university scholarships. Financial Times, 23.06.2020. <https://ft.com/content/4b2e6c1c-83cf-448a-9112-477be01d2eee# comments-anchor> (дата обращения 02.10.2023)

⁴² Ibid.

⁴³ Miguel Díaz-Canel: Africa can always count on Cuba. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Cuba. <https://cubaminrex.cu/en/node/2142> (дата обращения 05.10.2023)

⁴⁴ SA to nominate Cuban Medical Brigade for Nobel Peace Prize. South African Government News Agency, 02.02.2021. <https://sanews.gov.za/south-africa/sa-nominate-cuban-medical-brigade-nobel-peace-prize> (дата обращения 05.10.2023)

⁴⁵ *Nkrumah K.* Neo-Colonialism, the Last Stage of Imperialism 1965. Marxists Internet Archive. <https://marxists.org/subject/africa/nkrumah/neo-colonialism/conclusion.htm> (дата обращения 06.10.2023)

⁴⁶ Ibid.

Раздел IV

МЕНТАЛЬНАЯ ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ СТРАН АФРИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Глава 23

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДУХОВНОЙ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ АФРИКЕ ЮЖНЕЕ САХАРЫ

Проблематика деколонизации многозначна и многоаспектна, она включает в себя различные задачи освобождения африканского общества от всех форм колониальной зависимости, колониального и постколониального давления на африканские страны со стороны бывших метрополий и нового колонизатора – США, навязывания им своих небескорыстных советов и установок.

Деколонизация включает различные формы (экономические, политические, социальные, культурно-образовательные и т.д.), но везде акторами являются люди со своими мыслями, чувствами, интересами и мнениями. Поэтому главным объектом и главной целью деколонизации являются люди, их духовный настрой, самосознание и идентичность, и в данной главе речь идет именно о духовной деколонизации.

Необходимо акцентировать внимание на том, что духовная колонизация была частью колониальной системы, это отмечали идейные лидеры и общественные деятели Африки. Так, африканский писатель и идеолог Франц Фанон, произведения которого стали особенно популярными во всем мире в XXI в., в своей книге «Проклятые Земли» нарисовал модель колониального общества, расколотого на привилегированных чужаков и дискриминированных туземцев¹.

«Колониальный мир является манихейским миром, – писал Ф. Фанон, – для колонизатора недостаточно физически, то есть с помощью своей полиции и жандармерии, отделить мир колонизованных. Как

бы иллюстрируя тотальный характер колониальной эксплуатации, колонизатор превращает колонизованного в своеобразную квинтэссенцию зла... Он якобы невосприимчив к этике, в нем воплощено отсутствие и даже отрицание ценностей...»². Анализируя складывающееся самосознание африканских народов, Ф. Фанон замечает, что отчуждение, духовное унижение колонизованных оказывают воздействие на массовое сознание, формируя в нем настроения протеста и ненависти к культуре белых, их религии, образу жизни. Колонизаторы считали африканцев носителями варварства, невежества и зла, в ответ колонизируемые воспринимали их также как носителей «абсолютного зла»³.

Колонизация африканской культуры, дискриминация духовности африканцев привели к сильнейшему кризису идентичности, то есть к распаду складывавшихся веками устоев традиционного африканского социума, связей, отношений, норм и ценностей, а главное – к девальвации самовосприятия африканцев. Этот кризис, зародившийся при колониализме, продолжается и в постколониальную эпоху, меняя формы и передаваясь от поколения к поколению.

Специфика и социальная роль африканских интеллектуалов

К процессам, в том числе к кризисам, происходящим в обществе, всегда и везде особенно восприимчивы интеллектуалы. Положение африканских интеллектуалов специфично – оно определяется условиями своеобразного «перекрестка», пересечения влияний различных идейно-культурных потоков, цивилизаций. Именно поэтому они особенно остро воспринимают кризис идентичности, и именно в их среде вызревают ответы на него.

Необходимо очертить основные аспекты содержания категории «африканский интеллектуал». В эту категорию обычно включают тех представителей африканского населения, которые «входят в определенную структуру образования и знания, “работают головой”»⁴, а также обладают более или менее четким самосознанием и поэтому занимают особое, иногда лидирующее положение в основных сферах общественной жизни. Африканские интеллектуалы не являются четко очерченной и гомогенной группой. Применительно к Африке эта категория может пониматься широко, границы ее размыты. Если для развитых стран даже человек, получивший высшее образование, не всегда относится к категории интеллектуалов, то применительно к Африке интеллектуальным лидером для своих земляков (особенно в сельской местности) становится человек, обладающий минимальным

уровнем образования. В Африке достаточно важную роль играет мелкий чиновник, сельский учитель, санитар, да и просто грамотный человек. Он авторитет для своих неграмотных соплеменников.

Возникает вопрос об отнесении к категории интеллектуалов тех слоев традиционного общества, которые в бесписьменной культуре являются хранителями и коммуникаторами традиционного знания (хроникеры, передающие по наследству устные знания об истории народа, царства или исторические предания; хранители эзотерических знаний; гриоты – передатчики информации и дирижеры коллективного народного творчества и т.д.). В традиционном обществе эти люди занимаются «умственным трудом», они играют ключевую роль в воспитании и социализации, формируя общественное мировоззрение, они осуществляют функции управления. В отличие от людей, получивших европейское образование, традиционных интеллектуалов французский исследователь Жан Копен называет «невидимыми»⁵. Незримое присутствие и неослабевающее влияние традиционных интеллектуальных кругов необходимо постоянно учитывать при анализе африканских проблем. Ибо именно «невидимые» африканские интеллектуалы являются носителями и трансляторами традиционного миропонимания и традиционных ценностей культуры, в них персонифицируется тот традиционный комплекс, вне которого невозможно понять Африку.

В традиционной интеллектуальной группе можно выделить некую подгруппу. На протяжении многих лет развитие автохтонных культур Африки, традиционные духовные ценности испытывали мощное влияние сначала мусульманской, а затем и христианской цивилизаций. В результате этого влияния, помимо традиционной, автохтонной, сформировалась особая, «вторичная» традиционная группа интеллектуалов: мусульманская и христианская (шейхи, члены мусульманских орденов, марабуты; проповедники афро-христианских сект и движений и т.д.). Эта подгруппа является как бы промежуточной, ибо, с одной стороны, ее представители живут традиционной жизнью, являются проводниками африканизации ислама и христианства, приспособлявая эти религии к автохтонным культурам с их ценностями, нормами, основами миропонимания, с другой – они приобщены к мировым религиям, знакомы с их священными книгами. Традиционная среда, ее носители и трансляторы-интеллектуалы оказывают огромное влияние на людей, получивших западное образование, определяя их жизненное и духовное автохтонное пространство, в которое они, даже надолго покинув родные края, неизбежно возвращаются.

В силу своей повышенной чуткости, способности абсорбировать внутренние и внешние влияния интеллектуалы как социальная группа и как отдельные личности становятся средоточием противоречий, социальной напряженности, а также субъектами формирования новых идей и концепций.

Необходимо отметить, что в силу внутренней сложности и разнообразия корпуса африканских интеллектуалов они, как правило, не теряют связи с народом. Помогает этой связи диалоговая природа африканской бесписьменной культуры, которая предполагает многочисленные контакты и взаимовлияния внутри этого корпуса.

Существует множество примеров известных африканских ученых, получивших в детстве исламское образование у суфиев, традиционное – под руководством африканских мудрецов, или евангелическое – у афро-христианских проповедников. Даже получив впоследствии светское образование в Африке или Европе, они обычно не теряют духовной связи со своими первыми учителями. Именно поэтому идеи и концепции африканских интеллектуалов обычно обращены к массам и становятся частью народной идеологии, используемой в национально-освободительной борьбе и в различных формах общественной жизни.

Основные вехи процесса духовной деколонизации в ретроспективном и современном преломлении

I этап: теория негритюда как интеллектуальная основа процессов духовной деколонизации. Первым значимым и резонансным событием в развитии духовной деколонизации было появление теории негритюда. Термин «негритюд» – это французский неологизм, появившийся впервые в Париже в начале 30-х годов XX в. на страницах журнала «*Etudiant noir*» («Черный студент»). Журнал основали сенегалец Леопольд Седар Сенгор, мартиниканец Эме Сезер и гаитянец Леон Дамас, которые считаются основоположниками теории негритюда. В самом названии теории, в термине «негритюд» проявилась попытка реабилитировать оскорбительное имя «*nègre*» – «негр». Жан-Поль Сартр в своем эссе «Черный Орфей», написанном в качестве предисловия к первой в истории Африки «Антологии негритянских и мальгашских поэтов», отмечал, что негр, оскорбленный, униженный, выпрямляется, поднимает как знамя слово «негр», которое бросили в него, как камень, и предъявляет свои требования с чувством гордости своим негритянством, своей черной кожей⁶. Таким образом, практический смысл заключен уже в названии теории.

Негритюд стал вызовом колонизаторам, всем тем, кто оскорблял людей негроидной расы. Он стал культурным символом в эпоху колонизации и остается им в постколониальные времена.

Идеи протеста против колониализма наибольшее развитие получили в 1940–1950-е годы прошлого века. В 1947 г. в Париже вышел первый номер журнала «*Présence africaine*» («Африканское присутствие»), признанного печатным органом движения негритюда, вокруг него стали группироваться деятели африканской культуры и искусства, возникло издательство «*Présence africaine*».

В этот период определяется концептуальное содержание негритюда, прежде всего в работах Л.С. Сенгора. Теоретические основы этого движения формируются как на основе автохтонного мифологического миропонимания, так и под влиянием западных теорий: экзистенциализма и феноменологии, сюрреализма и интуитивизма, идей Леона Фробениуса и представителей этнической характерологии (Г. Берже, П. Гриже).

В негритюде как концепции негро-африканской цивилизации своеобразнейшим образом переплетаются идеалистические идеи с христианскими постулатами и мифологическими реминисценциями. Философская система негритюда представляет собой очевидную эклектику, что вполне объясняется специфическими обстоятельствами ее возникновения.

Доминантной в концепции негритюда является идея о полной противоположности двух типов людей: негроафриканского и европейского (белого). Эти два типа противоположны во всем: специфичны их положение в мире и взаимоотношения с миром, природой, другими людьми; строй их мышления и общественная организация. Л. Сенгор в своей речи на VI Панафриканском конгрессе формулирует тезис о том, что «каждый народ обладает оригинальной и строго определенной умственной структурой, которая порождает чувства и идеи, веру и собственные ценности, институты, искусство и литературу»⁷.

Дискурсивному разуму белых негритюд противопоставлял интуитивный, «партиципальный» разум негроафриканца; холодному, прагматичному отношению к миру – единство «всего со всем», экспрессивность; западному искусству копирования, имитирования мира – искусство создания образов-символов, передающих суть вещей; «мертвящему техницизму» индустриальных стран – близость к природе; европейским социальным моделям – специфически африканский путь социально-экономического развития.

В теории негритюда содержится вывод, что специфической особенностью негроафриканского человека, в отличие от отчужденного

от мира европейца, является полная гармония его психофизиологических ритмов с ритмами космоса, идентификация физических и духовных проявлений⁸. На этом основании делается заключение о преимуществах африканца перед белым человеком, европейцем, о его большей жизнеспособности, а также о том, что будущее принадлежит негроидной расе.

Концепция и возникшее на ее основе движение негритюда было адресовано не только колонизованным африканцам, но и всем представителям негроидной расы, а также белым, всему «белому миру». Негритюд должен был привлечь внимание к негро-африканской цивилизации, к ее ценностям, «заявить о себе». В нем, особенно в 1960-е годы, появляется идея об универсальной цивилизации, в которую должны, даже обязаны внести свой вклад народы негроидной расы, эта идея преобразуется в концепт исторической миссии негроидных народов. «Пусть мы ответим: “Здесь!”», когда нас призовет Возрождение Мира, пусть мы станем дрожжами – без них не взойти белому тесту...» – так писал Сенгор в стихотворении «К маскам»⁹.

Бывая в Сенегале и других африканских странах в конце 1970-х – 1980-е годы, автор наблюдала, что негритюд был для людей того поколения подлинным национальным символом. Очень немногие разбирались в философских или квазифилософских рассуждениях Л. Сенгора, но все знали суть негритюда, и это внушало гордость за свою расу, чувство достоинства, приобщенности к высоким ценностям в условиях жесточайшего кризиса¹⁰. Можно сказать, что негритюд был важнейшим негро-африканским политическим мифом, влияние которого сказывается и сегодня¹¹.

II этап: основные проблемы духовной деколонизации в 1950–1960-е годы. В результате антиколониальной борьбы, охватившей всю Африку, возникли независимые африканские государства. Наступивший постколониальный период вместе с радостью освобождения принес свои вопросы, задачи и проблемы. Прежде всего, встал вопрос о выборе пути развития, а вслед за ним – вопрос об акторах преобразования общества, о людях, готовых строить новую жизнь.

Два эти вопроса взаимосвязаны, переплетены друг с другом неразрывно. Постколониальная эпоха в Субсахарской Африке представляет собой самый сложный переходный период с движением нелинейным, полным зигзагов, инверсий, перекрестков. Первым таким перекрестком стала борьба влияний: западной идеологии и практики; пример Советского Союза с его марксистскими идеями и возможностями,

предоставляемыми социалистической ориентацией, и влияния африканских аутентичных форм жизни и системы ценностей.

Уже в колониальную эпоху многие западные ценности стали элементом образа жизни образованных африканцев. Эти ценности были чужими, но соблазнительными. После обретения независимости влияние бывших метрополий оставалось очень сильным, метрополии оставили в африканских странах внушительный материальный след в виде объектов инфраструктуры, транснациональных компаний, преимущественно занятых добычей африканских ресурсов. Оставались язык и религия.

Фактически бывшие колониальные державы полностью не ушли из своих прежних владений. Они сменили формы воздействия на африканские общества и способы получения прибыли. Осталась африканская элита, готовая сотрудничать с бывшими хозяевами. Неоколониальные программы экономического и политического развития навязывали западные образовательные стандарты как якобы самые современные, навязывали модели и формы управления и т.д. В африканских странах была организована модернизация по типу вестернизации, были внедрены формы ведения бизнеса на основе принципов индивидуализма и конкуренции, культ накопления денег и вещей.

Одновременно во властных структурах оказались бывшие коллаборационисты из числа колониальной администрации, стала процветать коррупция, nepotизм. Западная финансовая помощь, поставка промышленных товаров в обмен на лояльность и допуск транснациональных корпораций к природным ресурсам – все это воздействовало на воображение африканцев, формировало чуждые их культуре и ментальности потребности и ценности.

Передовые общественные деятели Африки понимали губительность неоколониального воздействия на духовную сферу африканцев, они предлагали обратиться к истокам, возродить традиционализм. Но и это оказалось тупиком. Все эти проблемы стали камнем преткновения на пути формирования личности африканцев.

На Дакарском фестивале негритянского искусства в 1966 г. в докладе «О тирании и выживании индивидуума» нигерийский писатель Воле Шойинка высказал мысль, что в последние годы испытания личности достигли невиданного масштаба, так как африканцам пришлось столкнуться с «предательством своих». Если раньше цель борьбы представлялась ясной – это был колониализм, то после завоевания независимости появилось новое зло – произвол своих же соотечественников, многие из которых, придя к власти, стали использовать ее в целях личного обогащения. Коррупция достигла не-

виданных размеров, ее дух проник из города в деревни, в сельскую общину и повлек за собой расшатывание традиционных нравственных устоев.

* * *

Следует отметить, что такое положение сохраняется, а в ряде случаев усугубляется и в наши дни. В африканских городах образованные молодые люди вынуждены заниматься мелкой торговлей, контрабандой, искать случайные заработки или возвращаться в деревню, в ту среду, которую они переросли и которая стала им чуждой так же, как и они ей. Но и те молодые люди, которые получили работу после окончания университета, не могут быть уверены в завтрашнем дне. Происходит трудный процесс их интегрирования в сложившуюся систему социальных связей, где молодого человека подстерегает ряд опасностей: обуржуазивание, путь коррупции и предательства национальных интересов или, наоборот, противодействие обуржуазиванию, жизнь в согласии с высокими идеалами, борьба против коррупции, что чревато для молодого человека потерей работы, отчуждением от системы, способным привести к нищете или даже к душевному заболеванию.

С особой силой и выразительностью эти проблемы представлены в произведениях художественной литературы Африки.

Так, в романе Воле Шойинки «Интерпретаторы» выведены образы молодых интеллигентов, не нашедших места в обществе и вынужденных стать «интерпретаторами» своего общества.

Сила западного воздействия, «гипноз» европейской культуры серьезно беспокоил многих лидеров молодых африканских государств. Во второй половине 60-х – 70-х годах XX в. в среде африканской молодежи появилась опасная тенденция отчуждения от традиционных связей, последовал отказ проходить обряды инициации, возникло стремление стать «полностью современными», похожими на европейцев. Как реакция на эти тенденции появилось множество работ – книг, статей, где выражалось отношение к традициям.

Обращение к традиционным структурам, обоснование правомерности их использования в модернизирующемся обществе, признание гуманистических, культурных ценностей традиционного общества встречаются в политических, мировоззренческих, художественных текстах.

Джулиус Ньерере в книге «Человек и процесс развития» писал: «Мы располагаем мудростью, накопленной нашей историей, мудростью тех, кто до сих пор является носителями традиционного знания,

аккумуляции в племенном прошлом... Хотя традиционная Африка была отсталой технологически, она не может рассматриваться как отсталая с точки зрения достижения гармонических отношений между человеком и обществом. Мы будем поистине глупцами, если позволим в результате процесса экономического развития разрушить человеческие и социальные ценности, созданные африканскими обществами в течение веков»¹².

Подобные заявления встречаются у теоретиков кенийского социализма – Дж. Кениаты, Т. Мбойи, которые говорят о необходимости «включить традиционные африканские отношения взаимной социальной ответственности и низовой демократии в наши современные институты»¹³.

III этап: духовное возрождение и проблемы духовной деколонизации в 1970–1980-е годы. Важным этапом развития духовной деколонизации в Африке южнее Сахары стал период 70–80-х годов XX в. Это был период выбора путей развития, время надежд на модернизацию. Одновременно вырос уровень образования, начал формироваться корпус высокообразованных людей, активизировались народные массы – все это вызвало огромный интерес к мировоззренческим вопросам. Как в любом обществе в переходный период перед людьми встали общие экзистенциальные вопросы: Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем? Кто с нами?

Возросла популярность идеи самобытности в ее национально-страновом варианте. В Того, например, началось движение «За самобытность», в рамках которого происходила замена иностранных имен африканскими, восстановление и пропаганда традиционных духовных ценностей. Кампания замены иностранных имен африканскими, переименование городов, стран, рек в соответствии с доколониальными названиями захватила многие африканские страны.

В этом движении, несомненно, присутствовали позитивные моменты, способствующие воспитанию национально-патриотического сознания масс. Однако они проявлялись только тогда, когда это движение не провозглашало идей превосходства какой-то страны или этнической группы над другими.

Естественно, что африканское общество, освободившись от колониального ига, искало собственные ценности как в материальной, так и в духовной сфере, стремилось к «эмансипации духа», к деколонизации духовной жизни. В этих условиях обращение к собственной культуре, к духовным ценностям традиционного африканского общества – закономерное явление.

В исследовании «Возрождение и проблемы культуры в Африке» известный сенегальский ученый Пате Диянь писал, что африканское возрождение – это, прежде всего, реакция на европейский культурный гегемонизм¹⁴. И далее: «Африканское возрождение предполагает развитие представлений об этносах и расе, о собственных этнических культурах как основе развития Африки»¹⁵.

Возникли вопросы об истории Африки, общих принципах африканских культур, африканской личности, месте Африки и африканцев в мировом развитии, о субъектности Африки и африканцев. Так, получили широкое развитие африканские философские исследования, начало которых относится к более далеким временам*.

Серьезное развитие получили исследования африканских мифов, верований, лингвистических конструкций, пословиц и поговорок с целью обнаружить в них имплицитные философские принципы, концепты, понятия.

В качестве примера можно отметить исследование ивуарийского ученого Харриса Мемель-Фоте «Идея мира в негро-африканских культурах»¹⁶, в котором делается попытка сформулировать целостную концепцию мира у народов *бамбара*, *догон* и жителей Руанды на основе анализа символики, космогонических мифов, искусства и обрядов инициаций.

Большой интерес с этой точки зрения представляют также исследования кенийского теолога Джона С. Мбити: «Африканские религии и философия»¹⁷ и «Концепции бога в Африке»¹⁸. Дж. Мбити считает, что философские системы различных африканских народов еще не полностью сформулированы, но их элементы обнаруживаются в религиях, пословицах, в устной литературе, этике и морали. Отличительной особенностью работ Дж. Мбити является анализ категории времени, которая, по его мнению, является ключом к пониманию религиозных и философских концепций традиционных африканских обществ. Характеризуя африканскую онтологию, Дж. Мбити выделяет в ней следующие категории: бог, духи, люди, животные и растения, явления и объекты. В дополнение к ним Дж. Мбити называет силу или энергию, наполняющую Вселенную.

Характерны книги руандийского аббата, профессора университета и ученого Алексиса Кагаме «Банту – руандийская философия бытия»¹⁹ и «Сравнительная философия банту»²⁰, А. Кагаме, прежде всего, сомневается в существовании у народов Африки философских

---

* Исследования Дж. Хортона и Э. Блайдена – конец XIX в., теория негритюда – 30-е годы XX в., труды Ф.Фанона – 60-е годы и т.д.

систем в полном смысле слова и ограничивается признанием только неизменных «философских принципов», «интуитивной философии». Интересен метод философского исследования А. Кагаме, состоящий в анализе структуры языка киньяруанда. С его помощью он обнаруживает материализованные мировоззренческие принципы, способы восприятия руандийцами мира, начала гносеологии.

А. Кагаме многократно подчеркивает моменты, сближающие философские взгляды африканцев с европейской философией, и общие принципы логики мышления во всех культурах.

Общим для большинства африканских философов, например, Ж.К. Багонена (Камерун), У. Абрахама (Гана), Ж. Ауолалу (Нигерия), Л. Сенгора, А. Ндава (Сенегал) и др., является признание идей коллективной философии, имплицитно содержащихся в культуре африканских народов, которую создали предки, даже не сознававшие того, что они занимались философией.

Молодые ученые – университетские преподаватели – организовали в 1973 г. Всеафриканскую философскую ассоциацию с центром в Котону (Бенин). Ее генеральным секретарем стал Полен Хунтонджи (Бенин). В преамбуле к уставу ассоциации говорилось о необходимости «сменить собеседника», отказаться от практики только «вертикальных» обменов, то есть обменов с Западом. Необходимо, наконец, установить «горизонтальные» обмены – дискуссии между африканцами.

Наряду с развитием в 70–80-е годы XX в. высокой африканской аутентичной духовности, параллельно в обществе, как уже упоминалось, возникали серьезные личностные проблемы, особенно молодежные.

Трансформация традиционных форм жизни, а с ними и привычных представлений, переоценка ценностей традиционной культуры происходили параллельно с процессом приобщения людей к новым формам жизни и культуры. Усвоение новых взглядов, идеалов и нравственных норм неизбежно требует от личности соответствующей ориентации, социальных регуляторов для определения линии поведения. Традиции и обычаи перестают быть единственной формой регуляции социального поведения личности, человек должен анализировать жизненную ситуацию, оценивать ее, вырабатывать свое отношение к ней и принимать решение. Трансформация традиций ставит человека перед необходимостью брать на себя ответственность за свои действия. Для этого необходимо определить свое отношение к миру, к обществу, к другим людям и своему месту в жизни, к ценностям – материальным и духовным, то есть выработать ценностные ориентации.

Положение такого человека очень сложно. Он, по существу, утратил старые представления и ценности, перестал им доверять, но еще не выработал новых. Такая личность психологически неустойчива, склонна к шараханьям от одной крайности к другой.

Большую опасность представляет ассимиляция западной культуры; европеизация молодых людей, которые начинают подражать европейцам и стыдятся своей этнической принадлежности и культуры. Таких людей неминуемо ожидает одиночество и опустошенность. Порвав со своей средой, они утрачивают чувство уверенности. Но, будучи не в силах стать полностью европейцами, они отчуждены и от новой культуры. Разочарование в новых ценностях и дискредитация старых зачастую приводят к потере нравственных и социальных идеалов, к морально-психологическому кризису личности. Столь болезненные явления в ее формировании приобретают в африканских странах характер национального бедствия.

С ростом образования и урбанизации все больше африканцев оказываются в положении «человека на рубеже культур». Не случайно в африканской литературе появился герой – одинокая личность, внутренне надломленная, непонятая, страдающая, иногда озлобленная. Особенно характерно это было для произведений Габриэля Окары и Воле Шойинки.

В номере журнала «*En avant!*» («Вперед!»), Бурунди), посвященном проблемам идеологического формирования молодежи, говорилось об опасности «окультуривания», приобретения иностранных культурных черт, которые часто заставляют бурундийцев рассуждать и действовать «по-западному»²¹. О фактах западного влияния на молодежь с помощью средств массовой информации и пропаганды – кинофильмов, телевидения, радиопередач и различных печатных изданий постоянно сообщают лидеры молодежного движения. Среди молодежи широко распространено желание уехать в Европу, что многие и делают, получив образование.

Руководители государств, общественные деятели Субсахарской Африки всегда уделяли и продолжают уделять большое внимание проблемам образования и воспитания населения своих стран, и прежде всего молодежи, формированию современного африканского самосознания. Кваме Нкрума в своей книге «Сознательность» сформулировал некоторые идеологические принципы, которые помогут в воспитательной работе и в организации участия людей во всех формах общественной жизни. Для этого необходимо:

– установить совокупность целей для индивидуальных действий;

- определить сферу, в рамках которой индивидуальные поступки оцениваются данным обществом;
- стремиться объединить общество в единое целое;
- определить деликатные средства контроля над функционированием общества;
- продумать, какую форму следует придать общественным институтам и в каком направлении приложить усилия;
- тактично направлять поведение, мнения, привычки людей, охватывая все сферы общества в политике, морали, искусстве, религии;
- укреплять, обосновывать общественные отношения²².

IV этап: конец XX – начало XXI в. Влияние неокOLONИализма на проблемы духовной деколонизации. Конец XX – начало XXI в. стали для Африки южнее Сахары тяжелым временем. Надежды на успешную модернизацию по западным моделям не оправдались. Усиливались процессы дестабилизации, системного кризиса. Во многом эти процессы связаны с новыми формами неокOLONИализма. Однако в этот период активизируются и процессы духовной деколонизации, развивается и совершенствуется общественная мысль, особенно научные социальные исследования.

Эти вопросы ставят молодые интеллектуалы современной Африки, например выходцы из Камеруна: экономист Пебе Монзо, социолог Аксель Кабу, экономист Д. Этунга-Мангелле, братья Аллен и Эдгар Хазуме, тоголезский политолог Э. Кодгио, философ и теолог Ке Мана и др.

А. Кабу в своей книге «А что если Африка отказывается развиваться?»²³ дает аргументированный анализ идей авторов, преувеличивающих культурную самобытность Африки, и видит в этой позиции сохраняющиеся комплексы зависимости и духовной порабощенности. А. Кабу, а также ее единомышленник Д. Этунга-Мангеле говорят о необходимости изменения менталитета африканцев, их самовосприятия, развития их индивидуальной и социальной идентичности, то есть способности приобщения к новому, к новым отношениям и ценностям. Д. Этунга-Мангеле²⁴ апеллирует к африканской молодежи, которая, по его мнению, способна претворить в жизнь проект сочетания традиционных самобытных ценностей с духом новаторства и технологическими достижениями современной эпохи. Очень важной была постановка вопроса Д. Этунга-Мангеле о внешней помощи и об отношении к ней. Необходимо искоренить в себе иждивенческие настроения, сознание «вечно опекаемых». «Любое развитие требует внутренней перестройки, самоограничения и ментальной дисциплины», – говорил он.

Подобные вопросы в очень острой, даже драматической форме ставит южноафриканская исследовательница Нейл Ределинхейс. В своей статье «Африканский ренессанс: взгляд из Южной Африки», рассматривая перспективы африканского возрождения, она дает реальную картину положения Африки южнее Сахары. При этом она акцентирует внимание на положении индивида в этой сложнейшей ситуации. Автор констатирует, что последние 40 лет «политического хаоса», «всеразрушающих преобразований», войн, экономической разрухи, потерь и травм, горьких разочарований привели к дегуманизации континента, опасности потери Африкой своей души. Все эти несчастья тяжелым бременем ложатся на каждую отдельную личность, вызывая пагубные последствия. При всем этом Нейл Ределинхейс призывает Африку искать пути выхода из кризиса в самой себе. Она считает неконструктивным «синдром перекалывания вины» и видит положительные сдвиги в появлении в конце XX в. «нового поколения прагматически мыслящих политических лидеров». Положительным явлением она считает и стремление вырабатывать тот тип реформ и социальных программ, который подходит отдельной стране в конкретной ситуации²⁵.

Последнее положение представляется особенно важным. Любые акции не могут быть успешными, если они не поняты массами и не приняты как свои. А для этого требуется гибкая политика, обращенная к каждому человеку, учет особенностей ментальности людей, их жизненного опыта, традиционных связей и ценностей. И только через учет этих многообразных факторов лежит путь к взаимопониманию, оздоровлению обстановки и духовной деколонизации.

Уже предыдущие поколения политиков понимали это и немало сделали в направлении учета самобытных особенностей Африки. Так, преемник Л. Сенгора на посту президента Сенегала Абду Диуф, находившийся у власти 20 лет, главным в своей политике считал человеческий фактор, учет присутствия и влияния в любой африканской стране традиционного мира. Он понимал, что политическая жизнь в африканских условиях не исчерпывается деятельностью политических партий, а имеет другие формы влияния. Как писали братья Хазуме, «племенная иерархия, включенная в социальное тело», – это реальность Африки²⁶. А. Диуф не игнорировал эту реальность, он считался с властью традиционных вождей и учитывал мнение традиционной элиты.

Все эти процессы определяют поиск новых идентичностей, в их ходе все более глубоко осмысливаются собственные культурные ценности, их использование в различных аспектах общественной жизни.

Еще Джулиус Ньерере огромное значение придавал традиционной этике, ее воспитательному значению. В «Арушской декларации» был разработан «Кодекс лидера», согласно которому руководящим кадрам запрещались занятия частным бизнесом, получение более чем одной зарплаты, использование своего положения для получения побочных доходов и т.д.²⁷

С конца XX в. и по настоящее время проблемы этики находятся в центре идентификационных процессов, причем за основу берутся принципы традиционной этики. К традиционным этическим нормам и этико-правовым институтам обращаются лидеры африканских государств для разрешения острейших конфликтов²⁸.

* * *

В завершение надо сказать, что тематика духовной деколонизации, этапы которой представлены в данной статье, бесконечна. Это объясняется бесконечностью и постоянной актуальностью процесса духовной деколонизации, в котором на первый план выступает то одна, то другая грань этой проблемы.

Так, приход XXI века, Миллениум, в Африке был отмечен волной эсхатологических настроений и ожиданий «конца света». В процессе этих ожиданий произошел ряд массовых самоубийств, к которым призывали афро-христианские харизматические лидеры мессианских церквей и сект. После этих событий среди африканских ученых и общественных деятелей возникли вопросы о роли христианства и Библии в Африке. Появился ряд работ о «перепрочтении» Библии²⁹ и критическом к ней отношении³⁰.

В последние годы в связи с возвышением роли Африки на мировой арене снова вышли на ключевые позиции вопросы расы, «линии цвета» (так это явление названо на Западе). Политика навязывания западными лидерами своей позиции в международных делах воспринимается африканцами как демонстрация «превосходства белых». Память о веках расизма не исчезает, а обостряется под влиянием обстоятельств.

Камерунский философ, идеолог, общественный деятель Ашиль Мбембе, говоря об исторической памяти, обратил внимание на глубинную сущность колонизаторской идеологии, обнажившейся в политике апартеида – необходимость войны против представителей «нижних рас» ради развития цивилизации³¹. Страдания, которые перенесли африканские народы за века работорговли, колониализма и апартеида не должны быть забыты, необходимо проводить религиозные и общенародные ритуалы, призванные «исцелить выживших от

гнева и жажды мести». Необходимо покончить с зависимостью от воспоминаний о наших страданиях и вновь научиться говорить на языке человечности. Иначе мы не сможем построить новый мир³².

---

¹ *Fanon F.* Les damnés de la terre. Paris: Presence Africaines, 1961. P. 32–33.

² *Ibid.* P. 33–34.

³ *Ibid.* P. 69.

⁴ Интеллигенция и социальный прогресс в развивающихся странах Азии и Африки. Отв. ред. В.Ф. Ли. М.: Наука. 1981. С. 17.

⁵ *Copans J.* Intellectuels visibles, intellectuels invisibles // *Politique Africaine*. 1993. № 51. P. 7.

⁶ *Sartre J.-P.* Orphée noir // *Anthologie de la nouvelle poésie nègre et malgache de langue française*. Paris: Presence africaine, 1948. P. X.

⁷ *Senegal carrefour*, 1968. № 5.

⁸ *Senghor L.S.* L'art du conteur negro-africain // *Anthologie africaine et malgache*. Paris: Presence africaine, 1963. P. 37–38.

⁹ Поэзия Африки. Серия «Библиотека всемирной литературы». М.: Художественная литература, 1973. С. 479–480.

¹⁰ *Мосейко А.Н.* Приключения «Негритюда» // *Азия и Африка сегодня*. 1970. № 9. С. 9–10.

¹¹ *Мосейко А.Н.* «Негритюд» и «африканская философия» – ответ африканской интеллигенции на кризис идентичности. // *Проблемы социально-политических и культурных трансформаций африканских обществ в современной отечественной африканистике*. Материалы научной конференции «Африка: общества, культуры, языки». СПб. 5–6 мая 2007 г. С. 137–148.

¹² *Nyerere J.K.* Man and Development. Dar es Salaam: Oxford University Press, 1974. С. 10–11.

¹³ *Mboya T.* The Challenge of Natinhood. L.: Praeger Publishers, 1970. С. 5.

¹⁴ *Diagne Pathe.* Renaissance et problèmes culturels en Afrique. Paris: Présence Africaine, 1977. P. 214.

¹⁵ *Ibid.* P. 222.

¹⁶ *Memel - Fote H.* L'idée du monde dans les cultures negroafricaines // *Presence africaine*. 1970. No. 73. Paris.

¹⁷ *Mbiti J.S.* African Religions and Philosophy. N.Y.: Garden City, Doubleday, 1970. 384 p.

¹⁸ *Mbiti J.S.* Concepts of God in Africa. L., N.Y., Wash.: Praeger Publishers, 1970. 384 p.

¹⁹ *Kagame A.* La philosophie bantu-rwandaise de l'être. Bruxelles: Johnson Reprint Corp., 1956. 448 p.

²⁰ *Kagame A.* La philosophie Bantu comparée. P.: Présence Africaine, 1976.

²¹ *En avant!* 1970. No. 1. P. 50–51.

²² *Nkrumah K.* Le Consciencisme. P.: Payot, 1976. P. 73–75.

²³ *Kabou A.* Et si l'Afrique refusait le développement? P.: L'Harmattan, 1991. 207 p.

²⁴ *Etounga-Manguelle D.* L'Afrique a-t-elle besoin d'un programme d'ajustement culturel? P.: Nouvelles du Sud (Ivry-sur-Seine), 1992. 153 p.

²⁵ *Ределинхейс Нейл.* Африканский ренессанс: взгляд из Южной Африки // *Европоцентризм и афроцентризм накануне XXI века: африканистика в мировом*

контексте. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А.Б. Давидсона. М., 2000.

²⁶ *Hazoume A., Hazoume E.* Afrique, un avenir en sursis. P.: L'Harmattan, 1988. P. 134.

²⁷ Arusha Declaration // The Nationalist. Dar es Salaam, 1967.

²⁸ *Мосейко А.Н., Харитонова Е.В.* Африканская традиционная этика в контексте современности // Восток. 2015. № 6.

²⁹ *Мосейко А.Н., Харитонова Е.В.* Современная христианская философско-теологическая мысль в Африке: особенности и проблемы // Вопросы философии. 2020. № 5. P. 69–82.

³⁰ *Мосейко А.Н., Харитонова Е.В.* Афро-христианское самосознание и афрохристианская идентичность в Африке и в США // Человек. 2018. № 3 С. 124–144.

³¹ *Achille Mbembe.* Qu'est-ce que la pensée postcoloniale? (Entretien). P.: Esprit, 2008. <https://eurozine.com/quest-ce-que-la-pensee-postcoloniale/> (дата обращения 29.03.2024)

³² Ibid.

ОБРАЗ «БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА» В СВЕТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДНОЙ ПОЭЗИИ ЮАР ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.)

Поэзия – уникальная форма трансляции национального мировоззрения. Человек, народ, государство, эпоха узнаются и познаются в поэтическом слове. Именно поэзия наделена способностью в художественной форме кратко и емко сообщать присущие конкретному народу представления о человеке и мире и доносить их до читателя. Особое место в словесном искусстве принадлежит переводной поэзии. Она, подобно медиатору, передает из литературы отдающей в литературу принимающую другую систему взглядов на привычные предметы и явления. Так происходит знакомство наций, говорящих на разных языках, так осуществляется межкультурное взаимодействие неродственных этносов. Е.А. Первушина, обращаясь к термину *«переводная художественная литература»*, отмечает: «Переводная литература в России стала впечатляющим доказательством креативной открытости отечественной культуры процессу межкультурного диалогизма, ведь созидательная сила русского литературного языка была явлена миру не только в отечественных шедеврах, но и в переведенных произведениях»¹. Особо важным представляется высказывание об онтологической функции переводной литературы: «Интегрирующая национальные литературы в мировой литературный процесс, переводная литература выполняет таким образом грандиозную онтологическую функцию, являясь реальным примером феноменального сосуществования национальных литератур в мировом художественном контексте»². Поэтому несомненную ценность для русскоязычного читателя представляет переводная поэзия Африки XX в. и, в частности, ЮАР, вошедшая в русскую литературу в советский период.

Изучение человека по праву считается одним из магистральных направлений современной гуманитаристики. Каждая из наук, опираясь на присущий ей материал исследования, вносит собственный вклад в осмысление этой глобальной проблемы. Художественная литература дает для исследования богатый и разноплановый материал. Благодаря переводной поэзии такой привычный предмет изучения, как человек, порой предстает в новом свете. Значимым для русской

принимавшей литературы было то, что образ белого человека – эксплуататора – был представлен в настоящем времени: на далеком Африканском континенте здесь и сейчас существовал тип человека, советскому обществу неизвестный, здесь и сейчас он поработал черных братьев. Русской и затем советской поэзии прежде в подобном масштабе не была знакома тема взаимодействия черных и белых людей, русскоязычная поэзия впервые знакомилась с существованием человека в иной системе координат. И так получала новый опыт познания человека.

Материалом для данного исследования послужили 24 произведения 15 поэтов ЮАР, представителей двух рас, опубликованные в издании «Поэзия Африки»³, в числе авторов: Деннис Брутус, Бенедикт Вилакази, А.-С. Джордан, Ольга Кириш, Леонард Коса, Эйс Криге, Н.-М. Кхакетла, Рой Кэмпбелл, Эзекиел Мпахеле, Освальд Джозеф Мтшали, Артур Нортгье, Алан Пейтон, Уильям Плумер, Ричард Рив, Кингсли Фэрбридж. В настоящем исследовании принята попытка рассмотреть переводную поэзию ЮАР как уникальное явление XX в., обладающее целостной системой представлений, в которой переплетены элементы как традиционной картины мира, так и представлений о мире, характерных для периода создания произведений; при этом цель сравнивать переводную поэзию с оригиналом не ставится.

О белых в исследованных текстах говорится с использованием двух приемов. Во-первых, иносказательно, при этом делается акцент на наличии у них власти и богатства (им приписываются *дворцы и троны*⁴), в их руках сосредоточена власть над черными людьми⁵, они богаты (*Слева – глухие дома богачей*⁶), обладают чрезмерной роскошью⁷. Белые, наживающиеся на богатствах Африки, с насмешкой именуется опекунами, посягающими на чужое: *Опекун проест наследство*⁸.

Во-вторых, и этот прием используется чаще, о белых говорится прямо. Представители европеоидной расы, именуемые исключительно *белыми*, будто не имеют национальности, а их национальная принадлежность не представляет интереса для поэтов обеих рас. Кроме часто употребляемого наименования *белые*, встречаются в поэзии ЮАР XX в. и другие наименования представителей европеоидной расы. Показательно, что чаще героями стихотворений становятся мужчины, чем женщины, взрослые, чем дети. (Необходимо отметить, что не у всех героев очевидно сформулирована принадлежность к расе. В ряде случаев она, скорее, домысливается читателем исходя из сюжета стихотворения.)

Мужские образы могут быть разделены на три группы. К ним относятся все те, кто наживаетея на труде черных людей, имеет деньги (*хозяин шахты*⁹, *боссы дебелие и злые джентльмены*¹⁰, *дельцы*¹¹, *господин*¹²), представители власти (*чиновники*¹³, *полисмены*¹⁴, *Белый полицейский в полном обмундировании, / с пистолетом в кобуре*¹⁵), носители отличного мировоззрения (*миссионер*¹⁶, *исследователь флоры и фауны и романтик в одном лице*¹⁷, *безразличный к судьбе черных людей*). Показательно, что дельцы осуждаются лирическим героем, который под их внешним героизмом видит лишь гнилую сущность:

О пионеры, пионеры,
Цивилизации оплот,
Мерзавцы в инвалидных креслах,
Рвачи, попавшие в почет <...>¹⁸.

В одном из стихотворений, сюжет которого посвящен гибели черного мальчика в исправительной колонии, приведен целый перечень белых представителей власти, повинных в его смерти. Ребенок не имел представления:

О великом войске служителей власти,
О судьях, адвокатах и прокурорах,
Психологах, психиатрах и докторгах,
Директорах, полицейских и социологах <...>¹⁹.

Обращает на себя внимание строчка, где обозначена суть взаимодействия белых людей и маленького черного человека. Белые представлены практически кровопийцами, что черпают *силу и жизнь в твоей провинности* <...>²⁰. Они сами существуют буквально за счет жизни другого человека.

Среди всех этих, с негативной оценкой, наименований, встречается одно-единственное наименование с положительной оценкой. Черный человек предлагает белому присмотреться друг к другу, называя его братом, постараться увидеть друг в друге достоинства:

Там, где кончается радуга,
раскинулся дивный край,
где никому не возбранно, брат,
песню любую петь²¹.

Особенностью рассмотренной для данного исследования переводной поэзии ЮАР XX в. является почти полное отсутствие личных имен белых. Это лишает индивидуальности, как и отсутствие конкретной национальности. Было выявлено только одно упоминание имени. Речь идет о выдающемся английском писателе и поэте П.Б. Шелли. И имя его возникает исключительно благодаря эрудированности автора поэмы, лирический герой которой беседует с северным ветром. Имя Шелли появляется в связи с созданной им «Одой западному ветру» (1819):

Довольно!
Меня никто домогаться уже не станет –
не те времена:
Шелли давно уже умер,
посланий больше не шлют с мимолетным ветром²².

Женские персонажи называются и персонально (*Великая Белая Королева*²³, *девица зауряднейшего вида*²⁴, *выгуливающая пекинскую болонку барыня*²⁵), и во множественном числе (*маленькие леди надменные*²⁶, *важные матроны поседелые*²⁷, *кружок туристов*²⁸). Кроме *маленьких леди*, упоминаются и *дети*, при этом объединяющих их критериев всего два: они имеют белый цвет кожи (*белые дети*²⁹) и у них есть все то, что необходимо для жизни. Тексты проанализированных стихотворений позволяют сделать выводы о том, что лирические героини в них – взрослые. Но в одном стихотворении, возможно, лирическим героем выступает ребенок: он в четырех строфах из пяти упоминает *взрослых*³⁰, *бессердечных взрослых*, которые не замечают страданий черной беременной служанки. Но эти страдания замечает лирический герой, для которого окружающие люди – все взрослые. Обращает на себя внимание, что цвет кожи взрослых остается за рамками сюжета. Это тот редкий случай, когда возникает конфликт миров не белых и черных людей, а взрослых и детей. Встречаются в рассмотренном материале и наименования, носителями которых могут быть и мужчины, и женщины (*иностранцы и туристы*³¹).

Поэзия ЮАР XX в. многоцветна: она наполнена и темными, и яркими красками. Безусловно, самые популярные цвета в переводной поэзии ЮАР XX в., связанные с человеком, – это *черный* и *белый*, которые противопоставляются друг другу, как противопоставляются друг другу миры черных и белых людей.

В рассмотренном материале доминируют субстантивированные прилагательные, например: *Как-то я белому задал вопрос: / – Везде*

ли цветных превращают в отброс³²? Реже используются обозначенные определения как прилагательные, характеризующие людей как человеческий вид (*белые люди*³³), род занятий, профессию (*белый полицейский*³⁴), социальный статус (*Великая Белая Королева*³⁵). Реже встречаются парные определения. Так, сравниваются или противопоставляются в поэзии *черная девочка* и *белые дети*³⁶, *матерь белых* и *матерь черных*³⁷.

Наделяются цветом и части тела человека. Белые люди имеют розовый цвет кожи (*Не ходи <...> / мимо розовых / злых джентльменов*³⁸), седые их волосы (*Не ходи <...> / мимо важных матрон / поселых*³⁹) или бороды⁴⁰. В белый в переводной поэзии ЮАР XX в. окрашиваются и понятия, имеющие отношения к человеку, например, война (*жестокая Белая Война*⁴¹).

Еще одна важная тема, хотя и не нашедшая многочисленного воплощения в поэзии ЮАР XX в., – взаимодействие человека и машины. Речь идет как об оборудовании, так и о средствах передвижения. Вторые из них, служащие белым для унижения и контроля над черными людьми, вызывают отвращение (*патрульные машины расползлись / по городу, как стая тараканья*⁴²), обвиняются в том, что люди оказались в рабстве (*Дымом наполненные машины / Нас обрекли / Неволе и горю; / Нас провезли / По суше и морю / И бросили в жадную пасть темноты*⁴³), оказываются к черному человеку безразличны, игнорируют сам факт его существования. *Напрасно смуглый мой палец взывает, качаясь, / к проноссящимся мимо автомобилям*⁴⁴; *В грустной ярости я умоляю подбросить меня домой / Никакого внимания – словно безумные, / <...> лимузины / мчатся, кудрявя дорожную пыль*⁴⁵), но после, проявляя милость, все-таки подвозят его (*И вот наконец я в машине – мои мечты / уплывают к далекому горизонту*⁴⁶). Белые в автомобиле, которых видит черный человек, воспринимаются им как люди, получающие от жизни только удовольствие:

О сладостное ощущение полета:
в удобной позе развалиться на мягком сиденье,
обмениваться с соседом любезностями,
истаивая в полудремотной истоме⁴⁷.

Мир звучащий, представленный в исследованном материале, включает в себя звуки природы и материального мира. Показательно, что первые из них с образом белого человека коррелируют редко. Сравнение звука и тишины работает на создание сюжетной линии, на которой выстраивается стихотворение, посвященное водопаду Вик-

тория. Обращает на себя внимание, что в этом случае лирический герой выбирает тишину, в то время как звук – а создают его сами белые туристы, к тому же иностранцы, – вызывает раздражение. Значимо, что сила звука водопада описывается как сопоставимая с силой звука, который издают туристы:

Вот водопад Виктория, чей рев
Рождает рев восторга у туристов;
Разноязыкою толпой они галдят,
Уставясь на обычный водяной каскад⁴⁸.

А далее звук, издаваемый туристами, нарастает, рев превращается в вопли: *Несутся вопли из кружка туристов⁴⁹; Вопль все настырней, все неугомонней⁵⁰*. Увлеченные внешним проявлением мира, они не подозревают о существовании внутреннего мира, созвучного Вселенной. Их восторг вызывает неприятие у лирического героя, который существует в другой системе координат и хочет побыть наедине с мирозданием:

А мне так хочется побыть наедине
С раздумьями, в священной тишине,
С путеводителем по мирозданию,
В котором даже водопад
Блюдет
Обет
Молчанья⁵¹.

Звуки мира материального, созданного человеком, выполняют особую функцию – сопутствуют страданию. Поезда служат белому и игнорируют человека с другим цветом кожи, уносясь прочь (*Глумятся надо мною расписанья, / со свистом пробегают поезда⁵²*). Вой сирены полицейской машины предшествует, а затем последует другим звукам, свидетельствующим о насилии и беде. Весь сюжет стихотворения выстроен на звуковых образах, визуальным же образам отведена второстепенная роль. Целесообразно привести это стихотворение, состоящее из трех четверостиший, полностью:

Все те же звуки: дикий
сирены вой в ночи,
стук громовой – и нервов
пронзительные вскрики.

Крещендо – боль. В глазах
разгневанные блики,
неудержимый плач –
все горше и надрывней.

Дней пережитых лики
назойливее ливней.
Все те же звуки – стук сапог
и вой сирены дикий⁵³.

Кроме аудиальной составляющей картины мира человека, она представлена и способностью человека воспринимать жар или холод. Для переводной поэзии ЮАР более характерна первая из них, хотя встречается и вторая. Жар, что ощущается физически, и жар, который испытывает страдающая душа, сравниваются в стихотворении, где описывается вроде бы обыденное событие – поход на воскресную службу в церковь. Зной, кажется, испепеляет город, но люди не замечают его:

Наш городок в воскресный день
Печет нещадно зной,
И чинно взрослые идут
Суровой чередой⁵⁴.

(Отметим, что поэт так и не раскрывает, кто же скрывается под наименованием *взрослые* – только ли белые люди или еще и люди с черным цветом кожи. Поэтому условно, поскольку поэт относится к представителям белой расы, отнесем и взрослых из его произведения к представителям белых.)

Взрослые не обращают внимания и на едкую пыль и продолжают *чинно* идти, *Презрев и зной и пыль*⁵⁵. Люди (автор их вновь называет взрослыми) игнорируют и мнение деклассированных элементов, потому что их ждут другие слова – в церкви:

Костюм и взор любого строг,
Желанна благодать,
И чинно взрослые идут
Словам любви внимать⁵⁶.

В финале стихотворения их физическая и духовная стойкость вдруг обретает другое значение, становясь сродни черствости и без-

душию. Как не замечают они зной, пыль и *всевозможный вздор* / *Подонков*⁵⁷, так же они не замечают и страданий человеческой души, нуждающейся в поддержке. Черная служанка (о статусе и цвете ее кожи свидетельствует имя) несет под сердцем дитя. И внешний мир для нее – всего лишь игра, а ее настоящий, внутренний, мир связан с личными переживаниями:

И Санна семенит им вслед,
Играя скромно роль, –
Ей чрево жжет дитя любви,
А сердце – страх и боль⁵⁸.

Способностью смотреть и не видеть наделяется *подданный Великой Белой Королевы*⁵⁹. Приехавший исследовать Африку, в период бодрствования он замечает только флору и фауну нового для него континента, ночью же ему снится домашний уют и животный мир Шотландии. Но читателю бросаются в глаза страдания коренных жителей ЮАР, оказывающиеся вне поля зрения исследователя:

Он смотрит сквозь очки направо и налево,
Но видит только птиц, животных и растения;
Не выдавая чувств, не зная изумленья,
Он в шлеме пробковом гуляет без дорог,
И полы сюртука колышет ветерок⁶⁰.

Герой стихотворения, наблюдающий мир физический, слеп к миру страдающей души. Для него существует только он в этом мире и все то, что удивляет или может быть опасным. Значимо следующее: люди с черным цветом кожи идут в одном перечне с дикими зверями, как представляющие угрозу его жизни (*Но что ему жара, что львы и людоеды*)⁶¹. Другим же людям с черным цветом кожи – страдающим, изнывающим от непосильного труда, голодным и лишенным крова над головой – в его картине мира просто нет места.

Способность человеческого глаза различать свет вновь работает на создание отрицательного образа белого человека. Так, туристки не осознают различия между водопадом – чудом, созданным Господом Богом, – и электричеством как элементом удобства. Они называют электричество в числе достоинств гостиницы, а в водопаде видят не его Создателя, а лишь проявление мощи воды, перечисляя их в одном ряду:

– Какие брызги! Шум! Какой отель!
И электричество, и чистая постель!
Подумайте, такой комфорт за тридевять земель!⁶²

Не обойдено вниманием и восприятие солнечного света. Стоит отметить, что светилом восторгаются эти же туристки, причем солнце оценивается ими положительно. Показательно, что в их речи об Африке, великом континенте, представлены и позитивные, и негативные стороны, которые свидетельствует не столько об Африке, сколько о самих туристках: – *Ах, что за прелесть Африка! Ну да, невесть / Какая грязь! Зато какое солнце*⁶³!

Но в тех редких случаях, когда белые сочувствуют черным людям, способность видеть солнечный свет вдруг наделяется совсем иным смыслом. Под светом яркого солнца белый работник с состраданием предает земле тело маленького черного мальчика, погибшего в Дипклоопфской исправительной колонии. Так дневное светило становится свидетелем преступления против черных людей и сострадания им: *Сегодня под ярким солнцем / Я предаю твое тело земле*⁶⁴. И о нем же вспоминает лирический герой, размышляя о том, как появлялся этот мальчик на свет, было ли оно очевидцем его прихода в мир, как стало свидетелем его похорон. В документе о рождении нет этих, таких ценных для человеческой жизни, сведений: *Но нет в нем [в документе] и намек на радость или горе, / Сияло ли тогда солнце, шел ли дождь <...>*⁶⁵.

Отметим, что в другом стихотворении милосердное отношение к черным людям – пожертвование им одежды – высмеивается. Господа дарят служанке поношенные вещи:

Мы ей подарили какое-то старье,
Отслужившую ветошь, отжившую век.
Ее с восклицаньями надела она,
Глаза ее сияли, она ахала и восторгалась <...>⁶⁶.

Но у этой ситуации есть и обратная сторона: гордыня белых людей, что подтверждается пренебрежительным отношением к собственному благодеянию. Однако вторая строфа выводит описанную ситуацию на масштабный уровень восприятия. В ней говорится об идее *купленной задаром гибели целого мира*⁶⁷.

Такому унижительному феномену, как надписи «Только для белых», посвящено одно из рассмотренных стихотворений. Подобные надписи возникают не только на материальных объектах, они вдруг

оказываются на всех тех явлениях, что принадлежат человечеству в целом и в принципе не могут быть подписаны. Этот эффект – утрирования – высмеивает подобные надписи, но смех этот сквозь слезы:

На рассветах,
пылающих в небе,
на мечтах,
безрассудных и смелых,
на любви,
на свободе,
на хлебе –
всюду надписи:
«Только для белых!»⁶⁸

Почему же переводная поэзия ЮАР оказалась так близка сознанию русского и шире – русскоязычного – человека XX в.? Чем объясняется взаимодействие двух, таких различных, культур, существующих на разных континентах? Безусловно, одна из основных причин связана с результатом труда несомненно талантливых переводчиков: все включенные в антологию произведения – высокого художественного уровня. Другая весомая причина – гуманистическая направленность принимающей русской литературы XX в.: в этом новом для себя феномене – переводной поэзии ЮАР – русская литература увидела важное – поиск ответа на один из главных своих вопросов – соотношение добра и зла. Третья причина, как представляется, относится к традиционной культуре: присущая ей картина мира, которая, хотя и существенно видоизменяется, прослеживается в мировоззрении гражданина СССР. Рабочими оказались традиционные установки, усвоенные из произведений устного народного творчества (в частности, сказки): существуют жертва и гонитель; герой, наделенный положительными душевными качествами, через страдания идет к счастью, а его преследователи всегда терпят поражение, потому что их моральные установки отношения к идеалу не имеют. Образы белых, представленные в исследованной подборке переводной поэзии, соотносятся с антагонистами. Однозначность позиции – также черта традиционного мировосприятия.

Однако малочисленный ряд героев указывает на возможность существования других – положительных – образов белых в поэзии ЮАР XX в. Так возникает проблема, которая выходит за рамки данного исследования: выбранная для включения в антологию поэзия должна была соответствовать определенным критериям, формиро-

вать определенные установки об образной системе в частности и мировоззрении, которое транслирует поэзия ЮАР XX в., в целом.

Переводная литература, выполняя функцию медиатора между культурами, не только обогащает принимающую литературу новыми именами и произведениями, но, что не менее важно, знакомит с иным восприятием человека. Она показывает проблему, которая не была знакома русской литературе, – трагедию взаимоотношений между представителями различных рас, существование в настоящем иных типов людей – эксплуататоров и их жертв. Обобщенный образ белого человека встроен в следующую систему координат: представители европеоидной расы, именуемые исключительно *белыми*, будто не имеют национальности, а их национальная принадлежность не интересна поэтам обеих рас.

В исследованных текстах не говорится ни о семье, ни о членах семьи, предках или истории, почти не упоминается и богатая культура; им крайне редко приписывается визуальное, аудиальное и пр. восприятие физического мира. Образы белых довольно схематичны. Все это указывает на то, что они будто вынесены за рамки представлений о живом, чувствующем, наделенном душой человеке. В результате подобной стабильной трансляции образов белых людей в исследованном материале за рамками восприятия оказываются те из них, что лишены власти и богатства, не принадлежат к числу эксплуататоров и выступают против апартеида. Подобное можно считать подтверждением передачи купированной системы представлений о белом человеке в переводной поэзии ЮАР XX в. на русском языке.

---

¹ *Первушина Е.А.* К вопросу о термине «переводная художественная литература» // Известия Восточного института. 2019. № 2 (42). С. 35.

² Там же.

³ *Поэзия Африки.* М.: Художественная литература, 1973. 687 с. Серия: Библиотека всемирной литературы.

⁴ *Рой Кэмбелл.* Раб // Поэзия Африки. М.: Художественная литература, 1973. С. 599.

⁵ *Деннис Брутус.* Ночной город // Там же. С. 574.

⁶ *Эйс Криге.* Встреча // Там же. С. 590.

⁷ *Артур Норттье.* Голосуя на дороге // Там же. С. 611.

⁸ *Леонард Коса.* Братьям // Там же. С. 589.

⁹ *Бенедикт Вилакази.* На золотом руднике // Там же. С. 579.

¹⁰ *Леонард Коса.* Жалоба африканца // Там же. С. 586.

¹¹ *Леонард Коса.* Бум // Там же. С. 587.

¹² *Артур Норттье.* Указ. соч. С. 612.

---

¹³ *Алан Пейтон*. Маленькому мальчику, умершему в Дипклоопфской исправительной колонии // Там же. С. 615.

¹⁴ *Леонард Коса*. Жалоба африканца...

¹⁵ *Освальд Джозеф Мтиали*. Голуби в Оппенгеймеровском парке // Там же. С. 607.

¹⁶ *Освальд Джозеф Мтиали*. Звуки барабана из коровьей шкуры // Там же. С. 610.

¹⁷ *Уильям Плумер*. Исследователь // Там же. С. 619.

¹⁸ *Уильям Плумер*. Йоганнесбург // Там же. С. 620.

¹⁹ *Алан Пейтон*. Маленькому мальчику, умершему в Дипклоопфской исправительной колонии... С. 614.

²⁰ Там же. С. 615.

²¹ *Ричард Рив*. Там, где кончается радуга // Там же. С. 621.

²² *Эзекиел Мпахеле*. Иммигрант // Там же. С. 604.

²³ *Уильям Плумер*. Исследователь... С. 619.

²⁴ *Деннис Брутус*. Обслуживание в южноафриканском стиле. Только для небелых // Там же. С. 572.

²⁵ *Освальд Джозеф Мтиали*. По газонам не ходить // Там же. С. 608.

²⁶ *Леонард Коса*. Жалоба африканца... С. 586.

²⁷ Там же.

²⁸ *Уильям Плумер*. Водопад Виктория // Там же. С. 619.

²⁹ *Ольга Кири*. Словоплетение // Там же. С. 585.

³⁰ *Алан Пейтон*. Санна // Там же. С. 613.

³¹ *Уильям Плумер*. Водопад Виктория... С. 618.

³² *Бенедикт Вилакази*. Я белому задал вопрос // Там же. С. 577.

³³ *Эзекиел Мпахеле*. Указ. соч. С. 606.

³⁴ *Освальд Джозеф Мтиали*. Голуби в Оппенгеймеровском парке... С. 607.

³⁵ *Уильям Плумер*. Исследователь... С. 619.

³⁶ *Ольга Кири*. Указ. соч. С. 585.

³⁷ *Н.-М. Кхакетла*. Белая и черная // Там же. С. 596–597.

³⁸ *Леонард Коса*. Жалоба африканца... С. 586.

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Уильям Плумер*. Йоганнесбург... С. 620.

⁴¹ *Кингсли Фэрбридж*. Сочинитель песен // Там же. С. 623.

⁴² *Деннис Брутус*. Ночной город...

⁴³ *Бенедикт Вилакази*. На золотом руднике...

⁴⁴ *Артур Норттье*. Указ. соч. С. 611.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 612.

⁴⁷ Там же. С. 611.

⁴⁸ *Уильям Плумер*. Водопад Виктория... С. 618.

⁴⁹ Там же. С. 619.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² *Деннис Брутус*. Обслуживание в южноафриканском стиле. Только для небелых... С. 573.

⁵³ *Деннис Брутус*. «Все те же звуки...» // Там же. С. 574.

⁵⁴ *Алан Пейтон*. Санна...

-
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же. С. 614.
- ⁵⁹ *Уильям Плумер*. Исследователь... С. 619.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² *Уильям Плумер*. Водопад Виктория... С. 619.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ *Алан Пейтон*. Маленькому мальчику, умершему в Дипклоопфской исправительной колонии... С. 615.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ *Алан Пейтон*. С хозяйского плеча // Там же. С. 614.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ *Леонард Коса*. Жалоба африканца... С. 587.

**ДВИЖЕНИЕ «САПЕРОВ» (SAPEURS) В ДРК
И РЕСПУБЛИКЕ КОНГО: ПРОЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ
НЕКОЛОНИЗАЦИИ ИЛИ КУЛЬТУРНОЙ ЭМАНСИПАЦИИ?**

Сапологи (фран. *sapologues*) или саперы (фран. *sapeurs*) – это члены движения SAPE. Аббревиатура SAPE расшифровывается на французском как *Société des Ambianceurs et des Personnes Élégantes*, что означает «Общество веселых и элегантных людей». По сути «саперы» – это конголезские «стиляги», одетые с иголки и разгуливающие по трущобам Браззавиля и Киншасы в элегантных костюмах стоимостью несколько тысяч долларов. Они выбирают лишь модные и дорогие европейские бренды, такие как *Versace* и *Prada*. Движение зародилось еще в 1920-х годах, окончательно сформировалось в 1960-е годы и продолжает развиваться. У «саперов» целый ряд правил, как вести себя и как сочетать цвета в одежде. Одни спустили на дорогие костюмы наследство, а другие рассматривают свое увлечение как возможность заработать. Яркие конголезские денди не раз привлекали внимание журналистов: можно с легкостью найти в открытом доступе публицистические заметки о «саперах», а также видеорепортажи. Автором предпринята попытка осмыслить движение SAPE в рамках неокOLONИАЛЬНОГО дискурса, сделать анализ на основе последних тенденций в развитии этого явления, ответить на вопрос: чего в нем больше – слепого копирования высокой моды бывших европейских колонизаторов или желания доказать, что «мы не хуже европейцев», что, впрочем, также можно отнести к проявлениям последствий влияния духовного неокOLONИАЛИЗМА.

Существуют разные трактовки того, когда же зародилось движение. Одни утверждают, что оно уходит корнями в колониальную эпоху, когда французские и бельгийские колонизаторы одевали своих конголезских слуг на европейский манер¹. Так они не только демонстрировали статус хозяев, но и превозносили европейский стиль жизни. Статусность и престиж европейского стиля в одежде приобрели еще большее признание после Первой мировой войны, когда конголезские ветераны, участники военных действий, вернулись в Конго, одетые по «парижской моде»². Среди наиболее ярких представителей еще только зарождавшейся культуры, которая в дальнейшем получила название SAPE, можно привести имя конголезского религиозного и политического деятеля Матсуа, вернувшегося в 1922 г. из Парижа в

элегантном французском костюме. Так постепенно начинало формироваться представление о французской моде в частности и европейской моде в целом как о чем-то изысканном и престижном. Вместе с тем период конца XIX – первой половины XX в. скорее можно охарактеризовать как период формирования предпосылок для развития движения: именно тогда и были сформированы ценности и заложены представления о статусности европейского костюма и европейского образа жизни. Позже эти убеждения и ценности легли в основу движения *SAPE*.

Согласно наиболее распространенной версии, в том числе версии самих «саперов», с которыми автору удалось пообщаться, движение зародилось в 1960-е годы уже после получения ДРК и Республикой Конго независимости. Со временем движение *SAPE* не только охватило стиль в одежде, но и получило развитие в музыке. Так конголезский певец *Papa Wemba*, известный как «папа сапологов» стал основоположником целого направления в музыке; и сегодня он остается особенной фигурой для участников движения и продолжает вдохновлять молодых конголезских музыкантов³.

В период правления Мобуту Сесе Секо в ДРК (1965–1997) члены *SAPE* были фактически объявлены вне закона. Мобуту видел в движении «саперов» признаки инакомыслия и культурного влияния Запада. Подвергая их критике за поклонение европейскому стилю, он популяризировал традиционную африканскую одежду: серую туннику, принты, национальные головные уборы. Европейская одежда оказалась под запретом в ДРК⁴, но, несмотря на угрозу ареста, многие конголезские саперы выходили на публику в костюмах бывших колонизаторов, выражая тем самым свой протест⁵. Так движение *SAPE* в ДРК приобрело политический характер. В истории страны оно превратилось в движение мирного культурного сопротивления, а его члены стали символом протеста. Вместе с тем в соседней Республике Конго члены *SAPE* не сталкивались с какими-либо ограничениями со стороны государства, что могло послужить одной из причин различия стилей «саперов» в ДРК и Республике Конго.

Дискуссионным остается вопрос, каковы природа, причины и характер сопротивления «саперов» в период правления Мобуту. С одной стороны, согласно позиции самого главы ДРК, облачаясь в одежду европейских угнетателей, «саперы» признавали и превозносили свое колониальное прошлое, тем самым выступая против кампании Мобуту по африканизации⁶. С другой стороны, сами «саперы» утверждали, что это было не подражание, а доказательство того, что они могут одеваться не только не хуже французов, а даже лучше. Тем са-

мым они показывали, что сами себе хозяева и могут достойно выглядеть, несмотря на экономические трудности⁷.

В XXI в. движение *SAPE* получило новый импульс в развитии, набирая популярность не только в Конго и ДРК, но и в соседних странах (например, в Кот-д'Ивуаре). К настоящему моменту движение охватило представителей различных профессий, с разным уровнем образования и дохода и образом жизни. Если изначально *SAPE* было движением молодых, то на настоящий момент в него входят представители разных поколений⁸. *SAPE* получило институциональное оформление. В Браззавиле проходят конкурсы, где «саперы» дефилируют в лучших своих костюмах, а жюри выбирает самых элегантных и стильных. Представителей *SAPE* уважает местное население: для некоторых их увлечение стилем перерастает в основную работу, а наиболее яркие представители движения заключают хорошие рекламные контракты с крупными брендами.

В 2023 г. автору удалось побеседовать с проживающим в Браззавиле «сапером»*, который поделился своими взглядами на движение. В первую очередь, он несколько раз подчеркнул, что он и его окружение являются именно «саперами», производное от *SAPE*, а не «сапологами», как их иногда называют.

В ходе беседы респондент отметил, что, согласно его информации, движение зародилось в 1960-е годы и на настоящий момент активно развивается. Вместе с тем потенциал его ограничен определенным культурным ареалом. Так, в ходе разговора собеседник подчеркнул, что движение *SAPE* популярно только в христианских (скорее, в католических и франкоязычных. – *Прим. авт.*) странах и не распространяется в мусульманской среде.

Члены *SAPE* – не обязательно богатые и обеспеченные люди. Есть те, кто одевается элегантно с минимальными издержками. Современные «саперы» в Браззавиле – это люди от 20 до 70–80 лет, с разным достатком и уровнем образования. Движение *SAPE* не разбито на четко определенные направления, но можно выделить отдельные группы: например, тех, кто предпочитает только японскую одежду или только французскую. Вместе с тем всех их объединяет умение не только элегантно одеваться, но и красиво излагать свои мысли, а также желание радоваться жизни. Хотя в разных источниках отмечалось, что в рядах «саперов» нет женщин, и приводились причины этого⁹, на настоящий момент в движении есть женщины, хотя они и составляют меньшинство.

---

* Интервью проведено в ноябре в 2023 г. в Браззавиле при помощи посредника.

Стоит отдельно прокомментировать высказывание респондента о том, что «саперов» отличает от других не только их одежда, но и культура речи. «Саперы» действительно говорят на классическом французском языке. В ходе общения понимать их гораздо легче, чем остальное местное население, говорящее на смеси французского и лингала.

В отношении наличия у движения *SAPE* политической повестки и представлений его последователей об устройстве общества, респондент отметил, что представители движения на настоящем этапе не придерживаются никаких политических взглядов, хотя есть отдельные «саперы», которые стремятся к политическому влиянию. Вместе с тем движение можно рассматривать или как форму эскапизма (ухода от нерадостной реальности и тяжелых условий жизни), или как стремление трансформировать реальность вокруг себя, получая удовольствие от жизни каждый день. Идеальное общество для «сапера» – общество без стресса, без конфликтов и войн. В этом смысле движение *SAPE* является проявлением культурного сопротивления.

Открытым при этом остается вопрос, почему эlegantность и яркая жизнь ассоциируются именно с европейской одеждой, пусть и дополненной африканским колоритом.

Наряду с аполитичными представителями (именно с таким удалось пообщаться автору), есть и те, кто считает, что движение может выйти на новый уровень, если его членами будет выработана единая повестка. Движение «станет неотъемлемой частью политической и экономической систем в Конго за счет более широкого признания его культурного и исторического значения»¹⁰.

Для дальнейшего исследования движения *SAPE* во всех сферах жизни конголезского общества необходимо более четко очертить его природу, вектор развития и базовые ценности.

В рамках неокOLONиального дискурса культуру *SAPE* можно сравнить с проявлением культурного неокOLONиализма, ведь вместо того чтобы создавать и пропагандировать собственный африканский стиль в одежде и в жизни, «саперы» подражают бывшим колонизаторам. Даже сегодня, когда прошло более 60 лет с момента получения независимости ДРК и Республикой Конго, наследие колонизализма никуда не ушло и находит проявление в неокOLONиальных и постколониальных формах в системе образования, политических и экономических структурах. НеокOLONиализм заметен даже на уровне языка: классический французский язык, которого придерживаются «саперы», ставится выше лингала. Так неокOLONиальное мышление, представление о стандартах в одежде, языке и музыке оказывает

влияние на формирование национальной и индивидуальной идентичности. Париж и по сей день для многих «саперов» является некой культурной меккой. Существует даже особый термин «*Mikiliste*», обозначающий «сапера», который съездил в Париж и вернулся, одетый по последней моде¹¹.

Таким образом, с одной стороны, *SAPE* является проявлением культурного неокOLONИализма, посредством которого западные страны продолжают оказывать влияние на бывшие колонии, с другой – существуют и альтернативные трактовки роли этого движения в современном конголезском обществе. Ряд исследователей¹² утверждают, что дендизм и *SAPE* есть проявление не колониализма, а формирования новой постколониальной идентичности, где культурное наследие колониального прошлого переосмысливается, трансформируется и приобретает новое звучание. Для молодых конголезцев элгантная одежда «саперов» является инструментом культурного сопротивления и формирования их собственной национальной и индивидуальной идентичности. мода позволяет «саперам» дистанцироваться от тяжелых будней и приблизиться к мечте о достойном образе жизни, политической, экономической и социальной стабильности. Европеизированная одежда представляется в этой связи не копированием европейских ценностей, а созданием своих собственных, конголезских.

Более того, на сегодняшний день движение *SAPE* получило распространение не только на Африканском континенте, но и за его пределами – в бывших метрополиях. Так, сообщества «саперов», пусть и небольшие, появились в Париже, Брюсселе и Лондоне¹³. Теперь уже «саперы», пусть и в незначительной степени, влияют на культурный облик европейских стран, трансформируя европейскую культуру и добавляя в нее африканский колорит.

---

¹ *Gondola Ch.D.* Dream and Drama: The Search for Elegance among Congolese Youth // African Studies Review. 1999. Vol. 42 (1). P. 26.

² *SAPE // Subcultures and Sociology.* Grinnell College. <https://haenfler.sites.grinnell.edu/subcultures-and-scenes/sape/> (дата обращения 02.02.2024)

³ Музыка Папы Вемба находится в открытом доступе. https://youtube.com/results?search_query=Para+Wemba (дата обращения 15.02.2024)

⁴ *Steinkopt-Frank H.* La SAPE: Tracing the History and the Future of the Congo's Well-Dressed Men. Thesis. Oregon Clark Honors College. 2017. P. 33. https://scholarsbank.uoregon.edu/xmlui/bitstream/handle/1794/22898/Final_thesis_Steinkopf_Frank.pdf?sequence=1 (дата обращения 12.12.2023)

⁵ Ibid.

---

⁶ *Ferguson J.G.* Of Mimicry and Membership: Africans and the ‘New World Society’ // *Cultural Anthropology*. 2002. Vol. 17 (4). P. 551–569. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1525/can.2002.17.4.551/epdf> (дата обращения 11.01.2024)

⁷ *Ibid.*

⁸ SAPE // *Subcultures and Sociology...*

⁹ *Gondola C.D.* *Op. cit.* P. 26.

¹⁰ *Steinkopt-Frank H.* *Op. cit.* P. iv.

¹¹ *Hanneken J.* Mikilistes and Modernistas: Taking Paris to the ‘Second Degree’ // *The Journal of Comparative Literature. Spanish and Portuguese Studies*. 2008. Vol. 60(4). P. 371. <https://experts.umn.edu/en/publications/mikilistes-and-modernistas-taking-paris-to-the-second-degree> (дата обращения 27.01.2024)

¹² *Thomas D.R.* Fashion Matters: “La Sape” and Vestimentary Codes in Transnational Contexts and Urban Diasporas. 2003. Vol. 118 (4). Pp. 947–973; *Gondola C.D.* *Op. cit.* P. 23–48.

¹³ *Steinkopt-Frank H.* *Op. cit.* p. ii.

ДАНТЕ ГАБРИЕЭЛЬ РОССЕТТИ «ВОЗЛЮБЛЕННАЯ»: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЧТЕНИЯ КОЛОНИАЛИЗМА

Объективные тенденции развития британской столицы, как и самой империи, ее расширение за счет колониальной экспансии прямо и косвенно воздействовали как на простых обывателей, так и на представителей академических и университетских кругов, на интеллектуалов и писателей, художников и музыкантов. Процесс профессионализации вовлек наиболее образованных африканцев в журналистику, медицину, право, сделав их частью профессионального лондонского истеблишмента, позволив думать и действовать самостоятельно, в выбранных ими сферах¹. Тем не менее Англия середины XIX в. характеризовалась активной пропагандой колониальной идеологии. Политическая элита Великобритании не готова была отойти от патерналистской модели: Англия – справедливая мать, колонии – благодарные дети². Признание равных прав и равных возможностей людей с разным цветом кожи происходило сложно. Активность африканцев способствовала привлечению внимания к африканским культурам и популяризации проблематики их существования³. В изобразительном искусстве интерес к африканской культуре набирал все большую силу.

Усиленное внимание к исторической живописи и африканцам как неотъемлемой части имперской повседневности диктовали появление на полотнах чернокожих персонажей. Сюжеты с их изображением расширялись, к ним привыкли, они стали частью повседневной жизни, хотя художники нередко продолжали эксплуатировать их соматические отличия для решения цветовой композиции своих работ. Следует отметить, что, несмотря на достаточное присутствие африканцев в жизни Лондона (их было куда больше, чем принято думать⁴), художник-африканец был скорее исключением, чем правилом, – первые профессиональные африканцы-художники известны в Лондоне с первой четверти XX в., первоначально как студенты Колледжа искусств Святого Джеймса Вуда, Школы изобразительных искусств Лондонского университета, а после как мастера графики и живописи, преподаватели искусств (нигериец Айна Онаболу (1882–1963), египтяне А. Нимр (?), А.А. Йозеф (?), Ф. Хавез (?) и др.). В XIX столетии африканцев писали белые, которые существовали в парадигме стереотипа о главенствующей роли англосаксов.

В данном контексте представляют интерес художественные образы прерафаэлитов в 1850-х годах*. Группа художников, возглавляемая Данте Габриэлем Россетти** (1828–1882), включала Эдварда Бёрн-Джонса (1833–1898), Уильяма Морриса (1834–1896) и Симеона Соломона (1840–1905). Художники, обращаясь к сюжетам Священной истории и творениям Данте, выступили за нравственные устои искусства, опирающиеся на каноны религии и красоты⁵. Недовольство этой группы художников было продиктовано засильем в Королевской Академии художеств академизма и шаблонности, выражавшихся в штудиях обнаженной натуры и слепков с классической скульптуры. Прерафаэлиты стремились изменить не только принципы современного искусства, но и его роль в социальной жизни общества. Изучение ими работ представителей Раннего Ренессанса привело к воскрешению в живописи принципов итальянских кватрочентистов, при этом прерафаэлиты выработали свой канон. Основой для композиции картин служило не воображение, а лица и типажи, взятые художниками из повседневной жизни. Пафос и величие христианских образов растворились в занимательных подробностях детально прописанных жанровых сцен⁶.

Работа «Возлюбленная» Д.Г. Россетти, созданная художником в 1865–1866 гг. по заказу банкира Джорджа Рея (1817–1902), в нынешнем столетии несколько раз становилась объектом выставок («Радикальный романтизм Россетти», 2023) и культурных мероприятий («Месяц Черной истории», 2003) в лондонской галерее Тейт. Одновременно стилизованная и натуралистичная работа, в которой выписаны многочисленные детали, а цветовое решение обеспечено контрастом образа дикаря-африканца и белых элегантных леди, стало официальной трактовкой данного произведения. Она просуществовала более столетия и доказывалась искусствоведами расхожей фразой самого автора: «Я хочу, чтобы цвета моей картины были подобны

---

* Прерафаэлитизм (1848 – конец XIX в.) – течение в изобразительном искусстве Великобритании, следовавшее наследию Раннего Ренессанса. Первый этап – с 1848 г. – характеризовался появлением «Братства прерафаэлитов» (ПРБ – *Pre-Raphaelite Brotherhood, PRB*), в которое входили: Форд Мэддокс Браун (1821–1893), Уильям Холман Хант (1827–1910), Данте Габриэль Россетти (1828–1882), Джон Эверетт Миллес (1829–1896). Второй этап – с конца 1850-х годов ознаменовался выходом из «Братства прерафаэлитов» группы художников во главе с Д.Г. Россетти.

** Данте Габриэль Россетти – английский художник и иллюстратор. Сын итальянского политического иммигранта Габриэле Россетти. В 18-летнем возрасте Д.Г. Россетти стал главой «Братства прерафаэлитов». Творчество художника оказало огромное влияние на английскую живопись конца XIX – начала XX в., во многом предопределило английский модернизм.

драгоценным камням, а гагат был бесценен»⁷. В последней четверти XX в. в британской исследовательской среде произошло так называемое «очеловечивание» африканцев. Был утвержден тезис, что они – не индифферентная черная масса, поверженная силой британского оружия, а индивиды, не уступающие в своем интеллектуальном развитии представителям белой расы⁸. В возникшей парадигме общепринятая точка зрения презентации полотна Россетти подверглась ревизии исследователями творческого наследия прерафаэлитов⁹.

* * *

В 1865 г. Г.Д. Россетти отправился во Францию, на Парижский салон, где в том числе он посетил выставку Салона отверженных, на которой Эдуард Мане (1832–1883) представил полотно «Олимпия» (музей д'Орсе, 1863) – парафраз Венер Тициана и Джорджоне. Работа художника произвела на Д.Г. Россетти неизгладимое впечатление. Цветовой контраст работы Мане, радикализм изображаемых моделей, использование атрибутов колониализма – все это способствовало зарождению в творчестве Д.Г. Россетти определенного восприятия действительности, осознания ее иерархичности¹⁰.

Основой живописного полотна Д.Г. Россетти стала работа Тициана «Женщина перед зеркалом» (Лувр, 1515). Д.Г. Россетти адаптировал изображенный Тицианом образ под библейский сюжет из «Песни Песней Соломона», когда «Возлюбленная» в окружении своих подруг идет к жениху. Увлечение художника африканской и азиатской культурами способствовало воспроизведению в картине восточного колорита, вводу в композицию экзотических цветов и растений.

По мнению журналиста и искусствоведа, ведущего исследователя творческого наследия Д.Г. Россетти и прерафаэлитов Дж. Марш, основанному на глубоком анализе изображенных художником моделей, изучении его восприятия действительности по дневникам¹¹, работа Д.Г. Россетти носит яркий англоцентричный характер и является отражением типичного расово-социального и гендерного восприятия женщин в Лондоне середины XIX в. Изображение маргинальных моделей позволяет трактовать их в этническом и социальном плане в парадигме величия и превосходства белой, английской, патерналистской нации над прочими, прежде всего колониальными, народами¹².

Исследователь акцентирует внимание на том, что центральной фигурой композиции является не только белая модель Мэри Форд (?), но и другие, вписанные в круговую композицию фигуры: итальянка Кеоми Грей Боннет (1841–1914), африканка ямайского

происхождения Фанни Итон (1835–1924), цыганка (?) и англичанка Элен Смит (?) (справа налево). Ясно, что центр композиции – белая англичанка, далее художником выстроены две линии: первый план, где изображены англичанка и итальянка (европейка), и второй, куда были помещены вест-индийка и цыганка. В картине присутствует яркий контраст слуги-африканца, чья фигура расположена снизу символического круга и вне его, с центральной фигурой белой английской леди.

С чем был связан круг привлечения именно этих моделей и такая композиционная расстановка, а также многочисленные поправки в картине, где художник заменял и переписывал часть моделей? Возможно, автор стремился показать некую социальную лестницу, основанную на этническом положении женщин в Англии в XIX в., где первое место всегда принадлежало белым. Художнику требовались образы, и в этой связи расположение моделей по этническому признаку было осознанным и продуманным действием Д.Г. Россетти. Тем не менее обе натурщицы-англичанки имели далеко не аристократическое происхождение: Э. Смит была обыкновенной прачкой, о М. Форд практически ничего не известно. Данный факт подчеркивает приверженность Д.Г. Россетти идеям прерафаэлитов – привлечение моделей вне зависимости от их социального статуса.

В отношении моделей Д.Г. Россетти следует подчеркнуть, что информации о них практически нет. Даты рождения и смерти Э. Смит отсутствуют. Известно, что с 60-х годов XIX в. Элен стала позировать Д.Г. Россетти. Художник повстречал молодую девушку на улице Лондона и предложил ей работу натурщицы. Утонченная внешность Элен в сочетании с ветреностью девушки привели к тому, что один из ее поклонников, будучи отвергнутым, исполосовал ей лицо ножом. Карьера натурщицы была прервана. О дальнейшей судьбе Элен известно только то, что она вышла замуж. О К.Г. Боннет осталось больше сведений. Она была итальянкой по происхождению, родом из Восточной Англии. Боннет была спутницей художника круга прерафаэлитов Фредерика Сэндиса (1829–1904), у них было четверо детей¹³. Россетти, будучи итальянцем, умышленно ввел в картину Кеоми, стремясь уравнять свое происхождение с «титულიной» нацией¹⁴.

Биография еще одной модели, Ф. Итон, представлена наиболее полно. Она прибыла в Лондон из Вест-Индии с матерью-африканкой, отец был солдатом родом из Шотландии. С 1859 г. она начала позировать художникам круга прерафаэлитов, а с 1867 г. вошла в штат натурщиков Королевской академии художеств. После 1881 г. Итон оставила работу моделью, освоив ремесло швеи, а позже работала

кухаркой. Муж Фанни рано умер, оставив жену с 10 детьми. Информация о последних годах жизни Итон практически отсутствует. Известно только, что она жила и скончалась в доме у одной из своих дочерей¹⁵.

Для полного раскрытия замысла художника интересно рассмотреть контексты ввода мальчика-африканца в композицию картины. В дневниках Д.Г. Россетти присутствует переписка с неким американским аболиционистом Монкуром Конвейем (1832–1907). М. Конвей прибыл в Лондон для агитации против рабовладения в апреле 1863 г.¹⁶, в ходе которой он заручился поддержкой художника. В результате их общения задуманное изображение девочки-метиски, моделью для которой стала старшая дочь Ф. Итон Матильда, было переписано дважды одно поверх другого, а после совсем заменено художником на африканского мальчика (1873). О самом мальчике известно, что Д.Г. Россетти повстречал его близ отеля. Далее согласовал условия работы африканца в качестве натурщика с его американским «хозяином» – именно так он представился художнику, пожелав остаться инкогнито¹⁷. Кем на самом деле был маленький африканец, остается неизвестным, возможно – учеником, слугой или рабом¹⁸. Ясно одно: ввод в картину чернокожего персонажа, с одной стороны, решал художественно-композиционные задачи автора, с другой – апеллировал к работам английских мастеров XVII – середины XVIII в., на которых изображение черного раба являлось атрибутом белого аристократа.

Наиболее неоднозначной трактовкой произведения Г.Д. Россетти является позиция искусствоведа Э. Преттеджон, основанная на подписи картины «Мой возлюбленный – мой, а я – его». Интересно, что автор сознательно обращается лишь к части надписи. В этой связи исследователь трактует «Возлюбленную» не как невесту, а как «Возлюбленного» – приближающегося к группе девушек мужчине-африканца¹⁹. Таким образом, Э. Преттеджон предприняла попытку представить бытовавший в лондонском обществе с XVII в. стереотип восприятия африканцев, основанный на «порочности и греховности», которые они вселяли в белых лондонских аристократок.

Изучая работу Г.Д. Россетти, можно с уверенностью утверждать, что, в стремлении показать и раскрыть грацию и женскую красоту, художник, отдав дань колониальной традиции, использовал манеру изображения африканцев в XVII – середине XVIII столетия. При этом автор расширил англоцентричный стереотип, включив в картину моделей различного социального и этнического происхождения, обеспечив в том числе и цветовой контраст изображения.

---

¹ *Травельян Дж.* История Англии от Чосера до королевы Виктории: пер. с англ. А.А. Крушинской, К.Р. Татариновой. Смоленск: Русич, 2007. С. 500.

² *Дронова Н.В.* Вопрос об общеимперском парламенте в теоретических исканиях периода раннего британского федерализма (50–70-х гг. XIX в.) // Британский мир. История Британии: современные исследования / отв. ред. М.П. Айзенштат, Т.Л. Лабутина. М., 2015. С. 299.

³ *Killingray D.* Africans in Britain. L.: F. Cass, 1994. P. 4.

⁴ *Adebayo D.* White lines // The Guardian. 15.10.2005. <https://theguardian.com/artanddesign/2005/oct/15/art1> (дата обращения 04.09.2023)

⁵ Энциклопедический словарь «Избранный Брокгауз». Искусство Западной Европы. Англия. Франция. М.: Олма-Пресс, 2000. С. 261.

⁶ *Познанская А.* Выставка, которую ждали сто лет // Третьяковская галерея. 2013. № 2 (39). <https://tg-m.ru/articles/%E2%84%962-2013-39/vystavka-kotoruyu-zhdali-sto-let> (дата обращения 04.09.2023)

⁷ *Marsh J.* The Illustrated Letters and Diaries of the Pre-Raphaelites. L.: Pavilion books Company, 2018. P. 64.

⁸ *Walvin J.* Black and White. The Negro and English Society. 1555–1945. L.: Allen Lane, 1973. 239 p.; *Shyllon F.* Black People in Britain. Oxford: Oxford University Press for the Institute of Race Relations, 1977. 290 p.; *Fryer P.* Staying Power: The History of Black People in Britain. L.: Pluto Press, 1984. 632 p.; *Dabydeen D.* Hogarth's Blacks. Kingston-upon-Thames: Dangaroo Press, 1985. 155 p.

⁹ *Marsh J.* Pre-Raphaelite women: images of femininity in pre-Raphaelite art. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1987. 160 p.; *Barringer T.* Reading the Pre-Raphaelites. Yale: Yale University Press, 2012. 192 p.; *Venus Surrounded by Mirrors* // The Rossettis Radical Romantics. 6 Apr. – 24 Sep. 2023. Large Print Guide. Tate. P. 96–106. https://tate.org.uk/documents/1839/TB_EXH_0075_The_RossettisVLPG_one_booklet_WEB_AW.pdf (дата обращения 31.01.2024), etc.

¹⁰ *Stories of art 1800–1900. Realism, Naturalism and Representation* // The National Gallery. <https://nationalgallery.org.uk/events/course-stories-of-art-1800-1900> (дата обращения 06.09.2023)

¹¹ *Marsh J.* The Illustrated Letters and Diaries... P. 160.

¹² *Marsh J.* Pre-Raphaelite Women Artists. Manchester: Manchester City Art Galleries, 1997. 89 p.

¹³ *Venus Surrounded by Mirrors.* Op. cit. P. 101–102.

¹⁴ *Marsh J.* The Illustrated Letters and Diaries... P. 36–38.

¹⁵ *Блинова Е.В.* Черные модели Прерафаэлитов: Фанни Итон // Ароматы, ритмы и цвета в мировой истории: материалы конференции / отв. ред. Т.М. Гавристова; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, Институт Африки РАН. Ярославль: Филигрань, 2023. С. 17–20.

¹⁶ *Moncure Conway (1832-1907)* // Humanist Heritage. <https://heritage.humanists.uk/moncure-conway/> (дата обращения 25.08.2023)

¹⁷ *The Beloved* // Objects & Commentary. Rossetti Archive. <http://rossettiarchive.org/docs/s182.rawcollection.html> (дата обращения 31.01.2024)

¹⁸ *Venus Surrounded by Mirrors.* Op. cit. P. 98–99.

¹⁹ *Prettejohn E.* The Art of the Pre-Raphaelites. Princeton: Princeton University Press, 2000. 304 p.

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ ЗАПАХОВ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА ИЗ ПАРФЮМЕРНОЙ ИНДУСТРИИ *SCENT FESTIVAL*

Теоретическое обоснование вопроса

В философии восприятия зрение традиционно считалось доминирующим чувством. Западная эстетика долгое время рассматривала обоняние как второстепенное чувство из-за его субъективности, непостоянства и материальности. Но именно эти качества делают обоняние особенно важным инструментом для выявления и оценки экологических рисков и уровня неравенства. Об этом допущении пишут исследователи в области ольфакторной теории, в частности Л. Шайнер, отмечая исторически сложившееся пренебрежительное отношение к обонянию и возведение его в ранг низких чувств, что было свойственно для западной культуры и находило отражение в трудах философов разных эпох¹.

А. Келлер рассматривает обоняние как центральную сенсорную парадигму, способную трансформировать философию восприятия. По его мнению, смещение фокуса на обоняние открывает новые пути изучения социопро пространственной динамики и позволяет сосредоточиться на природе перцептивных качеств, а не на их расположении во времени и пространстве. А. Келлер вводит понятие перцептивных качеств (например, краснота помидора или запах розы) в качестве фундаментальных блоков восприятия: все зрительное восприятие складывается из цветов, а ольфакторное – из запахов. Он описывает многомерное пространство качеств, охватывающее все сенсорные модальности и упорядоченное по сходству свойств (так, более резкие запахи сопоставимы с более громкими звуками или более темными цветами – проявление синестезии, где сигнал от одного органа чувств соединяется с сигналом от другого). Исследователь вводит «стратегию третьего лица» для доступа к перцептивным качествам, чтобы сделать науку о восприятии максимально объективной: ощущения разных людей переводятся в единую систему координат и сравниваются в общем пространстве, что обеспечивает максимальную беспристрастность. А. Келлер подчеркивает, что у разных сенсорных модальностей разная структура: если у зрения она пространственная, то обоняние лишено пространственной локализации (чело-

век не способен точно определить источник запаха). Иными словами, обоняние связано прежде всего с качествами самих стимулов, а не с их положением в пространстве или времени. Такой теоретический сдвиг важен для деколонизации обоняния, поскольку предполагает, что следует относиться к запахам на равных с другими чувствами и избавляться от предубеждений (в том числе укорененных в западно-колониальной парадигме) относительно более низкого статуса обонятельного опыта².

В последнее время отношение к обонянию меняется, что отражено в книге Сюаня Л. Сюя, в которой он рассматривает, как писатели, художники и активисты (например, экологические и социальные) используют воплощенные биохимические свойства запаха для критики и преобразования существующего в современности ольфакторного неравенства³. Автор закладывает основу для понимания дифференцированной «ольфакторной экологии» современного мира – то есть неравномерного распределения запахов в окружающей среде и связанных с этим рисков. В своей работе он выделяет множество антирасистских и деколонизальных ольфакторных практик как реакцию на способы, которыми обоняние и связанные с ним дискурсы использовались в качестве инструмента расизма и колониализма, например, через стигматизацию «негигиеничных» запахов или через уничтожение мест обитания коренных народов и связанных с ними запахов. Кроме того, его способ повествования является напоминанием о том, что ольфакторные практики, укорененные в культурах, выходят за рамки концептуального искусства. Сюань Л. Сюй приводит разнообразные примеры антирасистских инициатив, связанных с запахом: от детективных романов, фокусирующихся на расистской инфраструктуре города (раскрывая институциональные предрассудки, заложенные в городском пространстве, вместо привычной персонификации преступника), до инсталляции Аники Йи «*Life is Cheap*» в музее Гуггенхайма, знакомящей посетителей с запахами, источником которых являются женщины из корейских и китайских общин Нью-Йорка. Усилия по деколонизации запаха включают и описания церемоний коренных народов: окуривание пространств, сбор «сладкой травы», взаимодействие со стихиями. Понимание того, как запахи (и все, что с ними ассоциируется) формируются в рамках культуры, может изменить реакции на условные «свежие» запахи (ароматизированные средства), а также на незнакомые или исторически стигматизированные запахи. Автор отмечает, что одной из ключевых задач книги становится воспитание более внимательного отношения как к повседневным запахам окружающей среды, которые люди воспринимают

как нечто обыденное, так и к *shadow smells* («теньевые запахи», обычно воспринимаются как загрязнения), которые распространены в менее привилегированных локациях.

Другой исследователь, Дж. Рейнарц, выдвигает предположение, что значимость запахов в европейском обществе существенно ниже и что именно эта тенденция привела к обесцениванию более чуткого обоняния у представителей других рас⁴. Однако склонность к негативному описанию запахов чужих культурных групп характерна и для незападного населения. Исследователь делает акцент на культурных и экологических факторах, которые сыграли важную роль в концептуализации запахов, ставших характерными для определенной расы.

Разделение определенных ароматов по национальному признаку находит отражение в фетишизации Востока, распространенной в парфюмерной индустрии, что выражается в использовании ориенталистских терминов вроде «*Oriental*» и «*Floriental*» в названии и описании продукции.

Однако это является проблематичным по ряду причин. Во-первых, такие категории никак не связаны с реальным опытом обоняния. К примеру, ни в одной смежной отрасли (пищевой, алкогольной, табачной и т.д.) не существует ароматизаторов с подобными названиями. Во-вторых, эти термины устарели и имеют оскорбительный оттенок как для представителей восточных культур, так и для других сообществ, чьи традиционные ароматы произвольно обозначаются как «ориентальные». Понятия «*Oriental*» и «*Floriental*» сформированы через призму колониализма: в колониальную эпоху англо-европейские страны позиционировали себя как центр мира, определяя другие регионы как «Восток» – экзотичный объект фетишизации. Кроме того, под ярлыком «*Oriental*» условно объединяется обширный регион (Ближний Восток, Северная Африка, Южная Азия и др.), являющийся колыбелью древнейших парфюмерных традиций и главным поставщиком ароматического сырья. Использование этого термина лишь как синонима экзотики фактически отодвигает на задний план современные реалии империализма и исламофобии, которые продолжают дестабилизировать упомянутые регионы. Кроме того, в современном дискурсе наблюдается стремление устранить наследие колониализма, системного расизма и политики превосходства белых – в том числе и в языке, описывающем запахи. Это выражается в требованиях равного представительства для *BIPOC* (*Black, Indigenous, People of Color* – чернокожих, коренных и других небелых народов) и маргинализированных сообществ в различных сферах, а также в пере-

смотре устоявшейся терминологии. Показательно, что администрация Б. Обамы приняла закон, исключивший слово «*Oriental*» из официальных документов США при описании граждан азиатско-американского происхождения. Кроме того, с начала пандемии резко возросло число преступлений на почве ненависти в отношении выходцев из Азии – во многом вследствие отчуждения образа «Другого» и дегуманизации этих культур. Подобная риторика типична для ориентализма, пронизанного колониальным мышлением, и демонстрирует необходимость смены языка в отношении запахов «Востока».

Л. Шайнер отмечает, что обонятельные способности у людей достаточно сильны, чтобы генерировать эстетические переживания, которые позволяют когнитивно оценивать и лингвистически описывать произведения искусства, обладающие запахами, как уникальную категорию⁵. Ключевым для ольфакторного искусства становится элемент участия, к которому могут относиться всевозможные способы использования запахов для вовлечения наблюдателя в активное эстетическое переживание.

Использование определенных терминов и описаний может идти вместе с определенными аффектами, которые влияют на восприятие ароматов. Тереза Бреннан в своей книге «*The Transmission of Affect*» обсуждает, как аффекты могут передаваться индивидам и группам напрямую и формировать восприятие окружающего мира⁶. Согласно автору, аффекты не являются чисто индивидуальными и могут переходить от человека к человеку через различные формы взаимодействия. Это может осуществляться как через прямое телесное взаимодействие, так и через нематериальные каналы (язык, культура и общество). Тереза Бреннан отмечает, что аффекты влияют не только на восприятие и эмоции, но и на физическое тело и здоровье. Она высказывает идею, что эмоции могут передаваться или «заражать» окружающих. Это происходит через процесс, который она называет «передачей аффекта», включающий в себя способность человека воспринимать и влиять на эмоциональные состояния других людей. Так эмоции индивида могут быть следствием воздействия его окружения.

Парфюмы часто являются причиной сильных эмоциональных реакций и могут вызвать различные ассоциации и воспоминания. Брайан Массуми, один из ключевых теоретиков в области аффектов, обращает особое внимание на телесность и физиологию в контексте аффектов, а также на их отношение к культуре и обществу⁷. Одним из основных понятий, которое он использует, является интенсивность опыта. Брайан Массуми отмечает, что аффекты выходят за рамки

субъекта и видоизменяются в социальные процессы, становясь мощным инструментом трансформации.

Деколонизация запахов в проекте *Scent Festival*

Активной работой в сфере деколонизации запахов и вовлечением аудитории в ольфакторные практики занимается профессиональный парфюмер Йош Хан в рамках проекта *Scent Festival*⁸. Это ежегодное диджитал-мероприятие, которое посвящено обонянию и органам чувств. Фестиваль является платформой для поддержки представителей маргинализированных сообществ, которые работают с запахами, и спонсирует петицию (коллективное обращение для сбора подписей) о реклассификации ориентальной категории в парфюмерии, призывая отказаться от фетишизированного образа Востока и заменить устаревшую категорию нейтральной классификацией, основанной на свойствах ароматов. В рамках фестиваля также происходит знакомство с запахами из разных регионов мира (преимущественно из Африки) и затрагивается специфика производства и символизм каждой составляющей ароматических смесей.

Кроме того, доступны и занятия с экспертами – от искусствоведов до художников-экспериментаторов. На фестивале смещается фокус с традиционно европейской парфюмерии на локальные культуры, где искусство создания ароматических композиций зародилось намного раньше. На платформе *Scent Festival* представлены различные тематические бренды (неевропейские в большинстве своем), они также получают всестороннюю поддержку и продвижение в социальных сетях. Платформа имеет культурно-просветительский характер, хотя основные события коммерциализированы. Кроме того, рассматриваются темы соединения запахов с различными областями исследований, такими как музыка, дизайн, устойчивое развитие, а также опыт синестезии, когда происходит перекрестное смешение ощущений разных органов чувств, и вопросы деколонизации и реклассификации парфюмерии с опорой на традиции регионов Восточной и Северной Африки.

Йош Хан привлекает внимание к проблемам некоторых экономически неблагополучных районов США, где даже в магазинах массового спроса ароматы запирают на замок в специальных шкафчиках, при том что они не относятся к премиум-сегменту⁹. Те же товары в традиционно белых и «благополучных» кварталах стоят в свободном доступе. Это стало одним из стимулов для создания своего проекта, где продукция нацелена в том числе и на состоятельных представите-

лей маргинализированных сообществ, которые могут позволить себе парфюмерные композиции, не прибегая к представленным в масмаркетах аналогам.

Отдельно стоит отметить петицию парфюмера по сбору подписей с полным названием «*Reclassify “Oriental” and “Floriental” in the fragrance industry*»¹⁰. Ее целью является отказ от фетишизированного образа Востока в индустрии по производству ароматов и замена соответствующих понятий на нейтральные, в основе которых лежит специфика запахов и их свойства. Вместо романтизированного представления о культуре фокус смещается на органолептические свойства.

Аудиторией обращения является население всего мира, но особое внимание уделяется тем специалистам, которые имеют отношение к парфюмерной индустрии (рекламодатели, потребители, инфлюэнсеры, представители брендов). Йош Хан призывает к активным действиям и к большей инклюзии в индивидуальной жизни каждого¹¹. К этому может относиться проактивная позиция, когда люди самостоятельно просят бренды изменить *tone of voice* в своем позиционировании или в рекламе продаваемых товаров. Следующим шагом может стать привлечение к ответственности и отслеживание хода выполнения запроса (полгода-год), а по истечении срока возможны повторные обращения. Безусловно, сюда же относится и репрезентация сообществ чернокожих, «цветных» и коренных народов, и поощрение разнообразия (*inclusion & diversity*) в компаниях. Парфюмер говорит о своем проекте как о пространстве для интерсекциональной парфюмерии, которая возможна после деколонизации запахов и дезодорирования расизма. В качестве альтернатив для привычных ориенталистских описаний предлагается использовать понятия, непосредственно относящиеся к аромату (специи, смолы, амбра, древесные породы). При нескольких преобладающих ароматах возможно соединение терминов в одно слово: *Vamber* (*Vanilla + Amber*), *Florvamber* (*Floral + Vamber*). А еще использовать культурно закрепленные понятия: так страны Персидского залива для смеси из нескольких конкретных ароматов выбрали название «Мухаллат». Среди ресурсов, к которым предлагает обращаться парфюмер, чтобы узнать о проблемах в индустрии, присутствуют основополагающие тексты по ориентализму Э. Саида наряду с новостями, подкастами, статьями из журналов¹². Отдельно стоит выделить описанную выше книгу Сюаня Л. Сюя «*Smell of Risk: Environmental Disparities and Olfactory Aesthetics*».

Одним из важнейших результатов этого обращения стало обновление и так называемых *Fragrance Wheels* или колес ароматов¹³.

С 2021 г. многие известные парфюмерные компании (среди которых и *Fragrances of the World*) внесли ряд изменений в язык описания продукции. Это касается американских, британских и французских версий их изданий, где «*Oriental*» и все его производные меняются на «*Amber*». Этот факт получил широкую огласку благодаря оперативным пресс-релизам. Двигателями таких значимых изменений стали несколько парфюмеров во главе с Йош Хан, которые обратили внимание на эту несправедливость. Стоит отметить, что смена термина «*Oriental*» на «*Amber*», может стать причиной иных аффективных реакций. «*Amber*» ввиду культурного контекста, а также прямого перевода как янтарь, может вызвать образы теплоты и роскоши. А аффективные ассоциации, вызываемые термином «*Oriental*», могут быть связаны с экзотизацией, стереотипами о Востоке или колониальным прошлым.

При рассказе об изменениях в политике бренда 19–69 – культового нишевого парфюмерного дома из Швеции, известного провокационными ароматами, вдохновленными различными культурами и эпохами, отмечается беспрецедентная реакция аудитории на деколонизацию языка ароматов. Отрицательный отклик был столь силен, что компании пришлось удалять и переименовывать свой *Instagram** 2–3 раза¹⁴. Это стало возможным в основном благодаря отклику парфюмерной ниши в *TikTok*, а также подписантам петиции о реклассификации ароматов, что явилось причиной большого числа сообщений о некорректном использовании терминов и изображений в их ароматической продукции. Массовый флешмоб об изменении языка позиционирования бренда тоже может быть следствием аффектов, когда реакция аудитории свидетельствует о том, что используемая терминология могла вызывать эмоциональное отторжение или даже дискомфорт (особенно для конкретных культурных групп).

Важное значение в этом контексте имеет идея Брайана Массуми о «мобилизации аффекта», то есть использовании аффектов для стимулирования социальных движений и коллективных действий¹⁵. *Scent Festival* и петиция о реклассификации ориентальной категории могут быть рассмотрены в качестве примеров, когда запахи и истории, с ними связанные, используются для стимулирования общественного диалога и расширения представлений о парфюмерии и ее инклюзивности. Брайан Массуми тоже подчеркивает, что аффекты – это не только индивидуальные ощущения, но и социальные и политические

---

* Принадлежит компании *Meta*, признанной экстремистской, запрещена на территории РФ.

силы, которые формируют восприятие мира и взаимодействие с ним. Он также развивает мысль о том, что аффекты могут быть непосредственно связаны с политикой и социальными изменениями. В своей работе «*Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation*» он описывает, как аффекты могут стать движущей силой перемен. В этом контексте деколонизация языка парфюмерии может указывать на изменения в аффективных структурах, поддерживающих колониальные и расистские представления в индустрии. Переосмысление языка, используемого в парфюмерном производстве, не только изменяет способ, которым мы говорим и думаем об этих продуктах, но и воздействует на то, какие аффективные реакции они вызывают. В ходе этого процесса элиминируются негативные аффекты, связанные с несправедливостью в обществе, и становится возможным новый аффективный режим, где признается и уважается мультикультурность и разнообразие в области парфюмерии.

* * *

Таким образом, в ходе деколонизации парфюмерной индустрии предлагается новый подход к классификации и описанию ароматов, который подчеркивает и уважает культурное разнообразие, способствует большей инклюзии и снятию стигматизации с запахов, традиционных для различных культур. В частности, проект *Scents Festival* служит платформой для исследования и переосмысления восточных ароматов, прежде всего через преодоление евроцентричного взгляда на парфюмерную индустрию. Переосмысление роли обоняния в западной культуре осуществляется исследователями в области ольфакторной теории, которые все чаще обращают внимание на значимость этого чувства как для расширенного восприятия действительности, так и для получения эстетического опыта. Йош Хан старается изменить аффективное взаимодействие с парфюмерией. Трансформация передачи аффектов через запахи происходит в том числе и благодаря процессу переосмысления и переформулирования языка, используемого в парфюмерной индустрии. Исследователь призывает использовать понятия, которые максимально приближены к реальному описанию ароматов и уважительны по отношению к культурам, а не воспроизводят стереотипные паттерны. Существующие в этой области термины, такие как «*Oriental*» и «*Floriental*», проблематичны, поскольку отражают устаревшие колониальные представления о Востоке и могут быть оскорбительными. Эти понятия являются продуктом ориентализма, где стереотипизируется и фетишизируется Восток и восточные культуры. Проект по деколонизации парфюмерии может

быть рассмотрен как попытка изменения передачи аффекта в парфюмерной индустрии через использование собственной платформы и ресурсов. В контексте деятельности Йош Хана аффекты воспроизводятся через язык и практики. Стереотипы и пережитки колониализма, которые передаются путем использования определенных терминов и концепций, могут вызывать аффективные реакции у людей, взаимодействующих с этими продуктами или брендами. Это влияет не только на восприятие ими ароматов, но и на их понимание себя и окружающих в социокультурном контексте. Усилия Йош Хана по деколонизации и изменениям традиционного языка, принятого в парфюмерии, может представлять собой попытку переработать аффективные структуры и создать более справедливые и инклюзивные практики в этой сфере.

---

¹ *Shiner L.* Art Scents: Exploring the Aesthetics of Smell and the Olfactory Arts. N.Y.: Oxford University Press, 2020.

² *Keller A.* Philosophy of Olfactory Perception. Cham: Springer International Publishing AG, 2017.

³ *Hsuan L. Hsu.* The smell of risk: environmental disparities and olfactory aesthetics. N.Y.: New York University Press, 2020.

⁴ *Reinartz J.* Past Scents: Historical Perspectives on Smell. Urbana, Chicago, Springfield: University of Illinois Press, 2014.

⁵ *Shiner L.E.* Op. cit.

⁶ *Brennan T.* The transmission of affect. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2004.

⁷ *Massumi B.* Parables for the virtual: Movement, affect, sensation. Durham: Duke University Press, 2021.

⁸ Scent_festival. https://instagram.com/scent_festival/?hl=en (дата обращения 07.06.2023)

⁹ Decolonizing Scent with Yosh Han // The Grapevine. <https://blog.sporahealth.com/more-reads/decolonizing-scent-with-yosh-han> (дата обращения 03.06.2023)

¹⁰ Reclassify “Oriental” and “Floriental” in the fragrance industry // Change.org. <https://change.org/p/sign-the-petition-to-reclassify-oriental-and-floriental-and-share-it-with-others> (дата обращения 04.06.2023)

¹¹ Perfume Room Podcast // Apple Podcasts. <https://podcasts.apple.com/us/podcast/32-the-future-is-fragrance-w-fragrance-foundation/id1565584690?i=1000547536506> (дата обращения 05.06.2023)

¹² Decolonize Scent – Resources Pages // Google Docs. https://docs.google.com/document/d/1wMHR_BfHnKrCaCHMnIAoYdaEedAzoR2_2IXgGNboeoE/edit (дата обращения 04.06.2023)

¹³ Oriental Update // Change.org. <https://change.org/p/sign-the-petition-to-reclassify-oriental-and-floriental-and-share-it-with-others/u/30175360> (дата обращения 06.06.2023)

¹⁴ Tides are Changing // Change.org. <https://change.org/p/sign-the-petition-to-reclassify-oriental-and-floriental-and-share-it-with-others/u/30040886> (дата обращения 04.06.2023)

¹⁵ *Massumi B.* Op. cit.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование истоков и природы колониализма, процессов становления и развития неоколониализма и деколонизации в настоящей монографии позволили существенно расширить наши знания и представления об этих явлениях. Обращение к этой тематике наглядно показывает нам, насколько широким остается до сих пор поле для исследования, а анализ современных методов неоколониального влияния и современного дискурса борьбы с идеологиями и практиками неоколониализма является чрезвычайно актуальным в наши дни, когда бывшие центры колониальных империй и США широко используют все возможности для сохранения сложившегося мироустройства и своего влияния в бывших зависимых территориях.

Участие в монографии широкого и разнопланового коллектива историков, культурологов, политологов позволило не только осветить многие вопросы становления и развития системы колониализма – явления, достаточно хорошо изученного в советской африканистике, но по-прежнему требующего осмысления и дополнения в силу своего глобального масштаба, но также представить новые, иногда неожиданные повороты в тематике исследований. Изучение таких важных научных областей как методология, историография и поиск новых источников, а также анализ современных теорий (постколониальной или деколониальной), сквозь призму которых часто рассматриваются изучаемые проблемы, призван усилить наше понимание этого неоднозначного вопроса. В главах по историографии и источниковедению представлена широкая база для дальнейших исследований, но также в них акцентируется внимание на еще малоизвестных работах и источниках.

При исследовании исторических аспектов становления и развития колониальной системы раскрываются и дополняются новые, разноплановые темы в изучении этого вопроса. Это и открытие территорий в Африке, и освоение ее природных ресурсов, и неоднозначная роль миссионеров и церкви в процессе развития народов Африки, и особенности колониального управления, и события, связанные с англо-бурской войной 1899-1902 гг., одной из первых империалистических войн уже за передел колоний. Авторы нашли новые, неизученные аспекты этих проблем, и ранее привлекавших достаточно внимания исследователей.

Анализируя теории и практики неоколониализма, авторы поднимают ряд вопросов, не теряющих острой актуальности и сегодня.

Так, роль panaфриканизма и борьбы с неокOLONиализмом в становлении и развитии Гвинейской Республики, а также ее участия в создании Организации африканского единства (ОАЕ) дополнена общим обзором значения как этой организации, так и ее преемника – Африканского союза – для Африки в целом. Рассмотрен особый путь развития ЮАР и влияние на него неокOLONиализма, а также показана специфическая роль США в истории современной Эфиопии. Таким болезненным для современной Африки проблемам как «утечка мозгов» и свержение режимов, находящихся под неокOLONиальным влиянием, придается особое значение. Недаром события в зоне Сахеля, в частности в Нигере, называют новым витком антиколониальной борьбы в Африке и «второй деколонизацией Черного континента».

Особое внимание в настоящее время привлекают вопросы ментальной деколонизации. Начиная с описания общей картины развития идей о деколонизации сознания африканцев и анализа существующих в этой сфере проблем, в монографии представлены очень интересные примеры этих явлений не только в таких областях культуры, как литература и живопись, но также в моде и парфюмерии.

Подводя итог рассмотрению вопросов колониализма, неокOLONиализма и деколонизации в данной монографии, отметим, что впервые за долгое время сделана попытка расширить спектр проблем, связанных с этой достаточно хорошо изученной тематикой. Авторы вновь поднимают вопрос о значении колониального и неокOLONиального влияния на судьбы Африканского континента, а также о необходимости и оправданности продолжения деколонизации во всех сферах общественной жизни африканских стран.

SUMMARY

Colonialism, Neocolonialism, Decolonization: Research Experience and Contemporary Discourse

Part I. Study of Colonialism, Neocolonialism, and Decolonization: Methods, Historiography, and New Sources

The chapter 1 “African Intellectuals on Postcolonial and Decolonization Methodology: A Guideline or a Trigger?” indicated that African studies, like any interdisciplinary field, is characterized by a continuous search for improvement in theoretical and methodological principles. Recently, the discussion around the use of postcolonial and decolonial methodologies within African studies has gained relevance among scholars from various countries and schools of thought. This chapter provides a brief analysis of the perspectives of African philosophers, historians, and cultural scholars on this issue. The author attempts to answer the question of what intellectuals such as Achille Mbembe, Sabelo Ndlovu Gatsheni, and Olufemi Taiwo believe postcolonial and decolonial approaches are – benchmarks or catalysts? By identifying and examining examples of support and criticism of these methodologies, the author concludes that opinions among intellectuals range from strong endorsement to outright rejection, and are subject to change. Depending on the field, circumstances, and methods of application, postcolonial and decolonial approaches can show both effectiveness and limitations. They should not be viewed as universal methodologies for studying colonialism or addressing issues in African studies. Instead, they act as triggers or catalysts for transforming the academic and cultural landscape, challenging the development of knowledge and understanding of the continent.

In the chapter 2 “Are Postcolonial Studies Anti-colonial?” the author presents the evolution of the dominant critical discourse. While in the first years after the independence of African countries, genuine anti-colonial studies (both by Africans themselves and by researchers from other countries) devoted to strengthening the sovereignty (primarily economic one) of young states were widespread, since the 1990s the situation has changed dramatically. The so-called *Postcolonial studies*, which refer to a completely different subject matter, came to the fore. Their authors are dozens of emigrant researchers from the Global South, embedded in the academic circles of the collective West and globally

disseminating the new-fashioned discourse. This current is designed to intellectually ensure the comfortable cultural integration of thousands of migrants from developing countries into the societies of the “golden billion” countries. This, as a rule, has nothing to do with strengthening the potential of African countries proper, but rather contributes to the brain drain. The author shows that there has been a *de facto* very subtle substitution of the dominant critical discourse, based not even on a wordplay, but on different semantic connotations of a single word – “postcolonial”. On the one hand, it is a temporal category that has no emotional connotation. On the other hand, it is a socially constructed reality of “global society”. This paper explores the factors that made this intellectual substitution possible. Among them are the social demand to build a “global world”, the strengthening of unipolar trends in the 1990s, the dominance of Western countries in the established hierarchies of knowledge dissemination, the transition from collective to individual right to development, etc. The author concludes that, against the backdrop of the second wave of African awakening and growing processes of deglobalization, the relevance of postcolonial discourse will decline and anti-colonial studies in their original interpretation will be reactualized.

The chapter 3 “Socio-Political History of African Countries: Research of the Institute for African Studies of the Academy of Sciences of the USSR / Russian Academy of Sciences in the Second Half of the Twentieth Century” is timed to coincide with the anniversary of this scientific institution – its 65th anniversary. The author sums up some of the results of the collective path of scientific research and achievements of its employees, gives characteristics to such leaders of oriental studies as I.I. Potekhin, S.R. Smirnov, B.I. Sharevskaya, L.E. Kubbel, A.B. Davidson, who became the initiators of the creation of the Institute, many ideas and undertakings. They were the founders of Soviet African studies and the first scientific center in our country in this direction. At present, these scientists are rightfully considered classics in this field of knowledge. Their activities mainly unfolded in the 60s and 90s of the last century. And therefore, it was this particular period that became the object of study. Initially, the staff of the institute included orientologists, historians, and culturologists. This fact has to some extent determined such main areas of scientific research as modern problems, history, religion, and culture. The above-mentioned experienced masters and their students, who showed great promise with their scientific research (V.V. Krylov, Y.M. Kobishchanov, N.B. Kochakova, I.V. Sledzevsky, A.M. Pegushev, A.V. Nikiforov) made an invaluable

contribution to the study of the ancient, medieval and pre-colonial history of African peoples.

The creation of the Institute for African Studies coincided with a grandiose historical event on a global scale – the onset of the Year of Africa, when many of its peoples began to throw off the colonial yoke and gain independence. Soviet scholars clearly understood the importance and urgency of analyzing the imperialist policy of the European powers (Great Britain, Germany, Portugal, France, and others), exposing their vices and ulcers, and the viciousness of its legacy for the young states of the continent. Soviet Africanists believed that, in order to understand how all this became possible, it was necessary to go back to the origins of the problem and delve into the history of the issue. Therefore, in the 1960s and 1990s, several dozen works were prepared devoted to the history of the penetration of colonizers into various regions of Africa, the specifics of colonial administration, the creation of a colonial society, and, as a consequence of this phenomenon, the emergence of anti-colonial resistance and the expansion of the national liberation movement. Such scientists as S.Y. Abramova proved in their works that the expansion of European civilization began many centuries ago, in the second half of the 15th century. The intensive process of the slave trade, which began at that time, became one of the main moments of primitive accumulation, which had a great impact on the development of capitalism in Europe and America.

B.I. Sharevskaya, L.E. Kubbel, Y.N. Zotova described in detail the history of the penetration of the first Europeans – merchants, missionaries, travelers – to the continent, who became conductors of the colonial aspirations of the metropolises. S.R. Smirnov devoted his works to the history of colonialism in the Sudan and the anti-colonial struggle of its peoples, especially the Mahdist movement. He worked on major and key theoretical problems in the history of the continent, such as the periodization of historical development and the features of indirect management. The latter issue is addressed by many articles and books by other employees of the Institute (A.Z. Zusmanovich, Y.V. Lukonin, A.M. Pegushev, M.Y. Frenkel, L.D. Yablochkov, N.I. Gavrilov, L.V. Goncharov), who compared the features of colonial administration and policies pursued, for example, by Great Britain and France.

Much research has been devoted to the last years of the colonial system, when European imperialism sought new forms and methods that would allow it not only to maintain but also to strengthen its control over Africans. Among such works is the monograph by L.A. Demkina “The Collapse of Rhodesia and Nyasaland”, written in 1965 in the fresh wake

of the events and the research of V.A. Subbotin. The most important direction in the study of the features of colonialism and its consequences was the study of the works of African historians on this topic and their approach and assessment of this phenomenon, carried out by N.B. Kochakova in the work “History of Africa in the Works of African Scientists. Scientific and Analytical Review”. All the works noted in the chapter provide a better understanding of modern history and the dangers of neocolonialism.

In the chapter 4 “The Issues of Colonialism in the African Historical Studies of the GDR” the author examines the specifics of studying the topic of colonialism in the GDR, which was key for most Africanist historians. In East Germany, historical science was linked to the ideological and political tendencies of the state, so the history of colonialism was of great importance as an example of writing the history of African peoples from the point of view of Marxist methodology and for the “return” of history and, along with it, national identity to young African states. The approach to colonial history is compared in two works representing the Berlin and Leipzig schools of African studies. Both monographs aim to reconsider the colonial-apologetic point of view on the history of colonialism in Africa, which assumes a positive impact on the development of African society. In “History of Africa” (Leipzig), the framework for the development of the colonial system is given in a stricter Marxist framework and is related to the formational approach, the development of the stages of capitalism and imperialism. The monograph also examines the development of national liberation movements in the anti-colonialist struggle, explained in terms of political and class formation. In the “History of German Colonialism” (Berlin), the authors focused on the analysis of the economic component of the colonial period, showing its mutual influence on domestic and foreign policy processes in Germany and in the colonies. This monograph concludes that the colonies were of no economic benefit to the German state, since monopolistic companies received the main profit. For the state, the colonies brought political prestige based on the idea of creating “Middle Africa” as a potentially profitable colonial part of the empire, as well as on the remelting of human capital into colonial personnel. The contribution of East German studies to the study of colonialism is the introduction of German archival sources from the period of colonial administration into scientific circulation, the study of the history of colonialism using the critical optics of a Marxist approach, which contributed to the formation of a new discourse in historical African studies and the revision of many established theses about the colonial period in the history of Africa.

The chapter 5 “Views of Russian Emigrants on Colonialism in Tropical Africa in the Mid-Twentieth Century” is devoted to political processes in African countries in the 1950–1960s. The article focuses on the perception of these processes by emigrants from Russia and the Soviet Union living in various countries of the world. The source base of the article was the materials of the Russian emigrant press. The author proves that emigrant publicists closely followed the situation in African countries. Some of them critically assessed the activities of Western companies on the continent, arguing that they were aimed at making a profit and did not take into account the interests of the population of Africa. This policy was one of the factors that contributed to the aggravation of socio-economic problems on the continent. Emigrant publicists showed that the struggle for influence in Africa was not only between the two opposing camps in the Cold War, but also within them, in particular, between the United States and the former metropolises. Particular attention was paid to the situation in the former Belgian Congo in the early 1960s. Many émigré analysts were critical of Patrice Lumumba’s policies, believing that he had failed to form a stable political system in the newly independent state or to resolve the country’s socio-economic problems. At the same time, some émigrés also drew attention to the fact that the policies of Belgian companies in the Congo were developing in line with the strategy of neocolonialism and objectively contributed to the destabilization of the situation in the country. It was the Belgian diamond mining companies that became one of the forces that caused the beginning of the long civil war in the Congo. In general, Russian émigré analysts were very critical of the situation in the newly independent states of Africa in the 1950s and 1960s. In their opinion, the first decade of independence had already shown that most African countries had failed to form stable democratic regimes; the continent’s countries were much more likely to gravitate toward authoritarianism, and military coups periodically occurred in them. These processes determined the very critical attitude of émigré analysts in the mid-20th century to the development prospects of African countries.

In the chapter 6 “Decolonization of Angola, Mozambique and Guinea-Bissau (Based on the Research of Natalia Telepneva)” the author examines the scientific work of Natalia Telepneva, our compatriot living in the UK, where she works as a lecturer at the University of Strathclyde in Glasgow. The main topic of N.Telepneva’s research is the support of the struggle against the colonial and racist regimes of Africa by the USSR and its allies. Her distinctive feature as a scientist is the maximum possible use of archival materials, especially those that have

recently become available to historians. More than once or twice I had to see her signature in the Russian archives as the second or third, and sometimes the first visitor who got acquainted with them. Along with documents from almost all our state archives on the subject of the national liberation struggle, she studied declassified materials stored in Prague.

N. Telepneva was the co-editor of the book “Warsaw Pact Intervention in the Third World” and a special issue of the International History Review magazine on the topic, “Secret Struggle for the Global South”, and at the same time published a number of interesting articles. However, after defending her doctoral thesis, Telepneva focused on preparing an individual monograph, which was published by the University of North Carolina Press under the title “Cold War Liberation: The Soviet Union and the Collapse of the Portuguese Empire in Africa, 1961–1975”. In the conclusion of this book, speaking about Russia’s desire to “return to Africa”, Telepneva writes: “Although the motivations behind Russia’s involvement are very different today, these cannot be understood without delving into the past”. Her monograph and articles help this “delving”, allowing for a better understanding of both the reasons for the active support of the anti-colonial struggle by the Soviet Union, as well as the forms and methods of this support.

The chapter 7 “Visual Sources of German East Africa: Varieties of Genres and Representation of the Colony” examines various types of visual sources that reflect existence of the colony of German East Africa, which include professional author’s photography; private photography; memorable photo albums; sketches and illustrations made specifically for the design of future editions of memoirs; postcards issued for correspondence between the colony administration and settlers with friends and relatives back home; professional painting; so-called trade cards, using views of the colonies and sketches from there to advertise certain goods and increase demand for them; close to postcards, but still distinct from them, is a small circle of sources – cards issued for colonial exhibitions.

These genres differ significantly from each other in their objectives, artistic execution, and the degree of influence of the author’s direct vision (maximum in photography and minimum in postcards due to the deliberate selection of only a few images for mass printing; often biased in illustrations and completely fantastical in cards issued for colonial exhibitions). However, they often have a lot in common regarding representation of the GEA as a colony and not just a foreign exotic country, images of which would be interesting to see for the German public. In addition to the selection of objects in the image (very often

these are forts with troops and administrative buildings, which are intended to demonstrate a direct military and administrative presence), this is achieved through the artistic means used: composition, framing, the position of the characters relative to each other (the colonizers are always visually higher, in the center, in the foreground), pose, gesture and position of the hands (the German makes a pointing gesture with his hand, his hands on his weapon, holding a riding crop, etc.; the locals are depicted with their backs bent over or in another humiliating pose, compositionally always lower, in the background, etc.).

This chapter aims to demonstrate the potential of visual sources for the historian and anthropologist both in terms of the actual depiction of colonial life and realities, and regarding the conceptual representation of the colony as a subordinate space with its own specific social hierarchies, the presence and functioning of which can be clearly traced upon close examination.

The chapter 8 “From Colonial Tunisia to the Former Metropolis (Story in Letters of O. Gorodnichenko-Kaminade)” analyzes the epistolary legacy of one of the representatives of the Russian diaspora who lived in Tunisia in the 40s of the last century. It is another valuable and interesting ego-documentary evidence for understanding the features of the socio-cultural “integration” of Russian exiles into their new environment in general, as well as for determining the specifics of cultural integration into a new ethno-cultural environment “through childhood”. The years of O.L. Gorodnichenko-Kaminad’s youth fall on a period when the life of the Russian colonists was still quite lively, mainly due to its spiritual and religious component and the friendly disposition of the local population. Her letters are based primarily on life stories told to her by relatives and friends who came to Tunisia with the Russian Squadron. They are dedicated to the paintings of the life and everyday life of the Russian community in the first decades of the 20th century in colonial Tunisia. For the author of the letters, they are important as starting points for the history of the Russian emigrant family, since it is on them that she relies when talking about herself, conveying a sense of the interconnectedness of times, primarily kinship relationships, and a change in the ratio of generations. She closely intertwines these written testimonies with her own memories of her youth. From the small-volume correspondence of O.L. Gorodnichenko-Kaminad, it is clear that she is not at all alien to observing the daily life of her family and immediate surroundings in the new conditions of life, the life of the Russian community surrounded by the French, Italians, and the local Tunisian population on the eve of the country’s independence. Gradually, the

author moves on to the “French period” of her life in order to logically continue thinking about the phenomenon of tolerance in Russian, French, and Arabic, as well as the problems of fostering spiritual and moral values among young people in modern conditions of constant social change, to which she attaches great importance and constantly addresses in her correspondence.

Part II. The Formation and Development of the Colonial System in Africa: Historical Aspects of the Problem

The chapter 9 “The Pioneer Explorers of the Congo: The Mixed Fortunes in the European Exploration of Africa” aims to demonstrate that quite a lot of information about Central Africa was collected in the 19th century. Geographers, journalists, and the military have collected unique information about the inhabitants and nature of the continent during their expeditions. In addition, a lot of information is contained in Arab documents about Africa, since it is known that the Arabs actively traded with Africans in the eastern part of the continent. The most famous researchers of Africa in the Central and Southern parts of the continent – D. Livingston, S. de Brazza, G. Stanley, made many discoveries and changed the European people’s understanding of the continent. An important role was played by the advisers of King Leopold II of Belgium, who was the sole owner of a vast African territory, although he never visited the Congo. His envoys sent valuable information about the continent’s natural resources, flora and fauna, and local residents to Europe. With the help of their notes and sketches, the white spots on the map, which were previously listed as Terra incognita, were filled in. There were also problematic moments in the development of distant Africa. These were conflicts between European researchers and aborigines, natural and climatic obstacles, and tropical diseases. African tribes were unfriendly to European aliens, who often died under a hail of their arrows. It is concluded that at the end of the 19th century, Africa aroused increased interest among Europeans, although it was incomprehensible and feared by many. Nevertheless, contacts were established with local leaders who sold land, and it was then that colonization began, which stopped the development of the African peoples, imposing their civilization on them.

The chapter 10 “To the Issue of Development of Africa’s Natural Resources in the Colonial Era” is devoted to development of African lands by Europeans, which began at the end of the 15th century, as a rule, took place in the direction from the ocean coast and the mouths of rivers

flowing into the ocean to the interior. Colonization had a predominantly economic basis due to the limited natural resources of England, France, Belgium, Spain, Portugal, Italy and Germany. The division of African lands between the leading world powers became the starting point in the systematic development of natural resources. Along with land, the colonizers claimed the main sources of water as their property, and the irrigation systems they built served the areas where export crops were grown. An important place was given to the water supply of cities. The development of the natural resources of the African continent by Europeans was often accompanied by conflicts and armed clashes with the local population. Favorable climatic conditions and fertile lands in the territories developed by the colonizers contributed to the development of crop production: plantations of cotton, tobacco, sugar cane, peanuts, corn, coffee, and other tropical crops produced high yields. Most of the agricultural and extractive industries of the colonial possessions were exported to the metropolitan countries, which greatly contributed to their economic growth. The system of management of the subordinate territories preserved the traditional structure of society practically unchanged, at the same time contributing to its gradual modernization. However, not all African territories colonized by Europeans had favorable conditions for their development. Therefore, the development of the subordinate lands, including geological surveys, was carried out mainly in regions with fairly favorable climatic conditions for Europeans. Urbanization processes, rapid population growth, intensification of agriculture and active development of the extractive industry led to environmental degradation and depletion of natural resources. The development of African mineral deposits by European industrial corporations was often accompanied by a negative impact on various aspects of the centuries-old way of life of the local population. The development of Africa's natural resources during the colonial period is inextricably linked with the formation of the infrastructure inherited by African countries after they gained independence. Many decades of colonialism had had a serious impact on the use of natural resources; On the basis of large-scale development of mineral deposits, forest resources and the development of agricultural production, a secondary sector of the economy of many countries of the continent has emerged.

The chapter 11 “Features of the Italian Colonial System in Somalia” aims to demonstrate that Italian colonization in the late 19th – early 20th century was of great importance both for Italy itself and for its colonies. Unlike neighboring Eritrea, which the Italians, due to the climatic features and geographical location of the area, tried to turn into

an Italian settlement colony, Somalia for the colonialists was primarily a resource of agricultural products, in particular bananas and cotton. The colonial partition of Somalia, when French Somali, British Somaliland and Italian Somalia were formed, largely predetermined problems in this country nowadays. The introduction of the Italian colonial system disrupted the balance of the traditional clan structure and limited the economic ties of Somalia, which were controlled by the interests of Italy. However, at the same time, the Italian government contributed to the emergence of more efficient forms of management in the country, the development of the education system, the opening of institutes and universities, urban planning and the development of communications facilities. Some attempts of Italy to “civilize” Somalis (introduction of the Italian language, Italian style of dress, elements of everyday life, cuisine, etc.) were adopted by locals and took root in Somalia, while others (Catholicism, economic methods, gender equality, etc.) were exterminated immediately with the departure of the Italian administration. Thus, the balance of the pros and cons of colonialism can change, depending on who is writing the history. The different styles of colonial administration in British Somaliland and Italian Somalia caused a number of political and social problems during the formation of the independent Republic of Somalia in the 1960s, and also became one of the reasons for the secession of Somaliland in the 1990s.

The chapter 12 “Missionaries as Agents of Colonial Language Policies in Africa” states that during the European colonial rule in Africa, a language policy was proclaimed, which had a great impact on the development of local languages, and on the education of Africans. Each metropolis had its own language policy on the continent. All the colonial powers, despite their different approaches, agreed on one thing – they imposed European languages on the territories they controlled. However, the language policy of the colonial authorities differed from the language policy implemented by Christian missionaries in Africa. The conflicting approaches were due to the fact that missionaries and colonial officials had their own opinions on how to manage their subjects. Missionaries of all faiths spread education in local languages in an attempt to convert Africans to Christianity. They have done a lot of linguistic work studying and describing African languages. Many of them became linguists. The missionaries created alphabets, dictionaries, grammars, textbooks, and also translated religious literature into African languages. Nevertheless, not all of their achievements can be considered positive. The study of local languages and their teaching in schools had pragmatic goals, mainly aimed at converting Africans to Christianity. Each Christian denomination

founded its own educational system. The lack of unity between linguistic missionaries of different faiths has its negative consequences at the present time.

The chapter 13 “The Role of the Moravian Church in the Life of the Indigenous Population of Southern Africa” indicated that nowadays activities of the Moravian Church on the territory of Southern Africa and in South Africa in particular unfortunately does not draw much attention of the Russian researchers specializing in the field of African studies. The first Christian church amidst indigenous population of South Africa, namely the Hottentots (the Khoikhoi) was founded by missionaries of the Moravian Church, which is considered to be the second oldest South African Church conceding only to the Dutch Reformed Church. The crucial role of an infatuated preacher George Schmidt, both seminal and fatal had far-reaching implications for the autochthonous population of the region. Currently, the Moravian Church vies with the Dutch Reformed Church in order to attract flock and donations. The first one is also deemed one of the wealthiest landowners among all existing Christian communities in South Africa. By the end of the 20th century, it already owned 30% of all the church lands, second only to the Lutheran Church (31.5%, 1998), while the Dutch Reformed churches owned only 8%. Clashes based on racial prejudice also contribute to the evolving of tensions between parishes of both Churches. Despite the fact that the Moravian Church still continues playing a visible role in instilling Christian faith in the Southern African region, the subject is being kept at the periphery of the Russian scientific interest.

The chapter 14 “European Medicine in the African Colonies (Some Aspects)” indicated that the penetration of Western medicine into the African territories developed by European colonists began with the activities of representatives of Protestant and Roman Catholic missions. In the countries that had colonies – Great Britain, France, Belgium, and Germany – laboratories for the study of tropical diseases were established. Professional doctors monitored the health of the white settlers and provided primary care to the local population. In most colonial possessions, a system of primary health care was established and worked very successfully – rural medical centers. Today, the national health care of many countries of the continent relies on this primary link. Extensive measures were taken to counteract the spread of poliomyelitis, malaria, leprosy, tuberculosis, smallpox, and other serious diseases. Specialists in the field of tropical medicine considered it necessary to go beyond the fight against diseases in individual countries, calling for the formation of international health. The geographical areas of greatest interest for tropical

medicine were, in particular, the various climatic zones of the African continent. The health care system inculcated in the colonies dealt a serious blow to traditional medicine, which is based on self-medication and represents a set of knowledge and practical methods passed down from generation to generation for the recognition, treatment and prevention of physical and mental health disorders. Colonial authorities often accused African healers of witchcraft and forbade rituals, since doctors in the African tradition are priests, fortune-tellers, herbalists, who often received initiation in secret societies. The colonial authorities banned and suppressed the activities of traditional healers in every possible way. Often, violent methods were used to attract Africans to the services of European medicine. Over time, African doctors who had been educated in Europe appeared in the colonies. Pharmaceutical industries appeared, the pharmacy network grew. The foundations of official statistics, the main source of information on the state of health of the population were laid. It is not possible to give an unequivocal assessment of colonial medicine as a whole. It was formed and existed for many decades as a result of the interaction of African traditional cultural and domestic practices and the economic and political interests of colonial administrations. This interaction, which was often conflictual, became the basis for the formation of national health structures after African countries gained independence.

The chapter 15 “To Bring down the Arrogance of the British’. The Flight of Russian Teenagers to the Anglo-Boer War of 1899–1902” aims to demonstrate that during the Anglo-Boer War of 1899–1902, Russian teenagers tried to escape to the Transvaal to fight against the British army. To understand why boys from the Russian Empire sought to join the defenders of the South African republics, it is helpful to analyse the attitudes and stereotypes regarding the Boers. Modern research has shown that teenagers who are inclined to run away from home may be prepared to sacrifice themselves for the sake of more harmonious social bonds. In Russia at the turn of the 20th century, the public perceived the Boers as a group that could provide such bonds. The Boers fought for independence, which resonated with adolescents who were prone to run away from home and sought liberation from conditions that were unacceptable to them. Adolescents identified themselves with Boers in games and fantasies. In Russia, it was thought that the Boers and Russians were culturally close, which meant that the boys could hope that they would be accepted by the new group. Moreover, the boys knew that other teenagers were already fighting with the Boers, enjoying the protection and respect of their seniors. The young runaways from Russia

were not ready for a long, dangerous and costly journey, therefore none of them reached the Transvaal. But their desperate attempts were driven by notions of South Africa and the Boers that most Russians shared at the time.

The chapter 16 “The Last Test of the Pen’. The Unpublished History of the Second Boer War of 1899–1902 by Colonel George Henderson” aims to demonstrate that at the end of the 19th century, the consistent policy of the British authorities aimed at bringing South Africa under the British influence led to the Second Anglo-Boer War of 1899–1902. This armed conflict became a prototype for the wars of the coming 20th century, both in terms of purely military-technical aspects – the widespread use of machine guns, magazine rifles, armoured trains – and in the context of further dehumanisation of the opposing sides, which gave rise to such a terrible phenomenon as concentration camps. For this reason, it was natural for contemporaries to want to analyse the course of the Second Anglo-Boer War in order to draw lessons from it. One of the first of its ‘official’ historians was a British officer, military theorist and participant in the Second Anglo-Boer War, Colonel George Francis Robert Henderson. The work, entitled ‘The War in South Africa’, was literally the ‘last test of the pen’ of the author, who died on 5 March 1903 and had time to finish only one volume out of seven planned. Colonel G. Henderson’s study was ultimately neglected for a variety of reasons, primarily political. The British ministers considered the work too provocative and exposing of Lord Salisbury’s Unionist cabinet of 1895–1902, which had been involved in the outbreak of the Second Anglo-Boer War. To this day, a draft version of the first volume of ‘The War in South Africa’ has remained, located in the personal collection of Joseph Chamberlain, who headed the Colonial Office in 1895–1903, in the library of Birmingham University. This circumstance makes it possible to analyze the unpublished volume of ‘The War in South Africa’ and to find out the reasons why Colonel G. Henderson’s ‘last test of the pen’ was never granted the right to become public property.

Part III. Neocolonial Projects in Africa. The Consequences of Implementation and the Impact on the Continuation of Decolonization

The chapter 17 “Pan-Africanism and the Struggle against Neocolonialism in the History of the Republic of Guinea” analyses the meaning of pan-Africanism and the fight against neocolonialism in the formation and development of the Republic of Guinea as well as its participation in

the creation of the Organization of African Unity (OAU). Particular attention is paid to the activities of Ahmed Sekou Toure in the context of the revision in Guinea itself of the historical role of the founder of national statehood. In the constitutional referendum of 1958, Guinea was the only “overseas territory” of France that said “no” to the neo-colonialist project of the French Community. However, as the author notes, adhering to the ideas of continental, and in relation to West Africa – regional unity, Sekou Toure initially did not envisage a struggle for the complete independence of his country. The subsequent break with Paris was caused rather by the extremely negative reaction of the Charles de Gaulle government to the results of the referendum. According to the recollections of the participants in those events, the beginning of the construction of an independent republic was accompanied by a powerful moral upsurge. The crucial role in the Guinea’s refusal to support de Gaulle’s draft constitution was played by the emotional background created by supporters of the immediate independence, primarily by teachers and students who initially supported Sekou Toure. But de Gaulle’s subsequent attempts to “punish” Guinea were the catalyst in the further evolution of the nature of the First Republic’s regime from revolutionary to repressive. This chapter shows a stepwise diplomatic efforts made by the Secou Toure to achieve the main aim of establishing the future OAU. The intense political struggle was replaced by forced compromises. However, given the vulnerability of young African states to former metropolises and the US, even formal unity was a significant achievement. Today, the ideas of Pan-Africanism are once again in demand, including the current Guinean leadership. The author concludes that the historical experience of Guinea and its first president acquires special significance in the context of the need for the republic to develop new foreign policy concepts and implement integration programmes at the level of the African Union as the successor of the Organization of African Unity.

The chapter 18 “South Africa and Neocolonialism: from Colonialism of a Special Type to Dependent Capitalism” states that in Soviet African studies the South African development model of that period was described as colonialism of a special type with a colonial power and colony coexisting within the same borders. Founded in 1910, the South African state had a unique combination of political, economic, technological institutions and standards of a modern state, ruled by a large White minority, undergoing quick industrial development and a backward colony with a Black majority population, involved in the economy but deprived of rights and harshly exploited. Creating a modern society mainly for the privileged, the South African state headed by a passionate

Boer ethnic group (descendants of the Boer republics) succeeded in attracting hundreds of thousands of qualified workers from the impoverished post-war Europe and made South Africa a sort of superpower of the continent with formidable economic and military potential and a rich human capital of scientists and engineers. The decolonization of Africa, international sanctions and national liberation struggle as well as the end of the global Cold War brought the apartheid regime in South Africa to its end through a peaceful transition to a multiracial democracy 30 years ago. Unfortunately, hopes of making South Africa a locomotive of development of the continent and a model “rainbow nation” with racial harmony as aspired by Nelson Mandela did not materialize due to both global geopolitical and internal reasons. A stagnating economy, rampant corruption and crime, high levels of inequality and unemployment are inter alia (besides leadership blunders and heritage of apartheid), features of the accepted neoliberal development model, pushing the country in the neocolonial periphery of the world capitalist economy. As to leadership failures we note replacement of former racist policies by “positive discrimination” instead of meritocracy, incompetence and corruption, disfunction of basic services and infrastructure leading to deindustrialization and loss of valuable human capital, quite in line with the aims of the neocolonial Washington Consensus. For about 15 years now South Africa is being devastated by a permanent and aggravating energy crisis, which the country’s leadership cannot cope with being pressed by leading Western powers and the ecological lobby to decarbonize the power generation in the faint hope of green transition, stop developing nuclear energy production and rely on unreliable and costly wind and sun devices.

The chapter 19 “Ethiopia: the USA’s Political Neocolonialism” indicated that The West in a broad sense imposed liberal cultural standard on African countries and tries to declare traditional moral values outside of the law. Neocolonialism enforces itself in politics, economics, culture, education, ideology. The most active role plays the USA. The chapter analyses the USA’s political neocolonialism in Ethiopia. It tested itself most fully during the war of 2020–2022 unleashed by the Tigray political elite under the leadership of the Tigray People’s Liberation Front (TPLF) against the Ethiopian federal government. The TPLF ruled in Ethiopia during 27 years. It monopolized all spheres of life: the economy, politics, army, and intelligence service. But after the protest’s movement of the Oromo youth in 2015–2018, it lost its hegemonic position but never accepted it. On November 3, 2020 Tigray elite started the war. That night more than 300 soldiers were killed, among them – women. The USA

government actively supported the TPLF by financing it and diplomacy. To save the Front, it organized the peace talks under the aegis of the African Union. On November 2, 2022 The Agreement for Lasting Peace and Permanent Cessation of Hostilities was signed in Pretoria. This is the USA who nominated the President of Tigray Interim Government Getachew Reda and continues to finance the TPLF. In 2024–2025 the USA has actively supported the leader of the TPLF Debretsion Gebremichael and probably helped to change the President for the General Tadesse Worede. The USA in the person of the Secretary of State Anthony J. Blinken and nowadays Ambassador Ervin Massinga is shamelessly interfering in the politics of the Ethiopian government approving or condemning its actions. U.S. Embassy continues to work with Ethiopian communities in all regions to promote inclusive economic development, improve health system, and increase the quality of education.

The chapter 20 “Events in Niger and its Consequences as a Reflection of Decolonization in Africa” is devoted to developments in the Sahel region, in particular in Niger, that are called a new round of anti-colonial struggle in Africa and the “second decolonization of the Black continent”. These processes can be described as protest processes related to the colonial past of the African continent. The article presents a panorama of the events that began in Niger on July 26, 2023, and presents a range of opinions about them from representatives of Europe and various countries and regional associations of the African continent. The attitude of various actors towards the coup in Niger is inscribed in the system of global geopolitical processes, such as the formation of new interstate informal associations of countries (BRICS), as well as the processes of interaction between the countries of Europe, the United States, and Russia in the context of hybrid wars taking place in view of the transformation of the world order.

The anti-colonial struggle is considered from the perspective of a multilevel approach at 3 hierarchically organized levels (the level of worldview and value system; the level of financial and economic relations; the military-political level). On the one hand, these levels can be targets of unfriendly influence from a potential adversary. The author suggests considering these levels as components of the anti-colonial struggle. The author notes that the value of freedom is the basic, traditional value of colonial and postcolonial Africa. After the anti-European, anti-French and, in fact, anti-colonial protests, the countries of the Sahel States Alliance entered a period of uncertainty, the degree of risks and threats to security increased, but the level of freedom,

independence and sovereignty increased. Thus, the events in Niger and further transformations in the Sahel zone can be considered as a new stage of the anti-colonial struggle at all 3 levels. On the 1st ideological and value level, the anti-colonial struggle takes the form of spiritual, mental and informational decolonization. At the 2nd, financial and economic level, African countries are trying to free themselves from the power of the dollar and strive to overcome the colonial model of the economy. At the military and political level, the countries of the Sahel Alliance are making decisions on the withdrawal of foreign military contingents and conducting anti-terrorist operations, as the degree of terrorist threats has increased dramatically in response to the desire to free themselves from neocolonial influence and gain mental, informational, financial, economic, and military-political sovereignty.

The chapter 21 “The Genesis and Formation of Integration Efforts in Africa: International Legal Aspects” states that the African Union (AU), as the largest regional international intergovernmental organization today, is one of the important subjects of modern international relations. Since African countries and peoples broke free from colonial dependence and entered the world stage as an active force in the second half of the 20th century, their situation and development trends have become of great importance for solving many practical problems of world politics, considering the prospects of tomorrow. The leading role in their progress is currently played by the African Union, which is a continental organization created in 2002 as the successor to the Organization of African Unity (OAU), which began its activities in 1963. Possessing large demographic and material resources, Africa in the future has significant potential in terms of influencing the future world order. However, the realization of this potential is possible only if African countries are successfully integrated, the coordinating centers of which in various fields are AU bodies and institutions.

Despite the many internal problems of African states, the alliance concluded between them provides its members with certain guarantees for the collective protection of their interests in international affairs, including the formation of a more just world order and mechanisms for countering global and regional challenges and threats, and also creates some prospects for stabilization and less crisis development. At conferences of AU bodies, proposals are being discussed on further improvement of its structure, on the development of cooperation primarily in the economic, cultural and other humanitarian spheres, as well as in maintaining regional security and stability, the solution of which cannot cause sharp political disagreements between member states.

The chapter 22 “Brain Drain from Africa as a Manifestation of Neocolonialism” aims to demonstrate that control of transborder movement of human resources is one of key directions of migration policy. Possessing a demanded profession may significantly increase a chance to move abroad. Mass emigration of qualified specialists became a long-term problem for Africa in the 1980-s and 1990-s. Brain drain does not only affect industry and service sector in the countries, from which educated personnel emigrates, but also inflicts damage to them. Exit of doctors and nurses from African countries, which spend significant funds to train them, causes the deficit of staff in the public health sphere. As a result, accessibility of medical care declines, with local medical personnel suffering from growing stress. Some Western countries, namely Australia, Canada, the United Kingdom and the United States economize on training of medical workers, whom they lure from Africa. At the same time, there are extremely few specialists in natural sciences in the structure of personnel, which Western countries educate for Africa. Instead, in particular, “young leaders”, “civil activists” and entrepreneurs, who are likely to become the future elite, undergo short-term training. It reflects that Western countries, looking forward for “global leadership”, demonstrate pragmatic approach, preferring not to spend on education of specialists, which are really needed in African states. Russia and the Global South countries conduct a different policy. In the Russian Federation, medical, engineering and economic specialties are most popular among Africans. Russia is interested in training qualified specialists for African countries, but is not going to participate in brain drain. In the Global South, most engaged in provision of scholarships to Africans are China, Cuba, India, South Africa and Türkiye. “Pumping out” qualified personnel from Africa, the collective West supports its own economy and social sphere to sustain high living standards, leaving African countries for conservation of underdevelopment. It allows assessing brain drain as a manifestation of neo-colonialism.

Part IV. Mental Decolonization of African Countries: History and Modernity

The chapter 23 “Problems and Prospects of Spiritual Decolonization in Postcolonial Sub-Saharan Africa” investigates the issue of decolonization is complex, it includes the liberation of African society from various forms of colonial dependence and colonial and postcolonial pressure on African countries from the former metropolises and the new colonizer – the United States. Decolonization includes various forms –

economic, political, social, informational, technological, cultural and educational. The author emphasizes that the main object and main goal of decolonization are people, their spiritual state, self-awareness and identity. In fact, one of the main factors in the decolonization of the African continent is spiritual decolonization. The author focuses on the fact that spiritual colonization was part of the colonial system, as noted by ideological leaders and public figures in Africa. For example, according to Franz Fanon, alienation and spiritual humiliation of the colonized have an impact on the mass consciousness, forming protest sentiments in it and leading to an identity crisis. The article focuses on the analysis of the ideas of African intellectuals who are most acutely aware of the identity crisis and are looking for ways out of this crisis. The author defines and highlights the main characteristics of the “African intellectual” category, emphasizing that it is African intellectuals who, as a rule, are the “opinion leaders” in African society. African intellectuals also include those strata of traditional society that are the keepers and communicators of traditional knowledge. The article also outlines the main “milestones” of the process of spiritual decolonization of the African continent. The author names L.S. Senghor as one of the first leaders of “negritude”, who became a challenge to the colonialists.

The postcolonial era in Sub-Saharan Africa is a very difficult transition period due to diverse influences, the intersection of different value systems, the clash of ideas of modernization and traditionalism, and failures in the modernization system of the African continent. The article analyzes numerous works by African researchers, philosophers, and cultural scientists. The author concludes that the processes of decolonization are accompanied by deep crisis phenomena, and the clash of value systems leads to the fact that many Africans find themselves in the position of “personalities at the turn of cultures”. African intellectuals themselves believe that Africa must end its addiction to memories of suffering and “trauma” and learn to speak the language of humanity again. Without this, in their opinion, a genuine spiritual decolonization of Africa is impossible.

The chapter 24 “The Image of a ‘White Man’ in the Light of Intercultural Interaction (Based on the Translated Poetry of Twentieth-Century South Africa)” attempts to examine translated South African poetry as a unique phenomenon of the 20th century, possessing a holistic system of ideas, intertwining elements of both the traditional picture of the world and ideas about the world characteristic of the period of creation of the works. The material for the analysis was 24 works translated into Russian by 15 South African poets, representatives of two races,

published in the edition “Poetry of Africa”. When studying the image of a white man, it was revealed that the heroes of the poems are more often men than women, adults than children. Male images were divided into three groups: those profiting from the labor of black people, representatives of power and bearers of a different worldview. Female characters are attributed a higher – in comparison with black people – social status. Only two criteria are characteristic of children’s images: white skin and the presence of everything necessary for life. Conclusions are made that translated literature, acting as a mediator between cultures, not only enriches the host literature with new names and works, but, what is no less important, introduces a different perception of man. The generalized image of a white man has the following features: representatives of the Caucasoid race, called exclusively white, seem to have no nationality. A feature of translated poetry of the 20th century South Africa is the almost complete absence of personal names of whites. This deprives them of individuality, just as the absence of a specific nationality or citizenship deprives them of individuality. The studied texts do not mention family, family members, ancestors or history, and almost no mention is made of a rich culture; they are extremely rarely attributed with visual, auditory, etc. perception of the physical world. The images of whites are rather schematic. All this indicates that they seem to be taken outside the framework of ideas about a living, feeling person endowed with a soul.

The chapter 25 “The Sapeurs Movement in the DRC and the Republic of the Congo: A Manifestation of Cultural Neo-colonization or Cultural Emancipation?” examines the SAPE movement (Société des Ambianceurs et des Personnes Élégantes) in the Democratic Republic of the Congo (DRC) and the Republic of the Congo. The movement’s members, known as “sapeurs”, are renowned for their elegant European-style clothing and preference for luxury brands like Versace and Prada. The author traces the history of SAPE from its colonial roots, when Congolese servants adopted European fashion, to its formalization in the 1960s as a cultural phenomenon. Special attention is paid to the era of Mobutu Sese Seko’s rule, when “sapeurs” became symbols of peaceful resistance by rejecting state-imposed traditional African attire. The central question of the article is whether SAPE represents cultural neo-colonialism or emancipation. Critics argue that the movement blindly mimics former colonizers, while “sapeurs” themselves view it as a means of asserting identity and challenging stereotypes. Drawing on an interview with a movement participant (2023), the author highlights the diversity of modern “sapeurs”, who include people of different ages, incomes, and

professions united by a shared appreciation for aesthetics and a positive outlook on life. The article concludes that SAPE embodies a duality: it reflects the lingering influence of colonialism while simultaneously serving as a tool for cultural resistance and self-expression in a postcolonial society.

The chapter 26 “The Beloved’ by Dante Gabriel Rossetti: Modern Interpretations of Colonialism” aims to demonstrate that in the second half of the 19th century, Africans became part of London daily life, the society got used to them. Interest in African culture was gaining momentum in various fields. Visual art was no exception – scenes depicting blacks expanded, although artists often continued to exploit their somatic features to address the colour scheme in the composition of their works. This article attempts to examine black images on Pre-Raphaelite canvases through a refraction of a typical stereotype perception of an African person in the British historiography of the last quarter of the 20th century. One of the most controversial works by Dante Gabriele Rossetti “The Beloved” was chosen as an example. The article analyses the artistic and compositional components of the painting. The names and biographies of the models who posed for Rossetti are established and verified. The author’s interpretation of the models’ images is based on the social context and the perception hierarchy of the Others in London society. In connection to this, the central figure in the composition of the painting is not just a white model Mary Ford, but also the other figures depicted in the circular composition: Italian Keomi Gray Bonnet, African Jamaican Fanny Eaton, Gypsy and English Helen Smith. Clearly the centre of the composition is a white Englishwoman, followed by two lines: the foreground, which depicts an Englishwoman and an Italian (European) woman, and the background, where a West Indian woman and a Gypsy woman were placed. As a contrast to the central figure of the white English lady, an African servant is depicted, whose figure is placed at the bottom and outside the symbolic circle. As a result, a logical conclusion arises that in an effort to demonstrate and uncover the feminine grace and beauty to pay a tribute to the colonial tradition, the artist used the same method to depict Africans which was adopted by artists in the 17th and mid-18th centuries. It is possible to assume that Rossetti consciously expanded the Anglocentric stereotype by including models of various social and ethnic backgrounds in the painting to ensure, among other things, the colour contrast of the image.

The chapter 27 “Decolonization of Odors in Modern Culture Using the Example of the ‘Scent Festival’” investigates the decolonisation of smell in contemporary culture through the digital project Scent Festival.

Applying L. Shiner's olfactory theory, A. Keller's sensory philosophy, and affect studies by T. Brennan and B. Massumi, it reframes olfaction – traditionally dismissed in Western aesthetics as too subjective, unstable and material – as a critical instrument for detecting environmental and social inequality. Particular attention is paid to the colonial legacy of perfume classification, where the labels Oriental and Floriental perpetuate orientalist discourse and stigmatise the cultures of the Middle East, North Africa and South Asia. Scent Festival is presented as a platform that unites artists, scholars and members of marginalised communities to craft an inclusive lexicon grounded in the chemo-organoleptic properties of scents rather than exoticising stereotypes of the East. The festival supports a global petition calling for fragrance reclassification, foregrounds African and other non-European brands, and hosts educational sessions that connect smell with music, design and sustainability. Industry and consumer reactions – ranging from revisions of the fragrance wheel to a backlash against the orientalist campaign of niche brand 19–69 – illustrate the mobilisation of affect as a powerful driver of social change. Decolonising practices not only eliminate discriminatory vocabulary but also establish new sensory, cultural and political frameworks that recognise diversity and reconnect perfumery with its historical sources. The article argues that reconfiguring the sensory hierarchy can catalyse broader decolonial processes in art, marketing and urban ecology. By foregrounding smell as both aesthetic medium and analytical lens, it contributes to interdisciplinary debates on olfactory aesthetics and demonstrates the potential of scent to advance global social justice.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий эксперт Российского института стратегических исследований, Москва. E-mail: andreev189@yandex.ru

Антошин Алексей Валерьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета, Екатеринбург. E-mail: alex_antoshin@mail.ru

Арбеков Александр Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Тульского государственного музея оружия, старший преподаватель кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, Тула. E-mail: arbekoff-alex@ya.ru

Банщикова Анастасия Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН, Москва. E-mail: senet_m_ta@mail.ru

Блинова Елизавета Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и туризма Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, Ярославль. E-mail: liztitkova@yandex.ru

Воронина Наталья Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, Москва. E-mail: natalis987@gmail.com

Горелик Борис Моисеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Африки южнее Сахары Института Африки РАН, Москва. E-mail: boris.gorelik@inafr.ru

Грибанова Валентина Валерьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Центром истории и культурной антропологии Института Африки РАН, Москва. E-mail: vgribanova@mail.ru

Гришина Нина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, Москва. E-mail: eestima8@yandex.ru

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, кандидат экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра изучения проблем переходной экономики, Институт Африки РАН, Москва. E-mail: degseb@yandex.ru

Егоров Андрей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского филиала Университета ФСИН России, Псков. E-mail: egorovam2009@rambler.ru

Егоров Игорь Андреевич, аспирант, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности» Псковского государственного университета, Псков. E-mail: tribunus.laticlavius@mail.ru

Жамбиков Александр Мунирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН, Москва. E-mail: aleksandrzhambikov@gmail.com

Жерлицына Наталья Александровна, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН, Москва. E-mail: ns_inafr@mail.ru

Иванова Любовь Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра региональных исследований Института Всеобщей истории РАН, Москва. E-mail: caashoru@mail.ru

Исмагилова Роза Нургалиевна, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Центра изучения стран Северной Африки и Африканского Рога Института Африки РАН, Москва. E-mail: rozaismagilova@gmail.com

Краюшкина Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор ДВО РАН, главный научный сотрудник, заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток. E-mail: kvtbpr@yandex.ru

Крылова Наталия Леонидовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, Москва. E-mail: krylovanl@yandex.ru

Ксенофонтова Наталия Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, Москва. E-mail: natalia28 xenofontova@yandex.ru

Мосейко Аида Николаевна, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Африки южнее Сахары Института Африки РАН, Москва. E-mail: aida.moseyko@mail.ru

Несова Мария Михайловна, магистр НИУ ВШЭ по направлению «Культурные исследования», Москва. E-mail: mmnesova@edu.hse.ru

Нестерова Елена Сергеевна, младший научный сотрудник Центра изучения стран Африки южнее Сахары Института Африки РАН, Москва. E-mail: nesterova.elena99@yandex.ru

Попова Ксения Игоревна, научный сотрудник отдела Азии и Африки ИНИОН РАН, Москва. E-mail: adkp@mail.ru

Сидорова Галина Михайловна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Центра российско-африканских отношений Института Африки РАН, профессор Дипломатической академии МИД РФ, профессор Московского государственного лингвистического университета, Москва. E-mail: gal_sid@mail.ru

Скубко Юрий Сергеевич, кандидат экономических наук, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Центра изучения стран Африки южнее Сахары Института Африки РАН, Москва.

Татаровская Ирина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доктор философских наук, старший научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН, Москва. E-mail: itatarovskaya@mail.ru

Харитоновна Елена Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, Москва. E-mail: evh1956@mail.ru

Хохолькова Надежда Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН, Москва. E-mail: khokholkova@gmail.com

Шубин Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН, Москва. E-mail: vlgs@yandex.ru

Научное издание

**КОЛОНИАЛИЗМ, НЕОКОЛОНИАЛИЗМ, ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ:
ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС**

Утверждено к печати

Ученым советом Института Африки РАН

Редактор

Л.Ю. Тенякова

Макет и верстка

Г.М. Абишевой

Подписано в печать 30.10.2025. Усл. печ. л. 26.
Формат 60x90/16. Тираж 500 экз. Заказ № 245

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Буки Веди»

117452, Москва, вн.тер.г. муниципальный округ Южное Бутово,
ул. Адмирала Руднева, д. 4, помещ. 13/б.
Тел.: +7 (495) 926-63-96
www.bukivedi.com, info@bukivedi.com